

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

**ПОНЯТИЯ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА
И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**

*Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки
юристами и лингвистами*

Изд. 2-е, переработанное и дополненное

Москва

Издательство «Медея»
2004

УДК 347.948:070
ББК 67.410
П 56

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Фонда защиты гласности

Издание выпущено в свет благодаря финансовой поддержке программой
«МАЛЫЕ ПРОЕКТЫ ПОСОЛЬСТВА КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ» (Matra/KAR)

Ответственные редакторы —
президент Фонда защиты гласности
Алексей СИМОНОВ,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам, профессор
Михаил ГОРБАНЕВСКИЙ

Рецензенты:
доктор юридических наук, доктор филологических наук, доцент **Е.И. ГАЛЯШИНА**
(ГУ «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел РФ»),
доктор юридических наук, профессор **Е.Р. РОССИНСКАЯ**
(Московская государственная юридическая академия),
кандидат филологических наук, доцент **Е.С. КАРА-МУРЗА**
(факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова)

Авторы разделов и материалов:
д.филол.н. Владимир Базылев, д.филол.н. Юлий Бельчиков,
д.филол.н. Николай Голев, д.филол.н. Михаил Горбаневский,
д.филол.н. Владимир Жельвис, д.филол.н. Сергей Кузнецов, д.филол.н.,
д.п.с.н., Алексей Леонтьев, д. филос. н. Валентина Мансурова,
д.ю.н. Александр Ратинов, к.филол.н. Юлия Сафонова,
судья Верховного Суда РФ Владимир Соловьев, д.филол.н. Юрий Сорокин.

Мл. редактор — Н.С. Гришина

П 56 ПОНЯТИЯ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ:
Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами
и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и
М.В. Горбаневского. — М.: Медя, 2004. — 328 с.

Переиздание работ, впервые опубликованных в 1997 и 1998 годах, в пере-
работанном и дополненном виде обусловлено чрезвычайной важностью во-
просов юридического и лингвистического анализа спорных текстов СМИ в
современный период, характеризующийся существенным ростом судебных
исков к СМИ и отдельным журналистам. Книга может быть рекомендована
преподавателям, студентам и аспирантам факультетов и отделений юрис-
пруденции, журналистики и филологии, а также всем, кто интересуется пра-
вовыми вопросами регулирования деятельности средств массовой инфор-
мации и анализом языка СМИ.

ISBN 5-8137-0117-6

9 785813 701177

УДК 347.948:070
ББК 67.410

© Фонд защиты гласности, 2004
© Издательство «Медя», оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко 2-му изданию (А.К. Симонов, президент ФЗГ, М.В. Горбаневский, председатель правления ГЛЭДИС)	5
Часть I. Год 1996. «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации»	
От авторов (В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, А.А. Леонтьев, Ю.С. Сорокин, 1996 г.)	9
Глава 1. Основные выводы и рекомендации	11
Глава 2. Анализ основных понятий	33
Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка	45
Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ	65
Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов	83
Глава 6. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» (А.Р. Ратинов)	101
Часть II. Год 1997. «Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции». Материалы научно-практической конференции	
Список участников конференции	117
Конференция «Честь и доброе имя: Конфликт журналистики и юриспруденции»	121
Коротко об организаторах конференции	241
Выступления, присланные по почте	243
Часть III. Год 2004. «А воз и ныне там?» Сборник статей	
Ценны наряду с жизнью (В.Н. Соловьев, судья Верховного Суда РФ)	255
Инстанция истины: о соотношении норм языка и права в общественной коммуникации (В.Д. Мансурова, д.филол.н.) ...	265
Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания (С.Н. Кузнецов, д.филол.н.)	277
Слово и дело: юридический аспект сквернословия (В.И. Жельвис, д.филол.н.)	289
Будь осторожен, выбирая слово! (М.В. Горбаневский, д.филол.н.)	299

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Приложения

1. Нормативные материалы	305
2. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам	319
3. Лаборатория юрислингвистики и развития речи АлтГУ и ее научные сборники (<i>Н.Д. Голев, д. филол. н., проф.</i>)	322
4. Лингвистическая безопасность печатных и электронных СМИ: Программа спецкурса для студентов ф-та журналистики Московского Независимого эколого-политологического университета (<i>М.В. Горбаневский, д. филол. н., проф.</i>)	325

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ

Для укрепления и оздоровления российских СМИ как одной из основ гражданского общества, для обеспечения успешного функционирования российского законодательства и дальнейшей его оптимизации, для разработки более эффективных механизмов разрешения конфликтов в правовом рыночном государстве принципиальное значение имеет соединение опыта юристов и лингвистов в анализе теории и практики применения законодательства при рассмотрении исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, клевете и оскорблении.

В самом деле, развитие идей гласности и прав человека создает большую общественную потребность в правовом регулировании отношений людей в сфере использования русского языка в политике, экономике (документационные споры), печатных и электронных средствах массовой информации (информационные споры) и повседневной жизни. Другими словами, противоречивая общественно-политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России к началу XXI века, вызвали острую потребность в получении российскими СМИ и их юридическими службами, адвокатами, а также судами всех уровней и дознавателями правоохранительных органов специфической юридическо-лингвистической помощи.

В 1996–1997 годах Фонд защиты гласности обеспечил финансовые, организационные и информационно-издательские условия для проведения коллективом высокопрофессиональных авторов-лингвистов специального исследования, которое мы назвали «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации». Авторами этого исследования стали доктор филологических наук А.А. Леонтьев (руководитель группы), В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин. Юридический комментарий к этому труду был выполнен одним из самых блестящих российских правоведов, доктором юридических наук профессором А.Р. Ратиновым.

Небольшая брошюра под названием «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации» была выпущена Фондом защиты гласности осенью 1997 года и мгновенно превратилась в бестселлер, активно разошедшийся среди самых разнообразных читателей — судей и адвокатов, прокуроров и юрисконсультов, дознавателей и юристов СМИ, сотрудников печатных и электронных СМИ, студентов и преподавателей факультетов юриспруденции, журналистики и филологии российских вузов. Учитывая сложившуюся в России начала XXI века

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

конъюнктуру по делам об унижении чести и достоинства, оскорблениях и клевете, возмещении морального вреда и нанесении ущерба репутации, где ответчиками выступают средства массовой информации (количество этих дел растет как на дрожжах), в 2003 году мы сделали вывод о том, что потребность в переиздании, дополненном и уточненном, этого исследования назрела.

Текст брошюры 1997 года «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации» с незначительными сокращениями воспроизведен в первой части книги, которую вы держите в руках.

Во вторую часть книги вошли материалы научно-практической конференции «Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции», организованной и проведенной Фондом защиты гласности в Москве в декабре 1997 года. Эти материалы, пройдя при переиздании небольшую композиционную и стилистическую правку, практически полностью воспроизведены по тексту второй книги ФЗГ на данную тему — «Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте (результаты исследования и материалы конференции)», увидевшей свет в 1998 году.

Ситуация, к сожалению, по-прежнему такова, что правосудие по тем проблемам, которые легли в основу книги, зиждется на весьма шаткой, разными, в том числе политическими и социальными, ветрами колеблемой основе. Может показаться, что, ставя вопрос таким образом, мы заботимся в первую очередь о юристах и их правовом инструментарии. Но это не так. Мы в не меньшей степени думаем при этом и о журналистах, ибо слово, текст и контекст, в которых это слово существует, являются главным предметом возникающих конфликтов, и ясность представления о рамках и границах, в которых оно может и должно существовать, служит одной из основ журналистской техники безопасности.

Мы полностью разделяем гражданский пафос обращающихся к нам за защитой коллег, которых осудят за правду, но одновременно считаем, что правда эта может и должна быть высказана в форме такой степени корректности, которая исключала бы или по крайней мере делала весьма сомнительной возможность обращения героев публикаций в суд. Разумеется, мы не обольщаемся: пока есть власть и есть пресса, конфликты между ними неизбежны в силу уже одного того, что миссии, возлагаемые на них обществом, конфликтны по определению. В не меньшей степени чреваты конфликтами и две тенденции: охранения частной жизни гражданина и осуществления права всех граждан на общественно значимую информацию. Мы все заинтересованы, чтобы в этом не только потенциально, а реально су-

Предисловие

шествующем бурном море конфликтов суд, призванный эти конфликты разрешать, стоял на прочных якорях очевидных и недвусмысленных правовых норм.

Оговоримся сразу: тогда, в 1996–1997 годах, мы не ставили перед учеными-лингвистами задачу, посильную только высококвалифицированным законодателям, — дать окончательные и отточенные формулировки, равно как не пытались использовать их знания для расшатывания основ правосознания. Мы просили их через сравнение употребляемых в правоприменительной практике и в юридических документах терминов и понятий помочь всем потенциальным участникам конфликтов осознать, насколько осторожным надо быть, создавая текст и анализируя его, насколько непросто суду без серьезной экспертизы оперировать простыми и привычными понятиями, которые простыми оказываются лишь на первый взгляд.

Не все наши вопросы получили равноценные ответы, целый ряд научных рассуждений наших уважаемых авторов мы вынуждены были адаптировать (с их, разумеется, помощью), чтобы сделать более общедоступными. Однако и в адаптированном виде текст представляется нелегким для среднего читателя. Обилие специальных терминов, где чистое перечисление применяемых в анализе научных дисциплин может породить тоску по словарю иностранных слов или специальных терминов. А так хотелось простой и недвусмысленной ясности! Но увы...

Однако, на волне общественного интереса к проблеме, мы передали все свои наработки в Верховный суд. На основе этих исследований, а также анализа мониторинга конфликтов с этой проблемой связанных, представители Фонда были приглашены на заседание Совета при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования правосудия под председательством В.А. Туманова, где этот вопрос обсуждался как один из наиболее острых и актуальных. Участвовавший в его работе председатель Верховного Суда РФ заверил присутствующих, что будет созван еще один специальный пленум, где все вопросы, связанные как с теорией, так и с практикой гражданских и уголовных дел этой категории будут рассмотрены, а проблемы, выдвинутые в вышеупомянутой брошюре и на прошедшей конференции, найдут свое разрешение.

Увы, все эти заявления остались широковещательными имитациями, никакой пленум не состоялся, и огромное количество работы оказалось проделанной втуне. В том числе и анализ наиболее показательных по безграмотности судебных дел и решений в этой сфере.

Два года безуспешных усилий привели нас к мысли взяться за упорядочение информационного пространства с другой стороны.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Если Верховный Суд отказывается признать проблему в целом, надо попробовать решать ее на уровне рядовых судов и рядовых судей. Одной из самых острых выглядела проблема оценки спорных текстов, где невысокий уровень судей и низкий — экспертов приводил к полнейшему конфузу, смешению фактов и мнений, полному игнорированию контекстов и т.д.

В 2001 году одним из авторов этого предисловия была инициирована, а вторым поддержана идея создания специальной Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Этот шаг связан с искренней убежденностью учредителей гильдии в непреходящем значении российской гуманитарной науки для развития государства и общества. Активная общественная позиция, напряженная научно-исследовательская, просветительская, экспертная и аналитическая деятельность наших лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам — это одна из скромных попыток научной общественности России дать свой ответ на вызовы времени. Подробную информацию о гильдии и ее разнообразные материалы пользователи сети Интернет могут найти на веб-сайте www.rusexpert.ru.

В третьей части книги собраны тексты позднейшего времени, написанные уже после создания гильдии, в том числе и ее действительными членами.

Авторы и составители книги не предлагают простых или однозначных решений, которые как верстовые столбы или знаки уличного движения указывали бы, где расположена окончательная и недвусмысленная истина и как до нее добраться. Однако тропочку в эту сторону, как нам кажется, все-таки удалось протоптать... И дорогу осилит идущий!

Финансовую поддержку этому издательскому проекту Фонда оказало Посольство Нидерландов в Москве (программа Matra/SAP), которому мы выражаем свою искреннюю признательность. Мы благодарим за большую творческую работу рецензентов второго издания книги — д.ю.н. проф. Е.Р. Россинскую, д.ю.н. и д.филол.н. доц. Е.И. Галяшину, к.филол.н. доц. Е.И. Кара-Мурзу, а также одного из наиболее опытных экспертов-лингвистов ГЛЭДИС д.филол.н. доц. Ю.А. Сафонову.

*Алексей Симонов,
президент Фонда защиты гласности*

*Михаил Горбаневский,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам, профессор*

Часть I.
**Год 1996. «Понятия чести и достоинства,
оскорбления и ненормативности
в текстах права и массовой информации»**

ОТ АВТОРОВ

В последние годы резко возросло число конфликтных ситуаций, связанных с оскорблением в прессе и других СМИ чести и достоинства отдельных политических деятелей. Многие из них доходят до суда и вызывают бурную реакцию общественности, включая те же СМИ.

Изучение материалов и дел указанной категории показало, что правовая оценка спорных публикаций носит по преимуществу произвольный характер. Отсутствуют научно обоснованные критерии определения допустимости/недопустимости и правомерности/неправомерности использования журналистами и другими авторами материалов тех или иных языковых форм передачи информации. Правовая оценка, как это ни странно звучит, не опирается здесь ни на серьезную собственно правовую основу (ибо в законодательстве нет расшифровки ряда ключевых понятий), ни на серьезную психологическую, лингвистическую, логическую, вообще научную основу. Так, нет ясного понимания различия факта и оценки, ясного представления о сущности, составе и внутренней организации ненормативной лексики и т.д. Поэтому решения судов, включая и высшие судебные инстанции, небезукоризненны по их обоснованию и, как правило, без особого труда могут быть оспорены. При этом имеют место нарушения гражданских и профессиональных прав журналистов и, с другой стороны, нарушения гражданских прав лиц, ставших объектом диффамации или клеветы со стороны прессы и других СМИ.

Это вызывает необходимость провести специальное комплексное научное исследование, в котором — с опорой на достижения современной мировой и российской науки, а также с использованием данных о конкретных конфликтах, связанных с унижением чести, достоинства и репутации, — были бы определены основные понятия, обрисована сфера их применимости, предложены критерии для определения допустимости и правомерности использования тех или иных языковых средств в текстах СМИ, безупречности этих текстов с точки зрения социокультурных норм массовой коммуникации и т.д.

Настоящая работа, выполненная по поручению Фонда защиты гласности при поддержке Центра права и средств массовой информации, по своему замыслу как раз и является таким исследованием. Конечно, другой вопрос, насколько она может считаться удачной и полезной, — впрочем, ее основные результаты были доложены в ноябре 1996 года на международной конференции «Защита чести, достоинства и деловой репутации: право и СМИ» и получили высокую оценку со стороны ее участников.

Авторский коллектив состоит из следующих лиц:

- Базылев Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Московского государственного лингвистического университета;
- Бельчиков Юлий Абрамович, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова;

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

- Леонтьев Алексей Алексеевич, профессор, доктор филологических и психологических наук, академик Российской академии образования, ректор Института языков и культур им. Л.Н. Толстого (руководитель авторского коллектива);
- Сорокин Юрий Александрович, профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН.

Перед авторами были поставлены следующие вопросы, анализ которых и составил основное содержание работы:

1. Анализ основных рабочих понятий — защита чести и достоинства, клевета, оскорбление, личная и деловая репутация и т.д. Их толкование в общенародном русском языке (по данным словарей), в текстах законодательства, в правоохранительной практике.

2. Изложение факта и его оценка. Различаются ли по своей природе сведения (сообщения) о фактах и мнения (суждения о них) автора текста (фактуальная и оценочная информация)? Подлежат ли эти виды информации одинаковой оценке с точки зрения соответствия действительности, по каким критериям? По каким логико-грамматическим параметрам и психолингвистическим признакам дифференцируются эти виды информации?

3. Языковые средства оценки и использование в оценке нормативной и ненормативной лексики. Принципы отнесения языковых средств к ненормативной лексике. Границы и внутреннее расслоение ненормативной лексики.

4. Ненормативность в языке и в конкретной коммуникативной ситуации. Социокультурные нормы использования различных видов ненормативности в типовых ситуациях общения.

5. Операциональные критерии клеветы или оскорбления в СМИ. Какие речевые высказывания и по каким признакам признаются инвективными, их классификация по допустимости (приемлемости) в разных видах речевой деятельности. Операционализация понятия «неприличное» применительно к текстам, адресованным массовой аудитории (неопределенного состава).

Работа разделяется на 4 главы. Глава 1 — «Основные выводы и рекомендации» — обобщает результаты всего исследования. Глава 2 — «Анализ основных понятий». В ней рассматриваются ключевые слова и словосочетания, связанные с рассматриваемой проблематикой (п. 1). Глава 3 — «Событие, факт, суждение и их оценка» (п. 2). Глава 4 — «Оценка и ненормативность в материалах средств массовой информации» — объединяет всю узколингвистическую проблематику (пп. 3–5). Читателю следует иметь в виду, что разные главы различны по степени насыщенности теоретическими проблемами и специальной терминологией, поэтому мы рекомендуем малоподготовленному читателю сосредоточиться на главе 1, где результаты анализа, проведенного в других главах, изложены в расчете на неспециалиста.

Авторы данной работы надеются на то, что она окажется полезной как для журналистов, так и для работников правоохранительных органов.

Мы приносим глубокую и искреннюю благодарность Президенту Фонда защиты гласности А.К. Симонову, другим сотрудникам Фонда, в особенности А.Р. Ратинову, а также А.Г. Рихтеру.

*В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков,
А.А. Леонтьев, Ю.С. Сорокин
(1996 г.)*

Глава 1. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Эта глава суммирует результаты анализа, проведенного авторами, изложенные в последующих трех главах и приложении 2. В отличие от других глав, она написана в расчете на прямое использование практическими работниками — журналистами и другими сотрудниками средств массовой информации, работниками правоохранительных органов и вообще юристами и т.д.

Глава построена по принципу «вопрос — ответ». Иными словами, она состоит из сорока тематических блоков, каждый из которых открывается формулировкой вопроса. Так как блоки сгруппированы в соответствии с тематикой, охарактеризованной в разделе «От авторов», читатель может найти в них ответ и на те вопросы, которые в явной форме не сформулированы. В данной главе есть отдельные положения и рекомендации, которые не вошли в последующие главы.

1. Четко ли определены в текстах права основные понятия, такие, как «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление», «унижение чести и достоинства» и пр.?

К сожалению, нет. Начнем с того, что достоинство понимается в Конституции РФ как абсолютная ценность любой личности, охраняемая государством. Иначе говоря, как бы общество ни оценивало данного человека и как бы сам он ни относился к себе, он уже как личность имеет ценность в глазах государства и общества. Однако в юридической литературе часто понимание достоинства как (положительной) самооценки личности. Тогда оказывается бессмысленной формулировка «унижение достоинства»: разве возможно унижать ценность личности в ее собственных глазах? При этом «честь» и «достоинство» разграничены нечетко. В ГК РФ честь, как и достоинство, отнесена к нематериальным, по определению неотчуждаемым правам личности (благам). Но в юридической литературе она чаще всего понимается как положительная социальная оценка человека, как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании» (А. Эрделевский). Совершенно непонятно, что такое «внешняя честь» и «гражданская честь»: по мнению одного из специалистов (А. Анисимова), последняя исходит от государства и... исчезает в случае уголовного наказания!

Нет четкого определения и понятия «унижение чести и достоинства», что особенно печально, так как с этим связаны многие другие основные понятия, например «оскорбление», «клевета».

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Нет в правовых текстах и определения «неприличная форма», хотя на этом понятии основывается понятие «оскорбление». Смешиваются «порочащие» и «позорящие» сведения и т.д. См. подробнее главу 2.

Одним словом, нечеткость и неопределенность в трактовке основных понятий как в текстах законодательства, так и в юридической литературе способствуют субъективности и нечеткости их толкования в правоохранительной практике.

2. Что такое «честь» и ее «унижение»?

С правовой точки зрения честь — это сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании. Однако тогда определение чести вступает в некоторое противоречие с ее пониманием в ГК РФ как нематериального и неотчуждаемого права личности, если только не понимать это право как своего рода «презумпцию наличия чести» — допущение, что человек располагает честью, если он не допустил поступков или высказываний, несовместимых с его положительной оценкой в общественном мнении (общественном сознании). Ср. в Комментарий к ГК РФ: «При защите чести и достоинства действует презумпция, согласно которой распространяемые порочащие сведения считаются не соответствующими действительности. Это означает, что доказывать правдивость таких сведений должен тот, кто их распространил».

Унижение чести предполагает, что истец ощущает изменение (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе. Это сознательная дискредитация человека в общественном мнении. Однако, как указывает Комментарий к УК РФ, «наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь сам потерпевший»: объективных, тем более операциональных критериев для доказательства того, что «унижение чести» имело место, в законе и текстах права вообще нет.

3. Что такое «достоинство» и можно ли его «унижать»?

По А. Анисимову, достоинство — это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом». Но сама общественная оценка человека не соотносена с понятием достоинства. Достоинство есть ощущение человеком своей ценности как человека вообще, конкретной личности, профессионала и т.д. Отсюда понятия личного, профессионального, национального достоинства. Конституция РФ в ст. 21 говорит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Достоинство, как и честь, включается законодателем в число нематериальных прав личности.

Таким образом, понятие достоинства включает в себя сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности (значимости) социальных групп, в которые он входит [другой вопрос, на какой основе формируются эти группы: чаще всего они являются профессиональными, национальными или конфессиональными (религиозными)]. Оно по определению может быть только со знаком «плюс» — есть ли у данного лица те или иные положительные качества и что по поводу этого лица считает общественное мнение, здесь несущественно.

Конституция РФ не случайно говорит не об унижении, а об умалении достоинства. Здесь, по-видимому, проведена четкая грань между унижением как дискредитацией человека в общественном мнении и умалением как таким воздействием на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву. Нельзя унижить человека в его собственных глазах. Поэтому правильнее было бы говорить не об «унижении чести и достоинства», а об «унижении чести и умалении достоинства».

4. Что такое «репутация», «престиж» и «доброе имя»?

Понятие репутации (вообще) в текстах законодательства отсутствует: есть лишь понятие деловой репутации как нематериального права личности (относящегося и к юридическому лицу), не имеющее никакого раскрытия в ГК РФ. (Впрочем, термин «репутация» встречается в УК РФ в статье о клевете, но из контекста видно, что имеется в виду именно и только деловая репутация.) Видимо, понятие репутации, раскрываемое в Комментариях к ГК РФ как «сложившееся о человеке мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств», есть лишь одна из сторон понятия чести, более широкого, чем понятие репутации.

Что касается понятия деловой репутации, то она связывается в текстах права прежде всего с предпринимательской деятельностью и определяется А. Эрделевским как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании». Строго говоря, деловая репутация может быть и отрицательной, но, как правило, это сочетание употребляется в положительном смысле: ср. «защита деловой репутации».

Понятие престижа или морального престижа законодателем вообще не употребляется и встречается только в юридической литературе. Это оценка данного лица общественным мнением с точки зрения его социальной роли, социального статуса, социального влияния. Поэтому престиж может быть более или менее высоким, но не имеет качественной оценки. Сочетание же «моральный престиж» внутренне противоречиво: прилагательное «моральный», казалось

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

бы, относится к личности человека, а существительное «престиж» — бесспорно, только к его оценке общественным мнением.

Что такое «доброе имя» человека — термин, впервые употребленный в тексте нового ГК РФ, — остается пока совершенно непонятным. Видимо, этот термин синонимичен репутации (в общем смысле) и, следовательно, понятие доброго имени подчинено понятию чести.

Одним словом, все эти три понятия не определены законодателем и пока не вносят ничего содержательно или процессуально нового.

5. Что такое клевета?

Ответ УК РФ следующий: это «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Следовательно, понятие клеветы включает три признака: а) унижение (опорочение) чести и достоинства или подрыв репутации, б) умышленность этого деяния, в) ложность распространяемых сведений.

Таким образом, клевета — такое унижение чести и достоинства (или унижение чести и умаление достоинства), которое связано с умышленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму (в отличие от оскорбления — см. ниже).

Попытаемся несколько подробнее разобраться в определении клеветы, данном УК РФ. Здесь есть две неясности.

Во-первых, что такое «заведомо ложные» сведения (формулировка перешла в новый УК из старого)? По-видимому (так трактует это выражение Комментарий к УК РФ), имеется в виду осведомленность распространителя клеветнических сведений об их ложности. Но точного определения законодатель не дает.

Во-вторых, что такое «порочащие» сведения и как они соотносятся с унижением чести и достоинства? В подзаконном акте — постановлении Пленума ВС РФ от 18.02.92 — есть определение порочащих сведений: «не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов, ...которые (утверждения. — Авт.) умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Значит, налицо три признака порочащих сведений: а) направленность на унижение (умаление) чести и достоинства либо деловой репутации, б) характер сведений (нарушение законодательства или общепринятых моральных принципов), в) ложность этих сведений. Если по признакам б) и в) сведения легко квалифицировать как порочащие, то основной

признак — а) — возвращает нас к оставшемуся неопределенным понятию унижения чести и достоинства.

6. Порочащие сведения и позорящие сведения — это одно и то же?

Нет, не одно и то же, хотя кое-где в юридической литературе они отождествляются. Позорящие сведения, как и порочащие, направлены на унижение чести и достоинства. Но, в отличие от порочащих, у них нет признака ложности.

7. Что такое вообще сведения?

Сведения — это тексты, содержащие описание (и оценку) тех или иных событий или их отдельных компонентов. Они могут быть фактологическими и оценочными, истинными и ложными и т.д. См. об этом ниже в данной главе, а также в главах 2 и 3 и Приложении 2. Сведения могут разглашаться и распространяться. Они могут выражаться в разных языковых формах (см. главу 2).

8. Что такое оскорбление?

Согласно ст. 130 УК РФ, это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Здесь присутствуют два признака: а) направленность на унижение чести и достоинства и б) неприличная форма. Строго говоря, предполагается еще один признак, в тексте статьи прямо не указанный — это в): умышленный характер деяния. Правдивость (истинность) или ложность сведений, распространяемых при оскорблении, значения не имеет.

Как мы видели выше, понятие унижения чести и достоинства субъективно и юридически точно неопределимо. Трудно, хотя и возможно, установить умышленность оскорбления. И наконец, столь же туманно, как мы увидим далее, понятие «неприличной формы». Получается неопределенность если не в кубе, то в квадрате.

9. Что понимается под «неприличной формой»?

Если бы кто-нибудь знал, что надо понимать под этим выражением! Законодатель никаких определений не дает. А Комментарий к УК РФ — лучше бы не давал. Вот что он говорит: «Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами».

Циничный — синоним непристойного или неприличного с той только разницей, что непристойность не предполагает умышленности, а цинизм предполагает. Что такое «явно циничная» манера — остается тайной. Что вкладывается в понятие «принятой в обществе манеры общения между людьми» — еще менее ясно (см. главу 4).

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Нецензурные выражения — опять-таки синоним непристойной формы, т.е. они дают отрицательную оценку личности потерпевшего через употребление слов и выражений с определенной семантикой, считающихся неуместными в большинстве ситуаций общения. Кстати, если эти слова и выражения употреблялись, а отрицательная оценка личности при этом не давалась — этикие дружеские ласковые матюки (см. в главе 4 о функциях мата или обсценной лексики)? Одиозный, по словарю С. И. Ожегова, — это «вызывающий крайне отрицательное отношение к себе, крайне неприятный». Но вызывающий отношение у кого? Гитлер — одиозная фигура? Несомненно. Но, по-видимому, не для президента Беларуси.

Таким образом, ни одно из приведенных здесь выражений не может быть определено — или по крайней мере не определено — сколько-нибудь объективно. Начиная с дискредитации, по всей вероятности, здесь полностью синонимичной унижению чести и достоинства.

10. Что такое моральный вред?

Согласно ст. 151 ГК РФ, это «физические или нравственные страдания, которые претерпевает гражданин в результате нарушений или посягательств на его права». В число этих страданий входят (постановление Пленума ВС РФ от 20.12.94) «страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на... нематериальные блага (...достоинство личности, деловая репутация...). ...Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с... распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина...».

Все эти нравственные страдания и нравственные переживания неуловимы, доказать следственным или судебным путем наступление морального вреда, кроме отдельных случаев, невозможно. Так же неопределенна связь упомянутых нравственных переживаний с унижением чести и достоинства — не говоря уже о неопределенности самого понятия унижения чести и достоинства. Поэтому единственный правовой выход — говорить не о наступившем, а о возможном моральном вреде¹. Соответственно, и компенсация морального вреда должна производиться по логике возможного, а не наступившего вреда. Скажем, невозможно установить, действительно ли потерпевший испытывал унижение, раздражение или отчаяние в результате незаконного увольнения с работы, а если мы знаем, что он был раздражен, — то было ли это вызвано именно увольнением. Но сам факт незаконного увольнения уже дает основания для вчинения иска о компен-

¹ Данная точка зрения разделяется далеко не всеми юристами (*отв. ред.*).

сации морального вреда. Другой вопрос, что такая компенсация предполагает установление причинно-следственной связи между увольнением и «физическими или нравственными страданиями».

11. Чем различаются факт и его оценка?

А вернее: можно ли, как это обычно делается, противопоставлять друг другу факт и его оценку или суждение (мнение) о нем? Вообще: есть ли факт нечто совершенно объективное? А оценка или суждение о нем — наоборот, субъективное? Или: факт есть нечто первичное, а суждение о нем — нечто вторичное?

Нет. Факт становится таковым и становится нам доступным только в форме суждения (высказывания, пропозиции). Реальность существует независимо от человека, а факт — нет: он, этот человек, выделяет в действительности какой-то фрагмент, а в нем — определенный аспект (событие); затем он «переводит» свое знание о действительности (событии) на «естественный» язык, строит в виде суждения о предмете, затем проверяет, истинно ли данное суждение или ложно (как говорят, «верифицирует» его). И только тогда — если окажется, что суждение истинно, — то, что описано в этом суждении, становится фактом!

Суждение может быть разным по содержанию. Например, оно может быть бытийным: *Существует одно и только одно солнце*. Или может относить данное лицо или предмет к тому или иному классу: *Сократ — человек*. Или может приписывать лицу или предмету качество: *Вовочка хороший*.

Факт соответствует самым абстрактным по своему характеру суждениям, он абстрактен по своей природе, он — всегда «голый» факт, очищенный от частных характеристик события. Факты не описывают, их излагают. Можно описывать, как разворачиваются события, но не как происходят факты. Факты вообще не «происходят». Это лишь наша интерпретация событий, наш образ ситуации. Образ, который в результате проверки (верификации) оказался истинным. (Кстати, само понятие истинности в логике достаточно сложно.)

12. Значит, факт может быть достоверным или недостоверным?

Конечно. Установить факт, т.е. сделать его достоверным, значит осуществить его верификацию. Другой вопрос, что такая верификация не всегда возможна. Иногда она невозможна объективно: доказать, что Х был платным осведомителем КГБ, невозможно, так как соответствующие архивы недоступны. А иногда невозможна субъективно: этому мешают эмоции и субъективные оценки говорящего. Вот суждение «*Вор у вора украл*» в известной публикации В. Поэгли, ставшей предметом судебного разбирательства: оба «вора» слишком нагружены эмоциональной и вообще субъективной информацией.

Может быть, это и факт, но чтобы его установить, надо пробиться через оценку и комментарий автора.

Достоверный факт — это суждение о событии, которое оказалось истинным в результате его верификации. Недостоверный факт — это суждение о событии, верифицировать которое оказалось невозможным. А если суждение в результате верификации оказалось ложным, то о факте как таковом вообще не может быть речи.

Более подробно о том, что такое верификация, см. в главе 3.

13. Как же разграничить событие и факт (или суждение о факте)?

У события есть только одно свойство (или признак) — то, что оно произошло или не произошло. Ельцин выиграл президентские выборы 1996 года — это событие. А вот суждений об этом событии может быть бесконечное множество. Например, такое: *Ельцин выиграл благодаря поддержке электората А. И. Лебеда*. Или такое: *выигрыш Ельцина — благо для России*. Первое из них может быть фактом (суждением о факте), если в результате верификации выяснится, что оно истинно. А вот второе не может быть фактом вообще (во всяком случае, в условиях реального времени — мы не можем пока стать на позицию будущего историка, в распоряжении которого окажутся средства верификации этого утверждения). Это типичное оценочное суждение.

14. Значит, следует разграничивать не факт и оценку, а событие и оценку?

Давайте еще раз проследим всю цепочку от начала до конца. Событие либо произошло, либо нет. Это обычно не требует дополнительного доказательства или специального исследования (хотя бывают ситуации, когда само наступление события ставится под сомнение: например, выиграл или нет Л. Тер-Петросян президентские выборы в Армении — оппозиция утверждает, что это событие не произошло, а итоги голосования были сфальсифицированы). По поводу происшедшего события могут быть высказаны различные суждения. Часть из них может быть верифицирована (проверена); в процессе верификации некоторые из них не подтверждаются и оказываются ложными (не являются фактами). Другие в ходе верификации оказываются истинными, подтверждаются — и тогда превращаются в факты. Но у нас остались еще суждения, которые вообще не могут быть верифицированы, например: *Н. — козел*. Это и есть оценочные суждения.

15. Что оценивают оценочные суждения?

Они могут оценивать либо само событие («первый этаж»), либо факт, т.е. истинное суждение о событии («второй этаж»). (Преду-

прежняя возможное недоумение, уточним: суждение типа *Н.* — *козел* тоже относится к событию или событиям, а именно к поведению или действиям *Н.*) Оценочные суждения пользуются различными языковыми средствами, когда относятся к событию или факту: в первом случае это наречие, предикатив, слово категории состояния, во втором случае — модальные высказывания или вообще сложные синтаксические конструкции. События оцениваются эмоционально, факты — как правило, рационально.

Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга.

16. Как все это соотносится с юридической терминологией?

Обратите внимание: здесь возникают те же основные параметры суждений, что и в текстах права. Это: истинность — ложность, оценочный — неоценочный характер, событийность — ее отсутствие и др. Событие либо произошло, либо нет. Это можно установить юридически. По поводу события некто высказывает суждение. Если оно в результате верификации оказывается истинным (т.е. фактом), все в порядке. Если оно оказывается ложным, то возникает проблема информированности этого «некто»: либо он впал в добросовестное заблуждение; либо у него было сознательное намерение (умысел) солгать, и тогда его суждение является, очень возможно, порочащим и дает основание для обвинения в клевете. Но возможен и третий случай — а именно: если суждение квалифицируется как оценочное. Здесь в свою очередь существенно, относится оценка к событию или факту. Но гораздо важнее, в какой форме выражена эта оценка, является ли она оскорбительной и есть ли у автора соответствующего суждения интенция (умысел) на унижение или умаление чести и достоинства, дискредитацию того или иного лица и т.п.

17. Как, следовательно, должен рассуждать юрист (судья, адвокат)? Каков должен быть его «алгоритм»?

Это зависит от того, как сформулировано обвинение и имеем ли мы дело с гражданским или уголовным делом. Наиболее часто речь идет об унижении чести и достоинства. Допустим, *Х.* высказал какое-то суждение об *У.* и *У.* возбуждает против *Х.* иск об унижении чести и достоинства. Вопрос первый: имело ли место само событие? Если не имело, то знал ли об этом *Х.*? Если не знал, то имело место добросовестное заблуждение. Если знал, то это означает, что *Х.* распространял заведомо ложные сведения. Вопрос второй, возникающий, если событие имело место: является ли суждение *Х.* суждением оценочным или не оценочным? Если оно не оценочно, т.е. претендует на то, чтобы быть достоверным фактом, то является ли оно истинным или ложным? В первом случае

(суждение истинно) проблема сводится к тому, в какой форме оно выражено, — см. ниже. Во втором случае (суждение ложно) опять-таки существенно, знал ли об этом Х.: если да, то он распространял заведомо ложные сведения. Вопрос третий, если суждение оценочно: содержит ли оно порочащие У. сведения? Вопрос четвертый: имела ли место умышленность в распространении таких сведений? Вопрос пятый: выражено ли суждение в неприличной форме?

18. И все-таки: существует ли факт в действительности или это только суждение о действительности?

Факт — это, как мы видели, истинное суждение о том или ином событии. Таких истинных суждений может быть несколько, они образуют своего рода пучок признаков события. Событие Х одновременно имеет и признак А, и признак В, и признак С... Но очень существенно, чтобы все эти признаки в совокупности полностью описывали данное событие. Что это значит? Они, эти признаки, должны характеризовать и участников события, и характер действия, и обстоятельства, при которых происходило событие, в частности его временные и пространственные границы. Образно говоря, они должны образовывать завершенный «сюжет». Если же чего-то в характеристике события не хватает, то это может привести к неправильной юридической квалификации этого события или суждений о нем. Например, вся логика приговора по делу газеты «Мать» рушится, если учесть, что инкриминируемый номер газеты является первоапрельским.

Совокупность истинных суждений о событии, образующих завершенный «сюжет» этого события, может быть названа реальным фактом в отличие от отдельно взятого истинного суждения об этом событии — вербального факта.

19. Случайно или нет, что судебному преследованию чаще подвергаются газеты, чем электронные СМИ?

Мы полагаем, что не случайно. См. главу 3. Но кроме того, телевидение как бы задает в зрительном образе, который воспринимается как «объективный» и «самодостаточный» (хотя на самом деле таковым не является), значительную часть «сюжета» данного события и лишь вербально комментирует этот образ. Автор же газетного материала вынужден составлять «сюжет» из отдельных вербальных суждений о событии, что дает больше поводов для инкриминирования ему различных правонарушений.

20. Значит, для правильной квалификации суждений о том или ином событии важно учитывать целостную структуру этого события (реального факта, ситуации)?

Да, и такую структуру изучает особая научная дисциплина — теория речевых актов, или речевая прагматика. В ней, в частности, выделяются следующие важные понятия.

Пресуппозиция речевого акта — это характеристика отношения говорящего к ситуации общения. Например, это может быть знание о ситуации, в самом речевом акте прямо не выраженное, а лишь подразумеваемое.

Мотивировка речевого акта — это один из видов пресуппозиции, а именно то, что описывает цель высказывания, для чего оно, чего хочет говорящий.

Ориентированность речевого акта предполагает важное различие адресата этого речевого акта и аудитории. Адресат — всегда конкретное лицо. Но возможны «публичные» речевые акты, с самого начала адресованные группе людей (например, аудитории СМИ). Кроме того, адресат может быть конкретным и в то же время неопределенным (таков адресат высказывания «У нас не курят»). Возможно расхождение формального и реального адресата (например, шутки обычно адресованы не формальному собеседнику, а третьему лицу или аудитории, присутствующим при общении).

21. Совпадает ли образ ситуации у говорящего и адресата речевого акта? Иными словами, однозначны ли содержание и направленность речевого акта для разных людей, в нем участвующих?

Может и не совпадать. Тому есть разные причины. Например, неточное владение лексикой и фразеологией: нельзя «показать кузькину мать в производстве сельскохозяйственной продукции» (Н. С. Хрущев). Или различия в понимании слова (выражения) разными социальными группами, политическими партиями и пр.: «черная сотня» — для социал-демократов ругательный термин, исторически нейтральное обозначение мещанства, а в 1906 году — самоназвание монархических боевых дружин. Или незапланированные говорящим (пишущим) дополнительные истолкования сказанного или написанного: например, П.Н. Милоков в 1907 году написал в одной из статей: «Мы сами себе враги, если... захотим непременно, по выражению известной немецкой сказки, тащить осла на собственной спине». Социал-демократы приняли этого «осла» на свой счет со всеми свойственными ему ассоциациями, и Милокову пришлось печатно разъяснять, что он имел в виду. И так далее (см. главу 3).

22. Какую роль играет в истолковании речевого акта индивидуальный или коллективный опыт?

Мы бы сказали — гигантскую. Вообще речевой акт нельзя понять и истолковать, не опираясь на общее для участников этого акта

предварительное знание — то, что иногда называется «фоновыми знаниями». Если эти фоновые знания, этот опыт у говорящего и адресата речи, говорящего и внешнего «наблюдателя» и т.п. расходятся, то и интерпретация речевого акта будет разной.

23. А могут быть недоразумения, связанные с неправильным использованием опыта при интерпретации конкретной ситуации?

И даже более того — с сознательно неправильным его использованием. Известный лингвист и семиотик Т. А. ван Дейк (его работы переведены и на русский язык) как-то проанализировал, какими способами в прессе создаются этнические предубеждения. Вот некоторые из них: свехобобщение, когда свойства отдельных лиц и событий принимаются за свойства всех членов этнической группы (например, всех чеченцев, всех евреев) или всех этнически значимых (этнически маркированных) ситуаций. Или приведение примера, т.е. перенос общих свойств, приписанных группе или ее «типичным» представителям, на частный случай — человека или событие. Или расширение — когда негативное отношение к какой-либо отдельной черте или признаку распространяется на все другие признаки и на их носителей. Или, наконец, атрибуция, когда читателю навязывается нужное причинно-следственное отношение — например, с самого начала ищется «чеченский след», хотя нет никаких прямых оснований для этого.

24. Каковы могут быть рекомендации по «смысловой защите» текста, т.е. где журналисту следует «подстелить соломку», чтобы по возможности не «подставиться»?

Два видных западных специалиста по теории речевых актов, Г. Грайс и Дж. Лич, сформулировали основные принципы, которыми следует руководствоваться и автору текстов в СМИ. Это принцип кооперативности и принцип вежливости. Первый из них конкретизируется в четырех положениях (максимах): 1) высказывание должно быть предельно информативным (максима количества); 2) оно не должно быть ложным (максима качества); 3) оно должно касаться сути дела (максима релевантности); 4) оно должно быть ясным, кратким и недвусмысленным (максима прозрачности).

Второй принцип конкретизируется в шести постулатах: 1) постулат такта — создавай максимум удобств для другого; 2) постулат великодушия — создавай минимум удобств для себя; 3) постулат одобрения — минимизируй количество отрицательных оценок, стремись (в рамках возможного) к максимально положительной оценке других; 4) постулат скромности — максимально порицай себя и минимально себя хвали; 5) постулат согласия — ориентируйся на минимальное разногласие между собой и другим, стремись к макси-

мальному согласию; б) постулат симпатии — проявляй максимум симпатии к людям.

Можно добавить к перечисленным рекомендациям еще три — назовем их «правилами». Это: 1) правило приоритета действия — старайся аргументировать не качествами или образом того или иного человека, а его поступками, действиями; 2) правило конкретности — говори не о действиях вообще, а о конкретном поступке в конкретной ситуации; 3) правило положительной мотивации — старайся искать в первую очередь «хорошие», позитивные движущие силы этого поступка («хотели как лучше, а получилось как всегда»).

Эти формулировки (максимы, постулаты и правила) кажутся очень абстрактными, но на самом деле они вполне операциональны и ими легко руководствоваться в практике. Например, постулат великодушия требует от журналиста, чтобы он «открытым текстом» проанализировал все, что противоречит его трактовке событий, и аргументированно отбросил эти противоречащие трактовки. А правило приоритета действия запрещает политическому деятелю говорить о «мальчиках в розовых штанишках».

К сожалению, не всем этим рекомендациям следуют на практике в сегодняшней политической ситуации и вообще в различных сферах общения — от межличностного до формального общения в условиях судебного процесса.

25. Видимо, следует избегать употребления ненормативных языковых средств (инвективной лексики)?

Лингвист В. И. Жельвис определил инвективу как «такой способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами...». См. об этом главу 4, а также ниже. Конечно, по возможности таких средств, да и вообще слов и выражений с ярко выраженным экспрессивным оттенком, следует избегать. Однако на практике и истцы в делах об унижении чести и достоинства, и суды видят «вербальную агрессию» там, где ее нет, приписывают авторам текстов умышленное и сознательное намерение (умысел) унижения или оскорбления адресата общения или даже аудитории общения (как это получилось в деле газеты «Мать»). При этом употребление просто экспрессивных слов и выражений отождествляется с сознательным оскорблением — ср. «Паша-Мерседес» в процессе В. Поэгли. (Характерно, что П.С. Грачев обиделся не на основное содержание публикации о нем, а

именно на подобные экспрессивные выражения). Это следует иметь в виду: на практике любое экспрессивное слово и выражение может быть воспринято как сознательная инвектива.

26. А есть ли рекомендации конкретно по организации текста?

В теории коммуникации есть концепция так называемых стратегий позитивной вежливости, стратегий негативной вежливости и стратегий вуалирования. См. главу 3. Значительная часть из них приемлема и для авторов текстов СМИ и позволяет сузить «зону риска».

Приведем здесь несколько таких стратегий.

К «стратегиям позитивной вежливости» относятся, например, имитация интереса к слушателю (читателю), вовлечение его в реальный или «молчаливый» диалог; создание атмосферы «мы с вами»; избегание прямого несогласия (не «Нет», а «Да, но...»).

К «стратегиям негативной вежливости», в частности, относится «безличность», обобщенность утверждений (не «не курите», а «у нас не курят») и т.д.

К стратегиям вуалирования, особенно важным для журналиста, в частности, относятся: намеки через ассоциации; ирония; многозначная метафора («*Гарри — настоящая рыба*»: скользкий? холодный? хорошо плавает?); сознательная неопределенность («*кому-то сегодня сильно достанется*» — всем ясно, кому...) и т.д.

27. Можно ли сформулировать для журналиста своего рода «катехизис» — список прямых указаний (рекомендаций и, так сказать, запретов), буквальное соблюдение которых гарантирует «защищенность» текста?

Мы полагаем, что нет.

Во-первых, журналист попадет тогда в положение знаменитой сороконожки, которую спросили, какой ногой она сделает следующий шаг, после чего, задумавшись об этом, она вообще не смогла сделать ни одного шага. Другой вопрос, что у журналиста должна быть общая установка на терпимость (толерантность), взаимность (паритетность) и самоограничение. Также другой вопрос, что, прежде чем дать своему тексту дальнейший ход, журналист (или редактор) обязан осуществить своего рода самоцензуру, по возможности выявив и устранив все то в этом тексте, что выводит его в «зону высокого риска».

Во-вторых, даже если журналист все это проделает, никакой гарантии никто дать не может. С одной стороны, всегда есть вероятность, что какой-то «рисковый» момент в тексте останется незамеченным. С другой стороны, истец, адвокат, эксперт, судья — тоже люди, причем (это относится прежде всего к истцу и его адвокату) со своими мотивами и интересами, противоречащими интересам

журналиста и его защитника. Анализ материалов уже состоявшихся процессов по обвинению в унижении чести и достоинства свидетельствует, что и сторона истца, и суд, как правило, совершают довольно очевидные ошибки и просчеты, вызванные их некомпетентностью и одновременно ангажированностью. Предвидеть такие ошибки и просчеты, нередко даже несознательные, невозможно. Можно только уменьшить вероятность, уменьшить степень риска.

По-видимому, было бы очень полезно систематически проводить семинары для журналистов, где на конкретных текстах и судебных делах анализировались бы оптимальные (с точки зрения риска) стратегии работы журналиста над текстом и типичные ошибки.

28. Но ведь у этой проблемы есть и обратная сторона. Нет ли возможности дать четкие рекомендации работникам правоохранительных органов, сталкивающимся с вопросами унижения чести и достоинства, клеветы, оскорбления в текстах СМИ?

Настоящий материал и есть попытка если не дать исчерпывающие рекомендации юристам, то по крайней мере обратить их внимание на невыясненность многих вопросов, неопределенность и субъективность основных понятий, неточности в трактовке ряда типичных ситуаций. На базе проделанного нами анализа, вероятно, можно написать специальный текст, адресованный именно и только работникам правоохранительных органов. Тем более что они нуждаются в консультации специалистов по поводу еще одной проблемы, нами здесь не затронутой. Мы нередко приводим примеры из текстов политических выступлений и из газетных материалов левой оппозиции, где содержатся прямые оскорбления в адрес Президента РФ. Пока по данному основанию не было возбуждено ни одного дела. Но всякое терпение имеет предел, и можно ожидать возникновения и таких правовых ситуаций.

29. Вернемся к конкретным научным проблемам, возникающим в правоохранительной практике. Что такое ненормативная лексика и фразеология?

Главная проблема в том, что в это понятие вкладываются два различных содержания.

Во-первых, это слова и выражения, употребление которых в общении (в частности, в массовой коммуникации) нарушает нормы общественной морали. Причем это могут быть внелитературные слова (выражения), скажем, взятые из жаргонов или диалектов, а могут быть вполне литературные; однако употребление этих последних (вроде *подлец*, *мерзавец*) по отношению к конкретному человеку

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

в конкретной коммуникативной ситуации противоречит нормам общественной морали в не меньшей степени.

Во-вторых, это слова и выражения только первой группы (жаргонные, диалектные, вообще стоящие вне пределов литературного языка).

Таким образом, термин «ненормативная лексика» двусмыслен и не вполне четок.

30. Почему в реальном коммуникативном употреблении так часто встречаются ненормативные (внелитературные) слова и выражения?

Этот процесс отражает общие тенденции в русской речевой коммуникации последних десятилетий. Известно, что вообще русская языковая общность распадается на множество отдельных слоев, социальных и профессиональных групп и т.д. Их речевые особенности часто резко расходятся с нормами литературного языка — ср., например, лагерно-тюремный жаргон. Наряду с этим речевым многообразием в советское время существовала практика официального подготовленного речевого общения (чтение докладов по заранее подготовленному тексту, публикация в прессе только специально подготовленной, согласованной и цензурированной информации о событиях («ТАСС уполномочен заявить...»), в ТВ — дикторы, а не свободно говорящие ведущие и т.д.). Начиная с середины 50-х годов XX века (хрущевская «оттепель») в литературный язык и социально-ориентированное общение (в частности, массовую коммуникацию) начинают проникать периферийные языковые явления. Процесс этот был связан первоначально с появлением «молодежной литературы» вроде повести В. Аксенова «Коллеги» и публикацией первых мемуарных («Крутой маршрут» Е. Гинзбург) и художественных («Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына) книг о сталинских тюрьмах и лагерях.

В годы перестройки и постсоветский период этот ручеек внелитературной лексики и фразеологии превратился в бурный поток. Горбачевская «гласность», высочайше одобренный плюрализм точек зрения и способов их выражения, проникновение на экран ТВ и в эфир радио огромного числа непрофессионалов и вообще случайных людей, монополия в массовой коммуникации электронных СМИ, «деофициализация» ТВ и радио вместе с появлением того вида прессы, который на Западе называется «таблоидами», — все это имело следствием расшатывание норм языка массовой коммуникации и системы норм литературного русского языка в целом.

Нечто подобное происходило в 20-е годы XX века в связи с резким изменением социальной базы русского литературного языка

(см. по этому поводу исследования русских лингвистов Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева и др.).

31. Но почему же именно инвективные, непристойные, обценные выражения стали такими популярными?

Во-первых, потому, что слова и выражения, связанные с привычными контекстами, оценками, стилистическими характеристиками, перешли совсем в другие, нетипичные для них условия общения: часто оратор, желающий оживить свою речь, сделать ее менее официальной и более разговорной, неформальной, теряет границу допустимого и недопустимого. Стираются (ранее четкие) границы между разными стилистическими пластами. При этом имеет место непрерывная динамика речевых ситуаций — в отличие от общения в английском парламенте характер общения между депутатами Государственной Думы меняется с каждым новым ее составом и с каждым новым спикером. Все время появляются новые телепередачи, то претендующие на «высокую» стилистику, то, напротив, характеризующиеся максимальной стилистической сниженностью. Люди просто запутались.

Во-вторых, потому, что вместе с гласностью пришло снятие запретов на целые пласты публикаций, в частности на издание эротической литературы. А это, естественно, повлекло за собой детабуизацию (снятие табу) и соответствующей лексики.

В-третьих, потому, что резко обострилась политическая борьба в современной России. Языковое «джентльменство» ушло в прошлое, особенно в газетах левой оппозиции и публичных выступлениях ее лидеров. На страницы оппозиционных газет хлынула прямая брань.

Есть и другие факторы проникновения обценной лексики и фразеологии в социально-ориентированное общение, в частности в СМИ (см. главу 4, а также ниже о функциях мата).

32. Можно ли дать какую-нибудь классификацию инвективной лексики и фразеологии первого типа, т.е. относящейся к сфере литературного языка?

Можно выделить 8 разрядов такой лексики: 1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник*. 2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*. 3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, кобыла, свинья*. 5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть*. 6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*. 7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняю-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

щие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*. 8. Оказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: *коммуняки, дерьмократы, прихватизация*.

33. Нормально ли появление в широком коммуникативном употреблении мата (обсценной лексики и фразеологии)?

Совершенно ненормально и противоречит всему русскому менталитету. Никто не будет требовать, чтобы мат вообще был запрещен в общении — как бы к нему ни относиться, у него есть своя ниша. Точно так же ничего ненормального нет в том, что мат время от времени выступает в художественной литературе как выразительное средство, например для характеристики героя. Но сейчас он вышел из этой своей ниши: с такой «мерзостью», по выражению Виктора Астафьева, «встречаешься уже не только в подворотнях, но порой и на высоких собраниях».

Мат, как и вообще грубая, обсценная лексика и фразеология, несет с собой определенное мироощущение: интеллектуальный и эмоциональный примитивизм, недоброжелательность и агрессивность и т.п.

То, что в силу ряда причин (см. главу 4) мат получил сейчас несвойственное ему широкое распространение, не может изменить нашего отношения к этому явлению. Ведь распространение преступности не влияет на нашу оценку каждого правонарушения!

34. Значит, правильно было бы осуждать (морально и юридически) все случаи публичного употребления мата?

Морально, вероятно, да. А вот что касается юридической стороны, здесь следует основательно разобраться в каждом отдельном случае. Так, понятие оскорбления не сводится к употреблению неприличной формы: оно предполагает также направленность на конкретное лицо (адресата) и умышленность. Нельзя осудить человека за оскорбление на том только основании, что он публично употребил матерные слова: необходимо для этого доказать, что они относились к истцу (были адресованы ему) и что это употребление было с умыслом унижить и оскорбить истца. Точно так же юридически бессмысленен приговор по делу газеты «Мать», где фигурирует обвинение в злостном хулиганстве, предполагающее умысел на нарушение общественного порядка (кстати, употребление нецензурных слов, равно как приставание к гражданам, квалифицируется законодателем как мелкое хулиганство)¹.

35. Так что же такое «инвективная лексика» (фразеология) с юридической точки зрения?

¹ См. ст. 20.1 главы 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» Кодекса РФ об административных правонарушениях, принятого в декабре 2001 г. (*отв. ред.*).

Это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме.

К инвективной лексике относятся, в частности:

- ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов,
- обценная лексика (мат),
- грубопросторечная (ненормативная) лексика,
- литературные слова и выражения 1, 2, 3 и 5 разрядов (см. выше).

36. Каковы функции мата в речевом общении?

Их несколько. Главная: оскорбить, унижить, опорочить адресата речи. Далее: сигнализировать о принадлежности говорящего к «своим»; продемонстрировать собеседнику свою реакцию на систему тоталитарных запретов; показать, каким свободным, раскованным, «крутым» является говорящий; сделать речь более эмоциональной; разрядить свое психологическое напряжение и нек. др. (см. главу 4).

37. Итак, что нужно знать юристу и журналисту о лингвистическом «статусе» инвективной (ругательной) лексики и фразеологии?

- Следует различать инвективную и неинвективную лексику, т.е. такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает.
- Внутри инвективной лексики надо различать литературную (относящуюся к русскому литературному языку) и внелитературную или нелитературную, например жаргонную. Ко второй группе относится и обценная лексика (мат).
- В рамках «литературной» инвективной лексики тоже есть различные группы. Во-первых, это книжная лексика с инвективным значением (*мошенник, проститутка*). Здесь может возникнуть ситуация клеветы (так как, назвав человека таким словом, мы обвиняем его в нарушении законодательства или норм общественной морали; вполне возможно, что это не соответствует действительности). Во-вторых, это эвфемизмы для подобных слов, казалось бы, «щадящие» адресата, но на самом деле несущие такую же инвективную нагрузку (*дама легкого поведения*). В-третьих, это переносное, метафорическое употребление

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

таких слов (ср. бессмертное выражение «*политическая проститутка*»). Оно чаще связано с ситуацией оскорбления. Наконец, в-четвертых, есть группа вполне литературных слов инвективной семантики, однозначно связанных с оскорблением, — вроде *стерва, мерзавец, подонок*.

- Употребление не только литературной, но и нелитературной инвективной лексики и фразеологии далеко не всегда связано с оскорблением, клеветой, вообще унижением чести и достоинства. Это зависит от конкретной функции такой лексики, в особенности от наличия или отсутствия умысла на унижение чести и достоинства; во всяком случае, если такой умысел не доказан, обвинить говорящего (пишущего) невозможно. Это зависит от конкретной ситуации общения, куда включается и характер отношений между участниками речевого акта. Например, можно ласково назвать человека сукиным сыном (и даже себя самого — ср. *Ай да Пушкин, ай да сукин сын!*). Это зависит также от уровня речевой культуры говорящего или пишущего — бывает, что он просто не способен оценить степень несоответствия своей речи требованиям общественной морали.
- Особый случай (не рассмотренный ниже, в главе 4) — это инвективное употребление слов или словосочетаний, которые не содержат в своей семантике инвективного компонента и в лучшем (худшем?) случае имеют экспрессивную окраску (*мальчики в розовых штанах*), а порой и ее не имеют (*завлабы*). Как ни удивительно, в устах определенной социальной группы людей даже слова *профессор, академик* могут приобретать инвективный характер. Однако доказать такой инвективный характер почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает.

38. Вернемся к нашим первым вопросам. В свете всего сказанного как следует трактовать унижение чести и достоинства?

Нам представляется, что вопрос об унижении чести и достоинства упирается в понятие «нарушение моральных принципов» (потому что «нарушение действующего законодательства» установить в принципе несложно). Универсальных моральных принципов не существует — речь может идти только о принципах христианской морали (десять заповедей и т.д.) или о неписаном моральном кодексе данного конкретного общества в данный период его развития. Например, адюльтер противоречит и христианской морали («не пожелай жену ближнего своего»), и господствующей морали современного постсоветского общества, как, впрочем, и советско-

го, но отношение к нему в постсоветском обществе более терпимое, чем в советском. Еще более терпимое отношение к нему было характерно для определенной социальной прослойки во Франции XVIII века (перед Великой Французской революцией, в период Директории). Иначе говоря, это вопрос исторической этики и социальной психологии. Но оценки существования и характера этих моральных принципов участниками коммуникативного акта и теми, кто этот акт интерпретирует (например, судом), могут расходиться.

39. Что можно сказать еще об одном понятии — «принятая в обществе манера общения», без разъяснения которого «повисает в воздухе» важное понятие неприличной, нецензурной и пр. формы?

В праве продолжает существовать уже давно отвергнутое лингвистикой, в частности теорией культуры речи, и социальной психологией представление о том, что в обществе существует только одна общепринятая норма (поведения, культуры речи и т.д.), которой следует придерживаться и которую не рекомендуется нарушать. На самом же деле таких норм много, мы давно уже говорим, например, не о «языковой норме», а о «системе языковых норм», которые варьируются в зависимости от характера и конкретных условий общения, системы отношений между участниками общения, их возраста и пола, цели общения и многих других факторов. В частности, то, что нормативно для межличностного общения, может оказаться нарушением нормы, скажем, в массовой коммуникации. То, что вполне допустимо в компании подростков или молодежи, нередко нарушает нормы общения людей старшего поколения и т.п. Существенно подчеркнуть, что именно сейчас границы между различными нормами (как в языке, так и в общении) сдвинуты и отчасти размыты. Поэтому, говоря в праве о «принятой в обществе манере общения», необходимо четко определить, о какой манере (норме) идет речь в каждом отдельном случае. К сожалению, это многообразие социальных (и речевых) норм в современном постсоветском обществе исследовано недостаточно, но юристу необходимо по крайней мере в принципе знать о таком многообразии и учитывать его в правоохранительной практике.

40. И последний вопрос: каков самый главный вывод из данного исследования?

Самый главный вывод следующий. При современном положении вероятность, что конкретное решение по делу об унижении чести и достоинства, клевете, оскорблении, компенсации морального вреда будет субъективным, спорным, юридически уязвимым, чрезвычайно высока.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Субъективизм этот вызван тем, что все или почти все основные понятия права, связанные с данным кругом дел, не имеют объективного и операционального определения и толкования. С одной стороны, не вполне ясно, какое содержание в них вкладывается (должно вкладываться). С другой стороны, они не допускают непосредственного применения на практике (или такое применение оказывается противоречивым). Благодаря этому открываются обширные возможности для политизации гражданских и уголовных дел, связанных со СМИ, давления на СМИ со стороны власти, манипулирования общественным мнением, сознательной дискредитации «недружественных» органов печати и отдельных журналистов. В то же время крайне затрудняется рассмотрение случаев, где имеет место действительное унижение чести и достоинства представителей государственной власти, в частности со стороны оппозиционных органов печати.

Следовательно, необходимо как совершенствование самого закона, так и регулирование его правоприменения в форме разъяснений Верховного Суда РФ, методических рекомендаций Генеральной Прокуратуры и так далее.

Глава 2. АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Толкование важнейших понятий в общеязыковых словарях, текстах законов и юридической литературе

Ниже описывается понимание и толкование важнейших понятий (терминов), связанных с рассматриваемой проблематикой. Излагаются лишь сводные результаты проведенного анализа. Для анализа были выбраны термины, наиболее часто встречающиеся в законодательстве, подзаконных актах и юридической литературе и получающие неясное или различное толкование.

Анализируемые понятия естественно распадаются на три группы:

1. Объект воздействия — честь, достоинство, (моральный) престиж, репутация.
2. Характеристика процесса и средств воздействия — сведения, унижение (честь и достоинства), клевета, оскорбление, неприличная (форма), циничная (форма), нецензурные (выражения), порочащие (сведения).
3. Результат воздействия — моральный вред, нравственные страдания.

Объект воздействия

Три понятия — честь, достоинство и репутация — весьма близки друг другу. При этом в текстах права два первых понятия обычно используются в составе единого словосочетания: защита чести и достоинства, унижение чести и достоинства. В новом законодательстве РФ к этому словосочетанию обычно добавляется деловая репутация, а в ГК РФ — и доброе имя. Все эти понятия рассматриваются как нематериальные права личности, принципиально неотчуждаемые.

Наиболее четким определением чести является определение, данное в книге А.М. Эрделевского «Компенсация морального вреда» (М., 1996, с. 16): «Сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании». По мнению А.Л. Анисимова, понятие чести имеет три стороны, три аспекта. Во-первых, это характеристика самой личности («качества лица»). Эта сторона понятия чести наиболее ярко выступает в словарных определениях, в особенности в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля («внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»). Во-вторых, это общественная оценка личности («отражение качеств лица в общественном сознании»). Понятие чести изначально предполагает, что эта оценка положительная. В-третьих, это об-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

щественная оценка, принятая самой личностью, «способность человека оценивать свои поступки, ...действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в... обществе моральными нормами, правилами и требованиями» (А.Л. Анисимов. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1994, с. 8).

В текстах права имеется в виду вторая сторона понятия чести, так как никакого «унижения» или «умаления» чести как свойства самой личности быть не может. Однако унижение чести как основание для вчинения иска предполагает, что истец ощущает изменение (или предполагает возможное изменение) общественного мнения о себе, т.е. его самооценка (честь-3) остается той же и расходится с действительной или возможной общественной оценкой (честь-2).

Понятие достоинства близко к чести-3. По А. Эрделевскому (с. 16), это «сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании». По А. Анисимову (с. 14), это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом». В отличие от чести достоинство есть не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным (моральным) нормам, но прежде всего ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство: возможность его унижения была предусмотрена старым УК РФ) (см. там же).

Интересно, что, хотя честь относится в ГК РФ к неотчуждаемым благам или правам личности, причем в текстах права выступает прежде всего честь-2, в юридической литературе «внешняя честь» иногда отождествляется с «гражданской честью», исходящей от государства, «которая исчезает в случае уголовного наказания» (А.Л. Анисимов, с. 13). В то же время достоинство (но не честь) фигурирует в ст. 1 Конституции РФ как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность. Комментарий к Конституции РФ понимает достоинство как «признание за человеком этой ценности независимо от того, что он о себе думает и как его оценивают другие» (1994, с. 138). Таким образом, может возникнуть казус, когда сам человек не обладает чувством собственного достоинства (положительной самооценкой), общество оценивает его негативно, но в то же время государство и общество охраняют его достоинство и заботятся о том, чтобы оно не подверглось умалению, унижению (кстати, термин «умаление» встречается только в Конституции РФ и только применительно к достоинству).

В целом если трактовать честь как честь-2, т.е. как общественное мнение о положительных качествах человека, то достоинство есть положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки. Дискредитация человека в общественном мнении и есть «унижение чести». Но можно ли дискредитировать человека в собственных глазах? Думается, именно поэтому в Конституции РФ говорится об «умалении»: законодатель, по-видимому, имеет в виду такое воздействие на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву. Таким образом, более правильно было бы в правовом контексте говорить об «унижении чести и умалении достоинства» (см. также ниже о понятии «унижение»).

Понятие репутации как таковой (без дополнительного разъяснения) непопулярно в правовых текстах и редко возникает в правоохранительной практике. По содержанию оно очень близко к чести-2, однако не содержит апелляции к самой личности и касается лишь ее оценки в общественном сознании или общественном мнении. (В ГК РФ «репутация представляет собой сложившееся о человеке мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств» — с. 228.) Другой аспект — деловая репутация. Это сочетание возникло как правовое понятие уже в постсоветское время и отражает новые социальные и социально-психологические реалии. Именно поэтому в юридической литературе деловая репутация связывается прежде всего (хотя и не исключительно) с предпринимательской деятельностью. Наиболее точно, видимо, определение, даваемое А. Эрделевским (с. 16): «Сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании». Существенно, что это лицо может быть и физическим, и юридическим. В принципе у лица может быть и плохая, негативная репутация, но чаще этот термин употребляется с положительным значением.

Унижение или умаление деловой репутации может происходить независимо от истинности или неистинности распространяемых о соответствующем лице сведений (п. 3 ст. 152 ГК РФ).

Понятие престижа вообще и морального престижа в частности законодателем не употребляется и встречается только в юридической литературе. Это оценка данного лица общественным мнением с точки зрения его социальной роли, социального статуса, социального влияния. В известном смысле это «количественная» характеристика: не «какой» престиж, а «насколько высокий» престиж. Как и честь, престиж может быть только положительным. Однако у этого понятия в обычном словоупотреблении есть заметный негативный оттенок — ср. «престижная специальность». Сочетание «моральный

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

престиж» внутренне противоречиво: понятие престижа относится не к самой личности человека (на что, казалось бы, указывает определение «моральный»), а исключительно к его оценке в общественном мнении.

Понятие доброго имени, только что появившееся в тексте нового ГК РФ, остается пока скорее метафорой и, по-видимому, в этом контексте синонимично репутации (в широком смысле, т.е. не только деловой).

Процесс и средства воздействия

Понятие «сведения» в текстах права синонимично понятию «информация». Иначе говоря, сюда входят переписка, телефонные переговоры, почтовые и телеграфные сообщения, сообщения, переданные по факсу, телексу, радио, через космическую связь, с использованием других каналов связи. И, естественно, в объем «сведений» («информации») входит также тиражирование текстов в средствах массовой информации, как печатных, так и электронных. Наконец, сюда же относятся расклеивание плакатов и листовок, публичные (например, на митинге) заявления и т.п.

Информация может быть разглашена, т.е. передана не только тому лицу (лицам), которым она предназначена или которые имеют право с ней знакомиться. Так, работники телеграфа несут ответственность, если они ознакомили посторонних лиц с частной телеграммой. С другой стороны, наказуемо разглашение государственной тайны.

Информация может быть произведена (это не требует комментария — речь идет о составлении текстов, например газетных статей) и может быть распространена. Наиболее обычным видом распространения сведений (информации) являются СМИ (см. в Федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене» такое определение массовой информации: «Предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудиосообщения, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы»). Само распространение толкуется как опубликование сведений в печати, трансляция по радио- и телевидеопрограммам, демонстрация в хроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных юридическим лицам, или сообщениях в иной, в том числе устной форме нескольким или хотя бы одному лицу (кроме того лица, которого данные сведения касаются, если дело происходило без свидетелей) (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 года).

Сведения нередко противопоставляются оценкам. Но анализ текстов права показывает, что реально этим словом обозначается любая информация, в дальнейшем разглашенная или распространенная, независимо от ее правдивости или ложности, фактологичности или «чистой» оценочности. Так, постановление Пленума ВС РФ от 18.02.1992 включает в определение порочащих сведений «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином... действующего законодательства или моральных принципов». Но утверждения «*N — вор*» или «*N — мошенник*» как раз и относятся к этой категории, хотя они могут быть чисто оценочными (так чаще всего и бывает).

У термина «сведения» есть еще по крайней мере два синонима — это «утверждения» и «сообщения». Однако они в текстах права не ограничены от других терминов и не определены.

В целом можно определить сведения как любые тексты, содержащие описание (и, возможно, оценку) тех или иных событий или отдельных компонентов этих событий.

В соответствии с анализом, проделанным в главе 3, сведения можно разделить на следующие классы:

- а) сведения о том, что событие произошло/ не произошло;
- б) сведения, содержащие истинное суждение/ ложное суждение о событии. Истинное суждение о событии есть факт или фактологическое суждение;
- в) сведения, содержащие только суждения о событии/ содержащие оценку этого события (оценочные суждения);
- г) оценочные суждения, относящиеся к событию/ относящиеся к суждению о событии.

Любое отдельное высказывание о событии по определению не может быть полным, то есть реальным фактом (см. ниже). Даже если оно в результате проверки (верификации) оказалось истинным (т. е. вербальным фактом), это высказывание может давать неправильное представление о событии именно потому, что оно односторонне, вырвано из общего массива информации. Так, высказывание «*N заявил, что его не беспокоит расширение НАТО на восток*» может быть абсолютно истинным: *N* действительно заявил именно это. Но если ограничиться только этим высказыванием, не приводя аргументов, выдвинутых *N* для обоснования своей позиции, то у адресата (читателя, зрителя ТВ) почти наверняка создастся неадекватное представление о позиции *N* и, весьма вероятно, возникнет (или укрепит) негативное отношение к нему.

Здесь мы уже совсем близко подошли к тому, в какой форме могут выражаться сведения. Эта форма может быть следующей:

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

1. Открытая вербальная (словесная) форма, когда сведения даны в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний, причем новая информация дана в предикативной части высказывания (является предикатом, логическим сказуемым). Например: *(Вор) у вора дубинку украл.*

2. Скрытая вербальная форма, когда сведения выражены словесно, но как бы спрятаны, не бросаются в глаза и даются — как что-то уже известное — в группе подлежащего. Например, только что приведенное высказывание содержит ведь не только информацию о краже дубинки у вора, но и информацию о том, что сделавший это — вор.

3. Пресуппозитивная (затекстовая) форма, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена и подразумевается, что и говорящий (пишущий), и слушатель (читатель) ее знают.

4. Подтекстовая форма, когда информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него читателем или слушателем. Здесь могут использоваться различные приемы. Например, прямой оценки нет, но факт дается в таком контексте, что оценка логично из него выводится. Или читателю задается вопрос (типа *Интересно, совпадение случайно или нет?*, то есть так называемый риторический вопрос), который на самом деле является скрытым утверждением (*Конечно, это совпадение не случайно!*).

Казалось бы, эта последняя форма подачи информации должна широко использоваться в прессе и электронных СМИ, так как она резко сужает «зону риска» для журналиста (см. главу 3). Тем не менее она встречается достаточно редко.

Унижение чести и достоинства (или, как мы предложили выше, унижение чести и умаление достоинства) есть сознательная дискредитация человека в общественном мнении. Такая дискредитация может быть словесной (в устной или письменной форме) или при помощи того или иного действия (УК РФ, с. 241, например, плевков, срывание одежды, непристойные телодвижения и т.п.). По существу это понятие субъективное, так как и само наличие унижения, и его глубину оценивает сам потерпевший. Закон, равно как и юридическая литература, не дает четкого определения понятию унижения (умаления) чести и достоинства.

Другое дело — оскорбление. Правда, в текстах законодателя оно производно от унижения чести и достоинства; так, в новом УК РФ оскорбление определено (ст. 130) как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Поэтому для оскорбления необходимы два признака: а) факт унижения чести и

достоинства: б) неприличная форма такого унижения. Строго говоря, необходим и еще один признак, а именно умышленность оскорбления (что оказывается юридически значимым в ситуации заочного оскорбления, т.е. не в присутствии потерпевшего). Таким образом, даже при наличии определения этого понятия в законодательстве оно остается субъективным, причем, так сказать, в квадрате: субъективно понятие унижения чести и достоинства и субъективно, как мы увидим далее, понятие «неприличная форма». Соответствуют ли сведения, распространяемые при оскорблении, действительному положению вещей, при определении оскорбления принципиально безразлично: важен факт и важна форма унижения.

Третье понятие этой группы — клевета. Она получает в новом УК РФ (ст. 129) четкое определение: «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Таким образом, здесь налицо следующие признаки: а) наличие унижения чести и достоинства, б) умышленность этого деяния, в) ложность распространяемых сведений (заведомая, т.е. известная распространителю клеветы).

Клевета — это, следовательно, такое унижение чести и достоинства, которое связано с умышленной ложью, но совершенно не обязательно предполагает неприличную форму. Оскорбление же, напротив, предполагает неприличную форму, но совсем не обязательно связано с ложью (хотя с клеветой у него остается общий признак умышленности). Здесь законодательство РФ совпадает с «принципом Салливана» в праве США, где признаками, образующими клевету, считаются ложность и «подлинно злой умысел».

Что такое в определении клеветы «порочащие сведения» и как они соотносятся с понятием «унижения чести и достоинства»? Кроме того, можно ли отождествить «порочащие» и «позорящие» сведения?

По поводу порочащих сведений есть разъяснение, данное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.02.1992: «порочащими являются... не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов..., которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Таким образом, в определение порочащих сведений входят три признака: а) направленность на унижение чести и достоинства либо деловой репутации, б) характер сведений (нарушение законодательства или нарушение общепринятых в обществе моральных принципов), в) ложность этих сведений. Очевидно, что это совсем не синоним «позоря-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

щих сведений», как получается в юридической литературе (ср. УК РФ, а также монографию А.Л. Анисимова). Позорящие сведения совершенно не обязательно являются ложными (в отличие от порочащих). Однако у них, как и у порочащих сведений, есть признак направленности на унижение чести и достоинства.

Наиболее запутанно толкование в праве таких понятий, как неприличная форма, нецензурная форма (нецензурные выражения), непристойная форма, циничная форма. Между тем понятие неприличной формы входит, как мы видели, даже в данное законодателем определение оскорбления.

Начнем с неприличной формы. Данные словарей дают двойное толкование этого понятия: а) вообще нарушение правил поведения (в особенности речевого), принятых обществом в целом или данной социальной группой для данной ситуации, и б) непристойность, т.е. употребление слов и выражений, связанных с половыми органами, выделениями организма и пр. и оскорбляющих общественную нравственность. Совершенно ясно, что и то и другое толкование субъективны. В текстах законодателя это понятие не разъясняется. В юридической литературе указывается, в частности, что при оскорблении «дается отрицательная оценка его [потерпевшего] личности, его человеческим качествам, поведению, причем в такой форме, которая резко противоречит принятому общению между людьми...» (Юридический энциклопедический словарь. М., 1987, с. 280).

УК РФ вводит еще несколько столь же неопределенных понятий: «Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в ЯВНО ЦИНИЧНОЙ, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего НЕЦЕНЗУРНЫЕ выражения, сравнение с ОДИОЗНЫМИ историческими и литературными персонажами» (с. 241). Здесь что ни слово, то полная туманность. Что такое нецензурный? По данным словарей, это синоним непристойного, т.е. нецензурные выражения дают отрицательную оценку личности потерпевшего через употребление слов и выражений определенной семантической группы, не принятых в обществе, неуместных в большинстве ситуаций общения. А если эти неуместные, не принятые слова и выражения употреблялись, но при этом не давалась отрицательная оценка чьей-либо личности? Какие исторические и литературные персонажи следует считать одиозными? Напомним, что словарь Ожегова трактует слово «одиозный» как «вызывающий крайне отрицательное отношение к себе, крайне неприятный». Таковым явно является, например, Гитлер — но для определенных политических группировок в России даже эта фигура не может счи-

таться одиозной. Наконец, циничная (а тем более «явно циничная») форма — это просто синоним непристойности, но непристойность не предполагает умышленности, а цинизм предполагает. См. в словаре Ожегова: «Цинизм — наглое, бесстыдное поведение и отношение к чему-нибудь, проникнутое пренебрежением к нормам нравственности и благопристойности». В сущности, в языке права все эти выражения неуместны, потому что в них можно вложить любое желаемое содержание, что и происходит время от времени в судебной практике.

Существенно подчеркнуть, что в британском (Закон о непристойных публикациях от 1959 года) и американском праве понятие непристойности не распространяется на произведения, «написанные для общественного блага... в интересах науки, искусства, образования или других подобных целей» (Великобритания) и имеющие серьезную литературную, художественную, политическую или научную ценность (США). Законодатель здесь, по крайней мере, понимает сложность квалификации того или иного выражения или произведения как непристойного. Кроме того, в праве США в определение непристойности входят «обращенность к сексуальным инстинктам» и описание сексуального поведения «под очевидно оскорбительным углом».

Результат воздействия

Таковым является в понимании российского права моральный вред, представляющий собой согласно ст. 151 ГК РФ «физические или нравственные страдания, которые претерпевает гражданин в результате нарушений или посягательств на его права». Существует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994, где дается развернутое разъяснение этого понятия (см. Приложение). Наиболее существенна следующая формулировка постановления: «...страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на... нематериальные блага (...достоинство личности, деловая репутация...)... Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с... распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина...».

Однако содержание морального вреда остается в праве достаточно неопределенным. Это «нравственные страдания», «нравственные переживания», «негативные психические реакции», «нарушение психического благополучия, душевного равновесия личности», потерпевший «может испытывать унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, дискомфортное состояние и т.д.», вообще любое «неблагоприят-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ное в психологическом аспекте состояние», а в праве США — «эмоциональное беспокойство» (disturbance). Иначе говоря, строго юридического толкования понятие морального вреда, как и нравственных страданий, не имеет и, по-видимому, в принципе иметь не может: доказать следственным или судебным путем возникновение морального вреда в большинстве случаев невозможно (кроме наличия заболеваний, связанных с причинением морального вреда, и некоторых других случаев). Поэтому понятие морального вреда субъективно, может быть определено только внеправовым (психологическим) способом и, на наш взгляд, в праве может выступать только как ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА в силу тех или иных действий или бездействия. Компенсация морального вреда, следовательно, осуществляется по логике ВОЗМОЖНОГО, а не НАСТУПИВШЕГО вреда. Скажем, невозможно установить, действительно ли потерпевший испытывал унижение, раздражение или отчаяние в результате незаконного увольнения с работы, но сам факт такого незаконного увольнения уже дает основания для поднятия вопроса о компенсации морального вреда.

Выводы

1. Понятие «сведения» в правовой литературе, в частности в текстах законодательства, не определяется и не разъясняется. Обычно этот термин употребляется вперемешку с терминами «информация», «утверждения», «сообщения». (Существует еще слово «измышления», в котором содержится сема ложности и сема умысла: измышления всегда ложны и всегда сознательно распространяются.) Сведения — это любой текст, содержащий описание и оценку событий или их отдельных компонентов. Сведения могут выражаться в открытой словесной форме (*Дэн Сяопин умер*), в скрытой вербальной форме (*Старейший политический лидер Китая давно отошел от дел*), в затекстовой форме (*В понедельник состоялись похороны Дэн Сяопина*) — о том, что он умер, читатель (и, естественно, журналист) уже осведомлен; и, самое главное, в подтекстовой форме (*Интересно, случайно ли это совпадает*).

2. Наиболее четко в словарной и юридической литературе понимаются и дифференцируются понятия чести, достоинства и (деловой) репутации. Понятие «честь» включает следующие основные признаки (семы): а) наличие положительных качеств, присущих лицу; б) отражение их в общественном сознании; в) отражение образа, качеств лица в общественном сознании и в самосознании этого лица. В текстах права реализуется прежде всего вторая сема. Понятие «достоинство» содержит сему абстрактной ценности данного чело-

века как личности, но не включает утверждение о наличии положительных качеств у данного конкретного лица и его оценку в общественном мнении (сознании). Понятие «репутация» включает сему общественного мнения о лице, но не предполагает ни утверждения о качествах этого лица, ни отражения общественного мнения в самосознании. Деловая репутация есть частный случай или сторона репутации. По существу частным случаем или стороной репутации является и моральный престиж, касающийся преимущественно социального статуса лица в общественном сознании (мнении). Понятие «добраго имени» синонимично репутации.

3. Основным понятием рассматриваемой группы является понятие «унижение чести и достоинства», от которого законодатель отталкивается при определении ряда других понятий. Однако это понятие в праве точно не определено. В широком смысле это дискредитация человека в общественном мнении (унижение чести) или такое воздействие на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву независимо от общественного мнения о нем и от его самосознания (умаление достоинства). Однако операциональных критериев унижения чести и умаления достоинства не существует, это субъективные понятия; наличие и глубину «унижения чести» оценивает сам потерпевший.

4. Понятие оскорбления включает три семы: а) факт унижения или умаления чести или достоинства, б) неприличная форма такого унижения, в) умышленность. Понятие клеветы также включает три семы: а) факт унижения чести и достоинства, б) ложность распространяемых сведений, в) умышленность. При этом вводится понятие «порочащие сведения», синонимичное в данном контексте унижению чести и достоинства, но предполагающее, кроме такого унижения, определенное содержание таких сведений (нарушение законодательства или принятых обществом моральных принципов) и ложность этих сведений. Позорящие сведения также направлены на унижение чести и достоинства, но не предполагают ложности. Очевидно, что все эти понятия сохраняют неопределенность и субъективность, свойственные исходному для них понятию унижения чести и достоинства.

5. Понятие неприличной или непристойной формы дискредитации личности, входящее в определение оскорбления, также не имеет однозначного правового толкования. В самом общем смысле неприличная форма — обобщающее понятие по отношению к непристойной форме, последняя же связана с употреблением слов и выражений определенных семантических групп (половые органы, выделения и т.п.); неприличным может быть и сравнение с «одиозными»

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

персонажами. При этом обязательным условием является отрицательная оценка того или иного лица (а не просто употребление непристойных выражений) и умышленный характер этой оценки (трудно представить себе — по крайней мере в правовом контексте — неумышленное оскорбление). Умышленная непристойность понимается в текстах права как цинизм. Таким образом, понятия этой группы субъективны и сами по себе (неясно, например, где начинается непристойность), и в связи с субъективностью и неопределенностью исходного понятия унижения чести и достоинства.

6. Понятие морального вреда (и предполагаемых им «нравственных страданий») также является в текстах права не до конца ясным, так как эти страдания, во-первых, юридически неопределимы, во-вторых, их наступление объективно неустановимо.

7. Таким образом, в чисто правовом поле найти критерии допустимости или правомерности, равно как недопустимости и неправомерности, тех или иных способов или форм передачи информации оказывается абсолютно невозможно. Уяснение этого вопроса предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращение к лингвистическим, психолингвистическим, психологическим и другим научным понятиям и критериям, в особенности при решении вопроса о направленности текстов на унижение чести и достоинства (их инвективном характере) и об их неприличной форме.

8. Анализ показывает, что практически все ключевые понятия, в особенности «унижение чести и достоинства», нуждаются в четком правовом (законодательном) определении. С другой стороны, правоприменители должны иметь в виду, что любое толкование той или иной конкретной правовой ситуации с опорой на существующие сейчас формулировки закона и их официальные разъяснения вынужденно является субъективным и будет оставаться таковым, пока законодатель не даст более четкого определения основных понятий. А это означает, что открывается широкое поле для оспаривания обвинительных заключений, приговоров и других судебных решений.

Глава 3.

СОБЫТИЕ, ФАКТ, СУЖДЕНИЕ И ИХ ОЦЕНКА

Факт

Независимо от каждого отдельного человека существует объективная реальность. (Конечно, и сами люди со своими мыслями, чувствами, отношениями, действиями — это тоже часть мира. Поэтому не следует думать, что мир материален в упрощенном, вульгарном смысле, что он «вешен».) Эта реальность отражается в тех текстах, при помощи которых человек эту реальность описывает.

Текст состоит из отдельных суждений или, что то же, отдельных высказываний. Каждое суждение что-то описывает, отражает; это «что-то» — фрагмент реальности (действительности): события, ситуации, свойства предметов или лиц.

Обычно полагают, что существует некий объективный «факт», который описывается суждением (высказыванием). На самом деле все гораздо сложнее. Человек вычленяет в реальности какой-то фрагмент. Например, политическую ситуацию в Беларуси. Этот фрагмент рассматривается под определенным углом зрения, в определенном аспекте: например — соблюдения прав человека. Затем мы как бы «переводим» наше знание об этом фрагменте на обычный словесный язык, превращая это знание в совокупность словесных (вербальных) суждений или высказываний. Каждое из этих суждений может быть истинным (соответствовать действительности) или ложным (не соответствовать действительности). Но чтобы установить это, мы должны проделать так называемую верификацию: соотнести содержание суждения с действительностью и убедиться, что данное суждение истинно (или, наоборот, ложно).

Только после того как мы осуществили верификацию суждения и оказалось, что оно истинно, оно превращается в факт. Значит, факт не существует в самой действительности: это результат нашего осмысления или переработки информации о действительности. В парадоксальной форме это выразил известный современный логик З. Вендлер: «Если нам дан язык и мир, то нам тем самым даны все факты» (З. Вендлер. Факты в языке // Философия, логика, язык. М., 1987).

Поэтому нельзя разводить «суждение» и «факт» так, как это иногда делается: факт — это истинное событие, а суждение — верифицированная истинная оценка (положительная или отрицательная) этого факта (например, Л. Ганкин. Как развести суждения и факты? // «Московские новости». 1995. № 3). Неточно и со-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

держась в Гражданском кодексе РСФСР (ст. 7) и РФ (ст. 152) противопоставление «фактических сведений» и «оценочных суждений».

Факты не описательны. Они устраняют все частные характеристики события и сохраняют только самую его суть, его сердцевину. Недаром говорят о «голых» или «неприукрашенных» фактах. У этого свойства факта есть и обратная сторона: он всегда выделяет в событии какую-то одну его часть, определенные его признаки. Событие: освобождение заложников, захваченных в Перу организацией «Сендеро луминосо». Факты могут быть представлены по-разному: *Заложники освобождены. При освобождении заложников никто из атаковавших не пострадал. При освобождении заложников была допущена неоправданная жестокость в отношении рядовых боевиков, готовых сдаться.* Получается, что одно и то же событие выступает в форме различных фактов — в зависимости от того, что мы считаем главным, что трактуем как суть события, а что считаем частностью. Поэтому можно описывать, как разворачиваются события, но не как происходят факты. Факты вообще не «происходят», происходят события.

Суждение (высказывание) может быть по содержанию различным. Например, оно может быть бытийным (экзистенциальным) и утверждать, что нечто существует (или не вообще существует, а где-то или у кого-то). Например, суждение: *У политика Н. имеется валютный счет в Швейцарии* есть типичное бытийное высказывание: мы фиксируем только одно — есть такой счет (и тогда суждение истинно) или нет такого счета (и тогда суждение ложно). Или суждение может быть классифицирующим: *Дипломат Х. — сотрудник контрразведки.* Здесь мы утверждаем принадлежность Х. к определенному классу (множеству). Еще один вид высказываний — признаковые (атрибутивные), когда кому-то или чему-то приписывается некий признак: *У А. нет высшего образования.* Или, наконец, более сложное пропозициональное (событийное) высказывание, где описывается взаимодействие двух или нескольких «героев» события: *Политик Ж. ударил по лицу журналистку.*

Обратите внимание, что одно и то же высказывание в разном контексте может иметь разное содержание. Если мы набираем «компромат» на политика Н., то приведенное высказывание встанет в ряд признаковых и само станет признаковым: *Н. такой-то и такой-то, у него имеется валютный счет, и вообще на нем негде ставить пробы.* Точно так же с политиком Ж.: *Ж. призывал к тому-то и тому-то, вел себя там-то нагло и оскорбительно, ударил по лицу журналистку.*

Итак, перед нами объективное событие или цепочка взаимосвязанных событий (в современной науке иногда употребляют в качестве термина метафорическое выражение «сценарий»). И высказывание или совокупность (цепочка) высказываний (суждений), описывающих это событие (события). Где здесь «факт»?

Факт — это содержание высказывания, но только после того, как мы провели его проверку на истинность — верификацию — и получили положительный ответ.

Как именно такая проверка осуществляется? Это зависит от множества причин. Самый прямой способ верификации — непосредственно сопоставить высказывание с реальными событиями. Но это чаще всего невозможно (событие уже состоялось и не зафиксировано). Особенно часто так происходит в журналистике: только сам автор высказывания, журналист, присутствовал при событии или участвовал в нем. Поэтому чаще применяется второй способ — сопоставление высказывания с другими высказываниями, принадлежащими другим участникам, наблюдателям или толкователям (интерпретаторам) события, которых мы считаем объективными или компетентными. Есть и третий способ — доказательство, заключающееся в приведении дополнительных данных, свидетельствующих об истинности высказывания. Скажем, проверка его истинности по архивам. Наконец, четвертый способ — сопоставление информации из нескольких независимых и не связанных друг с другом источников (так работает разведка: сведения считаются фактом, если они идентичны в сообщениях разных источников).

Сама верификация суждения (высказывания) не всегда возможна. Иногда она объективно невозможна. Например, кто-то утверждает, что Н. был платным осведомителем КГБ. Соотнести это утверждение с реальными событиями, конечно, невозможно. «Компетентные свидетели» или «компетентные эксперты» либо отсутствуют, либо по понятным причинам помалкивают. Архивы же продолжают оставаться закрытыми (по крайней мере в этой своей части). Убедиться, что данное утверждение соответствует истине, так же невозможно, как убедиться в его ложности.

Но иногда оно невозможно субъективно, а не объективно. Например, в известной книге В.В. Жириновского есть такое утверждение: *Выход к Индийскому океану — это миротворческая миссия России*. Проверить его нельзя по целому ряду причин. Главная из них — крайний субъективизм буквально каждого слова. «*Выход к Индийскому океану*» — это на самом деле не церемониальный марш, завершающийся мытьем сапог, а вооруженная агрессия, способная спровоцировать мировую войну. Автор же высказывания камуфлирует его

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

содержание абстрактными оценками и метафорами (*это окно на юго-восток... это даст ток свежего воздуха...*). Такие же, по выражению принца Гамлета, «слова, слова, слова...» — «миротворческая миссия России». Что такое миссия? Есть ли она у России? Если есть, то можно ли говорить о «миротворческой миссии»? Одним словом, практически невозможно ни утверждать, что приведенное высказывание ложно, ни утверждать, что оно истинно. Оно просто субъективно настолько, что становится в принципе непроверяемым.

Итак, вернемся к суждениям (высказываниям). Если в результате верификации оказалось, что содержание высказывания соответствует действительности, его, это высказывание, можно считать достоверным фактом. Если оказалось, что оно не соответствует действительности, то это вообще не факт. Если в силу объективных причин верифицировать высказывание оказалось невозможным, то мы имеем дело с недостоверным фактом или непроверенным утверждением.

А если его нельзя верифицировать в силу субъективных причин — субъективно-оценочного характера, эмоциональности, сознательной неясности истинного смысла высказывания? Тогда мы сталкиваемся с оценочным суждением или оценочным высказыванием.

У события есть только одно свойство или один признак — то, что оно произошло или, напротив, не произошло. Ельцин выиграл президентские выборы 1996 года — это событие (фрагмент действительности). А суждений об этом событии может быть бесконечное множество. Например: *Ельцин выиграл благодаря поддержке электората А.И. Лебеда*. Это утверждение проверяемо и, видимо, является истинным (т.е. достоверным фактом). А вот другое высказывание: *Выигрыш Ельцина — благо для России*. Может быть, это и так. Но в условиях реального времени мы, во-первых, не можем это высказывание верифицировать — только будущий историк, может быть, будет располагать средствами для проверки подобного утверждения. А во-вторых, здесь и нечего верифицировать: это высказывание не укладывается в схему «произошло — не произошло». Оно вносит фактор «хорошо — плохо». А следовательно, это типичное оценочное высказывание.

Итак, перед нами некоторое событие. Оно либо произошло, либо нет. Это обычно требует дополнительного исследования или доказательства. Но возможны и исключения, когда сам факт наступления события ставится под сомнение. Так, то, что Л. Тер-Петросян выиграл президентские выборы в Армении, ставится под сомнение оппозицией, которая утверждает, что это событие не имело места, так как итоги голосования были сфальсифицированы. Но такие случаи редки.

По поводу происшедшего события могут быть высказаны различные суждения. Часть из них может быть верифицирована тем или иным способом. Те из них, которые не подтвердились, являются ложными (т.е. не являются фактами). Те, которые подтвердились, являются истинными (т.е. достоверными фактами). Другая часть суждений о событии объективно не может быть верифицирована в данный момент при нынешнем объеме и характере доступной нам информации, но если со временем появятся новые факторы (ранее неизвестный нам свидетель, вновь открывшийся архив и пр.), такая верификация может быть произведена. Эти суждения являются недостоверными фактами. Наконец, третья часть суждений вообще непроверяема по своей природе — это не факты, а оценочные суждения (высказывания).

Что же оценивают эти оценочные суждения и какими они бывают?

Оценка

Оценочные суждения можно классифицировать по разным основаниям.

Во-первых, по характеру оценки. Она может быть «эпистемической», т.е. связанной с оценкой достоверности суждения. Помимо «абсолютной» достоверности или недостоверности, выраженной грамматически — в наклонении и времени предиката (*Петр уехал*) или лексически — в словесном обосновании (*Петр уехал — я его вчера посадил на поезд; Никто не знает, Петр уехал или нет*), могут быть следующие виды эпистемических оценок:

- относительное утверждение: *Петр, по-видимому, уехал;*
- относительное отрицание: *Петр, по-видимому, не уехал;*
- эмфатическое утверждение (подтверждение утверждения): *Петр действительно уехал* (хотя существуют противоположные мнения);
- эмфатическое отрицание (подтверждение отрицания): *Петр не уехал-таки!*

Таким образом, здесь действуют два параметра: утверждение (отрицание) события и степень нашей уверенности (абсолютное — относительное — эмфатическое).

Но оценка может быть также «аксиологической», ценностной. Здесь участвуют три фактора — реальность (ирреальность), положительность (отрицательность) оценки и важность (неважность) события. Оценка реальности: *Петр уехал!* (это произошло). Оценка ирреальности: *Уехал бы Петр!* Или: *Пусть Петр уезжает* (он не уехал, но было бы хорошо, если бы он это сделал). Аксиологическая оценка (хорошо или плохо, что это произошло): *Слава Богу, Петр уехал.*

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

К сожалению, Петр уехал. Наконец, может быть высказывание с подчеркиванием значимости или важности события: *Обратите внимание, что Петр уехал.*

Оценка может быть «субъективной» или «объективной». *Петр, по-видимому, уехал. Петр, говорят, уехал. (Иван сказал, что) Петр уехал* — это оценки «объективные», данные кем-то помимо меня. *Петр, по-моему, уехал. Кажется, Петр уехал* — это оценки «субъективные», мое личное мнение об отъезде Петра, а не изложение чужих мнений по этому вопросу.

Характер оценки может меняться и в зависимости от «качества» эмоции, выраженной в высказывании. *Страшно подумать, что...; Какой стыд, что...; Какое счастье, что...; Радостно слышать, что...* В то же время эмоция имеет свое «количество», связанное со значимостью высказывания (чем более глубокое переживание, тем более значимо высказывание): *Радостно, что... — Какое счастье, что...*

Во-вторых, оценочные суждения различаются в зависимости от того, что именно они оценивают: событие или факт (истинное суждение о событии).

Пример оценочного суждения первого типа: *Иван — дурак.* Следует заметить, что такие суждения тоже (косвенно. — *Прим. ред.*) описывают события: ведь то, что Иван — дурак, следует из его поступков, действий, известных нам. Это эквивалент утверждения, что Иван ведет себя по-дурацки.

Примеры оценочных суждений второго типа см. выше (*К сожалению, Петр уехал* и т.д.).

В этих двух случаях оценочные суждения выражаются различными языковыми средствами. В первом случае это наречие, предикатив, слово категории состояния, краткое прилагательное. Во втором случае — сложноподчиненное предложение (*Жаль, что...*) или конструкция с вводным словом (*К сожалению,...*).

Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга. Одинаково возможны и *Иван, слава Богу, дурак* (а то бы еще и не такое натворил!), и *К сожалению, Иван — дурак.*

Обратите внимание: в нашем рассуждении фигурируют те же основные признаки (параметры) суждений, что и в текстах права (см. главу 2). Это, во-первых, истинность — ложность. Это, во-вторых, наличие или отсутствие оценки. Это, в-третьих, событийность: имело место событие или нет.

Событие

Факт, как мы видели, — это истинное суждение о том или ином событии. Таких истинных суждений может быть несколько. Они образу-

Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка

ют своего рода пучок признаков события. Событие X одновременно имеет признак A, и признак B, и признак C — каждый из этих признаков (характеристик события) выражается отдельным суждением.

Но очень существенно для этих суждений, чтобы они в совокупности полностью описывали данное событие. Что это значит?

У события есть своя внутренняя структура, свой «сюжет» или «сценарий». Иначе говоря, в нем есть объективные характеристики, без учета которых наше описание этого события будет принципиально неполным, а отсюда, может быть, и неверным. По мнению эстонского ученого И. Сильдмяэ (см. его книгу «Знания (когнитология)». Таллин, 1987, с. 21), в «сценарий» события входят: субъект, средства, объект, время, обстоятельства или условия, причина, цель, результат.

Значит ли это, что, скажем, журналист обязан, сообщая о каждом событии, обязательно «открытым текстом» перечислять все эти характеристики? Конечно, нет. Вспомним, что говорится в главе 2 о форме выражения сведений. Кроме «открытой вербальной формы», когда информация дается в форме отдельного высказывания, возможна «скрытая вербальная форма», когда эта информация «спрятана» внутри высказывания, содержится (обычно) в группе подлежащего. Но возможна и «пресуппозитивная», или «затекстовая» форма, когда те или иные сведения молчаливо считаются известными и пишущему, и читателю (или говорящему и слушающему). Например, если героем телепередачи является некий Иван Иванович, то необходимо сообщить, кто он такой. А если им является А.И. Лебедь или В.В. Жириновский, то о них сообщать ничего не надо: и журналист, и любой потенциальный зритель знает, кто они такие. Наконец, существует «подтекстовая» форма, когда информация черпается не из самого текста, а откуда-то из другого места. Скажем, из контекста, который «задает» характеристики события. Поэтому на «затекстовой» и «подтекстовой» информации журналист может «экономить», вводя в текст лишь то, что необходимо, — в особенности то, что ново для читателя или слушателя. Вообще событие как предмет сообщения в газете и на ТВ, как правило, частично, фрагментарно. Если в последних известиях сообщается, что произошло событие X, то время события уже задано общей рамкой. Если речь идет об известном персонаже, не нужна его биография, достаточно сказать, что нового с ним произошло. И так далее.

Если в характеристике события не хватает чего-то существенно, то это может иметь и печальные юридические последствия. Например, вся логика приговора по делу газеты «Мать», и без того шаткая, рухнет, если учесть, что инкриминируемый номер газеты является первоапрельским...

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Совокупность (или, может быть, лучше сказать «система»?) всех истинных суждений о событии, образующих завершённый «сюжет» этого события, может быть названа реальным фактом. А отдельно взятое истинное суждение о данном событии — это вербальный факт. Он неполон уже по определению, если даже и истинен. К нему нельзя «придраться» — он верен, но, взятый в отдельности, даёт неправильное (недостаточное, а то и извращённое) представление о событии. То, что А.Б. Чубайс получил деньги в качестве гонорара от некоторой коммерческой организации, не отрицают ни он сам, ни эта организация. Но вся суть в том, что время события — как раз то, когда Чубайс не был на государственной службе и, следовательно, имел право получать любые гонорары.

Образ события в газете и на ТВ

В сущности, журналист описывает не событие как таковое или не сценарий как таковой, а их психический образ. Этот образ складывается из указанных выше основных признаков события и — в идеале — должен отражать все эти признаки. Однако текст, соответствующий этому образу (описывающий этот образ), может, как мы видели, не включать описание некоторых признаков события (образа события). Журналист сознательно опускает соответствующую информацию, потому что он знает, что читатель или зритель, реконструируя на основе текста образ события, воспользуется своими знаниями и восстановит этот образ правильно и достаточно полно без дополнительной «подсказки».

Итак, событие выступает в сознании журналиста в виде образа события. Образ события описывается им при помощи текста, причём конечная задача этого текста — создать аналогичный образ события у реципиента (читателя или зрителя). Для этого не обязательно «полным текстом» описывать все признаки события, так как они могут быть восполнены реципиентом за счёт фоновых знаний, общих у автора текста и зрителя или читателя.

В этом процессе могут возникать намеренные и ненамеренные деформации. Так, у журналиста может быть неадекватный (неполный, например) образ события. Далее, он может быть неадекватно «переведен» в текст. Далее, текст может быть непригодным для правильного восстановления реципиентом образа события: например, в нём могут быть опущены сведения, необходимые реципиенту. И, наконец, даже если текст вполне корректен, тот или иной реципиент или группа реципиентов могут оказаться неспособными восстановить из текста правильный образ события. Журналист обязан предвидеть эту последнюю возможность и «закладывать» в свой текст дополнительный «запас прочности».

Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка

В аналитическом обзоре результатов мониторинга нарушений, касающихся СМИ, изданном Фондом защиты гласности (М., 1996), отмечено, что «...более всего зафиксированных конфликтов приходится на печатные средства (из 71 — 49), главным образом с участием газет. Электронные средства являлись участниками конфликтов заметно реже» (с. 34). Авторы обзора объясняют это рядом причин. Например, тем, что в печатных изданиях позиция журналистов или СМИ получает как бы материальную фиксацию, более доступную для оценки и последующего реагирования со стороны заинтересованных лиц («что написано пером — не вырубишь топором»; а с другой стороны, «слово — не воробей, вылетит — не поймаешь»). Это объяснение вполне убедительно, как и другое — что, по-видимому, материал, идущий в эфир, подвергается более строгому контролю. В целом «претензии на ущемление чести, достоинства и деловой репутации электронным СМИ предъявлены только в двух случаях, а печатным средствам — в 12» (с. 5).

Но думается, что причины отмеченного расхождения глубже. Они лежат в различии психических образов, описываемых в сообщении.

Договоримся прежде всего, что визуальный (в частности, телевизионный) сюжет есть такой же текст, как газетное сообщение, только построенный из другого «материала». Если газетное сообщение построено почти исключительно словесными средствами и лишь иногда дополняется визуальными материалами (обычно фотографиями), то сообщение ТВ базируется на зрительном ряде, комментируемом словесно. В этом последнем случае содержание сообщения (текста в широком смысле) как бы задано реальным событием, в то время как газетный журналист вынужден строить этот сюжет из отдельных, более или менее фрагментарных суждений.

Но в том-то и дело, что оно «как бы» задано! Визуальный текст обладает некоторыми свойствами, которые делают его не менее уязвимым, чем газетный и вообще словесный текст. Что это за свойства?

Зрительный образ воспринимается реципиентом как «объективный» и «самодостаточный». Реципиенту кажется, что, увидев происходящее своими глазами, он полнее и правильнее его понимает и истолковывает. При этом он упускает из виду, что, во-первых, зрительный образ события, фиксируемый тележурналистом, может быть с самого начала неадекватен событию, что еще больше углубляется словесным комментарием. Могут быть опущены как раз важнейшие характеристики события, а второстепенные, наоборот, выдвинуты на передний план. Но визуальный характер сообщения создает эффект «псевдоверификации»: я верю, потому что вижу своими глазами, и не задумываюсь, верно ли то, что я вижу, адекватно ли оно дей-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ствительному событию. Во-вторых, реципиенту кажется, что визуальное сообщение неэкспрессивно, неоценочно (особенно если в словесном комментарии нет явных оценочных суждений). Но ведь это совершенно не так! Почти всякое визуальное сообщение несет в себе элементы оценочности. Представим себе, допустим, телесюжет о солдатах (любой армии). Видеоряд может подчеркнуть тяжесть шагающих сапог, а может «увидеть» дыры на этих сапогах. Один и тот же человек может быть «пойман» телекамерой, когда у него доброе и беззащитное выражение лица, а может быть показан как жестокий насильник со зверским выражением лица. Возможностей такой оценочной характеристики у тележурналиста гораздо больше, чем у газетного репортера, но в отличие от словесного текста в визуальном тексте эта оценочность скрыта, реципиент может ее не заметить и чаще всего не замечает, принимая визуальное сообщение, так сказать, за чистую монету. Особенно часто экспрессивность и оценочность видеотекста связаны с избирательностью информации в зрительном ряде (см. Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко. Структура и содержание психического образа как механизма внутренней регуляции предметных действий// Психологический журнал. 1980. № 2). К тому же видеосообщение нельзя (теоретически можно, но, кроме телекритиков, этого никто не делает) «прокрутить» вторично, полученное от него впечатление уже, так сказать, ушло на переработку, и остался только психический след от него. Так что любая форма его верификации реципиентом затруднена.

Видеосообщение может представлять информацию, как и словесное сообщение, в различных формах. В открытой форме, т.е. в самом сюжете. В скрытой форме, т.е. в таких деталях видеосообщения, которые не являются его основным содержанием. В пресуппозитивной, или затекстовой форме (фоновые знания, подразумеваемые в сообщении). Наконец, в подтекстовой форме. Как раз эта форма подачи информации очень типична для телесообщений. Например, дополнительную смысловую нагрузку может давать та или иная верстка блока сообщений: событие можно поставить в определенный ряд, и оно начинает звучать иначе. Скажем, роскошная «тусовка» с икрой и шампанским на фоне сюжета о невыплате зарплаты в том или ином регионе и невозможности купить достаточно продуктов.

Таким образом, видеосообщение имеет, по существу, гораздо больший воздействующий потенциал, чем словесное сообщение, но это если и может быть замечено реципиентом, то весьма трудно для фиксации.

Что касается словесного сообщения, то оно в принципе стабильно и воспроизводимо, и это-то делает его более уязвимым.

Речевой акт (речевое действие)

В науке существует целое направление, предметом которого являются структура события и различные варианты его представления в сообщении, а также различная структура сообщений в зависимости от задач общения. Это направление называется речевой прагматикой, или прагмалингвистикой. Наиболее часто она отождествляется с так называемой «теорией речевых актов» или «теорией речевых действий». Следует, однако, иметь в виду, что понятие «речевое действие» употребляется и в другой научной области — так называемой психолингвистике, которая (в том ее варианте, который развивается в России) представляет собой деятельностную психологию, «приложенную» к исследованию речи. Процесс речевого и вообще коммуникативного воздействия, в частности при помощи радио и ТВ, проанализирован с этой точки зрения в кн.: «Психолингвистические проблемы массовой коммуникации» (М., 1974) и «Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации» (М., 1976). (См. также А.А. Леонтьев. Психология общения. Изд. 2. М., 1997.)

Теория речевых действий восходит к появившимся в 60-е годы XX века работам Дж. Остина и Дж. Серла и интенсивно развивается в различных странах, в том числе и в России. Мы не будем излагать здесь эту теорию и лишь остановимся на некоторых ее важных понятиях.

Пресуппозиция речевого акта — это характеристика отношений говорящего к ситуации общения. Мы уже употребляли выше этот термин в более узком смысле — для обозначения тех знаний о ситуации (событии), которые в тексте не выражены и лишь подразумеваются и говорящим (коммуникатором), и реципиентом сообщения.

Мотивировка речевого акта описывает, что является целью сообщения, чего хочет говорящий (коммуникатор). Поскольку это в самом сообщении не выражено, можно считать, что мотивировка есть один из видов пресуппозиции.

Наиболее существенно для нас понятие ориентированности речевого акта. У речевого акта есть конкретный адресат или аудитория. Возможны «индивидуальные» речевые акты, полностью замыкающиеся в межличностном взаимодействии: скажем, просьба о зажигалке к случайному прохожему. Возможны речевые акты, с самого начала публичные, адресованные группе людей (скажем, аудитории СМИ). Интересно, что адресат может быть конкретным и в то же время неопределенным; таков адресат высказывания «У нас не курят»: оно адресовано всему множеству курильщиков, но не как сообществу, а каждому курильщику в отдельности. Адресаты могут быть реальными и формальными, и они могут в том или ином конкретном речевом акте не совпадать: например, шутка обычно адресуется не

формальному собеседнику, а присутствующему при речевом акте третьему лицу или даже целой аудитории.

Некоторые другие аспекты теории речевых актов применительно к нашей проблематике проанализированы в Приложении 1 («Некоторые аспекты теории речевых актов»).

Расхождения в образе события и механизм введения в заблуждение

Мы видели, что в процессе речевого (более широко — вообще коммуникативного) акта образ события возникает дважды. Сначала это тот образ события, который образуется у коммуникатора (журналиста) и непосредственно воплощается в сообщении. А затем под воздействием сообщения у реципиента (читателя, зрителя) формируется свой собственный образ того же события. В идеале они должны совпадать: иными словами, сообщение должно быть построено так, чтобы у реципиента возник образ события, полностью соответствующий образу события, имеющемуся у журналиста.

Но это только в идеале.

Еще раз подчеркнем: даже сам образ события у журналиста может быть неадекватен подлинному событию. Это может происходить не обязательно по умыслу, «злой воле» журналиста: например, он может не полностью учесть все стороны реального факта, и вербальный факт, являющийся содержанием его сообщения, окажется неполным и уже поэтому неверным. Но может происходить и умышленно, когда в силу политической или иной ангажированности журналиста он сознательно и намеренно отбирает нужные ему признаки события.

Допустим, однако, что имеющийся у журналиста образ события достаточно полон и адекватен действительности. Означает ли это, что гарантировано совпадение образа события у этого журналиста и у реципиента сообщения?

Отнюдь нет.

Начнем с того, что из-за недостаточного языкового профессионализма коммуникатора содержание сообщения становится бессмысленным или интерпретируется заведомо ошибочно. Известно выражение Н.С. Хрущева «показать кузькину мать в производстве сельскохозяйственной продукции». Мысль если и была, то на пути к сообщению потерялась — текст стал бессмысленным.

Далее, возможен случай, когда коммуникатор и реципиент вкладывают в одно и то же слово или выражение различное содержание. Скажем, выражение «черная сотня» для людей демократического настроения обозначает агрессивную реакционную организацию, фашиствующих боевиков, не останавливающихся перед погромами и убийствами инакомыслящих или людей, воспринимаемых ими как

Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка

потенциальные враги («инородцев», в частности евреев, и др.). Исторически это нейтральное обозначение мещанства, в 1906 году использованное для самоназвания монархических боевых дружин. Объективное значение слова «сионист» резко расходится с его интерпретацией у правых и левых радикалов. Совершенно неадекватно часто понимается распространеннейший термин «демократия» и «демократы», и т.д.

Следующий случай: у реципиента возникают не запланированные коммуникатором дополнительные ассоциации или истолкования сказанного или написанного. Своего рода классикой стала история с П.Н. Милюковым, который, рассуждая в газете «Речь» (22 сент. 1907 г.) о взаимоотношениях кадетов и социал-демократов, написал: *«Мы сами себе враги, если... захотим непременно, по выражению известной немецкой сказки, тащить осла на собственной спине»*. Этот «осел» вызвал бурный протест в социал-демократической печати, и через три дня Милюкову пришлось разъяснять, что он не имел в виду назвать социал-демократов ослами: *«В немецкой сказке, на которую я ссылался, «носить осла» по совету прохожих — значит подчиняться чужим мнениям»*.

Еще один случай: когда сознательная деформация события коммуникатором или даже изложение несовершившихся событий, связанные с художественными, публицистическими или другими задачами (и предполагающие, что реципиент тоже понимает эти задачи и соответственно интерпретирует сообщение), воспринимается реципиентом как объективное изложение действительных фактов. Приведем только два примера. В первоапрельских номерах практически все газеты (и даже официальная «Российская газета») печатают шуточные сообщения как розыгрыш читателя. Однако всегда есть часть читателей, воспринимающих эти сообщения совершенно всерьез (например, звонящих в «Российскую газету» после первоапрельского сообщения о распродаже автомобилей «Белого Дома» — напомним, что это происходило после нашумевшего заявления первого вице-преьера Немцова). Другой пример — знаменитое выступление тогдашнего министра иностранных дел РФ Козырева на одном из международных форумов с апокалиптическим сценарием развития событий в России, имевшее целью всего лишь предупредить иностранных партнеров о сложности политической ситуации в стране и необходимости поддержки демократических сил. (Другой вопрос, что сама идея такого выступления — учитывая официальный государственный статус Козырева — едва ли была удачна).

До сих пор мы говорили о незапланированном, неумышленном расхождении образа события у коммуникатора и реципиента. Но та-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

кое несовпадение может быть и результатом сознательного введения реципиента (реципиентов, аудитории) в заблуждение.

Введение в заблуждение — это представление для реципиента в качестве истинного такого сообщения, которое или заведомо ложно (т.е. имеет место сознательный обман), или не является фактологическим, а содержит лишь одну оценку (т.е. вообще не может быть ни истинным, ни ложным). Еще один возможный вариант — когда недостоверное сообщение представляется как достоверное, верифицированное.

Эффективность введения в заблуждение зависит от ряда причин. Это, во-первых, уровень информированности коммуникатора и реципиента: коммуникатор либо пользуется тем, что он информирован лучше, чем адресат, либо делает вид, что он информирован лучше. Однако трудно или вообще невозможно ввести в заблуждение человека, который имеет достоверные знания о предмете сообщения в целом. Поэтому для противодействия введению в заблуждение исключительно важно всеми средствами стремиться поднять уровень знаний аудитории по данному вопросу. Многие ложные суждения о чеченцах, например, были бы неэффективны, если бы аудитория СМИ больше знала об истории Кавказа, отношениях между чеченцами и ингушами и пр.

Во-вторых, эффективность введения в заблуждение зависит от возможности для реципиента проверить истинность сообщения. Если это можно сделать без особых затруднений и, так сказать, поймать за руку коммуникатора, то не только манипуляция сознанием реципиента будет неэффективной, но и потеряется доверие к источнику (газете, телевизионному каналу, конкретному журналисту). Так, в некоторых российских и грузинских СМИ неоднократно повторялось утверждение, что у абхазов никогда не было своей государственности. Однако это утверждение фактически ложно: даже если считать, что Абхазское царство (VII в. н. э.) не было чисто абхазским (оно объединяло ряд народов нынешней Западной Грузии), с 1921 по 1931 год Абхазия была советской социалистической республикой (с 1922 г. в составе Закавказской Федерации), т.е. ее государственный статус почти ничем не отличался от статуса самой Грузии. Проверить это очень легко, как и аналогичное утверждение, что армянское население Нагорного Карабаха поселилось там якобы только в XVIII веке.

В-третьих, эффективность введения в заблуждение зависит от способности реципиента (аудитории) к экстраполяции (построению гипотезы о свойствах неизвестного объекта на основании знания об аналогичных свойствах известных объектов). Иными словами, речь идет об уровне интеллекта реципиента.

Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка

В-четвертых, она зависит от индивидуальных свойств реципиента (или групповых характеристик аудитории). Есть люди наивные, принимающие любое сообщение на веру, есть более скептические, допускающие возможность введения их в заблуждение и старающиеся по мере возможности проверить поступающую к ним информацию. Есть люди, заинтересованные в политической информации, есть люди, относящиеся к ней абсолютно индифферентно. И так далее.

В-пятых, эффективность введения в заблуждение зависит от уровня доверия реципиента к источнику. Проблема факторов такого доверия — самостоятельная научная проблема. Среди этих факторов и характер источника (скажем, с одной стороны, ОРГ — государственная компания, с другой — независимая компания НТВ), и знания реципиента о нем (скажем, кому принадлежит «Независимая газета»), и степень совпадения позиции источника и позиции реципиента, и персональная симпатия или антипатия к коммуникатору, и многое другое.

Наконец, в-шестых, эффективность введения в заблуждение зависит от используемых коммуникатором специальных приемов и средств манипулирования сознанием реципиента (аудитории).

В науке хорошо исследованы стратегии манипулирования сознанием реципиента массовой коммуникации (массовой информации). Существует множество работ, в основном американских, где дается перечень приемов подобного манипулирования. Приведем анализ, проделанный известным лингвистом и семиотиком Т.А. ван Дейком (его работы переведены и на русский язык), показывающий, какими способами в прессе создаются этнические предубеждения (примеры ниже даются, конечно, из российской жизни).

Сверхобобщение: свойства отдельных лиц и событий принимаются за свойства всех членов данной этнической группы или всех этнически значимых ситуаций. Скажем, агрессивный антирусский настрой, фундаменталистская исламская ориентация, склонность к разбою или грабёжам проецируются на национальный характер чеченского народа.

Приведение примера: перенос общих свойств, приписанных этнической группе или ее «типичным» представителям, на частный случай — человека или событие. Скажем, высказывается убеждение, что евреи суть агентура в нашем обществе сионизма и масонства. Это убеждение тут же конкретизируется в обвинениях, адресованных конкретному лицу еврейского происхождения (например, Гусинскому, Березовскому или Лившицу).

Расширение: негативное отношение к какой-либо отдельной черте или признаку распространяется на все другие признаки и на их носителей. Пример: после того, как часть колхозных рынков Моск-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

вы оказалась под контролем группы этнических азербайджанцев, что повлекло за собой стабильно высокий уровень цен, резко изменилось к худшему отношение многих москвичей к азербайджанцам в целом и даже к «кавказцам» без различия их конкретной национальности. (Впрочем, это был, по-видимому, стихийный процесс, а не сознательная манипуляция сознанием реципиентов. Но постоянное упоминание в прессе и электронных СМИ о «кавказцах», «лицах кавказской национальности» и т.п. способствовало этому процессу.)

Атрибуция: реципиенту навязывается «нужное» причинно-следственное отношение. Так, почти после каждого громкого террористического акта либо СМИ, либо чины МВД заявляли о «чеченском следе», хотя, как показывало дальнейшее разворачивание событий, никаких прямых оснований для этого не было.

В советское время анализ приемов манипулирования общественным сознанием был связан с разоблачением «буржуазной пропаганды» и «буржуазной журналистики». Время показало, что аналогичные приемы манипулирования порой применяются и в деятельности российских СМИ, да и вообще в практике социально-ориентированного общения (обсуждения в Государственной Думе, публичные заявления отдельных политиков и т.д.). Но серьезный профессиональный анализ этих приемов в последние годы не производился. Думается, что возвращение к этой проблематике могло бы сыграть важную роль в развитии демократии в России, обеспечении гласности, защите СМИ и журналистов от произвола власти и в то же время в защите общества от недобросовестного манипулирования общественной психологией со стороны отдельных лиц, политических и иных группировок.

«Смысловая защита» текста и уход из «зоны риска»

Под «зоной риска» мы будем понимать такой круг текстов или сообщений, которые потенциально могут быть объектом обвинений в клевете, унижении чести и достоинства, оскорблении и т.п. Конечно, любой текст СМИ, содержащий те или иные утверждения о каком-то лице или организации, может в принципе быть оспорен в судебном порядке; но всякий журналист и юрист интуитивно понимает, что «ходить бывает склизко по камешкам иным» (А.К. Толстой), и примерно представляет себе, по каким именно. Вот эти-то камешки, на которых журналист может легко поскользнуться, и образуют то, что мы здесь называем зоной риска. Иначе говоря, зона риска — это такие высказывания (сообщения, тексты), в которых журналист «подставляется» под возможность судебного процесса об унижении чести и достоинства или клевете, оскорблении и т.д.

Как по возможности не подставиться, т.е. осуществить «смысловую защиту» своего текста, сделать его минимально уязвимым в этом плане? Или, другими словами, какими стратегиями пользоваться, чтобы достичь своей цели, но в то же время сделать риск минимальным?

Обратите внимание, что мы все время говорим о минимуме риска, уязвимости и т.д. Даже если журналист будет соблюдать все изложенные ниже рекомендации, никто не может дать ему гарантии, что где-то он не просчитается и какой-то «рисковый» момент в тексте не останется незамеченным. А с другой стороны, и журналист, и его защитник, и истец со своим адвокатом, и судья, и эксперт могут нарушать законы и даже элементарную логику, имеют собственные мотивы и интересы, взаимно противопоставленные, совершают довольно очевидные ошибки и просчеты, вызванные их некомпетентностью или ангажированностью. Предвидеть их никто не может, а значит, и застраховаться полностью от всего этого невозможно.

Важнейшие рекомендации по смысловой защите текста сформулированы в рамках лингвистической прагматики (теории речевых актов). Изложим их с некоторыми дополнениями.

Г.П. Грайс (Логика и речевое общение// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985) и Дж. Лич (G.N. Leech. Principles of Pragmatics. N.Y., 1983) выдвигают два основных принципа любого общения. Это принцип кооперативности и принцип вежливости.

Принцип кооперативности (Грайс) заключается в том, что коммуникатор как бы работает с реципиентом в одной команде и любое его высказывание должно соответствовать их общим интересам. Этот принцип реализуется в нескольких постулатах или максимах:

1. Первая максима количества: твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется.
2. Вторая максима количества: твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.
3. Первая максима качества: старайся, чтобы твое высказывание было истинным.
4. Вторая максима качества, развивающая первую: не говори того, что ты считаешь ложным.
5. Третья максима качества, тоже развивающая первую: не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. (Или, пользуясь нашей терминологией, — не используй недостоверных фактов).
6. максима релевантности: не отклоняйся от темы (сути дела).
7. Первая (общая) максима прозрачности: выражайся ясно. Из нее следуют еще четыре:
8. Избегай непонятных выражений.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

---

9. Избегай неоднозначности.
10. Избегай ненужного многословия.
11. Организуй свое сообщение.

Что касается принципа вежливости, то он (по Личу) предполагает следующие постулаты:

1. Постулат такта: соблюдай интересы других и не нарушай границ их личной сферы. Одним словом, создавай максимум удобств для другого.
2. Постулат великодушия: не затрудняй других, т.е. создавай для себя минимум удобств, а для других — минимум неудобств.
3. Постулат одобрения: минимизируй число отрицательных оценок, стремись к максимально положительной оценке других.
4. Постулат скромности: минимально одобряй себя и максимально критикуй себя. Исходи всегда из допущения, что ты не прав.
5. Постулат согласия: стремись к максимальному согласию с другими, устраняй возможные разногласия.
6. Постулат симпатии: проявляй к другим максимум доброжелательности.

Можно добавить к перечисленным рекомендациям еще три, назовем их «правилами»:

1. Правило приоритета: старайся аргументировать не качествами или сложившимся в общественном сознании образом того или иного человека, а его поступками, действиями.
2. Правило конкретности: старайся говорить не о действиях вообще, а о конкретном поступке в конкретной ситуации.
3. Правило положительной мотивации: старайся искать в первую очередь позитивные движущие силы поступка («Хотели как лучше, а получилось как всегда»).

Эти рекомендации (максимы, постулаты и правила) на первый взгляд кажутся очень абстрактными. На самом деле они вполне конкретны и даже операциональны и ими нетрудно руководствоваться на практике. Например, постулат великодушия требует от журналиста, чтобы он в самом сообщении привел и аргументированно отбросил трактовки события, противоречащие его собственной трактовке. А правило приоритета действия запрещает политическому деятелю говорить о «мальчишках в розовых штанах».

Помимо изложенных выше рекомендаций в лингвистической прагматике есть концепция так называемых стратегий позитивной вежливости, стратегий негативной вежливости и стратегий вуалирования. Они разработаны для целей оптимизации диалогического взаимодействия, но часть из них применима и к ситуации социально-ориентированного общения, в частности к деятельности журналиста.

Глава 3. Событие, факт, суждение и их оценка

Стратегии позитивной вежливости (П. Браун и С. Стивенсон) включают в себя, в частности, следующие приемы:

1. Демонстрация интереса к собеседнику (аудитории).
2. Создание атмосферы внутригрупповой идентичности: «мы с вами».
3. Стремление к согласию с собеседником или аудиторией, подчеркивание общих позиций.
4. Избегание несогласия. Авторы считают, что «Да, но...» всегда лучше, чем «Нет». Применительно к деятельности журналиста это означает, в частности, что он показывает, что в чем-то его потенциальный или реальный оппонент прав, хотя в главном и ошибается.

Стоит обратить внимание, как эти и другие стратегии позитивной вежливости использует В.В. Познер в своих телепередачах.

Стратегии негативной вежливости в основном ориентированы на общение с конкретным собеседником. Применительно к СМИ они актуальны прежде всего для интервью и передач с участием непрофессионалов (типа только что упомянутых передач Познера):

1. Избегание прямых просьб и тем более требований, их «объективизация».
2. Формулирование высказываний в «модальной упаковке»: не «Вы говорили...», а «Насколько я помню, Вы говорили...».
3. Выражение «пессимизма» в просьбе, сомнение в том, что она выполнима: «Вы едва ли согласитесь рассказать нам все, что Вам известно ...».
4. Возвышение адресата и принижение самого себя: «Я не знаю этого, но Вы-то не можете не знать».
5. Готовность извиниться: «Конечно, Вам трудно... но я вынужден...».
6. «Имперсонализация» собеседников: не «Я» и «Вы», а: «Допустим, кто-то...», «человек Вашего возраста и образования» и пр.
7. Генерализация требований: не «Не делайте так», а «Так обычно не делается».
8. Номинализация утверждений, перевод конкретных событий в разряд более общих явлений.

Стратегии вуалирования состоят в том, чтобы избежать навязывания своей позиции реципиентам (собеседнику или аудитории). Они близки к стратегиям негативной вежливости, но имеют задачей не только не задеть собеседника, но и подчеркнуть свою значимость, «сохранить лицо». Большая часть таких стратегий ориентирована на межличностное общение. Приведем некоторые из них:

1. Намеки через ассоциации: «Следующий министр обороны опять будет штатским» — имеется в виду одно из двух конкретных лиц.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

---

2. Многозначная метафоризация: «Н. — настоящая рыба» (пьет? плавает? скользкий?).

3. Неопределенность: «Кто голодает и кто кому помогает — не предмет дискуссии» (В. Лукин в «Известиях» о Северной и Южной Корее).

4. Двусмысленность: «Инвестор нас не поймет...» («Неделя»).

5. Замещение адресата (обращение в тексте к одному адресату, реально текст рассчитан на другого).

В целом можно заметить, что в текстах опытных и талантливых журналистов реализуются все указанные и не перечисленные здесь стратегии. В то же время нередки журналистские тексты, где автор «лезет напролом». Например, политическая кампания в поддержку союза России и Белоруссии на страницах «Российской газеты» поражала своим непрофессионализмом и прямолинейностью, перераставшей в психологическое давление на читателя.

Еще одним способом «смысловой защиты» является аккуратное и продуманное употребление так называемой инвективной («обвинительной») лексики и фразеологии. Ей и другим собственно лингвистическим вопросам, связанным с предметом нашей работы, будет посвящена следующая, четвертая глава.

Глава 4. ОЦЕНКА И НЕНОРМАТИВНОСТЬ В МАТЕРИАЛАХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Обсуждение проблемы использования так называемой ненормативной лексики в современных средствах массовой информации — и прежде всего в связи с такими правовыми понятиями, как оскорбление и клевета, — обусловлено в конечном счете начавшимися с середины 80-х годов XX века процессами развала советской тоталитарной системы и последствиями этих процессов в постсоветское время.

Оскорбление и клевета, особенно оскорбления, воспринимаемые как таковые их «адресатами» в результате анализа содержания соответствующих письменных и устных текстов, высказываний, реплик, могут сопровождаться — и часто сопровождаются — словами, выражениями, речевыми оборотами инвективного характера, недопустимыми с точки зрения общественной морали, нередко заключающими в себе резко негативную оценку адресата в непристойной, циничной форме (см. в связи с этим главу 2). Оскорблением представляются и сами такие лексико-фразеологические единицы.

Указанные слова и выражения, используемые, в том числе и в СМИ, в целях нанесения оскорбления адресату речи (а также другому лицу, становящемуся объектом оценки или характеристики со стороны говорящего или пишущего) или клеветы на него, в юридической литературе и правоохранительной практике обычно и обозначаются как «ненормативная лексика».

При обсуждении вопроса об использовании ненормативной лексики в СМИ в целях оскорбления адресата (или третьего лица) или без такой сознательной цели, но в ситуации, трактуемой адресатом (третьим лицом) как оскорбление, необходимо уточнить некоторые понятия и термины.

Понятие ненормативной лексики

Требует уточнения сам термин (и соответствующее ему понятие) «ненормативная лексика».

Термин «ненормативная лексика» (под «лексикой» в составе этого и аналогичных терминологических словосочетаний: «бранная, разговорная, инвективная лексика» подразумеваются и лексика, и фразеология, т.е. и слова, и словосочетания) можно понимать двояко:

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Как обозначение того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии.

В этот разряд слов и выражений входят, с одной стороны, лексико-фразеологические единицы из «внелитературной» сферы русского национального языка (т.е. они находятся вне сферы действия норм литературного языка): из просторечия, жаргонов, территориальных диалектов, например: *растащилровка, козел, вертухай...*, с другой стороны, слова и выражения, принадлежащие литературному языку, т.е. нормированные, например: *негодяй, подлец, мерзавец, врун...*

Уже из такой обобщенной характеристики ненормативной лексики ясно, что и в самой этой лексике, и в соответствующей области словоупотребления много неопределенного:

В реальной повседневной речевой коммуникации отражается дробная дифференциация социально-культурных групп населения, микрогрупп, разного рода социальных коллективов. Соответственно наблюдается пестрая мозаика речевых манер, способов выражения мыслей и эмоций, тактик и стратегий диалогов, построения письменных и устных текстов, употребления слов... Во всем этом океане речи находят в свою очередь отражение специфические, «свои» узловые нормы речевого поведения каждой из социально-культурных групп населения и микрогрупп, в том числе и способы выражения представлений о приличном и неприличном. Очевидно при этом, что эти нормы зачастую резко расходятся (в силу расхождения с общепринятыми в данном обществе нормами речевого поведения) с нормами литературного языка. Так, известны своей «оригинальностью» речевого поведения и общения армейский быт, лагерно-тюремный быт, микрогруппы исключительно мужских (или исключительно женских) производственных коллективов и т.п.

В связи с отмеченным социокультурным разнообразием повседневной речевой коммуникации важно для обсуждаемой проблемы обратить внимание вообще на характер процессов, происходящих в современной русской речевой коммуникации примерно с конца 80-х годов XX века.

В последние годы наблюдается значительное количественное и качественное усложнение таких сфер русской речевой коммуникации, как устная публичная речь, язык радио и телевидения, газетно-журнальная публицистика.

Дело в том, что в последние годы в силу известных исторических, экономических, политических, культурно-идеологических причин,

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

порожденных распадом тоталитарной системы на территории бывшего СССР, в сферу книжной речи (письменных и устных текстов) литературного языка — речи нормированной, неспонтанной, совершающейся в условиях официальности — мощным потоком вливается (не будет преувеличением сказать — врывается) значительная масса речевых явлений (в том числе, конечно, и инвективного характера), традиционно — до примерно 80-х годов XX века — функционировавших на периферии русской речевой коммуникации, исключительно в ее устной сфере: в рамках городского просторечия, в узких рамках таких жаргонов, как лагерно-тюремный и жаргон уголовников, в территориальных рамках диалектов, а также в рамках достаточно распространенного так называемого «молодежного жаргона». Обычно отдельные элементы этих речевых сфер эпизодически попадали в тексты детективов, художественных произведений о молодежи, звучали с экранов опять-таки детективных и молодежных фильмов, немного чаще фигурировали в прессе, в основном молодежной, и достаточно широко — в авторской песне. Эти процессы берут начало в 60-х годы XX века, они связаны с публикацией в годы хрущевской «оттепели» художественных произведений и мемуарной литературы, посвященной сталинским лагерям.

Широкая экспансия ненормированной русской речевой стихии, наблюдаемая в годы перестройки и в постсоветское время, да еще в условиях фактической монополизации в языковой жизни общества звучащей радио- и телевизионной речи, представляет серьезную опасность для стабильности литературного языка, расшатывает сложившуюся систему литературных норм.

Данная здесь (по необходимости суммарная) оценка ситуации, сложившейся в современном русском языке, в современной речевой коммуникации, убеждает в том, что проблема квалификации употребления слов и выражений инвективного характера как оскорбления, с одной стороны, значительно усложняется:

а) в связи с усиливающейся размытостью границ и состава самой инвективной лексики в силу:

- расширения социокультурного состава соответствующих речевых единиц, то есть проникновения в сферу обычного общения жаргонных, просторечных, вообще маргинальных, внелитературных слов и выражений,
- неустойчивости, известной неопределенности негативно-оценочных коннотаций таких единиц в (по существу) новых для них контекстах употребления в иной (тоже новой для них) функциональной сфере употребления (из устной неформальной сферы жаргона, городского просторечия и пр. они перехо-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

дят в официальную сферу массовой коммуникации или публичного выступления),

- быстрого, резкого расширения ситуаций общения, изменения характера речевых ситуаций (от межличностной к массовой коммуникации, к прямому переносу бытовых ситуаций в сферу официальных отношений);

б) в связи с процессами дестабулизации обценной (инвективной) лексики, наблюдаемыми в последние годы в печати, в электронных СМИ, на страницах художественной литературы. Эти процессы были обусловлены в конечном счете эпохой гласности, снятием запрета на публикации эротической продукции (изобразительной и вербальной), на обсуждение интимной жизни популярных людей (в основном певцов, артистов, «новых русских» и т.п.), а также, и в немалой степени, обострением политической борьбы в постсоветской России. Это последнее тоже привело к резкой активизации инвективной лексики, откровенной брани, особенно в прессе, оппозиционной нынешним властям.

С другой стороны, в связи с только что изложенным серьезно возрастает актуальность проблемы для общества в целом и для юридической практики в частности.

В состав инвективной лексики входят известные разряды слов и выражений, относящиеся к литературному языку, т.е. вполне соответствующие литературным нормам.

1-й разряд составляют констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо, например: *бандит, вор, мошенник, педераст, проститутка, фашист, шпион...* Такие слова к тому же нередко имеют четкую юридическую квалификацию — ср., например, о словах-понятиях *вор, мошенник, взяточник, сутенер, шулер* в Комментариях к УК РСФСР.

Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначаемых ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики. См., например, толкование некоторых таких слов в современных словарях: *Бандит...* — участник банды, вооруженный грабитель...; *Бандитизм...* — вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооруженных банд, с участием в них и в организуемых ими нападениях с целью грабежа, насилия, убийств, разрушений чего-либо и т.п. (Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, с. 60); *Жулик...* — вор, занимающийся мелкими кражами (там же, с. 488); *Проститутка...* — женщина, занимающаяся прости-

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

туцией; публичная женщина (там же, т. III, с. 525); Педераст... — тот, кто занимается педерастией (там же, с. 37); Шпион... — тот, кто занимается шпионажем; ср. Шпионаж... — преступная деятельность, состоящая в секретном собирании сведений или материалов, составляющих государственную тайну, с целью передачи их другому государству (там же, т. IV, с. 728); Фашист... — сторонник и последователь фашизма, член фашистской партии (С.И. Ожегов. Словарь русского языка/ Изд. 23-е, испр. М., 1991, с. 847).

При переносном, метафорическом употреблении такого рода слова приобретают пейоративную (осуждающую), инвективированную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика. Негативная оценка таких слов при их метафорическом употреблении значительно усиливается. См., например: Проститутка... — разг. О продажном, крайне беспринципном человеке (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. III, с. 525); ср.: Политическая проститутка... — презр. Беспринципный и продажный политик (Ожегов, с. 620).

2-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера. Например: антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, ренегат, русофоб, юдофоб... Ср. враг народа. В отличие от слов 1-го разряда эти слова переносного употребления не имеют (видимо, в силу присутствующей уже в номинативном употреблении яркой экспрессивной окраски). Такого рода слова, обращенные к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, воспринимаются и расцениваются им как клевета.

3-й разряд — это нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: бюрократ, коновал, мясник, чиновник..., которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. Например: Бюрократ... — 2. Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; формалист, буквоед... (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, с. 131); Коновал... — 2. Разг., пренебр. О плохом, невежественном враче (там же, т. II, с. 91); Мясник... — Перен., предикат. О жестоким, склонном убивать человеке. Помню, выслушав историю царствования Ивана Грозного..., Изот сказал: — Скушный царь! — Мясник, — добавил Кукушкин (Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. IV. Л., 1984, с. 247); Палач... — 2. Перен. Жестоким мужчи-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

тель, угнетатель (Ожегов, с. 487); *Чиновник...* — 2. *Перен. Человек, который ведет свою работу равнодушно, без интереса, бюрократически* (Ожегов, с. 882); *Чинуша...* — *Презр. То же, что чиновник (2-е знач.)* (там же).

4-й разряд — зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п.; многие из таких метафор относятся к бранной (инвективной) лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, свиное рыло, сука, сукин сын...*

5-й разряд — слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики (*украсть, убить, мучить, издеваться, насилловать, хулиганить, врать, воровать...*) и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской (*хапнуть, двурушничать, лицемерить, лихоимствовать, прикарманить...*). Очень часто подобная характеристика действия переносится на самого деятеля. Одно дело, если мы говорим, что *N лицемерит* (с этим можно не соглашаться, но здесь нет оснований для правового вмешательства), но совсем другое, если утверждается, что *N — лицемер* (то есть лицемерие — его постоянный признак).

6-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией. Например: *дурак, гадина, гнусный...* (все они — в рамках литературного языка).

7-й разряд составляют в основном словосочетания, представляющиеся эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда. Тем не менее в эмоционально напряженной речи эти эвфемизмы в не меньшей степени оценочны, чем соответствующие «прямые» обозначения адресата. Например: *женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*. Важно подчеркнуть, что словосочетания этого разряда относятся преимущественно к книжной речи.

8-й разряд составляют окказиональные образования (часто построенные на игре слов, каламбурах), создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. Имеются в виду окказионализмы, создаваемые, с одной стороны, на базе словообразования, как, например, *коммуняки* (аффективный суффикс -як-), *иудокоммунисты* (словосложение), *дембанда* (сложносокращенное слово), с другой

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

— на основе каламбурного звукового сходства окказионализма с уже существующим словом, обычно дающего негативную оценку или возбуждающего оскорбительный намек. Например: *дерьмократы* (*дерьмократы*), *серреализм* (ср. серый), *прихватизация*; сюда же относятся аббревиатуры, омонимичные негативно оценочным словам, например: *ВОР* — *временный оккупационный режим* («День», 1993, № 9), *БиДе* — *Белый Дом* (МК, 12.10.1993). Наконец, возможна сознательная деформация имени собственного с оскорбительным (по крайней мере, в глазах говорящего или пишущего) намеком: *Ельцин* — *Эльцин*.

В лингвистике ненормативной называют лексику, которая не относится к литературному языку. Это слова из просторечия, жаргонов, диалектов. На них не распространяется действие норм литературного языка, литературной речи.

Таким образом, термин «ненормативная лексика» некорректен, так как при его употреблении в юридических контекстах наблюдается контаминация (смешение, объединение) терминов (и понятий) из разных областей человеческой деятельности: контаминируют юридическое, имеющее весьма обобщенный характер, и лингвистическое, которое предполагает недопустимость (или допустимость при строго определенных условиях контекста, речевой ситуации) использования данной речевой единицы в рамках литературного языка официального (профессиональная, деловая сфера, тексты СМИ) общения и в речи интеллигентных людей.

Обсценная («запретная») лексика

Необходимо внести определенность в восприятие и общественную оценку понятия и употребления термина «обсценная» и «табуированная» лексика. Речь идет о так называемом мате.

Оставляя в стороне вопрос о лингвистическом и культурно-историческом генезисе русского мата, подчеркнем, что жесткий запрет на публичное употребление обсценной лексики и фразеологии, идеографически и семантически связанный с запретной темой секса, сексуальной сферы, вообще «телесного низа», сложился у восточных славян — предков русских, украинцев, белорусов — еще в языческую эпоху как прочная традиция народной культуры и строго поддерживался и поддерживается православной церковью на протяжении 1000 лет. Так что данное табу имеет в русском народе давнюю традицию, освященную не одним тысячелетием.

И в настоящее время — при всех отрицательных идеологических и технологических влияниях цивилизации XX века на национальные культуры, на шкалу национальных духовных ценностей — для рус-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ского народа, носителя и хранителя таких ценностей, для его менталитета и языка как продукта и выразителя многовековой культуры данный пласт лексики и фразеологии (и связанные с ним ассоциации) остается табуистически маркированным явлением АНТИкультуры (как и построенные на этой лексике и фразеологии или с ее участием обцененные тексты: анекдоты, юморески, прибаутки и т.д.), абсолютно неприемлемым в современной русской общественной речевой коммуникации (при всей «привлекательности» как запретного плода для известных социально-культурных групп и социально-речевых ситуаций). Академик О.Н. Трубачев писал в связи с изъятием из текста русского перевода «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, изданного в Германии, непристойных слов, слов половой сферы: «Наша общепринятая культура речи и языка принципиально исключает неприличную лексику. Понять это можно. Слова, ничего не говорящие немецкому читателю, лишенные каких-либо социальных и чисто человеческих акцентов, толкуемые и этимологизируемые по-немецки, немедленно приобретали маркированный характер, как только попадали в русский литературный контекст, да еще двадцатитысячным тиражом. Наш читатель к этому не привык... Негативный заряд этих слов и понятий был слишком велик. Вопрос этот отнюдь не только научный, он связан с традициями культуры и этики».

В последние годы серьезно возросла активность обцененной лексики и фразеологии в разговорной речи, в условиях межличностной коммуникации при неформальном общении (речевая манера, присущая так называемому нонстандарту, сопровождаемая актуализацией мата, охватывает все более широкие, так сказать, нетрадиционные группы населения, включая женщин и школьниц-подростков, наиболее консервативных до недавнего времени по отношению к обцененной, вообще бранной лексике и фразеологии), а также и в речи книжной, преимущественно в СМИ (в печати и в электронных СМИ, в кинофильмах), в устной публичной речи политического характера, в художественной (и околохудожественной) литературе постмодернистского направления, в частности в новой волне драматургии и соответственно в театральных спектаклях. Как с горечью заключает Виктор Астафьев по поводу широчайшего распространения в современной речи мата, «мерзость теперь окружает нас почти повсеместно. С ней встречаешься уже не только в подворотнях, но порой и на высоких собраниях» (В. Астафьев. Черемуховые холода /Правда, 1991, 7 дек.). Исследователь современной бранной лексики профессор В.М. Мокиенко констатирует: «Депутаты Верховного Совета, президенты, мэры

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

городов и главы администраций не гнушаются «простым русским словом» или, в крайнем случае, его эвфемизмами. Мат, как и жаргон, стал своего рода модой — как, впрочем, и популизм в его самом обнаженном варианте».

Что касается СМИ, то обсценная и вообще грубая, бранная лексика и фразеология (включая грубопросторечную лексику сферы социальных отношений) получают сравнительно широкое распространение прежде всего в оппозиционной прессе (см., например, аббревиатуру Е.Б.Н. (День, 1993, № 9) — из инициалов Ельцина; см. также окказионализмы — дерьмократы, демпроститутка), в публицистических комментариях радио и ТВ, в интервью с известными людьми (актерами, писателями...). Здесь популярно слово «блядь» и его производные в получивших широкое распространение эротических изданиях. Активизации обсценной лексики в значительной мере способствуют переиздания эротической и откровенно непристойной поэзии, появление на книжном рынке сборников анекдотов советского времени, «заветных» сказок А.Н. Афанасьева и Н.Е. Ончукова и других аналогичных фольклорных материалов, словарей русского мата и т.д. Как точно констатировала немецкая исследовательница З. Кёстер-Тома, «непечатное слово стало печатным» (указ. соч., с. 26).

Происходит, таким образом, детабуизация обсценной лексики. Это отмечается в специальной научной литературе.

Между тем известное снижение «порога допустимости» в литературных текстах, письменных и устных, отнюдь не снимает характера непристойности, крайней грубости и цинизма, заключенного в семантике, экспрессии, остро негативной оценке, присутствующей в обсценных словах и выражениях, и соответствующих ассоциаций, вызываемых ими, т.е. всего того, что считается неприемлемым в общении между людьми в цивилизованной среде.

В научной литературе обсценный текст нередко рассматривается в контексте игры. С этой точки зрения «формирование в процессе игры иного, альтернативного реальному миру ослабляет культурный запрет на использование бранных выражений. Иллокутивная (воздейственная. — Ред.) сила брани в игровом контексте оказывается направленной на другой мир, на воображаемых, а не на реальных участников общения. Игра, по крайней мере отчасти, позволяет снять с говорящего возможные обвинения в нарушении табу на обсценные выражения» (Василий Буй. Русская заветная идиоматика, с. 298). Все же и игровое употребление обсценных слов и выражений, как справедливо считает Б.А. Успенский, не снижает степени их табуированности.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Поэтому в какой бы функции (о функциях мата см. далее) ни выступала obscene лексика и фразеология (за исключением художественного произведения — и то при условии достаточно основательной эстетической и коммуникативной мотивированности данных лексико-фразеологических единиц в художественном тексте), такого рода слова и выражения, равно как публичное использование их, являются нарушением норм общественной морали в особо грубой и циничной форме. Будучи обращены к конкретному адресату, они суть оскорбление словом — также в особо грубой и циничной форме — с целью унижить, опорочить, обесчестить адресата (или отсутствующее третье лицо). Ведь факт распространенности и усиления преступности не делает сами преступления менее опасными и более приемлемыми для общества!

Известную детабуизацию obscene лексики следует рассматривать в контексте общей тенденции к огрублению речи, которая характерна для современной русской речевой коммуникации (см. Л.П. Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи, с. 484).

В таком контексте процесс детабуизации мата четко соотносится с идущими параллельно и во многом перекрещивающимися процессами своеобразного «раскрепощения» жаргонной и арготической лексики и фразеологии или одновременно с широкой экспансией этого фрагмента устной ненормированной речевой стихии не только в область разговорно-литературной речи, но и в сферу строго кодифицированной книжной речи, в такие влиятельные сейчас ее разновидности, как СМИ, устная публичная речь политического характера, язык газеты. «Свобода слова, — подчеркивает Л.К. Граудина, — вывела жаргон из подполья... В 80–90-е годы XX века происходит новое нашествие арготических слов, так называемая третья волна по сравнению с первой (1910–1920-е гг.) и второй (1940–1950-е гг.)».

Лексика и фразеология из (главным образом) лагерно-тюремного и уголовного жаргона, а также из так называемого молодежного жаргона широко используется в текстах самой различной тематики, принадлежащих СМИ, устной политической речи; она фигурирует в официальной и неофициальной речи людей разного социального статуса, возраста, культурного уровня. См., например, сообщение газеты «Коммерсантъ» со ссылкой на народного депутата РСФСР В. Лысенко о том, что М.С. Горбачев назвал приехавших к нему в Форос членов ГКЧП мудаками. Президент не опроверг это, но уточнил, что «послал их туда, куда обычно посылают русские люди» (см. Е.Н. Ширяев. Культура речи..., с. 38).

Вместе с присущими жаргонной речи, особенно лагерно-тюремному и уголовному жаргону, грубостью выражения, интеллек-

---

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

туальным и эмоциональным примитивизмом многочисленные жаргонизмы привносятся в современные литературные тексты негативное восприятие жизни, грубые, натуралистические номинации и оценки, примитивное, приземленное выражение мысли и эмоций.

Эта лексика и фразеология, сама речевая манера носителей жаргона, переносимые в литературные тексты, и мат, связанные с ним грубо натуралистические, непристойные номинации, оценки и ассоциации, дополняя друг друга, представляются достаточно полной материализацией указанной выше одной из ведущих тенденций современной устной речевой коммуникации — огрубления литературной речи, письменной и особенно устной, как неофициальной, так и официальной.

Инвективная лексика и фразеология

Для целей изучения проблемы идентификации слов и выражений, которые являются оскорбительными и/или клеветническими, а также могут быть квалифицированы как таковые в ситуациях, существующих или создаваемых в современных СМИ и в устной публичной речи, целесообразно ввести понятие и термин инвективная лексика и фразеология.

Прилагательное «инвективный» — производное от существительного «инвектива». Это существительное, означающее «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад», восходит к лат. *investiva oratio* (бранная речь).

Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже прибегают к «приличной» форме — эвфемизмам, вполне литературным). См., например, из писем читателей: «Поганые твари, погань, сволочи, вместе с Ельциным вас, как гнид, надо уничтожать!» (газ. «Не дай Бог!», 1996, № 9).

Основная часть инвективной лексики и фразеологии составляется из лексики бранной, относящейся отчасти к диалектам, но главным образом к просторечию, а также к жаргонам, и характеризуется грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой, чаще всего циничного характера. Например: *говнюк, гад ползучий, дерьмо, застранец, лахудра* (из сибирских диалектов), *падла, обалдуй, сука сраная...*

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Значительное место в инвективной лексике занимает та часть бранной лексики, которая относится к табуированным словам и словосочетаниям, к мату. Например: *блядь (-ища), долбоёб, ёбарь, жопа* (перен.), *курва, манда, мандавошка, мудак, мудила, мудаёб, пизда* (перен.), *пиздюк* и другие производные, *хер* (перен.), *хуй* (перен.) и производные, *хуй на палочке, хуй (хер) моржовый...*

Среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным ее пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своем большинстве образуют так называемую грубопросторечную лексику. Например: *девка* (о распутной женщине, проститутке), *гад* (перен.), *гаденыш* (перен.), *гадина, гнида* (перен.), *подлый, подлюга, сволочь, скотина* (перен.), *стерва, сукин сын, старый хрен, хамово отродье...* Все эти и подобные слова в современных толковых словарях характеризуются как «бранные», «грубые» или «презрительные».

Есть и слова, относящиеся к разговорно-обиходной лексике, например *грабеж* (перен.), *мерзавец (-ка), поганый, сброд, свинья* (перен.), *хам, хамье, ханжа...*

Следует признать, что бранная лексика весьма подвижна в своем составе. Из нее могут выходить некоторые лексемы и целые тематические разряды слов, как, например, *барин, барыня, господин, буржуй, буржуйский, белый, белогвардеец, кулак, тухлый интеллигент*, актуальные в 20-е годы XX века, а потом во многом или почти утратившие негативную оценку и негативную экспрессию. В то же время в последние годы приобрели явную негативную оценку прилагательное «номенклатурный» и слова, производные от слова «номенклатура»: *партноменклатура, номенклатуристик*, прилагательное «красный» в составе субстантива *красно-коричневые*. В целом эту лексику отличает диффузность ее значений, которая обусловлена экспрессивным характером слов и выражений, составляющих этот лексико-фразеологический разряд. Данное обстоятельство (см., например, В.М. Мокиенко. Русская бранная лексика..., с. 59) создает известные трудности в определении границы между собственно бранными, в том числе и инвективными, единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями, передающими определенное состояние говорящего без особых агрессивных интенций, например: *баба* (о робком, слабохарактерном мужчине), *балбес, оболтус* (о подростке, парне), *босяк, балаболка, гоп-компания, горлопан, горлодер, хлыщ, шушера, шаромыжник...*

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

В состав инвективной лексики входят также слова и словосочетания, находящиеся за рамками бранной лексики. Имеются в виду лексико-фразеологические единицы 1, 2, 3, 5-го разрядов в разделе о «ненормативной лексике» (см. выше).

Входя значительной своей частью в состав бранной лексики, инвективная лексика, в свою очередь, состоит в основной массе из лексики «внелитературной» сферы современного русского языка: слов и фразеологии просторечия, жаргонов, отчасти диалектов.

Из сферы литературного языка в ее состав включаются лексико-фразеологические единицы преимущественно разговорной речи, главным образом лексики «грубопросторечной» (или «грубофамильярной», «вульгарной»), а также из сферы обиходно-бытовой речи.

В состав инвективной лексики (и фразеологии) входит и известная часть обцененной лексики (и фразеологии), целиком находящейся за рамками литературного языка.

Обцененная лексика наделена в русской речевой коммуникации рядом функций, из которых в рамках инвективной лексики реализуется по крайней мере одна — оскорбить, унижить, опорочить адресата речи.

В этом случае коммуникация является всегда адресной, имеет место персонализация обцененной и вообще инвективной лексики и фразеологии. Эта функция мата реализуется и в публичной сфере речевой коммуникации, в том числе может фигурировать в СМИ (в прессе и в электронных СМИ).

Другие функции обцененной лексики в речевой коммуникации связаны с безадресностью этой коммуникации, они не предполагают обращенность на конкретное лицо. Назовем наряду с только что указанной следующие:

а) эта лексика выступает в качестве идентифицирующего кода-сигнала окружающим, что говорящий, органично употребляющий матерную лексику и фразеологию, — «свой»;

б) использование мата в устной бытовой речи, в основном в речевом обиходе интеллигенции, как реакция на систему тоталитарных запретов в сфере духовной культуры, общественно-политической деятельности;

в) тесно связанное с предыдущим использование мата как своеобразная бравада вседозволенностью;

г) как достаточно сильное экспрессивное (стилистическое) средство оживить, сделать более эмоциональной речь говорящего (реже — пишущего), с одной стороны, в дружеской беседе, в застолье, а с другой — в обстановке публичности: на митинге, во время встречи с аудиторией, часто в популистских целях;

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

д) как средство разрядки психологического напряжения индивида;
е) как реализация эстетической функции «неканонизированной речи» в художественном тексте;

ж) как языковая игра, свойственная фамильярной речи, преимущественно городской речи (к пунктам е) и ж) см., например, Г.О. Винокур. Маяковский — новатор языка/ О языке художественной литературы. М., 1990, с. 397—401);

з) известная часть обценной лексики выступает в функции междометных ситуативных обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную семантику, обусловленную данной ситуацией общения) и слов — заполнителей речевых пауз — и тоже в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры.

В этих случаях употребление обценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего.

Таким образом, обценная лексика и фразеология включаются в инвективную лексику лишь в той функции, которая имеет в виду оскорбить, унижить, опорочить адресата речи или объект характеристики со стороны говорящего или пишущего.

Инвективная лексика относится к сфере речи эмоционально повышенной, аффективной. Для такой речи исключительное значение имеют:

а) ситуация конкретного речевого акта, в котором фигурируют экспрессивно окрашенные слова и выражения или лексико-фразеологические единицы, наделяемые экспрессией под влиянием контекста эмоционально напряженной речи или аналогичной речевой ситуации;

б) намерения (интенции) говорящего (пишущего). Эти интенции могут быть самыми разнообразными: от дружески-грубофамильярных (амикошонских) до явно оскорбительных. Ср., например: *Эк наяривает, собака!* — с восхищением об игре музыканта. Но: *Я тебя, собаку, пристукну, если еще раз появишься здесь!* — с презрением, гневом, угрозой;

в) социальное положение и социальные роли адресата (или объекта инвективы) и говорящего (пишущего).

Эмоциональность такой речи ориентирована на данную ситуацию, поэтому анализ как самих высказываний, так и их лексико-фразеологического состава возможен только в тесной связи с контекстом, ситуацией речевого акта, в том числе в СМИ.

Экспрессивно окрашенная лексика и фразеология, наделенная эмоционально-оценочной коннотацией (дополнительным значением), — именно такие лексико-фразеологические единицы представ-

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

лены в аффективной, эмоционально напряженной речи (сюда относятся и публицистические тексты, письменные и устные). Они характеризуются известной аморфностью значения, подвижностью его оценочных рамок, вплоть до противоположных оценок. Такое значение в сильной степени окрашено субъективным отношением говорящего (пишущего) к адресату речи, к его поведению, действиям и т.п.

Субъективность значения лексико-фразеологических единиц в контексте аффективной речи (или аффективной, эмоционально напряженной ситуации, а также в условиях яркого публицистического контекста) обуславливается тем обстоятельством, что «предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику» (Т.В. Матвеева. Лексическая экспрессивность в языке, с. 22).

Только контекст или анализ ситуации речи может помочь в расшифровке экспрессивной окраски, вернее — эмоционально-оценочного содержания высказывания, экспрессивно окрашенных, оценочных слов этого высказывания (или текста в целом), поскольку такие слова как словарные единицы могут заключать в своей семантике лишь обобщенное значение отрицательной оценки. Например: *Ну что ты за оболтус у меня такой, не можешь сдать экзамен*, — говорит мать сыну-школьнику; или: *Мой оболтус учиться не хочет; Иду в магазин купить своему оболтусу куртку* — мать о сыне-подростке. Ср.: *Что он — оболтус, что ли? Ситуацию не сечет, говорит такую чушь!* — о политике, участвующем в телепередаче.

Выводы

Итак, при решении вопроса об оскорблении или клевете целесообразно исходить из квалификации вербальной стороны оскорбления, состава лексики и фразеологии соответствующих текстов на следующей понятийно-терминологической основе.

1. Различаются лексика инвективная и неинвективная.
2. Внутри инвективной лексики целесообразно различать единицы, относящиеся к: а) литературному языку (пусть и представляющиеся резко негативными, оскорбительными оценками); б) «внелитературной» сфере русского языка, где сосредоточены наиболее грубые, натуралистические, циничные лексико-фразеологические единицы, в первую очередь обценная лексика и грубые жаргонизмы, и

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

функционирующие как негативная, бранная оценка человека, его поведения, действий и т.п.

3. К инвективной лексике, относящейся к сфере литературного языка, тоже целесообразен дифференцированный подход:

а. Книжная лексика констатирующей семантики, а также эвфемизмы таких слов, «щадающие» адресата. В таких случаях речь, видимо, должна идти о клевете, если для негативных оценок такого рода нет достаточно веских аргументов и оснований.

б. Переносное, метафорическое использование книжных слов констатирующей семантики. Здесь важно строго учитывать:

- макро- и микроконтекст или речевую ситуацию употребления конкретного слова в переносном смысле;
- внутреннее содержание самого переносного, метафорического употребления;
- достаточную степень обоснованности конкретной оценки адресата (иначе встает вопрос о клевете).

в. Среди инвективных лексико-фразеологических средств в рамках литературного языка есть и такие, которые — при всей приемлемости их как речевой нормы — являются неприемлемыми с точки зрения общественной морали, прямым резким оскорблением или ругательством. Например: *сволочь, стерва, подлец, мерзавец, подонок* и т.п.

Однако, имея дело с такими словами и выражениями, необходимо строго учитывать и ситуацию, контекст, в которых данное слово употребляется, и оценку и эмоциональную окраску, которую вкладывает в данном случае в такое слово говорящий (пишущий), и его интенцию, и возможные иные варианты восприятия и осмысления конкретного высказывания, реплики и реакции со стороны адресата и др.

Конкретнее: само по себе употребление инвективных, даже обсценных слов и выражений еще не дает оснований для правового вмешательства. Вмешательство возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

- а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
- б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;
- в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, то есть дает обобщенную оценку его личности.

4. В заключение укажем основные литературные источники по рассмотренным нами вопросам, частично процитированные в тексте.

Глава 4. Оценка и ненормативность в материалах СМИ

О.А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана (Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед, 1990; В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. М., 1994; Л. Ферм. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994; «Русский язык конца XX столетия (1985–1986)». М., 1996; «Культура русской речи и эффективность общения». М., 1996.

Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий. Преступления против личности. М., 1924, с. 56–57. Ср. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. 14-е. СПб., 1909, с. 876.

В.Н. Топоров. Петербургские тексты и петербургские мифы/ Сборник статей к 70-летию профессора Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992; T. Helberg-Hirn. Запретные темы и устное слово/ *Studia slavica finlandensia*. Т. XI. Helsinki, 1994; Е.Н. Ширяев. Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

О.Н. Трубачев. Из работы над русским Фасмером. К вопросам теории и практики перевода/ Вопросы языкознания, 1978, № 6.

З. Кёстер-Тома. Стандарт, субстандарт, нонстандарт/ Русистика — *Russistik*, 1993, № 2, с. 26–27; Л.К. Граудина. О современной концепции отечественной риторики и культуры речи/ Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996, с. 171–173. Ср. призыв А. Макашова к захвату мэрии 4 октября 1993 г.: «...чтобы никогда на русской земле не было ни мэров, ни пэров, ни херов» («Русский язык конца XX столетия...», с. 70).

Пьесы М. Волохова «Игра в жмурки», «Непорочное зачатие», Е. Сабурова «Двойное дежурство в любовном угаре» и др. См. также сборник «Восемь хороших пьес» (М., 1990).

В.М. Мокиенко. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное/ Русистика — *Russistik*, 1994, № 1–2.

Основные публикации эротической литературы: И. Барков. «Девичья игрушка» (М., 1992, СПб., 1992). См. также «Три века поэзии русского Эроса» (М. — Тарту, 1992); «Летите, грусти и печали. Неподцензурная русская поэзия XVIII–XIX вв.» (М., 1992); «Русская куртуазная муза. Поэтический сборник. XVIII–XIX вв. «Езда в остров любви» (М., 1993); «Русский Декамерон» (М., 1993) и др.

Ю. Борев. Сталиниада (М., 1990); Фарисея (М., 1992); Русские заветные сказки А.Н. Афанасьева (М. — Париж, 1992); Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабрезным словам и неприличным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком и английском языках (М., 1992); Василий Буй. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений (М., 1995); Русский мат. Толковый словарь (М., 1996).

Л.П. Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи/ «Русский язык конца XX столетия...», с. 384–385.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

С.В. Потапенко, А.В. Осташевский. Диффамация в СМИ: Проблемы права и журналистики. — Краснодар, 2001.

Б.А. Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии/ Избранные труды. Т. II. М., 1994.

Л.К. Граудина. О современной концепции..., с. 173–174. Ср.: М.А. Грачев. Третья волна/ Русская речь, 1992, № 4.

В.С. Елистратов. Аргю и культура/ Словарь московского аргю. М., 1994; Е.В. Какорина. Трансформация лексической семантики и сочетаемости/ «Русский язык конца XX столетия...», с. 79–84.

Т.В. Матвеева. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Галерея, 2002.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7–8 декабря 2002 г. Часть 2/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Галерея, 2003.

Е.И. Галяшина. Основы судебного речеведения. — М.: СТЭНСИ, 2003.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультгов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.

Глава 5. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Факт и суждение

С позиции современной — последней четверти нынешнего века — лингвистики факт соотносен с суждением о событии, а не с непосредственным положением дел в мире. Иными словами, значение отдельного высказывания носит фактический, а не событийный (ситуативный) характер. В нем всегда выражено наше суждение о мире и происходящих в нем событиях.

Ошибочно связывать значение (смысл, семантику высказывания в целом и отдельных его частей) с событием как таковым. Высказывание или суждение соотносимо лишь с фактом. Причем высказывание можно рассматривать тройко. Во-первых, значение предложения сводится к самому суждению — это линия пропозитивной семантики (в узком смысле); она позволяет выявить ТО-ЧТО-ЗНАЧЕНИЕ:

Иван уехал — То, что Иван уехал (этот факт), расстроило все мои планы.

Ср. *Когда узнал, что чуть ли не в самом центре цивилизованного города Нью-Йорка в упор расстреляли экс-чемпиона Европы по боксу Олега Каратаева, решил: мафиозные разборки, и нет дыма без огня, в чем-то Олег был замешан* (Все мы — жертвы. Открытое письмо И. Фейна А. Лебедю /Антенна. № 9. 15.09.96, с. 22).

Во-вторых, высказывание понимается как совокупность предикативных сказуемостных значений, выражаемых событийными именами (девербативами — отглагольными именами и деадъективами — именами, образованным от прилагательных): *Иван уехал — Отъезд Ивана был печальным событием.*

В-третьих, предложение понимается как «ментальный» знак:

Иван уехал — Твое предположение, что Иван уехал, необоснованно (Твое подозрение, что Иван уехал, недостойно).

Факт не может иметь в качестве своего референта (обозначаемого) события и ситуации действительности. Представление о том, что факты первичны, а суждения, сделанные о них, вторичны, ошибочно. Суждение структурирует действительность таким образом, чтобы возможно было установить, истинно оно или ложно. Это наглядно показывает концепция истинности А. Тарского, согласно которой суждение *Снег бел* истинно, если и только если снег бел. Факты не существуют безотносительно к суждениям. В этом смысле суждение задает факт, а не факт — суждение. Реальность существует независимо от человека, а факт — нет. Человек

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, осмысливает его, структурирует по модели суждения (т.е. вводит значение истинности), верифицирует, и тогда возникает факт. Возможно, именно это имел в виду Л. Витгенштейн, когда писал о необходимости аналогии в структуре мыслимого образа и факта: «Факты в логическом пространстве суть мир». Иными словами, речь идет о мире в той мере, в которой он может быть воспринят и познан человеком; ср. следующее утверждение З. Вендлера: «Если нам дан язык и мир, то нам тем самым даны все факты». Суждение есть форма человеческой мысли, а не форма действительности. Его конституирующий компонент — связка. Этот компонент «наследуется» фактом. Вместе с ним «наследуется» и способность факта принимать отрицание. Факты могут быть «отрицательными», а события — нет.

Из такого понимания факта и суждения следует неудачность попытки «разведения суждения и факта» так, как это предлагает Леонид Ганкин, т.е. факта как истинного события, а суждения как верифицированной истинной оценки (положительной или отрицательной) этого факта, а вместе с тем и возможность постановки вопроса: насколько оправданно разведение «фактических сведений» и «оценочных суждений» в Гражданском кодексе РФ (ст. 152)? Тем более что в сферу языкового употребления вводится, помимо указанных, и «оценка политическая». Ср. у Л. Ганкина: «Однако демократическое общество не может существовать в условиях запрета на политические оценки» (МН, 1995, № 73).

При определении истинности суждения правильное обозначение отношений между элементами события играет ту же роль, что и правильное обозначение самих элементов. Это лишь предварительное требование, которое должно быть удовлетворено перед актом верификации (установления истинности). Факт и элементарное событие различны: первый образуется значением истинности, второе — нечеткими актантными отношениями (отношениями между элементами события), вставленными в пространственно-временную рамку.

Сказанное свидетельствует о том, что ключ к пониманию «факта» следует искать не в независимой от языка действительности, не в «реальном» положении дел или в событиях, а в суждениях о действительности.

Факт — это не всякое суждение, а только верифицированное и получившее оценку «истинно». Из этого ограничения проистекают основные семантические различия между суждениями и фактами.

Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов

Проблема верификации и верифицируемости событийного и фактообразующего феноменов ведет к необходимости хотя бы кратко остановиться на факторе истинности и ложности высказывания, обмана, веры, понимания и языковой игры.

Лингвистика постулирует относительность понятий истинности/ ложности в применении к высказыванию/ факту. Приведем лишь один пример.

Глагол «уйти» — непереходный. Тем не менее в выражении «его ушли», использовавшемся в разговорной речи интеллигенции в 60–70-х годах XX века, этот глагол становится переходным (транзитивизируется). Образуется своего рода каузатив (глагол со значением «сделать так, чтобы совершилось другое действие»: «его ушли» = «сделали так, что он ушел»). Возникает словосочетание, основанное на аналогии, на внутренних возможностях языка, далеко не случайное и в семантическом плане. «Он не сам ушел с работы, а его ушли» или «Его ушли» не полностью синонимично фразе «Его уволили», содержащей лишь формальную констатацию факта. Каузативная семантика глагола и его переходность, т.е. наличие объекта в каузативе, безличная конструкция — все это подчеркивает бессилие и зависимое положение человека, о котором идет речь. Кроме того, ситуация описывается лишь косвенно — создается нечто вроде эвфемизма, т.е. замены нежелательного слова другим.

Выражения такого рода появились в России (в русском языке) вскоре после гражданской войны. Ср. отзыв неких «пролетарских поэтов» о В. Маяковском: «Эх, было бы в девятнадцатом году, разве мы так стали бы с вами разговаривать, мы бы вас прямо за это «ушли»» (приведено в выступлении Маяковского на собрании Федерации советских писателей 22 декабря 1928 г.).

Сложнее обстоит дело с семантическим уровнем в языке. Утверждение «Груши растут на сосне» с трудом поддается объективной оценке.

Еще труднее поддаются объективной верификации описания типа: «... Далее Хазанова рассказывает о речи генерала Макашова, прибывшего на митинг с Собора. Он «сразу заявил, что, увы, ему очень не повезло, так как его угораздило родиться 12 июня, в день национального позора России. Толпа начала скандировать «Ельцин Бушу продал душу», а потом «Долой Ельцина!» и «Да здравствует Макашов!» (А.Л. Янов. После Ельцина / «Веймарская Россия». М., 1995, с. 246).

В каждом обществе формируется набор некоторых заведомо ложных пропозиций, которые превращаются в мифологемы (вербальные). Дж. Остин писал:

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

«В реальной жизни в отличие от простых ситуаций, предусматриваемых в логической теории, не всегда просто ответить на вопрос, истинно ли что-либо или ложно». В качестве примеров высказываний, истинность или ложность которых сомнительна, он приводит следующие: «Франция шестиугольна», «Лорд Раглан выиграл битву на Альме». Первое высказывание является приблизительным: «речь идет о грубом, а не об истинном или ложном описании» (территория Франции действительно напоминает шестиугольник). Для рассмотрения второго высказывания нужно, как утверждает Остин, иметь в виду, что «это было военное сражение, если таковое вообще было, и что приказы лорда Раглана ни разу не доходили до его подчиненных. Он пишет: «Так как же, выиграл лорд Раглан битву на Альме или нет? Конечно, в определенных контекстах, в учебниках, быть может, некоторое преувеличение вполне оправданно, хотя никто не собирается награждать Раглана за победу. Подобно тому как высказывание «Франция шестиугольна» приблизительно, высказывание «Лорд Раглан выиграл битву на Альме» — преувеличение, пригодное в одних контекстах и непригодное в других; было бы бессмысленно настаивать на его истинности или ложности». Остин приходит к важному для нас выводу: «На истинность или ложность утверждений влияет то содержание, которое в них включается или, наоборот, оставляется за их пределами, и их способность вводить в заблуждение и т.п.» И далее: «Истинность или ложность утверждения зависит не только от значения слов, но и от того, какой вы осуществляете акт и при каких обстоятельствах» (Слово как действие/ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986, с. 114). Таким образом, для рассмотрения интересующего нас вопроса необходимо принимать во внимание не только текст, но и речевой акт. Под ним следует понимать словесный (вербальный) обман-пропозицию, т.е. высказывание заведомо ложных с точки зрения адресанта высказываний, которые, однако, адресат должен, по его мнению, принять за истинные. Извлекая из этого какую-либо пользу, адресант привлекает во внимание не только текст, но и речевой акт.

«Языковые игры» и проблема верификации

Человек вынужден участвовать в социальной игре: в «игру» играет и политический лидер, и тот, кто читает его текстовые произведения.

Концепция «языковых игр» сложилась у Л. Витгенштейна в ходе наблюдения над функционированием языка в естественных условиях коммуникации. Л. Витгенштейн рассматривал речь как

Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов

компонент целенаправленной и регламентированной деятельности человека, характеризующейся множественностью целей. Язык (речевые высказывания и входящие в них языковые формы) — это орудие, служащее выполнению определенной задачи. Соединение речи и действия Л. Витгенштейн считал «языковой игрой». Каждая «языковая игра» как законченная система коммуникации отвечает некоторой «форме жизни». Таким образом, Л. Витгенштейн выдвигает на первый план не столько когнитивную (связанную с мышлением), сколько инструментальную (связанную с действием и воздействием) функцию языка. Ее объект — язык в действии.

Иными словами, социально значимый текст должен соответствовать требуемому шаблону и по содержанию, и по языковому выражению. Соотношение такого текста с действительностью отходит на второй план для участников дискурса. Тексты, представленные в средствах массовой информации, являются особыми типами дискурсов, предполагающими взаимодействие обеих сторон (общающихся), ибо это такой вид ритуального поведения, несоблюдение которого ведет к сбою/ нарушению социально значимого ритуала.

По мнению Х. Вайнриха, истинность-ложность градуальны: «Существует полуложь, и существуют небольшие отклонения от истины, которые, может быть, потому так опасны, что их трудно опознать. Существует, наконец, тысяча видов дипломатической лжи, и не только у дипломатов» (Н. Weinrich. *Linguistik der Lüge*, Heidelberg, 1974, S. 58). Во многих случаях градуальной величиной оказывается и вера в истинность высказывания (см. ниже).

Истинность пропозиции предполагает ее верифицированность (доказанную истинность). Верификация может быть осуществлена, только если есть возможность сопоставить утверждение с действительностью. Такая возможность представляется тогда, когда речь идет об актуальном положении дел или о свершившихся событиях. Факты бывают чаще всего свершившимися, локализованными в прошлом (лат. *factum* и значит «сделанный», «свершенный»), они не относятся к «проблематичному» будущему, имеющему гипотетическую модальность.

Факт должен быть установлен, и тогда он станет достоверным. Факт противопоставляется домыслу, догадке, шутке, выдумке, клевете, неправде — словом, небылице или предположению. Но даже в тех случаях, когда речь идет о существующем положении дел или известном событии, высказывание не всегда может быть верифицировано.

Верификации препятствуют идущие от говорящего субъекта «субъективные оценки» и эмоциональные коннотации. Факт тре-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

бует, чтобы вещи были названы своими именами. Если требование такой «прозрачности» не соблюдено, то говорят об искажении фактов, в чем обычно упрекают друг друга полемисты. Но по сути «виноваты» не факты, а суждения. Ср. у Достоевского в «Дневнике писателя»: «Я смеялся над фактом, переданным во всеуслышанье корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей», — и не прибавил от себя ни одного слова, которое могло бы исказить этот факт. А клеветою называется только искажение факта, лживая выдумка, а никак не суждение о том или другом». Но суждения также не соотносятся непосредственно с объективной действительностью. Следовательно, и они «невиновны» и «неподсудны».

Будучи величиной объективной, факт должен «выбирать выражения», отбрасывая все то, что обнаруживает связь с личностью говорящего: его оценки, комментарии, дополнения, разъяснения и т.п. — словом, все, что затрудняет верификацию или вносит побочные субъектно-предикатные связи.

Факт «требует», чтобы высказывание могло быть верифицировано простым и прямым сличением с действительностью. Всякого рода отвлеченные построения (теории, концепции, общие суждения) не подпадают под категорию фактов, даже если они могут быть проверены и апробированы. Факт в отличие от концепций не требует доказательств. Факт нуждается в установлении, а не факт — в обосновании, развитии, понимании, интерпретации. Интересно, что в классической эпистемологии (науке о познании) существует утверждение, что факты способны фальсифицировать теории и мнения, но сами факты фальсифицированы быть не могут (К. Поппер). Это обусловлено тем, что факты сами по себе лишены пространственно-временной локализации. Речь может идти только о том, что пространственные и временные локализаторы входят во внутреннюю семантическую структуру факта. Семантический объем факта предопределен синтаксическим объемом простого конкретного предложения (нижний предел) и сложным предложением (или сверхфразовым единством) (верхний предел). Факты не являются онтологическими (бытийными, сущностными) единицами. Поэтому их границы устанавливаются с помощью не физических, а семантических параметров. Сколько бы мы ни настаивали на соответствии факта действительности, он не может оторваться от смысла и логической структуры того суждения/ высказывания, в котором берет свое начало. Именно высказывание очерчивает границы факта, причем эксплицитность или неэксплицитность его элементов не влияет на идентичность факта, если не изменяется его логическая структура.

Нижеприводимая цитата из книги В.В. Жириновского иллюстрирует именно этот семантический процесс: суждение (нейтральное по своей эмоциональной характеристике) структурирует факт своего восприятия и оценки, но не сам факт существования суждения как такового. Выход за пределы пропозиции позволяет соотносить не первичное суждение и порождаемый им факт, а собственное суждение и порождаемый им факт эмоционального отношения с измененной структурой: *«Выход русских к Индийскому океану — логическое завершение формирования Русской империи, проводившегося столетиями и превратившего ее в мощную сверхдержаву. Выход к Индийскому океану — это «окно на юго-восток» — в противоположном направлении «окна на северо-запад», «прорубленного» Петром Великим. Это даст ток свежего воздуха, постоянное движение — это гарантия от застоя. Выход к Индийскому океану — это не захват территорий: России хватает своих. Это миротворческая миссия России. Это гарантия от уничтожения для малых народов восточного региона. Это стабилизация положения на Ближнем Востоке: гарантия безопасной торговли, создание новых торговых путей, традиционно пролагавшихся через Россию к выгоде всех торгующих сторон»*. Ср. с этой цитатой возражение Егора Гайдара:

— *Я не буду долго комментировать абсолютно бредовые цели войны в формулировке Жириновского: на юге вечно беспокойно, междоусобицы, коррупция и т.д. — поэтому... давайте присоединим этот регион к России! ... Конечно, геополитические галлюцинации г-на Жириновского большого практического значения не имеют (пока!), но внутри страны он представляет большую опасность. Вот в этом и вопрос: как человек, открыто проповедующий весь этот человеконенавистнический бред, добивается успеха на выборах? Что, мы — нация сумасшедших, самоубийц, мечтающих отдать ему на закланье сыновей, мечтающих, чтобы он залил кровью отнюдь не «берега Индийского океана», а наши улицы?*

Факт «наследует» от суждения/ высказывания не только границы (объем), но и семантическую глубину, то есть уровень возможного и допустимого погружения в количество сообщаемой информации. А отсюда следуют ограничения на «семантическую глубину» его понимания и интерпретации. Эта «глубина» определяется «арифметикой мысли», а не действительности, так как обозначаемыми высказывания и факта не являются ни ситуация, ни событие действительности. Отсюда и возможность формулировки претензий к суду в «Жалобе» адвоката Г.М. Резника:

— На каком основании суд посчитал слова «Паша-Мерседес» и «вор» образующими криминально неприличную форму, из приго-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

вора уяснить невозможно. Ссылки на обстоятельство, обосновывающее такой вывод, в нем отсутствуют.

Логически и лингвистически некорректным выглядит требование обосновать суждение и факт через перечисление обстоятельств. Хотя Б. Рассел и утверждал: «... Если я что-нибудь утверждаю, то акт моего утверждения есть факт, и если это утверждение истинно, то имеется факт, в силу которого оно является истинным, однако этого факта нет, если оно ложно». Нужно помнить, однако, что, став истинным и тем самым освободившись от своего автора, утверждение становится фактом, но не может превратиться в событие, в то событие, которому оно обязано своим существованием. Утверждение может трансформироваться в факт, но ни утверждение, ни факт не могут превратиться в событие.

Фактом является показание (утверждение) П.С. Грачева, «что автомашины приобретены по его инициативе, и ему был известен противозаконный механизм их оплаты, но такая покупка была им согласована с Президентом России». Но действительная событийная структура (реальное событие) отсюда истинно выведена быть не может.

Мысль о том, что благодаря фактам утверждения обладают истинностью или ложностью, имеет, по-видимому, своим источником некоторые типы смещенного словоупотребления. Например, говорят: «Утверждение соответствует фактам (подтверждено фактами, находится в согласии с фактами)», — и в этом не было бы ошибки, если бы речь шла об эмпирических законах или общих суждениях (например: *Волга впадает в Каспийское море*), а применительно к конкретным высказываниям использовалось бы только выражение «утверждение соответствует (не соответствует) действительности». В реальном словоупотреблении граница между этими двумя способами констатации истинности смещается в пользу высказываний первого типа. Комментируя этот вид смещенного употребления, З. Вендлер писал: «Утверждаемое может соответствовать фактам, но оно не есть факт. Однако в некотором смысле то, что мы утверждаем, может быть фактом. Ведь люди констатируют факты. Здесь имеет место та же двусмысленность, которая наблюдается в выражении того, что рисует художник. Когда он пишет картину розы, он пишет розу. Так, в некотором смысле то, что он пишет, есть роза, но его картина не есть роза».

Другой вид смещения значения факта представлен такими текстами, как «были открыты новые факты», «ведутся поиски новых фактов». Однако и в этом случае смещение иллюзорно. Факт не отождествляется с действительностью. Прилагательное *новый* оз-

Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов

начает лишь «ранее неизвестный» (это значение отмечается словами). Речь идет о новизне в кругу знания, а не в кругу реальности. Новые факты могут относиться к давнему прошлому. Смешение фактов и событий еще более характерно для бытовой речи.

Если близкая связь факта с действительностью ведет к смешению фактов и событий, то соотносительность факта со значением высказывания и их тесное взаимодействие ведут к смешению фактов и утверждений, подрывая этим истинность и объективность фактов и восстанавливая их связь с автором речи. Изложение факта перестает быть достоверным и завершившимся. Аксиологическая (ценностная) проблематика ставит любого исследователя, будь он логик, философ или лингвист, в ситуацию с двумя неизвестными: одним неизвестным является природа объекта оценки, другим — природа того свойства, которое обозначается оценочным предикатом.

Когда речь идет о среде, в которой живет и действует человек, то оценка может быть дифференцирована в зависимости от способа восприятия объекта. Если имеются в виду интенциональные (соответствующие представлению о предмете, событии и пр.) объекты (факты или пропозиции), то оценка опирается на иные принципы (нормативность, утилитарность, причинно-следственные отношения и т.п.) и имеет рациональный характер. Проблема состоит в том, что оба вида оценки могут быть выражены одинаково, т.е. неразличимым становится, что оценивается: событие или факт и суждение/ высказывание. Разные оценки могут обозначать одно и то же событие и факт/ высказывание. Это ведет к парадоксальной ситуации, а именно к тому, что разные оценки одного и того же явления, рассматриваемого либо как событие, либо как факт, совместимы в одном высказывании: «Хорошо, что даже плохо жить на этом свете хорошо».

Из оценки события может вытекать любая оценка соответствующего ему факта. Но верно и обратное: каждый вид оценки имеет свои нормативные признаки. Оценка событий выражается либо наречием, либо предикативом, либо словами категории состояния. Оценка фактов выражается аксиологическим оператором (синтаксической конструкцией, отражающей определенные действия) и соотносимыми с ним предикатами второго порядка (то есть с тем, что высказывается о субъекте, в том числе и о событийном субъекте).

Высказывание: «Плохи были бы дела нового национал-большевистского мифа, если бы его творили только люди вроде Стерлигова» (А.Л. Янов. После Ельцина, с. 175) не предполагает плохого отношения ни к мифу, ни к Стерлигову. Оно может предполагать

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

даже сочувствие по поводу сложной ситуации в этом деле. Извлечение из оценки факта характеристики события может иметь и ироничное назначение.

Виды оценок

Следует учитывать, что в естественном языке исходными являются абсолютные оценки, что в свою очередь создает видимость их окончательности и доказательности (отсюда выражения «демонстративное пренебрежение», «явное неуважение», «исключительный цинизм», рассматриваемые в качестве вполне доказательных характеристик). Не менее важную роль играет и спецификация оценок: оценка *de dicto* характеризует высказывание (суждение) в целом, а оценка *de re* — объект как таковой. Применяя это разграничение оценок к конкретному событию (процессу по обвинению газеты «Мать» в злостном хулиганстве), можно указать, что обвинения в адрес газеты следует считать оценками первого (оценками *de dicto*: «*Необходимо, что Р*» = «*Необходимо, что газета*»), а не второго типа (оценками *de re*: «*Х необходимо имеет свойство Y*» = «*Газета необходимо имеет свойство(-ва)*»).

Говоря иначе, оценки первого типа характеризуют (квалифицируют) объект в качестве представителя некоторого класса, а оценки второго — приписывают объекту определенные признаки. Оценки первого типа можно было бы назвать (опираясь на разграничение атрибутивной и референтной дескрипции, предложенное К.С. Доннеланом) референтными: «...это лишь одно из возможных средств для привлечения внимания к лицу или предмету, причем может быть использовано любое другое средство, позволяющее достичь ту же цель, то есть другая дескрипция или... имя» (К.С. Доннелан. Референция и определенные дескрипции/ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1982, с. 139), а оценки второго типа — атрибутивными: «...говорящий утверждает нечто относительно того объекта (или лица), который удовлетворяет дескрипции, каков бы он ни был...».

Структура события

При идентификации фактов следует принимать во внимание семантический и логический аспекты номинализации, т.е. количество сообщаемой информации и ее структурную организацию. Оба критерия являются не константными, но вариативными (градуальными): первый определяется коммуникативной целью сообщения и контекстом, второй — интенциональным (и только) контекстом.

Попробуем операционально исчислить оценочные характеристики:

Оценка события:

- дается относительно субъекта (субъективно истинна);
- не нуждается в мотивировке;
- не вводится глаголами мнения и знания;
- указывает на события, входящие в один класс;
- сравнение не предполагает дизъюнкции (разведения) сопоставляемых событий;
- логически не имплицативна (не выводима);
- противоположные оценки не объединяются в единую структуру, содержащую антонимы (антонимический комплекс);
- вариантом ее является эстетическая оценка;
- она не соотнесена с понятием нормы.

Оценка фактов:

- по существу сопоставительна (компаративна);
- сопоставляет факт и возможность его неосуществления, реальное и гипотетическое положение дел, утверждение и отрицание;
- антонимический комплекс, лежащий в основе сравнения, достаточно ясно разделен на области положительной и отрицательной оценки;
- оценки взаимно предполагают друг друга: из положительной оценки некоторого факта вытекает отрицательная оценка соответствующего негативного факта, и наоборот;
- мотивирована на рациональном уровне;
- оценочные суждения вводятся модусом полагания;
- положение вне оценки определяется невхождением в область интересов человека;
- вариантом ее является этическая оценка;
- она соотнесена с понятием нормы.

Если рассматривать концепт нормы безотносительно к характеру отклонений, то он варьируется по следующим основным признакам:

- возможность/ невозможность отклонений (абсолютность/ относительность норм);
- социальность/ естественность (соотнесенность с видами права);
- позитивность/ негативность (рекомендательные/ запрещающие правила);
- растяжимость (вариативность)/ стандартность (среднестатистические/ точные нормы);

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

- диахронность/синхронность (закономерности эволюции/правила функционирования);
- престижность/непрестижность (для социальных норм).

Применительно к нашему случаю критерии оценки возможно установить лишь в отнесенности к норме, опредмеченной/отрефлектированной «говорящим большинством» нормативным проявлением лжи, клеветы и обмана. Под нормой в данном случае мы понимаем институциональную поведенческую/событийную норму и норму используемую, выработанную сообществом на уровне обыденного (естественно-правового) сознания (отрефлектированную в языке-тексте).

В юриспруденции существует своя норма относительно клеветы и оскорбления как вербального материала, в котором намеренно наносят ущерб другому лицу. Сведения, наносящие вред чье-либо чести или репутации, вызывающие ненависть, неуважение или насмешку, рассматриваются как подрывающие престиж (социальный, профессиональный и пр.) этого лица в глазах здравомыслящих людей.

Сравнительный анализ, проведенный С. Коливер, показывает, что честь и достоинство защищаются конституционно, но право общества знать о чьих-либо различных мнениях не предоставляет преимуществ истцам в таких делах.

Клевета и оскорбление в большинстве стран являются одновременно и уголовным преступлением, и гражданским правонарушением, причем различается клевета, подтверждаемая фактом, и клевета, основанная на критическом мнении. Законодательство о клевете в большинстве случаев носит, по определению самих юристов, «охлаждающий характер». «Обыденная норма» может быть достаточно четко реконструирована, исходя из некоторой совокупности речевых актов. Например:

Поэт Карповский изощренно лгал. Говорил, например, что его выгнали за творческое хулиганство из международного Пен-клуба (С. Довлатов).

С ним же тогда страшно считались, это уж после на него наговорили, оскорбили, вышвырнули на пенсию, в отставку, его, заслуженного инфекциониста! (Т. Толстая).

Он был артист, а я наговаривал на него бог весть что. Чуть не в жульничестве обвинял (Р. Киреев).

Все обозначенные речевые акты нарушают условие искренности. Общая их цель — сознательно ввести адресата в заблуждение. Все глаголы содержат отрицательную оценку языкового поведения: в одних случаях дается неверная информация о фактах (цель

Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов

— исказить знание адресата); в других цель речевого акта — создание неверного мнения об объекте речи у адресата.

Значимыми для анализа наличия/ отсутствия факта клеветы, оскорбления и пр. оказываются также и такие «нормативные речевые акты», как сообщения-доносы, уверения-подтверждения, вопросы, угрозы, осуждения-упреки, оправдания, шутки-насмешки, воспроизведение сказанных слов. Иными словами, право определяет норму на событийном уровне, а язык — на текстовом (суждение/ высказывание — факт).

Наличие нормы, однако, лишь первый этап на пути создания оценивания.

Второй этап — истолкование событий-суждений/ высказываний и фактов. В теории речевых актов разработана, например, процедура толкования мотивировок.

Мотивировки, ориентированные на конкретного адресата: сообщать — *«X говорит это, потому что хочет, чтобы Y имел информацию P»*; просить — *«X говорит это, потому что хочет, чтобы Y сделал P»*; убеждать — *«X говорит об этом, потому что хочет, чтобы Y считал, что P»*.

Мотивировки, ориентированные на самого субъекта речевого акта: сознаваться — *«X говорит это потому, что по внешним или внутренним причинам не может не сказать, что P»*; причитать — *«X говорит это, чтобы выразить свои чувства»*.

Существуют мотивировки, объясняющие, почему речевой акт осуществляется именно таким — а не иным — способом, например почему умоляют, а не просят. В глаголе *умолять* представлена мотивировка: *«X говорит это так, чтобы Y представил себе, как важно для X-а P, или сжалился над X-ом»*; а в *приказывать* — *«X говорит это так, чтобы Y понимал, что он должен сделать P»*. Мотивировки, вводящие способ осуществления речевого акта, обязательно сочетаются с мотивировкой первого или второго типа. Например, в глаголе *умолять* представлена еще мотивировка *«X говорит это, потому что хочет, чтобы Y сделал P»*.

Следует различать адресата речевого акта и аудиторию (ср. понятие косвенного участника речевого акта).

Адресаты — всегда конкретные лица. На таких адресатов и направлено большинство речевых актов. Но некоторые из них рассчитаны и на более широкий круг. Такие речевые акты, как пророчества, ориентированы на людей вообще; речевые акты *передать огласке, разглашать, разболтать* — на многих. Отрекаться, отказываться — это публичные речевые акты, причем публикой являются люди, имеющие какое-то отношение к субъекту речевого ак-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

та или к содержанию речевого акта, т.е. имеющие представление о том, от чего отрекается субъект. Такие речевые акты, как *бесчестить, клеймить, ославлять, пропечатывать, срамить*, рассчитаны на людей, которым известен объект осуждения, или на присутствующих, или на потребителей текстов средств массовой информации. Речевой акт воспрещается относить к тем людям, которые оказываются в данном месте. Шутки, формально ориентированные на конкретного адресата, обычно рассчитаны на присутствующих третьих лиц. Остроты — на любых людей, которые могут их оценить.

Разные речевые акты могут воздействовать на различные стороны личности адресата — разум, чувства, волю, физические рефлексы.

На разум адресата рассчитаны сообщения, доносы, подтверждения, признания, предупреждения, объяснения и поучения, обещания и обязательства, отказы и отречения, просьбы (но не мольбы), вопросы, советы и предложения, угрозы, запреты, разрешения, требования и приказы, одобрения (кроме прославлений и захваливаний), осуждения (рассчитанные на исправление адресата или на его информирование), оправдания, шутки. К эмоциям адресата апеллируют уверения (заверять и клясться), прорицания, пророчества и предсказания, жалобы (ныть, плакаться, скулить, хныкать), мольбы, уговоры (успокаивать, утешать), прославления и захваливания. На волю адресата воздействуют приказы, запреты, уговоры (отговаривать, уговаривать, уламывать). На физические рефлексы рассчитаны речевые акты командовать, понукать, цыкнуть, прикрикнуть. Призывы могут воздействовать на все стороны личности адресата.

Некоторые речевые акты отражают более высокое положение говорящего в социальной, возрастной и др. иерархии: приказывать, велеть, командовать, распоряжаться, подписывать, уполномочивать, запрещать, распекать, выговаривать, отчитывать, прикрикнуть, увольнять, отлучать.

При функционировании глаголов в качестве перформативов (высказываний, эквивалентных поступку) нередки случаи неполной реализации их значения, когда опускаются наиболее специфические компоненты. Это относится к таким маркированным речевым актам, как умолять, клясться и др. Используясь в обыденной речи, они могут обозначать не настоящую мольбу или клятву, а близкий к ним по значению, но более нейтральный речевой акт, лишь несколько усиленный. Например, умоляю может означать усиленную просьбу, клянусь — усиленное уверение или обещание.

Диапазон такого редуцированного употребления может быть достаточно широк.

Событие и текст

Целесообразно, с одной стороны, операционально измерять соотношенность события и текста, а с другой стороны, соотношенность языка и текста, но в том и другом случае важно определение семантических расстояний. Чем оно — семантическое расстояние — меньше, тем выше вероятность адекватного понимания того, что же происходит и насколько адекватно текст (пропозиция -> факт), опредмеченный в языке, выражает событие. Эти три аспекта соотношенности операционализируются с достаточной достоверностью. Причем первый из них — соотношение события и текста — может описываться, исходя из концептуального и инструментального инвентаря, предложенного В.Я. Шабесом.

Текст является дискретным (расчлененным) материальным образованием, состоящим из дискретных элементов членораздельной речи. В речемыслительной деятельности читатель (слушатель) сопоставляет содержания компонентов текста с фоновыми знаниями, являющимися дискретно-континуальными, многомерными, обобщенными «слепокми» опыта. Континуальность (нерасчлененность, непрерывность) фоновых знаний и, в частности, событий позволяет интегрировать в единое содержательное целое не только компоненты текста, но и разорванные «куски» действительности на уровне предметной деятельности. Текст, описывающий событие, есть совокупность сверхфразовых единств, как развертки «эндособытия» — упорядоченной совокупности семантических признаков и их связей, указывающих на внутреннюю предметную структуру события с позиции внешнего интерпретатора. Иными словами, содержательная интерпретация предметной деятельности участника события дается не им самим, а внешним по отношению к событию интерпретатором, не связанным непосредственно с событием (т.е. не равным «наблюдателю»). Событие ограничивается от смежных с ним за счет следующих операциональных критериев:

- цикличности, интервальности;
- наличия микрособытийной структуры;
- времени реализации (длительности);
- места («внутреннее» или «внешнее» пространство);
- потенциальности vs. реализованности vs. результативности;
- размерности (многомерность события vs. линейности текста);
- предельности текстовой вербализации.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

В связи с этим имеет смысл рассмотреть одну операцию — (сверх)обобщение. Люди описывают фрагменты лишь единичного опыта, но, чтобы усилить весомость и познавательную полезность оценок по признаку этнической принадлежности, склонны ее обобщать (генерализировать). Свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются за свойства всех членов группы или всех однотипных ситуаций. Может наблюдаться и обратное. Общие свойства, приписанные группе или типичному представителю группы, «превращаются» в частные для отдельного индивида или какого-либо события. Однако это касается только отрицательных свойств. Для предубежденного мышления типично то, что такие обобщения и приведения примеров не используются для характеристики, например, положительных свойств этнических меньшинств.

Можно также выделить операции расширения, или транспозиции, при которых отрицательный характер опыта в одной познавательной области переносится на опыт в другой области. Например, негативная оценка культурных привычек может распространяться на такие области, как гигиена или поведение в целом. В диалоге это «приведение в действие» отрицательной этнической информации выражается в смене топиков (тем разговора), при других обстоятельствах нежелательной. Такое расширение — частный случай того, что можно назвать «распространением» отрицательного отношения. Если в модели или схеме представлена какая-либо негативная деталь, «отрицательной» может оказаться вся модель, как в направлении сверху вниз, так и в обратном направлении — снизу вверх. Познавательная согласованность достигается объединением отрицательных качеств, приписываемых кому-либо. Например, отрицательные качества всего района проживания относят на счет проживающих в нем групп меньшинств и их действий, даже если имеются другие правдоподобные объяснения. Стратегия этих познавательных операций и их речевое выражение нацелены, очевидно, на то, чтобы эффективно построить новые, или скорее активизировать старые модели этнически соотнесенных ситуаций и увязать эти модели с негативными схемами чуждых говорящему групп. В процессе взаимодействия эта стратегия становится более операциональной: или ищут сходную модель поведения или по меньшей мере стараются превратить личностные модели или схемы в достоверные и оправданные.

Кроме этих стратегий, приводящих к созданию негативных моделей, представители группы большинства, разумеется, нуждаются

Глава 5. Некоторые аспекты теории речевых актов

ся в дополнительной стратегии, направленной на создание положительного образа говорящего. При анализе речевых стратегий мы видели, что основные используемые ходы блокируют негативные выводы относительно оценочных выражений (имеются в виду поправка, смягчение, уступка и т.п.). На самом деле эти ходы указывают на операции, предназначенные для блокировки операций типа «не обобщайте», «возьмите этот положительный пример», «не соглашайтесь с моим мнением относительно этнических меньшинств вообще» и т.д. И негативные описания чуждых говорящему групп, и положительная «самоподача» приводят к созданию аргументированных последовательностей, придающих оценкам видимость достоверности и социальной приемлемости.

Рекомендуемая литература

О понятии события см.: Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988; В.З. Демьянов. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста/ Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1983, № 4; Т.М. Николаева. Событие как категория текста и его грамматические характеристики/ Структура текста. М., 1980.

Важнейшая литература общего характера: Дж.Л. Остин. Слово как действие/ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986; З. Вендлер. Факты в языке/ Философия. Логика. Язык. М., 1987; Л. Витгенштейн. Философские исследования/ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985; А. Греймас. Договор вердикции/ Язык. Культура. Философия. Вильнюс, 1986; Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1954; Б. Рассел. Дескрипции/ Новое в лингвистике. Вып. XIII. М., 1982; В.Я. Шабес. Событие и текст. М., 1989; Т.А. ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

О лжи и обмане см.: Н. Weinzich. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1974; М.А. Блюменкранц. Введение в философию подмены. М., 1994; Д.М. Дубровский. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994; В.В. Знаков. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993; Доказательство и понимание. Отв. ред. М.В. Попович. Киев, 1981.

Об оценке, кроме указанных ранее работ, см.: Е.М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985; Г.Е. Крейдлин. Таксономия, норма, оценка/ Знак. Сборник статей по лингвистике, семантике и поэтике. М., 1994; А.А. Ивин. Основания логики оценок. М., 1970; А.А. Ивин. Логика норм. М., 1973.

А также дополнительная литература

А.Л. Анисимов. Честь, достоинство, деловая репутация, гражданско-правовая защита. М., 1994.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

- Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Дело № 1. Грачев против В. Поэгли. Ст. 131 УК РСФСР. М., 1996.
- В.И. Жельвис. Психологическая интерпретация инвективного воздействия. АДД. М., 1992.
- В.Е. Жеребкин. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
- Законы и практика СМИ в Европе, Америке и Австралии. М., 1995.
- Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
- Логический анализ языка: знание и мнение. М., 1988.
- Новое в зарубежной лингвистике/ Вып. XVII. М., 1986.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- И. Симльдмяэ. Знания (когитология). Таллин, 1987.
- А.М. Эрделевский. Компенсация морального вреда. М., 1996.
- Юридическая энциклопедия. М., 1997.
- Е.Р. Россинская. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М., 2002.

Глава 6. ПОСЛЕСЛОВИЕ ЮРИСТА

*Доктор юридических наук
профессор А.Р. Ратинов*

Когда не стесняются в выражениях...

Наше послесловие отнюдь не комментарий юриста к исследованию, проведенному группой видных ученых в области языкознания и сопредельных наук. Это пока еще некоторые размышления на «заданную тему», по поводу использования этих специальных познаний в практике правоприменения по делам, связанным с деятельностью средств массовой информации.

Необходимость привлечения неюридических знаний для решения сугубо юридических вопросов обусловлена не только тем, что порой весьма продуктивным бывает «свежий взгляд со стороны», не отягощенный профессиональными установками и стереотипами. (В психологии мышления даже высказывается полусутоливая мысль, будто иногда невежды решают творческие задачи более успешно, чем «зацикленные» мастера своего дела).

Дело же в том, что юриспруденция (как и любая наука) в принципе не способна решать свои задачи, замыкаясь только и исключительно в рамках своих собственных представлений, понятий и категорий. Она неизбежно опирается на данные других отраслей знания и общественной практики. Спускаясь с этих науковедческих высот на нашу проблематику, отметим несколько существенных положений.

Прежде всего напомним, что законы пишутся и издаются не для юристов, а в первую очередь для граждан и других участников правоотношений. Поэтому используемые в правовых нормах понятия, термины, словесные конструкции должны трактоваться, пониматься и применяться однозначно, адекватно смысловому содержанию нормы в точном соответствии с намерением и волей законодателя.

И здесь-то, как показано в работе авторского коллектива под руководством А.А. Леонтьева, не все обстоит благополучно. С логико-грамматических позиций (и с точки зрения законодательной техники) интересующие нас правовые акты, как и многие другие законы, весьма уязвимы. А это рождает разногласия, субъективизм, произвол, ошибки и нарушения как со стороны исполнителей — в нашем случае работников СМИ, — так и со стороны контролирующих, регистрирующих, правоохранительных и судебных органов. Наш мониторинг правонарушений, связанных с деятельностью СМИ, представляет по этому поводу обильную и неутешительную статистику.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Не спасают и поспешно изданные за последнее время научно-практические комментарии к новому гражданскому и уголовному законодательству. Содержащиеся в них разъяснения мало чем облегчают понимание комментируемых норм, зачастую просто повторяют используемые в них термины, не операционализируя их, не указывая на отличительные признаки, определяющие объем и содержание того или иного понятия. Это хорошо иллюстрируют авторы предлагаемого исследования.

Особенно затруднительно и нетерпимо положение при использовании в законодательной норме так называемых «оценочных» терминов (признаков), допускающих многозначное, а значит, и произвольное толкование. Такова, например, пресловутая «неприличная форма» оскорбления.

Имеющиеся на этот счет руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, призванные дать недвусмысленные, точные и пригодные для практического применения толкования закона, также оказываются недостаточными, что убедительно демонстрируют авторы исследования.

Доказано, что в чисто правовом поле найти критерии допустимости и правомерности, равно как недопустимости и неправомерности тех или иных способов или форм передачи информации, оказывается абсолютно невозможным. Уяснение этих вопросов предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращение к лингвистическим, психологическим и другим научным понятиям и критериям.

При толковании законов (как и при их создании) использование данных филологии, семиотики, психолингвистики, прагматики речи, с позиции которых ведется анализ в настоящей работе, представляется насущно необходимым. Как видно, юристы (и журналисты в свою очередь) подчас самоуверенно и незаслуженно пренебрегают этим, допуская невнятицу, ошибки, злоупотребление словом.

Между тем правильное толкование правовых норм, то есть уяснение и разъяснение их подлинного смысла, — неременное условие соблюдения законности, единообразного и правильного их исполнения и применения.

Более того, в теории права разработано специальное учение о толковании закона, где определены его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое грамматическое толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

В то же время известен ряд других способов и видов толкования (логическое, систематическое, историческое, телеологическое, техни-

ко-юридическое и пр.), лишь в совокупности обеспечивающих адекватное понимание правовой нормы. Кроме того, в языке юриспруденции (как и всякой профессиональной деятельности) используются специальные термины, существуют и обыкновения речевой практики, в которой закрепились определенные значения тех или иных понятий, не всегда совпадающие с обычным словоупотреблением.

Заметим, что даже нашим специалистам-филологам не так-то просто было перевести свои мысли с «языка языкознания» на язык, понятный представителям других профессий.

И вот тут с учетом сказанного мы должны перейти от оценки продуктивности «свежего взгляда» на юридическую материю со стороны специалистов другого профиля к признанию их некоторой профессиональной ограниченности. Все-таки прав бессмертный Козьма Прутков: «Специалист подобен флюсу».

Отдельные рассуждения, оценки и выводы авторов, может быть, покажутся чрезмерно категоричными, сомнительными, а главное, не всегда учитывающими правовую природу обсуждаемого предмета, выходящими при этом за границы профессиональной компетенции авторов.

Например, справедливая мысль об опасности так называемых «оценочных», то есть строго неопределяемых понятий и терминов может быть воспринята как ригористическое требование полного изгнания их из языка законов, что далеко не всегда возможно и приемлемо с точки зрения потребностей правового регулирования. Некоторые другие высказывания для юристов могут выглядеть наивными. И тут возможно проявление профессиональной зашоренности той и другой стороны.

Говорится все это не в укор авторам, а в подтверждение необходимости дальнейшего обсуждения представленного материала, развития высказанных идей и решения дискуссионных вопросов на основе межпрофессионального сотрудничества.

Зоны общих интересов юриспруденции, языкознания и журналистики таким образом обозначаются с достаточной определенностью. Но это еще не все. Есть и другой круг проблем, требующих междисциплинарной интеграции.

Речь пойдет о специфике деяний, обычно инкриминируемых СМИ, которая принципиально отличает их от любых иных видов правонарушений. В новом уголовном и гражданском законодательстве РФ теперь уже насчитывается около трех десятков таких типично «журналистских» правонарушений: унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, клевета, распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих расовое и

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

национальное превосходство или неполноценность, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам и пр.

Их особенность состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть текстов, распространяемых в средствах массовой информации.

В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам *Corsus delicti*, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки.

В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей законодательной нормой.

Таким образом, если раньше говорилось о грамматическом толковании достаточно упорядоченного законодательного текста, то здесь сверх того необходимы содержательно-смысловой анализ формально не регламентированной журналистской продукции и соотнесение результатов этого языкового исследования, то есть выявленных юридически значимых элементов информационно-публицистического произведения, с зафиксированными в законе признаками состава данного правонарушения.

Задача, как мы видим и как это показано в исследовании, многократно усложняется, требуя значительной языковой культуры участников информационного спора. Она не может решаться на основе субъективного усмотрения или смутных воспоминаний о школьных уроках русского языка.

В простых случаях бывает достаточно общераспространенных и общедоступных познаний, обращения к справочной и учебной литературе, консультации специалиста. Когда же одиозные идеи и материалы противоправного содержания поданы в изощренно закамуфлированной форме и выражены не открыто, а заложены в контексте и подтексте с использованием специальных языковых приемов манипулирования сознанием респондентов (способы введения в заблуждение здесь также рассмотрены), то для аргументированной и компетентной оценки такого текста нужна научная экспертиза.

Это убедительно подтверждает предлагаемая работа, которая нам представляется первым шагом в формировании нового направления теории и практики — назовем ее юридической герменевтикой, но не в теологическом и философском значении, а как систему научных

Глава 6. Послесловие юриста

методов и приемов информационно-целевого исследования нормативных и иных юридически значимых текстов.

В связи со стремительным ростом информационных конфликтов потребность в этом все острее ощущается журналистской и юридической практикой.

По делам этой категории участники конфликтов, следствие и суд все чаще прибегают к производству судебной экспертизы. Только при этом сплошь и рядом неправильно определяется область специальных познаний, необходимых для решения возникших по делу вопросов. В качестве экспертов привлекают не специалистов в области исследования массовых коммуникаций и языкознания, а философов, историков, искусствоведов, политологов и представителей самых экзотических профессий. На них возлагается решение чисто правовых вопросов, что недопустимо, так как это является прерогативой лиц, осуществляющих производство по делу (следователь, прокурор, судья).

Поэтому вместо выявления объективных характеристик и содержательно смысловой направленности спорного текста требуемое по закону экспертное исследование подменяется политическими, историческими, антропологическими, религиоведческими и иными рассуждениями, далекими от существа дела, а иногда и просто сводится к голословному выводу о наличии или отсутствии в тексте признаков состава правонарушения, что вообще не относится к компетенции судебной экспертизы (производство таковой по юридическим вопросам не допускается). Нужно различать экспертизу как использование мнений сведущих лиц по тем или иным вопросам в различных областях практической деятельности и судебную экспертизу как способ доказывания, строго регламентированный в гражданском и уголовном процессе.

Представленная работа открывает перспективу развития этого нового вида судебной экспертизы. Будем называть ее психолингвистической¹.

Переходя от общего обзора к отдельным положениям данного исследования, мы вынуждены ограничиться только некоторыми из них, по которым удастся высказаться «с ходу», поскольку в полном объеме работа требует более обстоятельного коллективного осмысления и обсуждения.

Центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, можно считать постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации. От правильного определения информацион-

---

¹ Ряд других специалистов, например проф. Е.Р. Россинская, высказывают сомнение в целесообразности использования этого термина (*отв. ред.*).

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ной природы опубликованного или переданного в эфир материала зависят его юридическая оценка, квалификация и правовые последствия для редакции или автора.

Понимание этого различия почти недоступно сотрудникам правоохранительных органов и работникам СМИ.

Имеющиеся на этот счет рекомендации отдельных авторов и состоявшиеся судебные решения не внесли необходимой ясности в этот вопрос. Как известно, Конституционный суд РФ по жалобе А. Козырева не нашел возможным высказаться по данному поводу, хотя это обязанностью Пленума Верховного Суда РФ. Однако никаких разъяснений с его стороны до сих пор не последовало.

Поэтому особый интерес для журналистской и юридической практики имеет разработка в данном исследовании проблемы соотношения факта и мнения в текстах СМИ.

Авторы приходят к выводу, что сама постановка вопроса о разведении факта и мнения является некорректной. Различать следует не факты и мнения, а события и оценки. Само понятие факта весьма многозначно и употребляется в словесном обиходе довольно беспорядочно. В связи с этим вспоминается парадоксальное на первый взгляд заявление одного из героев пьесы К. Тренева: «Это, товарищи, не факт. Это на самом деле так было!»

Строго говоря, факт — это знание о чем-либо, достоверность которого доказана. В текстах СМИ мы прежде всего имеем дело не с фактами, а с сообщениями, известиями, высказываниями о каком-либо событии, явлении, предмете. Но это еще не факт, а лишь «строительный материал» для него, или, как называют авторы, «фактообразующая» (фактуальная) информация, последующая проверка которой либо создает факт (истинное знание о чем-то), либо отвергается как недостоверная, ложная.

Но в материалах СМИ, разъясняют далее авторы, содержится также информация иного рода. Это мнения, оценки, интерпретации, которые по своей природе недоступны непосредственной проверке (верификации) путем сопоставления с действительностью или доказыванию посредством свидетельств и документов.

Это так называемая оценочная информация. Ее содержание вообще не способно образовать факта. Хотя фактом может быть само публичное выступление или публикация, подтвержденные надлежащим образом.

Закон о СМИ (ст. 43) и Гражданский кодекс РФ (ст. 152) говорят об ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, однако понятие «сведения» может иметь двоякий смысл.

Сведения как сообщения о каком-либо событии, процессе, явлении, происшедшем в прошлом или происходящем сейчас, в конкретных условиях места и времени, могут быть или истинными, или ложными (истина всегда конкретна). Такая фактуальная, событийная (бытийная) информация либо соответствует, либо не соответствует действительности. За это несоответствие публикатор несет ответственность.

Иначе обстоит дело с оценочной информацией. Выраженные в ней мнения, оценки, убеждения, так же, как идеологии, теории, концепции, гипотезы, программы, планы, прогнозы и пр., по своей сущности не могут быть истинными или ложными, не могут соответствовать или не соответствовать действительности. Они могут быть ценными или вредными, правильными или неправильными, обоснованными или необоснованными, убедительными или спорными, прогрессивными или реакционными и т.п.

За высказанные идеи и мнения, оценочные суждения публикатор не несет ответственности, ибо по Конституции РФ каждый имеет право на свободу самовыражения, на свободу мнений и убеждений за исключением случаев, когда их распространение прямо запрещено законом (см. ст. 4 Закона о СМИ).

Поэтому идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они оспариваются в порядке полемики, то есть ответа (реплики, комментария) в том же средстве массовой информации, как это предусмотрено ст. 46 Закона о СМИ.

На практике же по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации нередко происходит подмена предмета спора. Суды, вместо возложения на СМИ обязанности опубликовать ответ истца, обязывают опровергнуть высказанные оценки и мнения, выплатив компенсацию за моральный вред. Идеи же не опровержимы, а оспоримы.

Поэтому многочисленные дела по искам общественных деятелей и организаций, обиженных оценкой исповедуемых ими взглядов как фашистских, принципиально неверно разрешены судами в пользу истцов.

Мы полагаем, что иски о защите чести и достоинства лиц, названных фашистами (равно как коммунистами, анархистами, монархистами и пр.), и требования об опровержении высказанных в СМИ критических оценок той или иной идеологии либо политики не подлежат удовлетворению и, может быть, вообще не должны приниматься к судебному рассмотрению. Ибо таким путем ограничивается свобода слова, критики, свобода политических дискуссий и

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

средств массовой информации, что противоречит Конституции РФ и международно-правовым актам.

Описание события и изложение мнений в текстах чаще всего бывают слитны, взаимосвязанны, на первый взгляд, неразличимы. Поэтому дифференциация фактуальной и оценочной информации в некоторых случаях — дело очень непростое, требует квалифицированного анализа и надлежащей подготовки. Методика такого «текстологического» анализа нуждается в специальной разработке, для которой в настоящем исследовании предложены исходные рекомендации, полезные для вдумчивого читателя и пригодные для давно ожидаемых руководящих разъяснений Верховного Суда РФ.

Как показывает изучение судебной практики по делам рассматриваемой категории, многие претензии к СМИ вызваны неверным толкованием таких ключевых понятий, как честь, достоинство и деловая репутация. Иными словами, требует уяснения вопрос, кто является обладателем этих нематериальных благ и вправе претендовать на судебную защиту в случае их нарушения.

Проведенное авторами семантическое исследование этих законодательных терминов позволяет более адекватно решить указанный вопрос и сформулировать ряд связанных с ним юридически значимых положений.

В частности, в соответствии со смыслом ст. 150, 152 ГК РФ обладателем чести и достоинства, а следовательно, и права на судебную защиту может быть только физическое лицо, гражданин. Государственный орган, общественное объединение, коллектив или группа лиц не являются субъектами этого права.

Исключения составляют только случаи, когда обнародованный материал позволяет персонифицировать (идентифицировать) конкретное лицо, чья честь и достоинство при этом были унижены. Однако сказанное вовсе не означает, что незаслуженная критика деятельности какого-либо учреждения автоматически порочит честь и достоинство его руководителя, как иногда пытаются утверждать некоторые истцы.

Такие понятия, как «честь завода», «честь мундира», «честь трудового коллектива», «честь города» и т.п., на поругание которых публикациями СМИ сетуют некоторые заявители, носят характер метафоры, выражающей нравственно-психологические категории. Здесь речь должна идти о престиже или общественном авторитете органа, учреждения, ведомства, объединения, что не имеет гражданско-правового значения.

Если распространенные сведения подобного рода не соответствуют действительности, то заинтересованные лица не вправе претен-

Глава 6. Послесловие юриста

довать на судебную защиту чести и достоинства, а могут требовать опровержения сведений в порядке ст. 43 Закона о СМИ. Это различие оказывается довольно существенным по своим последствиям для работников СМИ.

Более сложным и слабее освещенным в настоящем исследовании оказалось понятие деловой репутации. Недостаточная четкость регламентации этого нового института в ст. 152 ГК РФ создает иллюзию (и необоснованные притязания), будто деловой репутацией обладают любой гражданин и любое юридическое лицо.

За защитой деловой репутации, и подчас безуспешно, обращаются в суд государственные органы, должностные лица, общественные организации и отдельные граждане, которые не осуществляют коммерческой, предпринимательской деятельности. Между тем понятие деловой репутации в гражданско-правовом смысле применимо только к физическим и юридическим лицам, участвующим в деловом обороте. Это понятие не равнозначно, не синонимично понятию служебной или профессиональной репутации либо упомянутому понятию престижа.

Государственные и муниципальные органы, осуществляющие властные и управленческие функции, и общественные объединения, выполняющие уставные задачи, не являются участниками гражданского оборота, не являются носителями деловой репутации в смысле гражданского законодательства и потому не могут требовать ее судебной защиты.

Авторы подтверждают, что наше законодательство рассматривает честь, достоинство и деловую репутацию как личные блага, защищаемые в индивидуальном порядке, и не предусматривает защиты нематериальных благ каких-либо общностей и групп.

Можно понять болезненную реакцию заинтересованных лиц на критические выступления прессы. Однако если обнародованные сведения не соответствуют действительности, то в описанных случаях возникает право требовать опровержения без тех тяжких последствий для редакций и журналистов, которые предусмотрены в случаях унижения чести, достоинства и деловой репутации.

Здесь мы подошли еще к одному правовому понятию, рассмотренному в настоящем исследовании, — компенсации морального вреда, нанесенного распространением в СМИ неверных порочащих сведений.

Закон (ст. 151 ГК РФ) недвусмысленно определяет понятие морального вреда как причинение физических и нравственных страданий. Казалось бы, ясно, что телесные и психические страдания способен переживать только человек. Несомненно, и это отмеча-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ют авторы исследования, юридическое лицо есть искусственное образование. Оно, как поручик Кижее, «тела не имеет», сознанием не обладает, испытывать какие-либо мучения не способно «по определению».

Однако на практике руководители разного ранга от имени юридических лиц (ведомства, местной администрации, правоохранительных органов, общественных организаций) предъявляют и даже выигрывают иски о защите чести, достоинства и деловой репутации (каковых, как сказано, они не имеют), добиваясь не только опровержения опубликованных сведений, но и компенсации морального вреда, иногда в астрономических, удушающих редакцию размерах.

Провоцирует этот юридический абсурд неудачная формулировка п. 5 и 7 ст. 152 ГК РФ. Там говорится, что лица, в отношении которых распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, «вправе требовать возмещения убытков и морального вреда». Неточность состоит в том, что моральный вред в отличие от материального не возмещается в объеме понесенных убытков, а компенсируется в порядке «утешения», имея другую природу, иной порядок доказывания и принципы исчисления размеров взыскания.

Но еще хуже предписание, согласно которому правила, установленные этой нормой, применяются к защите деловой репутации не только гражданина, но и юридического лица. Отсюда как бы следует, что и юридические лица также имеют право на компенсацию морального вреда, что, как сказано, невозможно.

Пленуму Верховного Суда РФ давно бы следовало указать на недопустимость такого понимания и устранить неточность своего прежнего толкования по данному вопросу в постановлении от 20 декабря 1994 года.

Для правильного толкования ст. 152 ГК РФ и без ее законодательной корректировки возможность имеется, поскольку текст гласит, что «правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно (*выделено мною. — А.Р.*) применяются к защите деловой репутации юридического лица». Термин «соответственно» в данном контексте означает применимость только тех положений нормы, которые соответствуют правовой природе юридического лица.

Неспособные испытывать физические и нравственные страдания юридические лица не могут и не должны рассчитывать на их компенсацию.

И еще пара замечаний относительно компенсации морального вреда.

Глава 6. Послесловие юриста

Наши исследователи утверждают, что «все эти нравственные страдания и нравственные переживания неуловимы, доказать следственным или судебным путем наступление морального вреда, кроме отдельных случаев, невозможно. Так же неопределенна связь упомянутых нравственных переживаний с унижением чести и достоинства... Соответственно, и компенсация морального вреда должна производиться по логике возможного, а не наступившего вреда».

Действительно, так и происходит во всех без исключения случаях, хотя с правовой точки зрения это представляется абсолютно ненормальным.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 20 декабря 1994 года определил предмет доказывания по спорам, связанным с компенсацией морального вреда, указав, что «суду необходимо выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий».

Понятие «причинение» предполагает наличие причинной связи между действием и наступившим результатом. Однако суды не исследуют и не требуют доказывания этой связи, руководствуясь логически порочным суждением «после того — значит вследствие того».

Внятное указание по данным вопросам позволит устранить это извращение практики. Должны быть исключены попытки чиновников и других заинтересованных лиц таким путем поживиться за счет редакции, усмирить неугодную газету, «приструнить» независимых журналистов.

И, наконец, последнее. Не пора ли предусмотреть компенсацию работникам СМИ за нервотрепку и потерю времени, вызванные недобросовестными исками и необоснованными претензиями любителей сутяжничать? Этот риторический вопрос означает положительное категорическое утверждение.

Отчасти закон и сейчас допускает такую возможность. Страдая от необоснованных исков, работники СМИ имеют право (но не используют его) возложения на недобросовестного истца материальной ответственности и компенсации за потерю времени в соответствии со ст. 92 и возмещения расходов по оплате помощи адвоката в порядке ст. 91 ГПК РСФСР.

Практическая значимость настоящей работы определяется и ее направленностью на обеспечение «техники профессиональной безопасности» журналистов.

В этом плане трудно переоценить представленные авторами оригинальные рекомендации по «смысловой защите текста» и миними-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

защиты риска нежелательных последствий (исключить их полностью, как отмечалось, невозможно).

В работе высказаны ценные соображения о том, как журналисту при подготовке материала «не подставиться», сделать свой текст юридически неуязвимым, где «подстелить соломку», чтобы впоследствии не пострадать, а при необходимости и парировать возникшие претензии.

Этим целям служит система соответствующих предписаний и предостережений: максимы, постулаты, стратегии, которые только на первый взгляд кажутся довольно абстрактными, но на самом деле вполне операциональны и прагматичны. Хотя, конечно, они требуют от журналиста творческого осмысления и конкретизации применительно к особенностям создаваемого им материала.

Как бы нам ни хотелось иметь своего рода катехизис, кодекс конкретных норм, буквальное соблюдение которых гарантировало бы «защищенность» текста, авторы резонно замечают, что это невозможно. Руководствуясь подобным наставлением, журналист попал бы в положение знаменитой сороконожки, которую спросили, как она переставляет ноги, после чего, задумавшись, она не смогла сделать ни шагу.

Видимо, при высоком профессионализме журналист вряд ли каждый раз сверяет свой материал с приведенными выше идеями, принципами, постулатами.

По словам Б. Окуджавы, «каждый пишет, как он слышит. Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет, не стараясь угождать».

Как можно понять, здесь срабатывают творческие механизмы: языковая интуиция, чувство меры, литературный вкус и пр. Лишь когда автор чувствует, что его начинает «заносить», «включается сигнал тревоги», требующий рефлексивного анализа и критической переоценки созданного произведения.

В Центре защиты прав прессы, изучая дела и тексты конфликтных публикаций, мы постоянно убеждались, что журналистские «проколы» и нарушения в массе своей не вызваны злонамеренностью автора, а являются результатом легкомысленного, небрежного обращения с языком, низкого профессионального уровня публикатора, неспособности найти юридически и морально безупречную форму выражения нужной мысли и ее эмоциональной окраски. Поистине: «Птичка ходит весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий».

И потому справедлива (особенно для редактора) рекомендация наших исследователей: «Прежде чем дать тексту ход, осуществите

своего рода самоцензуру, по возможности выявив и устранив все то, что в этом тексте выводит его в “зону высокого риска”».

Важнейшим способом «смысловой защиты» является осторожное, аккуратное и продуманное употребление так называемой ненормативной и инвективной лексики и фразеологии. Рассмотрению этих пластов русского языка и речевой прагматики посвящен специальный раздел настоящей работы. Это очень интересный научный очерк.

В нем обстоятельно освещается феноменология так называемой ненормативной, обценной (нецензурной), бранной, инвективной, обличающей, оскорбительной лексики и фразеологии; рассмотрены их виды и смысловые функции, источники заимствования, пути внедрения и ситуации применения в практике общения, в разных типах коммуникаций.

На ярких примерах из выступлений средств массовой информации демонстрируются и разъясняются способы смысловой оценки различных слов, словообразований и словесных конструкций, используемых с целью уничижительной оценки и отрицательной характеристики личности и поведения адресата высказывания. Все рассказанное очень поучительно. Читая этот материал, действительно поражаешься, как «велик и могуч русский язык».

Однако соотносить эти данные с правовыми нормами об унижении чести, достоинства, деловой репутации, оскорблении и клевете пока еще не всегда удастся. И вряд ли это по силам одним авторам исследования или автору этого послесловия.

Исследователи констатируют, что в законодательстве и практике его применения продолжает существовать давно отвергнутое лингвистикой и социальной психологией представление о том, что в обществе существует всего одна общепринятая и всеми признанная манера общения (поведения, культуры речи), которую нельзя нарушать под угрозой юридической ответственности.

На самом деле таких норм множество, они варьируются в зависимости от ситуации общения, отношений между участниками, их социального статуса, пола, возраста и многих других факторов.

Добавим от себя социологическое соображение о существовании в обществе множества субкультурных образований (профессиональных, молодежных, досуговых, криминальных), каждое из которых имеет свою систему символов и норм, свой язык, свой стиль и манеру общения.

В современных условиях тотального правового нигилизма и нравственного плюрализма произошло вавилонское смешение языков. Общественные деятели, официальные лица и пресса зачастую

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

говорят и пишут, используя воровской жаргон и не стесняясь в выражениях.

Ситуацию усугубляют страстная политизация, безудержная «война компроматов», когда они уже не уместаются в отдельных сообщениях, а подаются общественности «коробками» и «чемоданами»; некоторые выступления СМИ смахивают на «журналистику в Теннесси».

Когда границы между нормами речевого взаимодействия сдвинуты и размыты, формально и четко определить различие между нарушением этикета, бестактностью, хамством и гражданским или уголовным правонарушением становится нередко задачей крайне затруднительной или вовсе нерешаемой.

В жизни возникает бесчисленное множество ситуаций и вопросов, для обоснованного юридического разрешения которых просто не хватает имеющихся доктринальных толкований, научных комментариев и руководящих разъяснений действующего законодательства.

Из этого множества выделим один аспект, по которому уже сейчас можно высказать некоторые предварительные суждения. Допустимо ли в средствах массовой информации обличать кого-либо в совершении уголовно наказуемых деяний при отсутствии судебного признания данного лица виновным, а его действий — преступными? Можно ли назвать его преступником при наличии у журналиста данных о событиях и действиях такого рода?

Не нарушается ли при этом провозглашенный Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством принцип презумпции невиновности, согласно которому каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не доказана в установленном порядке вступившим в законную силу приговором суда?

Не является ли, наконец, клеймение кого-либо вором, мошенником, взяточником и т.п., независимо от фактических обстоятельств и имеющих данных, унижением чести и достоинства, выраженным в неприличной форме, т.е. уголовно наказуемым оскорблением? (Вспомним дело В. Поэгли.)

Прежде всего отметим, что конституционная норма о презумпции невиновности (ст. 49) помещена в том блоке статей, которые определяют положение личности в уголовном судопроизводстве (ст. 47–54 Конституции РФ). Используемый при этом термин «обвиняемый в совершении преступления» имеет сугубо правовое значение, разъясняемое в ст. 46 УПК РФ. Презумпция невиновности — это уголовно-процессуальный институт.

В теории права она считается опровержимой презумпцией, которая постоянно подвергается сомнению и опровержению в ходе про-

Глава 6. Послесловие юриста

цесса, при возбуждении уголовного преследования, избрании меры пресечения и иных мер процессуального принуждения, предъявлении обвинения, предании суду — и так вплоть до вступления обвинительного приговора в законную силу.

Иными словами, при всей кардинальной важности этого демократического института даже в уголовном процессе презумпция невиновности не имеет абсолютного и неоспоримого значения (в отличие, например, от презумпции неспособности быть субъектом преступления при недостижении возраста уголовной ответственности).

При ином понимании раскрытие преступления, наказание виновного и вообще уголовное судопроизводство были бы невозможны.

Что же касается внепроцессуальных отношений, то ссылка на принцип презумпции невиновности представляется неуместной и не может служить основанием для запрета средствам массовой информации сообщать сведения об известных им преступлениях и лицах, их совершивших, как об общественно значимых событиях.

Более того, это гражданский и профессиональный долг журналистов. Поскольку такие сообщения средств массовой информации являются поводом к возбуждению уголовного дела.

Разумеется, за достоверность таких сведений работники СМИ несут ответственность: в случае заведомой ложности — в уголовном порядке за клевету, а при добросовестном заблуждении — в гражданском порядке за унижение чести и достоинства.

Несомненно также, что степень доказанности обличающих выступлений прессы (мы здесь не пользуемся правовым термином «обвинение») не может быть столь же высокой и, к счастью, не может влечь за собой тех же правовых последствий, как предъявление обвинения в уголовном процессе.

Для этого необходимо и достаточно наличия подтвержденных надлежащим образом только признаков преступления. Даже для возбуждения уголовного дела закон ограничивается требованием «достаточных данных, указывающих на признаки преступления», а отнюдь не абсолютной доказанности всего состава уголовного деяния (это достижимо лишь к окончанию расследования).

Итак, презумпция невиновности не препятствует журналистскому расследованию и праву журналиста выражать свое мнение об установленных при этом противозаконных действиях и виновных лицах.

И, наконец, снова насчет пресловутой неприличной формы оскорбления. Скандальный приговор по делу В. Поэгли чуть было не

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

создал опасный прецедент признания неприличным и уголовно наказуемым употребление слов типа «вор». Один журналист по этому поводу ехидно заметил, что суд придумал «новое неприличное слово из трех букв».

Правы наши исследователи, заявив по поводу трактовки криминального неприличия как противоречащего принятой в обществе манере общения, что лучше бы такого разъяснения не было.

Выше уже была показана его полная непригодность. Вызывают сомнение и совершенство самой уголовно-правовой нормы (ст. 130 УК РФ), и вообще целесообразность криминализации оскорбления, для защиты от которого могут быть более эффективны гражданско-правовые меры.

Таковы лишь некоторые соображения, вызванные «первым чтением» настоящей работы. Они, что называется, «не претендуют» и «не обязывают». Это, как и вся работа, повод для размышления и приглашение к разговору, на что мы и рассчитываем, выпуская данную книгу в свет.

Часть II.
Год 1997. «Честь и доброе имя.
Конфликт журналистики и юриспруденции»
Материалы научно-практической конференции

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва, 8–9 декабря 1997 года

1. Авдеев Владимир Викторович, Фонд защиты гласности
2. Алексеев Александр Николаевич, судья Ленинградского областного суда
3. Анисимова Вера Ивановна, судья Верховного Суда Удмуртии
4. Арапова Галина Юрьевна, Центр защиты СМИ, Воронеж
5. Беренсон Марк, «Дом Свободы», Киев — Вашингтон
6. Болоний Александр Николаевич, военный суд
7. Болотовский Виктор Иосифович, адвокат Московской коллегии адвокатов
8. Васягин Анатолий Алексеевич, военный суд
9. Гаджиева Светлана Адольфовна, Суд Ольского райсуда, Магадан
10. Гайдуков Дмитрий Александрович, Фонд правовых реформ
11. Галкин Сергей Анатольевич, и. о. председателя Пенежского райсуда, Архангельск
12. Гастелло Николай, пресс-секретарь Председателя Верховного Суда
13. Глушков Михаил Васильевич, зам. председателя Воркутинского райсуда Республики Коми
14. Голубчикова Валентина Давыдовна, главный редактор журнала «Северные просторы», Москва
15. Гордиевская Ирина Игоревна, Центр защиты гласности, Санкт-Петербург
16. Довнар Наталья, редактор бюллетеня «Журналистика и право», Минск

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

---

17. Еремин Игорь Юрьевич, Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ
18. Ефимов Анатолий Федорович, зам. председателя Мособлсуда
19. Ефремова Вера Константиновна, зав. отделом НИИ Генпрокуратуры
20. Ефремова Ольга Анатольевна, редактор отдела «Мораль и право», Салехард
21. Засурский Ясен Николаевич, декан факультета журналистики МГУ
22. Исаков Владимир Борисович, Начальник правового управления Государственной Думы РФ
23. Казаков Юрий Венедиктович, Комиссия по свободе доступа к информации
24. Калинин Евгений Дмитриевич, Центр защиты прав прессы, Волгоград
25. Калинина Наталия Алексеевна, начальник отдела лингвистической экспертизы законопроектов правового управления
26. Капустин Владимир Иванович, судья Кировского райсуда г. Уфы
27. Капустина Надежда Ивановна, судья Оренбургского облсуда
28. Клкжин Сергей Иванович, зам. председателя суда, Нижний Новгород
29. Колычева Галина Алексеевна, Верховный Суд РФ
30. Копейка Александр Константинович, Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ
31. Крец Виталий, телекомпания «ТВ-2», Томск
32. Кузнецов Валентин Васильевич, член президиума Верховного Суда РФ
33. Леонтьев Алексей Алексеевич, профессор, руководитель авторского коллектива исследования
34. Маркина Татьяна Ивановна, судья Самарского облсуда
35. Маркова Дарья Владимировна, Фонд защиты гласности
36. Машаева Ольга Владимировна, судья Элистинского горсуда, Калмыкия

Список участников конференции

37. Монахов Виктор Николаевич, Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ
38. Новикова Наталья Николаевна, судья арбитражного суда, Н.Новгород
39. Осташевский Александр Васильевич, преподаватель Кубанского госуниверситета, Краснодар
40. Островский Александр Леонидович, адвокат Коллегии адвокатов «Канон»
41. Пантелеев Борис Николаевич, Фонд поддержки правовых реформ, Казань
42. Пермяков Александр Андреевич, Общество защиты гласности, Екатеринбург
43. Прохоров Вадим Юрьевич, служба общественных связей Гильдии российских адвокатов
44. Птицын Геннадий Сергеевич, руководитель пресс-центра Коллегии адвокатов «Мосюрцентр»
45. Рагинов Александр Рувимович, главный научный сотрудник НИИ Генпрокуратуры
46. Резник Генри Маркович, компания «Резник, Гагарин и партнеры»
47. Рихтер Андрей Георгиевич, Центр права и СМИ
48. Романенков Николай Семенович, заместитель председателя Мосгорсуда
49. Руднев Валерий Николаевич, редактор журнала «Российская юстиция»
50. Симонов Алексей Кириллович, Фонд защиты гласности
51. Столповских Василий Александрович, судья Челябинского облсуда
52. Сударькова Елена Владимировна, судья Центрального райсуда г. Красноярска
53. Сутулова Маргарита Анатольевна, судья Елизовского райсуда Камчатской области
54. Сухова Галина Иосифовна, член президиума Высшего Арбитражного суда

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

---

55. Тихомиров Георгий Александрович, судья Приозерского горсуда Ленинградской области
56. Уколова Жанна Павловна, судья Фрунзенского нарсуда г. Владимира
57. Феофанов Юрий Васильевич, редактор журнала «Закон»
58. Хавкина София Семеновна, Центр защиты прав прессы, Н.Новгород
59. Хазин Марк Григорьевич, юрист, «Известия»
60. Халип Ирина, заместитель главного редактора еженедельника «Имя», Минск
61. Шашкова Алла Петровна, журнал «Адвокат»
62. Юрин Михаил Викторович, Правовая академия

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧЕСТЬ И ДОБРОЕ ИМЯ. КОНФЛИКТ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Симонов (Фонд защиты гласности): Необходимо договориться, что это не читательская конференция, а встреча экспертов. Работа, которую проделали профессор Леонтьев со товарищи, — это попытка посмотреть под иным, непривычным ракурсом на правовую базу и практику конфликтов в информационной сфере. Так она задумана и так исполнена. И не надо на них обижаться или осуждать их, рассматривая эту работу как посягательство на основы или вторжение юридических образованцев в священное таинство права.

С одной стороны, нам предлагают ключ к дверям, за которыми, мы предполагаем, находится истина, и грех им не воспользоваться. С другой стороны, лингвисты изложили свежий взгляд на понятия, замусоленные от постоянного употребления, они задают вопросы, может быть, иногда наивные, но всегда небанальные. И задача этой конференции — установить, можно ли этим ключом открыть дополнительные пути к истине? Можно ли по-новому оценить имеющийся в нашем распоряжении юридический инструментарий? А главное — сформулировать уже не наивные, а сугубо профессиональные вопросы и поставить их перед законодателями и законотолкователями в надежде получить вместо минного поля, которое мы имеем, поле правовое, на которое не страшно вступать в поисках истины.

Необходимость в этом назрела.

«Сегодня факт и мнение переплелись: комментарии присутствуют в новостях, редакционные статьи напичканы фактами. Конечный продукт от этого не становится лучше, и никогда прежде профессия журналиста не несла в себе столько опасностей. Невольные или умышленные ошибки, злонамеренные манипуляции или ядовитые искажения превращают новость в серьезное оружие. Ссылки на «информированные источники» и «правительственных чиновников», которые пожелали остаться неизвестными, или наблюдателей, всезнающих, но никому неведомых, прикрывают все нарушения, и они остаются безнаказанными». Это сказал журналист и великий писатель, нобелевский лауреат Габриэль Гарсия Маркес. С другой стороны, в том же номере только что вышедшего журнала «Досье на цензуру», откуда взята эта цитата, напечатана статья вашего покорного слуги «Иски о защите чести и достоинства как инструмент давления на средства массовой информации». Упаси меня бог сравнивать свое сочинение с текстом великого писателя, но там изложена

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

оборотная сторона царящей в этой сфере правовой неразберихи. Действительно, иски по этой категории дел составляют сегодня около 40% всех фиксируемых нашим Фондом конфликтов со СМИ, и этот процент неуклонно растет.

Что касается абсолютных цифр, то, по сведениям Верховного Суда РФ, только за 1996 год зафиксировано более 3500 подобных дел. А если учесть, что одной из сторон конфликта выступает газета или телекомпания, а другой — в девяти случаях из десяти — ответственный работник, депутат, судья, деятель культуры или шоу-бизнеса, то есть тот, кого в западном законодательстве называют public figure, то и резонанс они имеют соответствующий. Настолько он велик, что у мало подготовленного наблюдателя может сегодня возникнуть ощущение, что проблема сохранения чести и достоинства в российском обществе чуть ли не главная.

Ну а какова же законодательная база, на которой зиждутся решения судов всех инстанций, подводящие итоги конфликтам в этой сфере? Приведу лишь один пример: прямо на задней обложке исследования — текст статьи 129 УК РФ: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию...». Объяснение неизвестного через неопределенное, да еще и неточное. Ну, скажем, подорвать достоинство просто невозможно, ибо это ощущение или, точнее, самоощущение конкретной личности. Понятие репутации вообще отсутствует в текстах законодательства. Можно ли построить на этом зыбком основании справедливый приговор?

Не могу удержаться и не привести в укор нашим законодателям формулировку, почерпнутую мною из неюридической литературы. Поэт и философ Владимир Соловьев в статье «О значении поэзии в стихотворениях Пушкина» дает разъяснение термину не только юридическое, но и житейское, что делает его особенно ценным, ибо закон, а тем более такой неспецифический, трактующий понятия общественно важные, обязан быть легкодоступным не только для суда, но и для тех, кто в него пришел.

«Клевета — ...заведомо ложное, следовательно, злоумышленное приписывание кому-нибудь дурных свойств, ему не принадлежащих, или постыдных деяний, им не совершенных».

Может быть, все дело в том, что законы у нас пишут в основном политики? А юристы их только редактируют? И поэтому в текстах закона просматривается скорее баланс политических сил, чем сбалансированность юридических истин?

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Взвешенность и внятность положений закона, совершенство его юридического инструментария, очевидность концепции и соответствие конституционным нормам — только они позволяют пользоваться законом как орудием правосудия и принимать решения, которые осознаются обществом как акт справедливости и становятся путеводными знаками на пути к правовому обществу.

И в таких законах нуждаемся все мы, здесь собравшиеся: судьи и журналисты, правоведаы и адвокаты, прокуроры и правозащитники. Все мы заинтересованы в том, чтобы на перекрестках города, где мы живем, горели ясные, красные и зеленые фонари истин, а не тусклый желтый свет неопределенных понятий. В этом заинтересованы все граждане — пассажиры и пешеходы, водители и вагоновожатые.

Два, всего два серьезных достижения у рождающейся российской демократии: свободная пресса и независимый суд. Пусть и то и другое звучит сегодня преувеличением, и то и другое сейчас находится на переломе и того и гляди повернет вспять. И мы чрезвычайно заинтересованы в поддержке друг друга. Я призываю не к сговору, а к выработке правил игры, играя по которым мы поможем друг другу избежать главных опасностей нашей сегодняшней жизни: безнаказанности лжи и беззащитности правды. Честная пресса и честный суд заинтересованы в этом больше, чем кто-либо. И пусть эта конференция, где мы будем трудиться рука об руку, станет шагом навстречу друг другу, доказательством обоюдной устремленности к построению правового государства.

И последнее.

Конференцию эту мы готовили долго и вложили в нее немало сил. Мы рассчитываем, что результаты ее окажут реальное, осязаемое воздействие на состояние законодательства в информационной сфере. Судя по тем проектам новых законов и по поправкам к уже принятым, которые ныне рассматриваются в Думе, легкая жизнь ни вам, ни нам не грозит. Давайте попробуем направить энергию наших законодателей на усовершенствование поспешно принятых законов вместо поспешного принятия новых. И, полемизируя друг с другом, будем помнить, что собрались мы не для того, чтобы устроить сечу на рубежах истины, а дабы совместными усилиями расширить территорию права за счет соседнего с ним поля конфликтов и скандалов.

Спасибо за внимание.

Теперь я открываю первый раунд и передаю слово ведущей первой темы Вере Константиновне Ефремовой.

Ефремова (НИИ Генеральной Прокуратуры): Мониторингом, который осуществляет Фонд защиты гласности, установлено, что 60–70 процентов нарушений, инкриминируемых журналистам и СМИ,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

связаны с защитой чести и достоинства. Следует подчеркнуть, что количество дел этой категории растет повсеместно с каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем. Решение, которое выносит суд, зачастую вызывает многочисленные споры. Алексей Кириллович уже говорил о том, что многие решения и не могут быть бесспорными, поскольку не определены принципиальные понятия, принципиальные вопросы, которые должны быть решены в законодательном порядке.

Не ясно до сих пор, какое содержание должно вкладываться и какое вкладывается в понятия «честь», «достоинство», «деловая репутация», «престиж», «доброе имя». Кто может быть обладателем этих нематериальных благ и вправе претендовать на судебную защиту в случае их нарушения? Могут ли государственные органы, организации, общественные объединения быть субъектами этого права, обладателями, носителями деловой репутации? Когда, в каких случаях? В чем различие между репутацией и деловой репутацией и кто имеет право на компенсацию морального вреда? Физические лица? Юридические лица? Все эти вопросы имеют не терминологический характер, от них зависит практика. Как и в каких случаях — должен решать суд.

Приведу один маленький пример: информационный конфликт, который был предметом рассмотрения заседания Судебной палаты. Речь идет о том, что прокурор города Лангепаса Тюменской области предъявил иск к газете «Звезда Лангепаса». Что же так задело прокурора? Автор написал, что «господа или товарищи, глава администрации и прокурор, хватит сидеть в своих мягких креслах. Доколе будут твориться эти безобразия?» Речь шла о невыплатах заработной платы и положении населения. «Может быть, вы выйдете в народ, поговорите с ним, послушаете его и наконец наведете порядок во вверенном вам регионе?» Этого было достаточно для того, чтобы прокурор предъявил иск о защите своей чести, достоинства и деловой репутации, причем не только собственной, но и прокуратуры в целом. Надо сказать, что суд рассмотрел и удовлетворил этот иск. Естественно, это решение вызывает множество споров. И я надеюсь, что в сегодняшней дискуссии будут рассмотрены многие из тех вопросов, которые возникают и с которыми каждый день сталкиваются судебные органы и журналисты. А сейчас я бы хотела для затравки и панорамного представления проблемы представить слово великолепному профессионалу, прирожденному оратору Резнику Генри Марковичу.

Резник (Московская коллегия адвокатов): Добрый день, коллеги. Прошу поверить: приглашение на трибуну для меня неожиданность. Я предпочел бы быть модератором по второй теме «Факт и мнение. События и оценки». Говорю об этом не случайно, ибо строгость де-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

финиций понятий чести и достоинства мне представляется не слишком важной для правоприменительной практики. Еще в прошлые века правоведы сетовали на то, что и общая литература, и философия, и юриспруденция дают вопросу о чести самые разнообразные, не совпадающие между собой определения и ответы.

Комментируя статью 152 Гражданского кодекса — речь идет о научно-практическом комментарии части первой Российского ГК, подготовленном Институтом государства и права, — я счел возможным ограничиться констатацией, что понятия «честь», «достоинство», «репутация» по существу совпадают, определяя моральный статус личности, ее самооценку и положение в обществе. Важно при этом отметить: честь и достоинство не есть свойства, объективно присущие каждому конкретному индивиду, могущие быть у него обнаружены эмпирическим путем (точно так же, как, например, свобода воли), тем более стать предметом судебного исследования. В силу утвердившегося ныне в мировом сообществе, закрепленного в международно-правовых актах и национальных конституциях философско-правового образа человека наличие таких качеств презюмируется, они признаются основными естественными правами, принадлежащими каждому от рождения, и посягательство на них преследуется по закону. По какому закону должна наступать ответственность за опорочение доброго имени — самостоятельный вопрос, и, полагаю, он станет предметом оживленных дискуссий на нашей встрече.

Понятие репутации введено в наше законодательство — причем не только гражданское, но и уголовное — совсем недавно и требует более обстоятельного анализа. Статья 129 Уголовного кодекса, предусматривающая ответственность за клевету, говорит о заведомо ложных сведениях, подрывающих репутацию; в статье 152 Гражданского кодекса введено понятие деловой репутации, которая порочится наряду с честью и достоинством. Что касается подрыва репутации по уголовному закону, то нужно дождаться разъяснений на этот счет Пленума Верховного Суда.

Мне крайне любопытно, как будут разграничены понятия чести и репутации. Я не усматриваю между ними никакой разницы, это по сути синонимы. А вот дефиницию понятия «деловая репутация» давать необходимо. Мне очень хотелось бы разделить точку зрения, согласно которой деловая репутация должна истолковываться в гражданско-правовом смысле и распространяться на физических и юридических лиц — субъектов коммерческой, предпринимательской деятельности участников делового, торгового оборота. Но в норме закона говорится все же о деловой репутации гражданина. Как быть в случаях, когда гражданин порочится как работник, специалист,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

когда дается отрицательный отзыв о его профессиональных качествах, служебной деятельности? Истолковывать такие сведения как порочащие профессиональную честь, но не деловую репутацию? Оставить служебную или профессиональную репутацию без судебной защиты? Вопрос требует прояснения.

Нет полной ясности и в вопросе о субъектах права на защиту чести и достоинства. По Гражданскому кодексу права и законные интересы недееспособных и ограниченно дееспособных граждан отстаивают в суде их законные представители. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 18 августа 1992 года, посвященном рассмотрению судебных дел интересующей нас категории, разъяснил, что при распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных их честь и достоинство отстаивают законные представители. Такое разъяснение покоится на признании, что доброе имя — благо естественное в силу малолетства либо психического расстройства.

Признав таким образом малыша маленьким человеком, в отношении умершего Пленум, очевидно, исходил из того, что «мертвые сраму не имут», ибо иначе нельзя понять разъяснение, согласно которому в случаях, когда порочащие сведения распространены об умершем, заинтересованные лица защищают в суде не его, а свои честь и достоинство. И хотя затем Пленум изменил редакцию данного пункта, продублировав текст нового ГК и уклонившись от его разъяснения, мнение, по которому третьи лица могут осуществлять защиту умершего лишь в случае, если они действуют в своем интересе, укоренилось в литературе.

Нуждается в определении и понятие «заинтересованные лица». Круг таких лиц куда точно не очерчен. Судебная практика противоречива. Известны случаи обращения в суд с иском о защите чести и достоинства известных исторических фигур. Разрешаются такие требования по-разному. Например, иск о защите чести и достоинства Карла Маркса не был принят к рассмотрению, поскольку истец не смог доказать родство с основоположником. А вот обращение о защите И.В. Сталина, заявленное одним из его почитателей, было рассмотрено по существу, и доказательств родственных отношений с «вождем всех народов» суд от истца не потребовал.

Решение поставленных вопросов имеет непосредственное отношение к проблеме морального вреда.

Итак, моральный вред. Статья 151 Гражданского кодекса определяет его как физические или нравственные страдания. Понятно, что таковые может испытывать только живой человек, по выражению классика, «одушевленное имя существительное». И в названной

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

норме закона действительно сказано о праве только гражданина на компенсацию морального вреда. Но пункт 7 следующей, 152-й статьи ГК говорит о том, что (цитирую) «правила о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица». Коллизия двух норм очевидна. В своем великолепном послесловии к труду психолингвистов Александр Рувимович Ратинов попытался устранить противоречие, трактуя термин «соответственно» в смысле применимости только тех положений нормы, которые соответствуют правовой природе юридического лица. Такое истолкование действительно могло бы явиться хотя и искусственным (все же наречие «соответственно» употребляется чаще всего в значении союза «так же, как; а равно»), но одновременно изящным выходом из нормативного разлада.

Только время, боюсь, упущено. Ранее действовавшие союзно-республиканские Основы гражданского законодательства с абсолютной определенностью закрепляли право юридического лица на компенсацию морального вреда. Такова же позиция Пленума Верховного Суда, признающего тем самым способность предприятий и организаций страдать физически и нравственно. Но ситуация много забавнее. У нас сейчас существуют две системы: судов общей юрисдикции и судов арбитражных. Для арбитражных судов разъяснения Пленума Верховного Суда обязательны. Там конфликт ст. 151 и 152 ГК разрешен в пользу первой и моральный вред юридическому лицу не компенсируется.

Итак, одна и та же норма материального права трактуется и применяется прямо противоположно общими и арбитражными судами. Как-то раз я воспользовался представившейся возможностью и побеседовал на данную тему с представителями «верхних» судов Лебедевым и Яковлевым: «У нас ведь были совместные постановления пленумов, почему вопрос о компенсации морального вреда не прояснили?» Я получил ответ: «Это единственная проблема, по которой мы не пришли к согласию, поэтому решили: пусть ситуация остается какой есть». Можно подытожить. В общем суде при рассмотрении иска по авторским публикациям юридическое лицо нравственно страдает, в арбитражном суде, где единственный ответчик — редакция СМИ, мучения отсутствуют. Согласитесь, ситуация довольно пикантная.

Размеры компенсации. Здесь наш закон устроен аналогично законодательству большинства других стран. Критерии самые общие — характер и содержание публикации, масштаб распространения порочащих сведений, степень вины причинителей вреда; в итоге определение размера отдается на усмотрение суда, руководствующе-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

гося требованиями разумности и справедливости. Привлекаю внимание к новелле нашего законодательства. Часть вторая Гражданского кодекса отнесла опорочение чести и достоинства к невиновным деликтам, т.е. компенсация морального вреда производится ныне независимо от вины редакции и журналиста. Спешу успокоить присутствующих: статья 57 Закона о СМИ не отменена, она продолжает действовать. Но все же отнесение распространения порочащих сведений к невиновным правонарушениям мне представляется крупным просчетом законодателя. На размер компенсации, безусловно, должна влиять степень нарушения норм Закона о СМИ, регламентирующих обязанности журналиста и редакции, запрещающих им злоупотреблять своими правами. Но поскольку размер компенсации зависит от степени вины лишь тогда, когда вина является основанием возмещения вреда, то теперь степень нарушений ответчиками своих профессиональных обязанностей из предмета судебного исследования исключена, грубейшие злоупотребления и неизбежные в журналистике добросовестные заблуждения полностью уравниваются. Куда как привлекательнее американское законодательство со своим «злым умыслом».

На практике наблюдается неизбежный разброс взыскиваемых сумм, хотя преобладают умеренные размеры, не превышающие, как правило, нескольких миллионов рублей. В то же время зафиксированы случаи присуждения явно несоразмерных компенсаций — грешат этим преимущественно провинциальные суды в угоду местным удельным князькам, стремящимся поставить на колени независимые издания. Нельзя, однако, и впадать в противоположную крайность, настаивая на взыскании во всех случаях лишь мелких, чисто символических сумм. Угроза компенсации морального вреда — единственное средство, способное реально повлиять на любителей разносить ложь, остановить отравленное перо авторов заказных публикаций. Размер компенсации морального вреда должен быть чувствителен для злостных нарушителей закона и определяться в том числе в зависимости от имущественного положения редакции СМИ и автора.

Судебная практика подбросила еще одну проблему. Неожиданно — во всяком случае, для меня — предметом жарких дискуссий стал вопрос: может ли иск о компенсации морального вреда обеспечиваться имущественным арестом? В конце 80—начале 90-х годов XX века я пару-тройку раз сталкивался с тем, что по искам к СМИ о защите чести и достоинства накладывался арест на банковские счета газет и журналов. По моим заявлениям арест тут же отменялся самими районными судьями, а в беседах они откровенно признавались,

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

что использовали такие действия в качестве способа давления на ответчиков, для того чтобы заставить их наконец-то явиться в судебное заседание. Но затем по одному делу был арестован счет фонда «Открытое общество» (Фонд Сороса), издавшего книгу, в которой один литератор узрел опорочение своей репутации и заявил требование о выплате ему ста миллионов рублей. Неожиданно мне пришлось долго убеждать судью в неправомерности обеспечения имуществом арестом требований компенсации морального вреда. Убедил. Однако вскоре столкнулся с новым фактом из той же оперы: районный судья наложила арест на все (!) имущество всемирно известного пианиста Николая Петрова в обеспечение требования о выплате полутора миллиарда рублей по иску двух американских бизнесменов, посчитавших опороченной свою репутацию в открытом письме группы российских музыкантов. Сама судья неправомерность своих действий признавать не захотела, и пришлось добиваться отмены позорного постановления в Московском городском суде. Тот арест снят, но история на этом не закончилась. Вмешался один из руководителей Верховного Суда, посчитавший допустимым арестовать имущество в обеспечение требования о компенсации морального вреда, и дело вновь закрутилось аж в трех высших судебных инстанциях. В итоге дебатов на страницах печати и в залах судебных заседаний арест имущества пианиста был признан незаконным, но сама проблема принципиально не разрешена.

Президиум Московского городского суда совершенно определенно высказался о неправомерности обеспечивать имуществом арестом требование о компенсации морального вреда. Суть позиции судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда такова: вообще не рекомендуется, но если очень хочется, то можно. Опасность произвола существует. Со всей решительностью заявляю: обеспечивать иски о защите чести и достоинства, сопряженные с требованием компенсации морального вреда, имуществом арестом недопустимо. Моральный вред — это вред неимущественный. Он не высчитывается как убытки и не возмещается, а именно компенсируется. Согласно закону может обеспечиваться конкретная сумма иска, составляющая его цену. Но в отличие от имущественного у неимущественного иска нет цены, ибо нравственные страдания не имеют стоимости. Все суммы, фигурирующие в исковых заявлениях, никакого юридического значения не имеют и пропорциональной госпошлиной не оплачиваются. Размер компенсации морального вреда определяется только решением суда. До завершения рассмотрения дела никакой суммы, пригодной для обеспечения, просто не существует. Если допустить возможность обеспечивать иски и

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

компенсации морального вреда, сумму обеспечения неоткуда брать, кроме исковых заявлений. А там многомиллионные претензии — и не всегда в рублях, все чаще в долларах, — взятые с потолка, ничем, кроме индивидуальных соображений истца и его стремления «получить побольше», не регулируемые: гуляй как хочешь, пошлина все едино десять процентов от минимального размера оплаты труда. Со всеми изложенными аргументами я обратился к Пленуму Верховного Суда: дайте четкое и внятное разъяснение о неправомерности обеспечения имущественным арестом неимущественного иска. Пока молчание.

Последнее. Границы политических дискуссий. Рамки дозволенного. Полагаю, они должны быть достаточно широки. Если во взаимных обвинениях содержатся сведения, не соответствующие действительности, они не должны влечь судебного разбирательства. Но прямые оскорбления недопустимы. В разных странах практика не одинакова. В Америке, например, враждебные выступления (hate speech) или оскорбительные слова ненаказуемы. Во Франции известный национал-скандалист Ле Пен был приговорен к крупному штрафу, когда он назвал своего политического противника, выходца из Алжира, толстым, грязным зебу. Я, как и Александр Рувимович Рагинов, все больше склоняюсь к декриминализации оскорбления, к тому, чтобы защита от него осуществлялась гражданско-правовыми мерами или в порядке административного производства. Благодарю вас.

Ефремова: Дорогие коллеги, дамы и господа! Теперь мне бы хотелось предоставить слово представителю судебной власти. Я полагаю, что не буду просто так «выдергивать». Может быть, кто-то из судей сам пожелает высказаться? Я знаю, что на нашей конференции они хорошо представлены. Пожалуйста, дорогие коллеги. Только одна просьба. Пожалуйста, придерживайтесь единого принципа. Обязательно представляться, чтобы у нас потом при расшифровке не было анонимных высказываний. Спасибо.

Ефимов (Московский областной суд): По своему положению я занимаюсь разрешением жалоб в порядке надзора на решения районных, народных судов, которые вступили в законную силу. Через мои руки проходит в год примерно около 6 тысяч жалоб и дел. Я подтверждаю, что действительно в последнее время произошел всплеск дел данной категории и появились даже люди, которые специализируются на предъявлении таких исков. Они как бы утверждают себя. Эти дела становятся орудием сведения счетов и политической борьбы. Есть такой Самсонов, издатель или журналист в г. Клину, который завалил суд этими исками, он судится с администрацией, редак-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

циями, депутатами, со всеми, кто с ним так или иначе соприкасается. Нередко в орбиту этих споров втягиваются журналисты, редакции и авторы публикаций, и принимаемое решение не всегда понимается журналистами: происходит то, что названо на нашей конференции конфликтом журналистики и юриспруденции.

Самый главный вопрос — это, во-первых, о предмете ст. 152 Гражданского кодекса, или ст. 7 старого Гражданского кодекса. Речь идет, собственно, о том, что понимать под сведениями, распространение которых порочит честь и достоинство. Если обратиться к сборнику, который я считаю очень интересным и полезным, то там правильно подчеркивается, что под сведениями в самом широком смысле понимается информация, информация о событии, о личности, оценка тех и других. Эта неопределенность в законодательстве, в правовой литературе порождает массу вопросов. Я бы даже сказал, что конфликт существует не только между журналистикой и юриспруденцией, непонимание существует и в самих судах. У нас разная практика в районах и области, разная практика в городе Москве и Московской области.

Приведу несколько примеров. В Долгопрудненский городской суд Московской области поступил иск к местной газете, где в отношении истца были допущены такие выражения: «скуластый», «озлобленный», «с желтой шеей» и т.д. Народный суд удовлетворил иск и указал, что само название статьи и описание внешности истца порочат его честь и достоинство. Действительно, статья оскорбительная, неприятная, но как суд определял, озлобленный или не озлобленный, цвет шеи и т.д.? Решение вступило в законную силу.

По другому делу, как установил суд, я прошу прощения, во время педсовета поднялась учительница и, обращаясь к директору школы, сказала: «Петр Иванович, вы сволочь, каких свет не знал». На этом педсовет закончил свою работу, а далее последовало ее увольнение за аморальный поступок и предъявление иска о защите чести и достоинства. Народный суд по всем пунктам с директором школы согласился, однако Московский областной суд занял иную позицию. Он указал, что оскорбление и распространение сведений — это различные категории. Распространение сведений предполагает изложение каких-то критических обстоятельств, которые можно либо подтвердить в суде, либо опровергнуть. Можно привести и другие слова, не менее обидные, чем сволочь, которые иногда употребляются, например, сравнить кого-то с животными: козел, гаденыш и т.д. Я думаю, никто не возьмет на себя ответственность определить, соответствует это название или соответствует действительности применительно к тому или иному человеку.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Я думаю, эта позиция Московского областного суда является правильной. И вот почему. Если мы обратимся все-таки к Уголовному кодексу, то там имеются два состава преступления — клевета и оскорбление. Клевета — это распространение сведений, заведомо ложных, порочащих честь и достоинство. Оскорбление — это унижение чести и достоинства, это негативная оценка, выраженная в самой общей и к тому же неприличной форме. Если мы сравниваем ст. 152 и статью о клевете в Уголовном кодексе, то они внешне совпадают. Их разница только в субъективной стороне. Для клеветы должен быть прямой умысел, человек понимает, что он распространяет ложные сведения, и желает их распространения. Для ст. 152 это совсем необязательно. Поэтому оскорбления все-таки не относятся к сведениям, они обидны, это оценка — и не более. Поэтому когда за этой оценкой не следует более ничего, видимо, в удовлетворении исков следует отказывать. Если оскорбление не относится к числу сведений, к предмету, так скажем, ст. 152, то, видимо, нет никаких оснований для удовлетворения иска, когда оценка дается вполне в приличной форме.

Недавно я прочитал в газетах, как Гайдар выиграл процесс у Наздратенко, который дал ему отрицательную оценку как политическому деятелю и как бывшему руководителю правительства. Я не знаю, как мог суд удовлетворить такой иск, ответа и у журналистов я не нашел. Можно спросить: а как же все-таки быть, ведь надо как-то бороться, когда человека оскорбляют и порочат его честь и достоинство? Я думаю, что, во-первых, это ст. 130 Уголовного кодекса РФ, это ответственность за оскорбление, что случается довольно редко, и думаю, применять ее практически невозможно, но есть другая статья, ст. 151 Гражданского кодекса, где речь идет о возмещении морального вреда, когда при оскорблении или оценке могут быть затронуты честь и достоинство, человек может испытывать нравственные страдания, и, видимо, ничего другого мы не можем, как в случае обращения в суд не опровергать, а присуждать компенсацию морального вреда в таких случаях. Благодарю вас за внимание. Я бы мог рассказать и о других проблемах, но, видимо, вы могли бы предоставить мне еще возможность. Это очень сложная и спорная тема, я бы выразил вам благодарность за организацию и приглашение практиков для работы здесь.

Ефремова: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, пожалуйста, кто хочет продолжить дискуссию и высказать свои соображения.

Хазин (юрист, газета «Известия»): Как славно, что сегодня мы здесь вместе собрались. Я уверен, что большинство из нас получит нескрываемое удовольствие от общения друг с другом. Но мы будем общаться сами по себе, а юстиция на местах будет выносить по делам

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

этой категории свои решения, подобные тому, о котором рассказал сейчас Ефимов из областного суда, и они никогда не узнают то, о чем мы здесь говорили.

Представьте себе, наше собрание напоминает мне собрание музыкальных виртуозов Москвы, а мы здесь тоже все виртуозы по своей профессии, которые собрались в комнате, прекраснейшим образом сыграли то, что им нравится, насладились этой игрой и разошлись. Но повлияет ли как-нибудь этот поистине неопределимый вклад в искусство на репертуар попсы, на то, что исполняет Маша Распутина или какие-то другие идиотские поп-группы? Нет. Они все будут сами по себе, каждый будет сам по себе, то же самое происходит и с нами. Это не первая конференция, на которой я присутствую, действительно великолепная, и книжка великолепная, и все другие книги, которые выпускает Симонов в этом Фонде защиты гласности с помощью Рихтера, Центра права, но до судей они не доходят, юстиция на местах буквально протитуирована, я ни в коей мере не отношу этот термин к тем уважаемым судьям, которые присутствуют здесь, и уверен, что никто них не причастен к вынесению незаконных решений. Но как только истцом является представитель власти, человек, от которого что-то зависит, судьи буквально смотрят ему в рот и выносят самое нелепое, самое незаконное решение, лишь бы его удовлетворить.

Мне приходится и самому бывать на периферии, выступать по делам, в том числе и по поручению Фонда защиты гласности, а провинциальные журналисты нередко приезжают в «Известия» поделиться. Вы не представляете, до чего доходит дело на местах. Недавно один из народных судов Ульяновска (а ульяновский губернатор известен своей любовью к судебным процессам, судится непрерывно) пытался судиться с «Известиями» здесь, но на чужой территории ничего не выходит, а на своей территории — пожалуйста, все, что угодно. На днях народный суд удовлетворил его иск, признав недостоверной такую фразу, эта фраза была названием статьи «Куда девались сельскохозяйственные кредиты?» Этот вопрос журналист задал губернатору на основании проверки Счетной палаты, которая признала, что кредиты расходуются неправильно. Губернатор немедленно предъявил иск, а суд немедленно удовлетворил этот иск. Это наш известинский журналист! Но что они делают? Это беспрецедентный случай, я думаю, в мировой судебной практике: они исключили из числа соответчиков редакцию, мы настаивали на том, что мы ответчики, мы хотим отвечать по этому иску, нас они исключили, а журналиста оставили один на один с губернатором. Мы, конечно, все равно обжаловали этот иск.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Хуже всего, когда они назначают, провинциальные суды, размеры компенсации морального вреда. Уверяю вас, что ни у одного самого уважаемого в мире человека честь и достоинство не стоят столько, сколько у провинциального губернатора. Недавно приезжали ко мне другие ульяновские журналисты. Пустяковый иск, не буду вдаваться в подробности, удовлетворен. Иск этого же губернатора, и взыскано с провинциальной газеты 80 миллионов рублей. Можете себе представить, что такое 80 миллионов рублей для провинциальной газеты? Это гибель. Это просто гибель, они не выдерживают такого. Областной суд оставил решение в силе. В Липецке народный суд признал порочащими честь и достоинство губернатора, естественно, местного, Наролина, то, что он оказал Ельцину помощь в период предвыборной кампании, когда Ельцина выбирали в президенты. Наролин не согласился с формулировкой, как это было изложено в газете, и оспорил. И суд удовлетворил. И что вы думаете? Дело дошло до Верховного Суда, и Верховный Суд подтвердил, что да, это порочит честь и достоинство. Не надо было оказывать поддержку президенту или не нужно было об этом писать, если он не оказывал эту поддержку.

Я это рассказываю не для того, чтобы вас позабавить, это не случайные эпизоды в судебной практике, это явление с целью погасить, заглушить критику местных властей со стороны газет, и поэтому с уважаемым председательствующим в одной только части его выступления я не соглашусь, что мы добились независимости суда. Какая же это независимость, если в угоду местному властителю выносятся решения но только противозаконные, но нелепые и все то, о чем мы здесь говорим, все эти нюансы в защите чести и достоинства, можно ли честь и достоинство унижить или можно ли его опорочить, — все это никем не воспринимается при рассмотрении конкретных дел. Выносятся такое решение, какое надо вынести.

Вы не представляете, какое удовольствие я получил от выступления заместителя председателя областного суда Ефимова, который восстановил справедливость и добился отмены решения народного суда, удовлетворившего иск человека, которого коллега назвала сволочью. Правильно, сволочь — какая же это информация? Ведь предметом рассмотрения таких дел является недостоверная информация, а сволочь — это в некотором роде диагноз. Я участвовал в деле, где фигурировала та же «сволочь», мы в свое время в «Известиях» написали заметку, где процитировали пресс-секретаря Брынцалова, не надо вам говорить, кто это такой, который отозвался об Александре Невзорове как о сволочи. Мы его процитировали. Невзоров предъявил иск, я в суде изложил ту же позицию, которая ясна вам всем и о которой говорил вам сейчас, что сволочь, может быть, —

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

это и оскорбление, но не недостоверная информация, не говоря уже о том, что еще до суда мы написали заметку «Александр Невзоров не сволочь». Потому что он признался, этот человек, который назвал его так, что он назвал его не сволочью, а, извините, гнидой. Но мы и слово «гнида» не стали вставлять к заметку, мы сказали, что он не сволочь, а, прошу прощения у дам, личинка вши. Казалось бы, ситуация ясна до предела. Нет. Суд удовлетворяет иск, то есть признает недостоверным то, что Александр Невзоров является сволочью, но единственно, правда, не обязывает нас написать опровержение, поскольку оно уже написано, о чем я уже пожалел к тому времени, думал, не нужно было писать эту заметку, что Александр Невзоров не сволочь. Как бы выглядела эта часть решения суда? Обязать редакцию газеты опубликовать опровержение, что Александр Невзоров не сволочь. Видимо, оно бы выглядело так. Таким образом, протитуированием грешит не только провинциальная юстиция, а в тех случаях, когда это необходимо, не нам с вами, конечно, а кому-то другому, то и юстиция столичная.

К чему все это я говорю? То, о чем мы здесь говорим, то, к каким выводам мы приходим, должно быть донесено до широких кругов судейской общественности, и не только судейской, а общественности вообще, через средства массовой информации, чтобы сложилась какая-то позиция общества, чтобы люди знали и оценивали результаты судебной деятельности по делам этой категории. Только в этом случае свобода слова будет неограниченной, как ей и положено быть, за исключением нарушений закона, а суды станут действительно независимыми. Благодарю вас за внимание.

Ефремова: Спасибо большое. Теперь, может быть, представители судебной власти в регионах расскажут о том, как они преодолевают проблемы, о которых говорил в своем выступлении Марк Григорьевич. Пожалуйста.

Руднев (журнал «Российская юстиция»): Боюсь, что сейчас приглашение включиться в нашу дискуссию судьям из регионов, из районов после выступления Марка Хазина принято не будет. Уж очень резко и уничижительно, на грани фола высказался М. Хазин в адрес местной юстиции.

Боюсь, что жесткая формулировка коллеги Симонова о «светофорном» (красном и зеленом) режиме регулирования общественных отношений заведет нас в тупик.

Боюсь, что абсолютизация суждений членов вышестоящих судебных инстанций в отношении решений местных судов, прозвучавшая в словах уважаемого коллеги Ефимова, не улучшит взаимопонимания среди участников дискуссии.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

При таком настроении велика опасность того, что наша конкуренция самозванно присвоит себе роль «виртуозов Москвы», выступление которых остальные, в частности районные, суды должны принять за истину в последней инстанции. И если мы опустим местную юстицию до уровня недоучек или злоумышленников, а себя возвысим до вершин виртуозов, то диалога у нас скорее всего не получится. Суды в лучшем случае промолчат и уйдут с чувством глубокого неудовлетворения.

Ефремова: Я очень благодарна Валерию Рудневу за это выступление или реплику, очень своевременную и очень уместную.

Перерыв

Исаков (Правовое управление Государственной Думы РФ): Уважаемые коллеги, я хотел бы представить взгляд на обсуждаемую проблему с точки зрения законодательной власти.

Прежде всего я хотел бы сказать, что чрезвычайно высоко оцениваю инициативу организаторов конференции и их подход к делу. С моей точки зрения, только такой подход, то есть соединение науки и практики путем цепочки последовательных шагов организационного характера, может дать в конечном итоге положительный результат. Со своей стороны я предлагаю организаторам конференции распространить ее материалы в парламенте. Я думаю, что депутатам будет полезно с ними познакомиться. Поэтому не разделяю пессимистическую оценку Марка Хазина, что все произнесенное здесь, как в консервной банке, все и останется. Наверное, кое-что все-таки «вытечет наружу».

На этом с комплиментами позвольте закончить и поговорить о том, с чем я не согласен в тех материалах, которые были предварительно распространены.

Прежде всего у меня вызвало возражение само название конференции «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции». На мой взгляд, в данном случае фигуры на шахматной доске расставлены неправильно, потому что журналистика конфликтует не с юриспруденцией. Журналист конфликтует с государством, с обществом, с какой-то группой лиц. А закон является арбитром в этом конфликте. Либо он на стороне журналиста, либо на стороне лиц, с которыми журналист конфликтует. На мой взгляд, психологически очень важно принять именно ту точку зрения, что закон не враг журналисту, а в ряде случаев — помощник и защитник. Тогда многое станет на свои места и будет понятно, что во многих случаях журналист может пользоваться защитой закона, если знает, как уст-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

роен закон и как им воспользоваться. Очень важно учить молодых журналистов не видеть в законе обязательно врага.

Второй момент. Я не согласился бы с предложением, высказанным в заключительной статье Александра Рувимовича Ратинова, которого я глубоко уважаю, считаю своим учителем, потому что студентом учился по его книгам, но я не согласился бы с его утверждением, что надо избегать в законе использования оценочных понятий при определении таких сложных понятий, как «защита чести и достоинства», как «неприличная форма», «тяжкие последствия» и т.д. и т.п.

Так уж случилось, что и докторскую, и кандидатскую диссертации я защищал по юридическим фактам, то есть по теме, которая очень близка к обсуждаемой проблеме. И я отчетливо вижу, что в данном случае предметом правового регулирования является сложная и многовариантная область ситуаций, очень многовариантная. И без оценочных понятий, без использования оценочных понятий, эту область юридических ситуаций законодательно не охватить. У законодателя нет других средств, чтобы охватить эту область, кроме оценочных понятий.

Я бы использовал такой зрительный образ: если представить себе юридически значимые ситуации в виде темного, черного пятна, а ситуации, которые не имеют юридического значения, в виде белой каймы вокруг него, то между этим черным пятном и светлой каймой идет «серая зона», где это черное пятно постепенно переходит в светлую область. И граница юридически значимых ситуаций проходит как раз по этой «серой зоне». В результате та или иная ситуация может оказаться и за этой зоной, и внутри нее, в зависимости от очень многих факторов, в том числе подчас субъективных. Есть ситуации юридически совершенно однозначные, которые в центре черного пятна окажутся, и есть масса спорных ситуаций, которые пограничны. И в основном спор идет вокруг них: являются ли они юридически значимыми или не являются юридически значимыми в каждом конкретном случае?

Я бы не согласился также с утверждением уважаемых авторов, что унижение чести и достоинства осуществляется только посредством текста и только текст является предметом исследования и юридической оценки. К сожалению, можно привести огромное количество примеров, когда честь и достоинство унижаются без использования текста, например путем видеоряда. Приведу конкретный пример, который действительно имел место: несколько лет назад портреты лидеров оппозиции были показаны в одной из передач на фоне играющих, пляшущих голых задниц, приклеены оператором прямо на эти задницы. Судебного дела из этого не возникло, но один из лю-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

дей, который был там показан, человек глубоко верующий, до сих пор вздрагивает, когда ему напоминают об этой телепередаче, хотя ни единого слова не было произнесено.

Другой пример, абстрактный. Вы отлично понимаете, что путем монтажа можно показать событие, но можно его и сконструировать. Скажем, можно врезать портрет политического лидера, аплодирующего выступлению, совсем не в том месте, в котором он аплодировал. Ему потом придется долго объясняться со своими сторонниками, что он ничего подобного не делал, аплодировал не этим словам, а совсем другим. Тоже ни одного слова не произнесено, но честь и достоинство человека пострадали, человек вполне может обратиться за судебной защитой.

Я бы даже больше сказал: с моей точки зрения, сам по себе текст ничего не значит вне контекста, вне общей ситуации, в которой этот текст произнесен, напечатан и т.д. Приведу такой пример. Человека судят ведь не за выстрел из пистолета: преступлением не является выстрел, а убийство или покушение на убийство. Выстрел из пистолета может быть юридически не значимым событием, если он произведен на соревнованиях, он может быть даже юридически полезно оцениваемым событием, если он произведен при самообороне, при задержании правонарушителя.

То есть действие всегда оценивается в контексте, точно так же текст, с моей точки зрения, — это вербальный поступок, который должен оцениваться в системе всех признаков этого поступка, то есть субъекта поступка, объекта, на который этот поступок нацелен, субъективной стороны (умышленно или неумышленно он совершен, какие цели преследовал журналист, публикуя этот текст) и, наконец, объективной стороны — то, какие средства были использованы для осуществления этой акции, этого вербального поступка. Только в системе всех этих признаков можно понять и оценить юридическое значение вербального акта в каждом конкретном случае.

Я позволю себе не согласиться также с жестким разведением факта и оценки, с тем положением, что факты и фактические суждения могут опровергаться, а оценки и оценочные суждения могут быть предметом только встречной дискуссии, то есть предметом ответа лица, которое подверглось этой оценке. С моей точки зрения, это совершенно неправильно.

Во-первых, сама по себе оценка может быть фактом, событием, может выступать как факт.

Во-вторых, оценку и факт можно развести однозначно в сравнительно простых ситуациях, когда говорится, допустим, что гражданин там был, а на самом деле его не было, что лицо это нечто сказа-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ло, на самом деле оно этого не говорило, а говорило другое лицо. Здесь, действительно, факт и оценка распадаются очень жестко. Но есть масса ситуаций, когда разграничить их таким образом невозможно. Например, суждение «в экономике России наблюдается тенденция к подъему». Что это такое? Это фактическое суждение или оценка? По форме это вроде бы фактическое суждение, но ясно, что оно основано на целом ряде оценок, которые сами по себе не бесспорны. И когда речь идет о сложных социальных событиях, неоднозначных, текучих, которые глазу не очевидны, разграничить факт и оценку не так-то просто. Это может быть очень сложной проблемой.

Я полагаю, что во многих случаях оценки могут быть не только предметом ответа, но и предметом опровержения, здесь такого рода суждения прозвучали. Например, обвинение в фашизме. Это, конечно, оценка, но одновременно обвинение в совершении действий, которые являются преступными. Я считаю, что такого рода оценки могут быть предметом не только ответа, но и опровержения.

Резник: Как быть тогда с обвинением в коммунизме, в либерализме? Тоже опровергать?

Исаков: А почему нет? Я считаю, что лицо вполне может считать для себя дискредитирующим обвинение его в коммунизме. Обвинения в либерализме не столь дискредитирующие, с моей точки зрения, но и они в ряде случаев могут быть обвинением. Хотя все это, безусловно, оценки, тем не менее данного рода оценки, особенно оценки уголовно-правового характера, могут и должны быть предметом опровержения, поскольку критерий для такой оценки в принципе существует: размытый, неясный, но все же существует.

Кстати, несколько слов в связи с тем, что Генри Маркович поставил вопрос: может ли неимущественный вред обеспечиваться защитой в виде наложения ареста на имущество? Я считаю, что в принципе такие ситуации могут быть, когда печатный орган, предвидя неблагоприятный для себя исход процесса, самоликвидируется и снимает деньги со счета, чтобы не отвечать за свои действия. Я считаю, что в таких случаях вполне может возникнуть вопрос о том, что суд обязан обеспечить свое решение, в том числе и путем наложения ареста на имущество и расчетный счет. Но, повторяю, в очень узком круге ситуаций, когда имеют место такого рода действия. Как общее правило это использоваться не может и не должно.

Резник: На какую сумму должен быть иск, чтобы суд наложил арест на имущество: рубль? десять? миллион?

Исаков: Выкладывайте конкретную ситуацию, тогда я вам скажу о сумме. Я вам обрисовал в общих чертах ситуацию, когда, на мой взгляд, такие меры могут быть использованы судом.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Теперь о том, с чем я согласен.

Я согласен с тем, что решение проблемы защиты чести и достоинства не исчерпывается только законодательными актами. Я думаю, что эта проблема должна решаться по трем направлениям: во-первых, путем совершенствования законодательства и уточнения некоторых понятий, которые используются в законодательстве, — это первый путь, и о нем здесь говорилось. Второй путь — это совершенствование юридической практики: здесь должны использоваться те механизмы, которые есть для совершенствования и обеспечения единства юридической практики. И третий путь, он тоже чрезвычайно важен, — это развитие доктрины, то есть развитие научного и практического понимания этих проблем. То есть то, чем мы сейчас занимаемся, это относится как раз к третьей части: мы пытаемся развить свое понимание данной проблемы.

Я полностью согласен с тем, что мы живем в обществе с чрезвычайно искаженными нравственными нормами и критериями. Когда прокуратура задерживает человека с коробкой долларов, а потом оказывается, что виновных нет, состава и события преступления тоже нет и вообще эта коробка ничья, то в этом обществе нет ни закона, ни прокуратуры и все нравственные и правовые критерии относительны.

Несколько лет назад мне пришлось защищать в суде газету «День»: истец, который обратился к этой газете, привел целый ряд доказательств — очень резких выражений со стороны этой газеты, которые послужили причиной обращения в суд. В ответ мне пришлось, со своей стороны, привести такой же и даже еще больший список высказываний их оппонентов и показать суду, что дело не в том, что газета «День» себя плохо ведет. Дискуссия с обеих сторон ведется на недопустимо низком культурном уровне. И пока наше общество будет жить на таком недопустимо низком уровне, говорить и мыслить на таком уровне, защищать честь и достоинство всегда будет сложно. Но тот факт, что эти иски есть, что они существуют, будоражат юридическую практику и общественную мысль, на мой взгляд, свидетельствует о том, что мы постепенно выходим из этого нетерпимого положения. Спасибо.

Ефремова: Теперь разрешите предоставить слово Леонтьеву Алексею Алексеевичу, автору работы, ректору Института языков и культуры им. Л.Н. Толстого.

Леонтьев: Дорогие коллеги! Во-первых, уже несколько раз звучало, что я автор; я не автор, я один из авторов, руководитель авторского коллектива, и я бы не хотел, чтобы принижалась та роль, которую сыграли в подготовке этой книги, хороша она или плоха, все осталь-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ные. Кстати, еще один из наших коллег завтра, надеюсь, будет — профессор Юлий Абрамович Бельчиков. Как сказал Алексей Кириллович, какие-то люди, очень, наверное, уважаемые люди, то есть мы, вторглись в зону, которая полностью занята, с одной стороны, журналистами, с другой — юристами. Я хотел бы подчеркнуть, что вторжения никакого нет. Так получилось, что все мы, авторы этой книги (есть и многие другие, которые к этой книге не имеют отношения), по 20–30 лет, решая те или иные проблемы, активно участвовали в деятельности средств массовой информации, в деятельности журналистов, в деятельности телевидения как института и т.д.

Я вспоминаю, как в начале 70- годов XX века, например, я читал курс на факультете психологии МГУ, который в силу терминологических ограничений назывался тогда «Психология общения в больших системах», — имела в виду как раз та самая система, в которой мы все сейчас находимся. Кстати, тогда нам очень много приходилось говорить о том, какая плохая буржуазная пропаганда, буржуазная журналистика, какими недопустимыми средствами она пользуется, и показывать, какие это средства. И это печальное наблюдение: то же самое, о чем мы тогда писали применительно, допустим, к американской журналистике, те же средства — не всегда, прямо скажем, очень честные, не всегда очень объективные — эти же средства начинают применяться, они расцветают в нашей журналистике, в нашей прессе. И надо было бы, наверное, и это тоже очень важная задача, проанализировать, что ж происходит, не только в каких ситуациях и какие возникают противоречия, но и какими средствами мы пользуемся. Мне кажется, об этом надо было бы подумать всем организаторам нашей сегодняшней конференции. Может, об этом когда-нибудь тоже надо поговорить.

Кстати, мы, профессионалы, психологи, лингвисты, психолингвисты, мы ведь занимались не только общими словами, но и давали конкретные рекомендации, в частности, телевидению, я имею в виду чисто профессиональные. Много из того, что мы сделали, так и осталось никем не востребованным. Например, была такая исследовательская работа, в результате которой была разработана методика, позволяющая взять лист газеты и прочертить на этом листе с указанием времени, как ее читает читатель газеты, чем он заинтересовывается, где он останавливается, где он явно видит, что что-то не идет, переводит глаз. Я просто привел это в качестве одного из примеров, я могу и несколько привести.

Что касается той наивности, о которой вы говорили, имея в виду нас, Алексей Кириллович, то наивность бывает разная. Бывает наивность, бывает некоторое наивничанье. Мы в некоторых случаях со-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

знательно наивничали, потому что нашу задачу мы видели в том, чтобы разобраться. Владимир Борисович говорил о «серой зоне» и о том, что она образуется множеством факторов. Правильно. Мы это прекрасно понимаем. Но мы-то как раз и ставили себе задачу разобраться, какие это факторы, как они взаимодействуют. Конечно, это невозможно было сделать в такой короткий срок в одной краткой книге, но хоть по крайней мере начать эту работу. Я не знаю, насколько нам удалось, но, судя по тем оценкам, что я слышал, в какой-то степени удалось.

И последнее. Мы совсем не думаем, что на этом наше с вами взаимодействие будет кончаться. Я хотел бы поставить вас в известность, что Институт языков и культур имени Л.Н. Толстого, который я возглавляю, начиная с 1998 года вместе с пресс-службой Министерства общего и профессионального образования намерен открыть семинар для журналистов под условным названием «Школа журналистской культуры» и попытаться в этой школе журналистской культуры дать журналистам то, что обычно им не дается: дать иностранный язык, дать страноведение России, которое мы тоже знаем не так уж хорошо, представление о культурах и народах России и зарубежных стран, о психологии восприятия средств массовой информации и масскоммуникационного общения, о публичных рилейшнз, — то есть о проблемах, которые не банальны для повышения квалификации.

Ефремова: Теперь слово предоставляется Осташевскому Александру Васильевичу.

Осташевский (Кубанский госуниверситет, Краснодар, отделение журналистики): За первые шесть месяцев 1997 года в районных и городских судах Краснодарского края рассмотрено 84 иска по защите чести и достоинства. Практически каждая выходящая в крае газета была ответчиком в суде. Защита чести и достоинства — статья 152 Гражданского кодекса РФ — по уровню популярности соперничает с мелким хулиганством, кражами и восстановлением на работе.

На сегодняшней конференции мы, на мой взгляд, суживаем рамки, поле проблемы, рассматривая ее только в плоскостях журналистики и правоведения. А проблема шире и многограннее. Даже для частичного ее решения требуется привлечение психологии, психолингвистики, социолингвистики, философии, этики, истории.

Но поскольку у нас задача иная, я не буду расширять поле рассмотрения проблемы. Я хотел бы предложить одно из направлений: газетный текст, эксплицитный (открытый) и имплицитный (скрытый) смысл текста, офактирование языка газеты в плоскости языка юриспруденции. Основным объектом конфликта, который разбира-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ется в суде, является слово. Но слово само по себе всегда нейтрально, безразлично. Статичен только смысл, заложенный в слове, активна вербальная конструкция характеристики, которую впоследствии выстраивает истец и которая в диалогическом конфликте (газетный текст — исковое заявление) наполняется новыми смыслами по принципу ассоциативных связей. В суде сталкиваются три отношения к слову: истца, ответчика и судьи — и, как следствие, три отношения к описываемому событию и к оценкам этого события (явления, личности).

Не секрет, что статья 152 ГК РФ имеет характер гуттаперчевой нормы и конечное решение зависит в немалой степени от отношения судьи к СМИ, от его языковой культуры. И здесь возникает несколько вопросов. Небезопасно ли для журналистики употребление слов, которые имеют широкое хождение в быту, но в суде рассматриваются как оскорбляющие, порочащие личность? Правомерно ли переложение ответственности на журналиста за распространение порочащих сведений, если он цитировал или не удалил из текста слова, оцененные впоследствии как порочащие? Что должен оценивать суд: идеологические смыслы, предложенные истцом, или фактологическое соответствие; правильность общего или невольную неточность частного? Впрочем, вопросов можно поставить много, но ограничусь этими и в качестве иллюстрации возможных ответов приведу несколько примеров.

В одном из судов г. Краснодара рассматривается иск к региональному изданию газеты «Аргументы и Факты на Кубани» по статье «Мафиозо из Васюринской». Журналист в речи одного из героев публикации дает слово «путается», которым определяются отношения между двумя персонажами статьи. Для кубанской станицы употребление экспрессивной лексики довольно характерно. Имела ли право журналистка снижать эмоциональную нагрузку речи героя, вычищая текст? К тому же отношения между П. и М. (будущие истцы) действительно не были оформлены в загсе и, по понятию местных жителей, они «путались». Истцы же утверждают, что такое определение их отношений оскорбительно для них, они не «путаются», а любят друг друга (М. — 73 года, П. — 39 лет).

Истцы были возмущены сниженной, вульгаризированной оценкой их отношений. Как видно из приведенного примера, здесь столкнулись идеологические смыслы. Что делать в этом случае судье? Разбираться в смыслах — скрытых и открытых — или пойти формальным путем: открыть словарь и посмотреть, отмечено ли слово «путаться» пометкой «бранное, оскорбительное и т.д.»

Любой материал отражает психологические особенности автора. Описывая событие, явление, героя своей публикации, он, безуслов-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

но, отражает в тексте и себя подбором тех лексических средств, которые ему ближе, соответствуют его языковой, нравственной культуре, определяют психологические мотивы написания статьи. Затем автор (ответчик) вступает в конфликт с истцом, который пишет исковое заявление, в частности обоснование своих претензий языком другого уровня, или, как говорят лингвисты, метаязыком, конструируя собственное видение конфликтной ситуации. В суде язык статьи сталкивается с метаязыком искового заявления, и рассмотрение двух текстов идет на мета-метаязыке.

А это и порождает во многих случаях судебные ошибки. Впрочем, это только часть, сюда нужно добавить политическую, мировоззренческую ориентацию судьи, заседателей и ущербность статьи 152 Гражданского кодекса РФ.

Поэтому в судах нередко используется анализ не публикации, а пресуппозитивной (затекстовой) и подтекстовой форм. Небольшой пример. В газете «Брюховецкие новости» журналист Власько опубликовал свое журналистское расследование о работе местной ГАИ, о дорожно-транспортных происшествиях, которые или недобросовестно расследовались, или «замазывались». В череде таких случаев он привел пример, весьма показательный, с дочерью бывшего первого секретаря райкома КПСС, а ныне депутата Госдумы. Дочь на машине сбила подростка, ехавшего на велосипеде. Местные Очумеловы и Елдырины (вспомним чеховского «Хамелеона») всячески пытались скрыть, «замазать» этот случай. ДТП произошло в 1994 году, но поскольку статья 152 ГК РФ срока давности не имеет, то секретарская дочка воспользовалась случаем вчинить иск газете и автору, когда ей этого захотелось. Судья и прокурор, участвующие в деле, проигнорировали всех свидетелей, заключение судмедэксперта, что такую травму подросток мог получить при столкновении с движущейся автомашиной (показания судмедэксперта были в протоколе судебного заседания искажены). Адвокат истицы, прокурор и судья основывали свои выводы на том, что машина якобы стояла, а подросток налетел на нее сам, а потому сам и виноват, что есть гаишное постановление о прекращении уголовного дела по факту ДТП. Ко всему прочему, и прокурор, и судья (заключительное слово и решение) усмотрели в журналистском расследовании политическую направленность и желание дискредитировать бывшего первого секретаря.

Решение, при явной абсурдности иска, было суровым — 16 млн. руб. с газеты и 2 млн. с автора в качестве возмещения морального вреда. При этом никто не выяснял степень нравственных страданий истицы (сейчас живет в Москве). Суд полностью абстрагировался от выяснения вопроса: где и каким образом была опорочена личность

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

истицы, пострадали ли ее честь и достоинство? Словом, суд удовлетворил амбиции истицы и придушил финансово районную газету.

Это был пример широчайшего трактования статьи 152 ГК РФ. Приведу еще одну судебную новеллу. В краевой газете «Кубанские новости» было опубликовано письмо жителей Белоглинского района, возмущенных тем, что глава администрации района назначил своим заместителем по работе с молодежью человека, отсидевшего 5 лет за растление малолетней. Зам передает иск в суд, требует компенсации опровержения, так как он отсидел (за растление) не 5, а всего 3 года. Судья строго стоял на букве закона и за публикацию сведений, не соответствующих действительности, «наказал» газету на полмиллиона рублей, компенсировал истцу моральные страдания. Я думаю, что здесь нет смысла анализировать глубоко и подробно этот случай. Все понимают абсурдность судебного решения. Но ведь он действовал в соответствии с законом. Вывод напрашивается безальтернативный: закон у нас такой.

Исследование соответствия действительности нередко, если не сказать всегда, подменяется исследованием оценок, данных в публикации. В судах почти никогда не рассматриваются семантика и прагматика текста и мотивы написания: чьи интересы отстаивает журналист, был ли умысел унижить и опорочить объект журналистского внимания.

Лингвистический анализ текста, на мой взгляд, — необходимое условие при рассмотрении исков о защите чести и достоинства.

Следует отметить, что журналисты в пылу борьбы за справедливость (я исключаю политическую ангажированность) забывают о «законах риска», переходят границы в работе со словом и, разумеется, нарушают и Конституцию, и ст. 152 ГК РФ. Поэтому серьезным подспорьем для журналистов может служить книга «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации».

Ефремова: Спасибо. Я предоставляю слово Араповой Галине Юрьевне. Приготовьтесь Островскому Александру Леонидовичу.

Арапова (Центр защиты СМИ, Воронеж): Я очень рада, что наконец-то собрался форум, задачей которого будет обсуждение вопросов защиты чести, достоинства и деловой репутации и применения норм законодательства о данной категории дел на практике.

В своем выступлении я хотела бы остановиться на нескольких моментах, которые наиболее часто встречаются на практике в нашем регионе. Я думаю, что это, скорее всего, характерно и для всей России. Проблема состоит в том, что требуются разъяснения Пленума Верховного Суда, Генеральной Прокуратуры по многим моментам правоприменительной практики для того, чтобы судьи на местах

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

применяли нормы единообразно. Огромное число исков о защите чести и достоинства, предъявляемых к редакциям СМИ и журналистам, превратилось в инструмент финансового давления на редакции СМИ. И, к огромному сожалению, большинство судей априори считают журналистов виновными, не стараются разобраться в сложных вопросах фактической и оценочной информации в публикациях, что приводит к вынесению весьма формальных решений.

Максимум, чего добиваются редакции и журналисты, — это увеличение количества мировых соглашений по этим искам. Исследование авторского коллектива под руководством профессора Леонтьева на меня произвело очень большое впечатление. Если честно, после прочтения данного труда почему-то у меня не возникло ощущения, что оно быстро изменит ситуацию в понимании терминологического аппарата. Неточность определений, формулировок законодательства вносит определенную сумятицу в мою голову. Я отчетливо поняла, что многообразие понимания данных определений практикующими юристами и судьями еще долго не изменится. А если это исследование все-таки прочтут региональные судьи, то очень хочется надеяться, что они отнесутся к нему как к руководству для осмысления и применения на практике, а не только как к научному труду.

К сожалению, это из моего личного опыта, региональные судьи, как правило, останавливаются на той формулировке закона, которая им удобна в данный конкретный момент с данным конкретным истцом (в особенности, когда истец — высокопоставленное лицо).

Итак, сложный момент правоприменительной практики, на котором я хотела бы остановиться — это субъекты права на защиту чести, достоинства и деловой репутации. Если попытаться проанализировать, действительно ли данный истец обладает правом на подачу искового заявления о защите чести, достоинства и деловой репутации, иными словами, имеет ли он эту самую честь, достоинство и деловую репутацию, то, я думаю, по большинству исков возникнет такое количество вопросов, что скорее всего судебные процессы либо никогда не начнутся, либо будут продолжаться в спорах годами.

Я приведу несколько примеров, которые наиболее ярко характеризуют все то разнообразие по этой категории дел, которые сейчас у меня встречаются. Насколько я понимаю положения законодательства о защите чести и достоинства, субъектом права на защиту своей чести и достоинства является гражданин. В отношении защиты деловой репутации правом на судебную защиту обладают и юридические лица. Однако во многих случаях суды принимают иски от чиновников о защите чести, достоинства и деловой репутации организации, которую они возглавляют!

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Совсем свежий пример. В сентябре этого года Лискинский районный суд вынес решение. Истцом по этому делу был священнослужитель Дивногорьевского мужского монастыря, который счел публикацию в местной прессе порочащей свою честь, достоинство и деловую репутацию как священнослужителя русской православной церкви, также честь и достоинство самой Русской Православной церкви. Так является ли священнослужитель субъектом на подачу подобного искового заявления в защиту интересов церкви и вправе ли был суд принимать иск к рассмотрению? Думается, что нет. Однако иск рассмотрен, частично удовлетворен и на данный момент является по Воронежской области наиболее крупным по возмещению морального вреда — 30 миллионов газета должна выплатить по этому решению.

Более того, и это тоже наиболее часто встречающаяся, по моему мнению, ошибка, потому что такой ответственности я не видела ни в одном нормативном акте, — принесение извинений. Притом приведенное в качестве примера решение формулирует ответственность в таком виде: «Принести извинения несколько раз во всех районных газетах». Потому что истец считает, что Дивногорьевский монастырь обслуживает территорию не одного района области, а нескольких, и эту заметку могли прочесть жители разных районов. Поэтому он считает, что в обязанность редакции необходимо вменить опубликование публичного извинения по этому делу. Я считаю, что подобные иски вообще не должны приниматься судом. Однако ни мое мнение, ни мнения других практикующих юристов судьями не будут приниматься во внимание, так как есть квалифицированное разъяснение Верховного Суда. Возможно и разъяснение Генеральной Прокуратуры, поскольку я считаю, что в данной ситуации местные прокуроры должны обязательно реагировать, ведь наличие нарушения законодательства о средствах массовой информации, гражданского законодательства. Кстати, зачастую с Законом РФ «О СМИ» незнакомы ни представители местной прокуратуры, ни судьи, потому что из десяти дел, как правило, в 6–7 случаях судьи просят принести Закон РФ «О СМИ» перед началом судебного заседания, чтобы они его посмотрели. Эту ситуацию в здоровом смысле принять как нормальную нельзя.

Еще один из примеров достаточно странного рассмотрения иска о защите чести и достоинства. Это иск, предъявленный Белгородской области. Истец — отбывающий наказание по делу о дорожно-транспортном происшествии, повлекшем смерть. Была опубликована заметка под названием «Убийца за рулем», в которой журналист совместно со следователем РОВД рассказал о ситуации уже после

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

вынесения приговора. Сотрудник милиции, находившийся в нетрезвом состоянии за рулем, сбил человека, человек от полученных травм скончался. Характеризуя состояние виновника происшествия, в статье журналист употребил такое словосочетание, как «залив за воротник». Человек, отбывающий наказание по этому делу, предъявляет иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, естественно, с возмещением морального ущерба. Суд принимает этот иск к рассмотрению и удовлетворяет его. Признаются порочащими честь и достоинство два словосочетания: первое — «убийца за рулем», само название публикации, второе — «залив за воротник». Удивляет сам факт, что в гражданском процессе, после того как факты доказаны и констатированы во вступившем в законную силу приговоре суда, они вновь ставятся под сомнение и признаются не соответствующими действительности. Как, например, факт нахождения в нетрезвом состоянии (фраза «залив за воротник»), хотя есть соответствующее заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что действительно обвиняемый в момент совершения преступления находился в нетрезвом состоянии. Подобные иски, к сожалению, только кажутся казусом и нелепицей, но когда с этим сталкиваешься на практике, остается только удивляться.

В последнее время наблюдается шквал исковых заявлений, посыпавшихся на районные, местные суды. Причиной подачи иска в суд, как правило, является публикация в прессе. К сожалению, большое количество рассматриваемых дел данной категории не перетекает в качество судебных решений и не двигает судебную практику в положительную, прогрессивную сторону, скорее наоборот. Неоднозначное понимание законодательства, его терминологического аппарата приводит к нарушениям прав редакций и журналистов на свободу слова, так как судами редко принимаются во внимание положения о «невозможности судебного опровержения мнения журналиста». И ошибки, как правило, начинаются с нарушений процессуального законодательства, когда суд принимает к рассмотрению иски от истца, не являющегося субъектом права на судебную защиту по данной категории дел.

Еще один вопрос, который я хотела бы с вами обсудить, и это одна из наиболее сложных проблем данной категории дел. Кто является субъектом ответственности по делам о защите чести и достоинства?

Сейчас в нашем регионе несколько исков было предъявлено по публикациям, которые выстроены в форме интервью. Оспариваемые сведения — это информация, поступившая из уст интервьюируемого. В данной ситуации всегда привлекается журналист, но не всегда суд принимает в качестве ответчика человека, который да-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

вал интервью (в особенности когда это известное должностное лицо). И что в этой ситуации делать? Редакция, безусловно, берет на себя ответственность, потому что, как правило, люди, которые давали интервью, — это какие-то большие чиновники, которые позволяют себе в интервью говорить и с уверенностью утверждать определенную информацию, сведения, факты. Журналист не может с уверенностью утверждать, что эти факты истинны. В общем-то, на него и не возлагается обязанность проверять истинность этих фактов, он не следственный орган. Он может проверить достоверность настолько, насколько он может это сделать, но не всегда он вообще может это сделать. И поэтому в данной ситуации необходимо однозначно привлекать к ответственности человека, который давал интервью, он автор этих слов. Он утверждает, что это было так, это событие было, имело место, и именно таким образом. Но почему суды это игнорируют, непонятный для меня вопрос.

Есть очень сложные моменты, когда предъявляются иски о защите чести и достоинства к журналистам и редакциям СМИ, а непонятно, кто же должен нести в этой ситуации ответственность. Во всех случаях, когда предъявляется иск журналисту, в соответчики привлекается и редакция, но не всегда наоборот. Подобная ситуация возникает, когда публикуется письмо, пришедшее в редакцию. Это письмо, как правило, дается какому-то журналисту, который работает в соответствующем отделе редакции, он обрабатывает литературным образом это письмо, письмо публикуется за подписью автора, который прислал это письмо. И, скажем, подается иск о защите чести и достоинства. Журналист выпадает в данной ситуации из субъектов ответственности, потому что законом такая ответственность не предусмотрена. И в редакции нет никаких соответствующих внутренних актов, которые предусматривали бы ответственность журналиста при литературной обработке материала, пришедшего в редакцию. Таких исков тоже очень много, и редакции, как правило, берут всю ответственность на себя. Может быть, с моральной точки зрения это и правильно, но, с другой стороны, непрофессионализм журналистов очень часто дает повод для обращения в суд с иском о защите чести и достоинства, это тоже очень большая проблема.

Я думаю, что завтра мы будем обсуждать необходимость повышения профессиональной грамотности журналистов, в том числе и правовой грамотности. Текст, который выходит в печать, должен быть неуязвимым с точки зрения закона, как можно более неуязвимым, потому что он не может быть однозначно неуязвимым от первой до последней буквы. По одному и тому же факту могут быть совершенно разные мнения, и один человек может воспринять, ска-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

жем, слово «админхозактив» в качестве просто какого-то термина, другой воспримет это слово как порочащее его честь и достоинство. Конкретный случай, Марк Григорьевич Хазин, юрист газеты «Известия», говорил об этом деле. Исковое заявление было подано губернатором Липецкой области Наролиным к собору газеты «Известия» Миролевичу, и суд своим решением признал термин «админхозактив» (губернатор созвал админхозактив для того, чтобы провозгласить его «штабом в поддержку нынешнего президента») порочащим честь и достоинство губернатора.

Надеюсь, что работа нашей конференции поможет всем нам не только более подробно разобраться в сложностях, возникающих при рассмотрении данной категории дел, но и реально изменить ситуацию на практике.

Спасибо.

Ефремова: Пожалуйста, Островский Александр Леонидович.

Островский (Московская коллегия адвокатов «Канон»): Прежде всего мне хотелось бы сказать, что если раньше образцом оперативной работы являлась крылатая фраза «утром в газете, вечером в куплете», то сегодня практикующим адвокатам, в том числе практикующим и в сфере средств массовой информации, этого уже недостаточно. Приходится работать на опережение и формировать общественное мнение не после появления публикации, а до, то есть в период подачи информации журналисту, в период появления первых публикаций.

Приведу простейший пример. В прошлую субботу самое громкое преступление, которое обошло все средства массовой информации: убийство налоговым полицейским милиционера. Столкнулись пьяный милиционер и пьяный налоговый полицейский, приехали за проститутками. Я вам даю усредненную версию прессы, усредненную версию того, что вышло в эфир. Мне пришлось в этой ситуации работать на опережение, заранее стараясь, чтобы нужная для защиты моего клиента версия попала в прессу, нужная в интонациях, в подборе фактов, в тех деталях, которые формируют общественное мнение.

Формально история очень неприглядна. Два выпивших налоговых полицейских поехали за проститутками, их машина задела бампером другую машину, из которой вышел гражданин в штатском, стал требовать деньги, один из налоговых полицейских, который находился на дежурстве, взял табельное оружие, вышел с ним разобраться и пристрелил его. Их тут же забрали. Эту ситуацию пресса подавала многообразно. Второй налоговый полицейский, который сидел за рулем и попал в эту историю как кур в ошип, — человек с

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

безупречной репутацией, отработавший в органах безопасности положенное количество лет и перешедший с тремя медалями в налоговую полицию, когда она образовалась, он и не предполагал, что попадет в такую историю. Он был не на дежурстве, он был без табельного оружия, он не предполагал, что оружие есть у его партнера. Поэтому мне с позиции его защиты, давая уже первую информацию в «Московский комсомолец» и в еще какие-то издания, пришлось акцентировать внимание на тех деталях, которые в дальнейшем будут играть на руку клиенту, и эти детали не вымышленные, они подлинные, просто можно что-то подчеркнуть, а что-то затенить. В частности, пришлось обратить внимание журналистов на то, что в кармане убитого милиционера из управления охраны правительственных зданий, капитана милиции, почему-то лежали 1200 долларов. Одна из позиций защиты, которую, возможно, придется использовать, — это вероятность того, что этот милиционер был сутенером, являлся крышей этих проституток. Эта версия тоже активно может разрабатываться.

Далее. Очень важна положительная информация о втором человеке, который вначале был задержан в качестве соучастника. Благодаря тому что его истинная роль была быстро высвечена, что убийство было эксцессом его партнера, на третий день он был отпущен и из категории подозреваемых переведен в свидетели. Это один из примеров, почему надо работать на опережение с прессой.

Далее. Говоря о защите деловой репутации, я хочу вам привести такой парадоксальный пример, когда мне полгода назад пришлось защищать деловую репутацию стриптиз-клуба, самого лучшего стриптиз-клуба, самого дорогого заведения Москвы, где, по словам его бывшего хозяина, не был только Борис Николаевич Ельцин из наших видных деятелей. Появилась эта ситуация в связи со скандалом вокруг министра юстиции Ковалева: как всегда бывает, паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат. Когда все мы стали созерцать кадры фильма о личной жизни министра юстиции, а может, и не его, а его двойника, как он утверждает, ряд конкурентов из других стриптиз-клубов решили, конечно, эту громкую скандальную ситуацию использовать в своих маленьких корыстных интересах. И тут же «Московский комсомолец» написал коротеньких три строчечки, что есть предположение, что это произошло в клубе «Долз», что бывший покойный хозяин этого клуба Иосиф Глоцер (тут же идет реплика о его криминальном прошлом) грешил этим, т.е. дается намек потенциальным посетителям этого клуба, что им ходить туда небезопасно.

Этот вопрос удалось решить в досудебной подготовке, принесли извинения. В том числе я должен отметить роль газеты «Правда»,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

редакция которой заинтересовалась этой темой, дали большой материал, поместили фотографии сауны, журналисты обошли полностью помещение этого клуба, провели полное журналистское расследование, три журналиста пришли, я их тоже сопровождал, и убедилась, что сауны нет, негде было снимать. Проблема была снята.

И последнее, на что я хотел бы обратить внимание. Мне приятно, что здесь есть высокопоставленные чиновники судебной системы; не будучи номенклатурным адвокатом, я иногда вынужден приходится заранее готовить ловушки нашим судебным органам, не полагаясь на их объективность и непредвзятость. О чем я хочу рассказать? К сожалению, несмотря на все просьбы практикующих адвокатов, до сих пор судебные органы не выработали единых рекомендаций по размерам возмещения морального вреда, и на сегодня ситуация такова, что, имея знакомого судью, можно разорить любое средство массовой информации, заявив иск на миллиарды долларов, и иск будет удовлетворен, формально это не будет противоречить закону. Жертвой этой ситуации могло бы стать и стало бы, если бы я не расставил ловушку Московскому городскому суду, одно из самых популярных полубульварных изданий «Мегаполис-Экспресс». Ему были предъявлены иски на сотни миллионов рублей компанией Бари Алибасова и нанайцев и одновременно семьей Вертинских. Я совершенно не полагался на то, что наши судьи будут руководствоваться общепринятой практикой, хотя, встретившись с Генри Марковичем в суде, мы с ним переговорили и решили, что 3–5 миллионов, и я был в этом уверен, и вдруг судебная коллегия по гражданским делам оставляет в силе 40 миллионов, 50 миллионов, а в сумме 150 по одному делу и 130 миллионов по другому делу. Значит, самое массовое издание должно закрыться, если бы я был стандартно мыслящим адвокатом.

Но, подчеркиваю, не питая иллюзий относительно добросовестности судейского корпуса, я вам раскрою маленькую хитрость, благодаря которой было спасено это, может быть, не авторитетное, может быть, не уважаемое, но читаемое и раскупаемое издание. Хитрость тут очень простая, но эту хитрость пришлось заранее продумать. Ни один из судей народного суда (дела рассматривали два народных суда), ни члены городского суда, ни рассматривавший это дело в надзоре президиум городского суда и Верховного Суда не заинтересовались, а кто является юридическим лицом ответчика. Они попались в примитивно расставленную ловушку, а именно, когда были предъявлены эти многомиллионные иски, я тут же велел главному редактору, поскольку иск предъявлен редакции, а юридическим лицом в то время было издательство, выписать мне доверенность от лица редакции, ответчик — редакция, доверенность — от

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

редакции, а как быть с номером регистрационного удостоверения в регистрационной палате? В печати указан регистрационный номер, но... — министерства печати. Никто на это не посмотрел. Регистрационный номер — такой-то. Доверенность была выписана по форме главным редактором, действующим на основании устава редакции, но никто из наших высших судей на это не обратил внимания, настолько им хотелось заклеить это издание, что проштамповали 150 миллионов, 130 миллионов. Очень хорошо. Когда все было проиграно, я велел быстренько зарегистрировать юридическое лицо — редакцию «Мегаполис-Экспресс», и теперь, выстроив в очередь всех обладателей исполнительных листов, с бедной, нищей редакции они будут до скончания века получать свои деньги. Они давно поняли, во что они вляпались благодаря непрофессионализму, к сожалению, своего адвоката, но и, к сожалению, всей судебной системы. Никто ни на одной ступени, включая Верховный Суд и Прокуратуру, не заинтересовался этим принципиальным вопросом.

Я уже заканчиваю. Благодарю вас всех за внимание. Если будут вопросы, с удовольствием отвечу.

Ефремова: Следующий, пожалуйста. Пермяков Александр Андреевич.

Пермяков (Общество защиты гласности, Екатеринбург): Пермяков Александр Андреевич, я представляю одновременно наш уральский региональный центр защиты прав прессы и вместе с тем руковожу уральским региональным управлением Роскомпечати, то есть чиновник и правозащитник одновременно. Прежде всего я хотел бы сказать вот о чем. Насколько мы правы, когда мы говорим об эпидемии исков о защите чести и достоинства и деловой репутации, когда мы говорим о всплеске, значительном росте и т.д.

Передо мной две таблицы, мы получили информацию из судов, прокуратур, органов юстиции всего нашего Уральского региона, это 9 субъектов Федерации, об исках в 1996 и в первой половине 1997 года о защите чести, достоинства и деловой репутации к журналистам и редакциям.

В прошлом, 1996, году в нашем регионе находилось в производстве 451 дело к журналистам и СМИ. Много это или мало? Если брать середину года, то на учете в нашем региональном управлении состояло примерно 1800 средств массовой информации. Есть определенное количество мертвых душ. Их примерно 500. Тогда средств массовой информации остается 1300 на этот период. Если мы сопоставим эти две цифры, то мы увидим, что каждая третья редакция получала иск, но, разумеется, есть какие-то более конфликтные редакции, есть какие-то менее конфликтные, об этом я буду говорить

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

в своем выступлении. Самая конфликтная область — это Свердловская область, было здесь 172 иска, менее конфликтны Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, также в это число попадает Курганская область.

Очень четкая тенденция: две трети исков удовлетворяются, одна треть — нет. Если мы говорим о тенденции, сравниваем 1996 год с первой половиной 1997 года, картина здесь такая: в первой половине 1997 года только за шесть, а не за двенадцать месяцев в производстве находилось уже 397 дел, цифра ненамного меньше, чем целиком за 1996 год. На самом деле достаточно значительный рост. Если мы будем говорить о такой позиции, как компенсация морального вреда, это очень важная категория, и я собираюсь на ней остановиться, то взыскана была огромная сумма в 1996 году с редакций судами — 11 миллиардов 2 миллиона 69 тысяч рублей. Цифра в первой половине 1997 года значительно меньше — 390 миллионов 732 тысячи рублей, но это обманчивая сумма. Дело в том, что из 11 миллиардов 2 миллионов 69 тысяч рублей львиная доля, а именно 10 миллиардов 237 миллионов,— это сумма, взысканная только с одного издания Тюменской области, на этом случае я остановлюсь дальше, это газета «Тюмень-2000», по трем искам с нее было взыскано свыше 10 млрд. рублей. А если этот исключительный случай оставим пока в стороне, то стоимость проигранного иска средствами массовой информации, если мы сравниваем ситуацию в 1996 и 1997 годах, значительно выросла. Если в целом каждый проигранный редакцией или журналистом иск в 1996 году стоил в среднем 2 млн., то в первой половине 1997 года он стоит 5,5 млн. рублей — значительный рост. Подтверждаются также наблюдения, которые были высказаны специалистами, работниками Фонда защиты гласности.

Уважаемый господин Ефимов из Мособлсуда сегодня выступал и говорил о том, что появляются люди, которые специализируются на исках к средствам массовой информации, называлась вполне конкретная фамилия, я тоже могу назвать целый ряд фамилий в нашем регионе, в частности я назову только одну фамилию: г-н Виктор Бейбулатов из города Полепсково Свердловской области завалил свой Полепской городской суд исками к СМИ, и не только к СМИ, он подал иски ко всем, кто находится в его видимости. Видимо, в ближайшее время будет иск на меня, поскольку помимо того, что он направляет в отношении редакций и СМИ иски, он стал действовать таким образом. Он целый ворох бумаг прислал нам в региональное управление, чтобы мы собрали по его личному запросу компромат на те СМИ, с которыми он судится, причем судьи (я обратился за консультацией в суды) сказали, что эта информация для решения

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

вопроса по конкретным публикациям, где, как считает г-н Бейбулатов, о нем обидное что-то было сказано, не имеет никакого значения, например сведения о том, какие в нем ошибки, есть ли устав, правильно ли указаны выходные данные, но нас попросили по всем позициям, которые есть в Законе о СМИ, дать компромат для Бейбулатова, чтобы он в дальнейшем мог это использовать. Такие фигуры не редкость. Я могу примерно полтора десятка человек назвать, с которыми нам приходится иметь дело.

Очень по-разному на самом деле понимаются основные понятия, такие, как «честь», «достоинство», «деловая репутация». Прежде всего, они вообще не различаются, юридическое лицо подает иск или физическое лицо, в равной степени эти все три категории употребляются. «Мне это читать просто обидно», или «меня обидели чем-то». Никак не различается истцами этот нюанс, и неясно, в чем же состоит нанесенная эта обида. В этом смысле думаю, что материалы книги, при том, что многие главы и места очень сложно воспринимаются, но если адаптировать (а этой работой непременно нужно заниматься), они могут дать аргументацию тем, кто защищает те или иные позиции в суде, и могут быть приняты во внимание и использованы судьями, разумеется, при необходимой адаптации.

Я приведу такой пример. Когда выступала Галина Юрьевна Арапова, она говорила о случае, когда иск был подан священником. У нас до иска пока дело не дошло, но я сейчас слежу за одним таким конфликтом. На севере Свердловской области один священник предъявил претензии к редакции и журналисту по поводу того, что женщина (редактор и журналист), восхищаясь иконами, которые она видела в одном из монастырей, сказала об изображении на иконе Девы Марии: «Прекрасный лик женщины». Редакции грозит иск, потому что Дева Мария — это дева, а не женщина. Это доказывает священник со священными текстами в руках и грозит иском в суд. Как тут применять основные категории, основные понятия, я не буду сейчас об этом говорить, Галина Юрьевна останавливалась на этой проблеме.

Другой конкретный случай. Недавно глава администрации Орджоникидзевского района г. Екатеринбурга Сергей Черкасов подал иск в суде о защите чести, достоинства и деловой репутации. Иск связан с одной фразой журналистов из газеты «Московский комсомолец-Урал», они ездили в ночной рейд с гаишниками, и журналист позволил себе такое выражение, я тоже считаю, что его не стоило употреблять. Он назвал два района нашего города — Уралмаш (Орджоникидзевский район) и Эльмаш — «страной непуганых идиотов». И глава администрации района подает иск в суд о защите коллектив-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ной чести, достоинства от имени жителей всего района, поскольку он избран на выборах главой администрации района. Он называет точную сумму компенсации морального вреда, по его расчетам получается 10 тысяч на каждого жителя района.

Очень серьезной проблемой является компенсация морального вреда, которой я только что коснулся. Я тоже приведу два конкретных примера. Плохо, когда судьи по-разному относятся к этой проблеме, исходя из разных оснований и, самое главное, если для различных подходов дает основание само законодательство: Гражданский кодекс, ст. 151 и 152. В этом году наш Свердловский арбитражный суд рассматривал иск индивидуального частного предприятия «Большой Урал» к газете «Уральский рабочий». Там было сообщено, что руководитель этого предприятия в нетрезвом виде был задержан в магазине при попытке грабежа. Об этом уважаемая газета сообщила по материалам, представленным пресс-службой УВД, последовал иск в суд, который этот гражданин подписал не как физическое лицо, а именно от лица предприятия. Суд арбитражный иск принял, рассматривал его, но в удовлетворении отказал. Был дан очень грамотный ответ в решении суда, в частности, было указано, что юридическое лицо не может требовать компенсации морального вреда.

На этом опыте нужно учиться, нужно распространять такого рода решения и показывать судьям, что такие решения принимаются. Потому что просто не имеют организации права требовать компенсации, исходя из того определения морального вреда, которое содержится в ст. 151. Вместе с тем Тюменский арбитражный суд, я возвращаюсь к тому случаю с газетой «Тюмень-2000», о котором я уже говорил, принял решение по трем искам и взыскал с этой газеты 10 с лишним млрд. рублей, несмотря на то что истцами были на самом деле юридические лица: предпринимательская фирма «Ника-центр», профессорская ассоциация г. Тюмени, это тоже юридическое лицо в подлинном смысле слова, и администрация Тюменской области. Конкретно 10 млрд. было решено в пользу администрации Тюменской области.

К вопросу о независимости и зависимости судей, это как раз тема, которой сегодня уже касались, Тюменская областная администрация запросила 20 млрд., в два раза снизили сумму, но 10 млрд. все-таки взыскали с газеты. Газета вышла из положения очень просто. Она тут же сделала совершенно пустым свой счет, тем более что печатается она уже давно в Свердловской области, выходит раз в неделю, и раз в неделю появляется то или иное физическое лицо, которое необходимую сумму для производства недельного тиража газеты выплачивает, поэтому на самом деле эти деньги взыскать никак не

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

могут. Здесь сразу две проблемы возникают в связи с этими решениями. Первая — юридические лица могут ли, вообще говоря, требовать компенсацию морального вреда; вторая — является ли юридическим лицом в подлинном смысле слова областная администрация, поскольку по ст. 2 и 124 ГК РФ субъекты Федерации приравнены к юридическим лицам, но это не юридические лица в собственном смысле слова, они всего лишь участники делового оборота, об этом сегодня уже говорилось.

Но самое главное, я хотел бы обратить внимание, что для такого решения арбитражного Тюменского суда тоже есть свои основания, своя логика, так что здесь несовершенство именно закона, когда эти две статьи сталкиваются между собой, ст. 151 и 152. Особенно если пренебречь словом «соответственно», на которое обратил внимание Александр Рувимович Ратинов в своем послесловии, если оставить это «соответственно» в стороне.

Наконец, я хотел бы коснуться проблемы «Факты. Суждения». Здесь тоже есть определенный судебный опыт. Есть такое средство массовой информации «Телевизионное агентство Урала» (ТАУ), которое возглавляет Иннокентий Шеремет, у нас в Екатеринбурге в сборниках ФЗГ это СМИ упоминается часто, потому что оно весьма конфликтно. На последнем семинаре, а мы провели 4 семинара по правовым аспектам деятельности СМИ у себя в регионе, на один из последних семинаров мы пригласили Шеремета на обсуждение темы «Пределы дозволенного в журналистике», и он сказал, что за время их деятельности, за 3,5 года, им грозили исками более 50 раз. На самом деле до суда дело доходило лишь в каждом пятом случае, а то и меньше, к ним было подано меньше 10 исков, они умело ведут защиту, отстреливаются они, как он сказал, не очередью, а одиночными патронами и всегда что-то держат про запас. И когда к ним обращаются и говорят, что подадут на них в суд, они отвечают, что у нас есть такой, еще такой и вот такой отснятый материал о вас, если вы подадите иск, то мы это пустим в эфир. В подавляющем большинстве случаев это действует, люди не без греха, поэтому прекращают любые конфликты.

Но я хочу сказать не об этом, а о том, что есть, на мой взгляд, почти уникальный случай, когда при очередном конфликте ТАУ и Свердловской ГТРК от ГТРК был подан иск к ТАУ о защите чести, достоинства и деловой репутации, у нас в регионе впервые судьи нашего арбитражного суда очень, на мой взгляд, компетентно и квалифицированно стали решать эту проблему: различение сведений и оценки, сведений и суждений, строя свои рассуждения с привлечением соответствующих статей Конституции РФ, и отказали в удов-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

летворении этого иска. По моему личному мнению, тем более что здесь судились два средства массовой информации и две телекомпании, я бы, может быть, сделал вывод, что вообще Шеремета следовало бы наказать, но сам по себе такой судебный опыт представляется мне интересным.

Я думаю, что такие встречи, конференции, как наша, нужно планировать. Сейчас я знаю, что новым проектом ФЗГ стал «Массмедиа и судебная власть», нужно работать с судьями, видимо, не в такой же форме, как, допустим, мы активно работали с прокурорскими работниками, но такую работу необходимо проводить, встречаться, знакомить их с решением собственных коллег и осуществлять их дальнейшее правовое образование, правовое воспитание. Я думаю, что на этом я закончу, поскольку вопросы правового просвещения и образования переносятся у нас на следующий день, я готов еще раз выступить.

Ефремова: Сейчас выступит Романенков Николай Семенович.

Романенков (Московский городской суд): Начать свое выступление мне хочется с самой темы нашей конференции «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции». И сразу встает вопрос: в чем видится конфликт между журналистами и юристами на сегодняшний день? В росте числа дел гражданских, которые поступают в суды, я имею в виду суды общей юрисдикции и арбитражные суды, о защите чести, достоинства и деловой репутации в количестве удовлетворенных исков данной категории или в суммах морального вреда? Если в этих моментах, то я не думаю, что можно говорить о конфликте юриспруденции и журналистики.

Если мы с вами обратимся к недавнему прошлому, еще несколько лет тому назад в судебной практике практически не было исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. Редко когда встречалась какая-то публикация в журнале «Крокодил», это все понимали: раз пресса выступила, значит, это все правда, значит, так оно и есть, и никому из граждан, тем более чиновнику, организации в голову не приходило обратиться в суд с иском и защищать свое имя, честь, достоинство. Не было такого.

Я уже не говорю о моральном вреде. Наше законодательство не предусматривало возможности компенсации морального вреда, только с 1992 года стали появляться в судебной практике иски, где граждане наряду с защитой своей чести, достоинства, своего имени ставили вопрос о возмещении, компенсации морального вреда. Наше недавнее прошлое было такое хорошее, тогда не было конфликта между журналистами и юристами, когда исков не было, значит, мы жили хорошо? Я думаю, что мы вряд ли будем говорить о том, что

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

тогда мы были все счастливы. Наверное, те преобразования, которые произошли в стране, та свобода, свобода мнений, гласность — они породили то многообразие проявлений, которые мы встречаем на сегодняшний день в нашей жизни и встречаем в судах.

Сегодня здесь были выступления о том, что, наверное, судам не стоит принимать какие-то заявления от граждан, иски о защите чести, достоинства, какие-то надуманные иски, искусственные, чего их вообще принимать, слушать и отвлекать СМИ от своей работы. Я думаю, это совершенно неправильный подход. Ведь у нас с вами есть Конституция РФ, и ст. 46 прямо говорит, что каждый гражданин имеет право на судебную защиту. Безусловно, мне как судье иногда не очень-то хочется заниматься многочисленными исками граждан. Но гражданин имеет право, потому что нет другого органа в государстве, который может его защитить. Мне, может, его иск кажется абсурдным, нелепым, а для него это важный иск, допустим, его где-то оскорбил сосед на участке, я даже не говорю о средствах массовой информации. На собрании членов кооператива обсуждали какую-то проблему, и там его оскорбили. Для него это личная проблема, очень важная и серьезная, он идет в суд и защищает свою честь и достоинство. Хотя в масштабах страны это дело такое неинтересное.

Мне, например, как судье совершенно не хотелось бы заниматься таким делом, оно склочное, но тем не менее гражданин обращается, и я должен его рассмотреть и разрешить. А уж как разрешить: в пользу заявителя или отказать ему — это уже другой момент. Следует сказать, что иски о защите чести и достоинства наиболее сложные в судебной практике. Сегодня я здесь слушал выступления представителей СМИ других регионов. Практика показала, как видно из их выступлений, что совершенно разные подходы у юристов к решению этих проблем. Где-то иски удовлетворяются, где-то в них отказывают. Мне очень понравился случай, когда назвали «край непуганых идиотов». Наверное, на эту тему можно роман написать по поводу такого дела. И как его решить? Если взять двух судей, наверняка они его по-разному решат. Это различные подходы. Когда слушаются дела такой категории, здесь судье приходится обращаться к ряду дополнительных материалов, не только нужно знать закон. Закон мы с вами взяли, открыли статью, все ясно и понятно. А как решить такое дело, если кого-то, допустим, обозвали фашистом, монархистом или приклеили иной ярлык? Здесь подходить односторонне и говорить, что раз его обозвали фашистом, значит его иск нужно удовлетворять, я не думаю, что обязательно это нужно делать.

Я в свое время, в 1994 году, когда только начинала складываться судебная практика по искам к СМИ о возмещении морального вреда,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

тоже занимался этим вопросом, анализировал судебную практику, подготовил небольшую публикацию по данному вопросу, и я считаю, что здесь должны быть очень разумные и осторожные, взвешенные подходы к решению этого вопроса. Почему я так об этом говорю? Ведь иногда СМИ, да и судебные заседания используются в качестве трибуны для пропаганды своих взглядов, для привлечения общественности к своей персоне, особенно это касается исков, которые у нас подают политические деятели, члены правительства, кандидаты в мэры, депутаты и другие граждане, которые хотят, чтобы к их персоне было приковано внимание. От этой категории дел мы никуда не денемся.

Мы недавно делали выборочное исследование по г. Москве. Москва очень своеобразный регион в отличие от других регионов, потому что масса СМИ, очень много видных фигур, в том числе и политических деятелей, и, кроме того, разнообразные и сложные ситуации. Что показала такая выборочная проверка? Мы просмотрели 87 дел, это центральные районы по г. Москве, и оказалось, что в 25 случаях иски к СМИ предъявляли юридические лица, в остальных случаях иски предъявляли депутаты обоих уровней, дальше предъявляли министры, затем кандидаты в мэры, практически простых граждан, рабочих, врачей нет, они почему-то иски к СМИ не предъявляют. Что, у них другая честь, у них другие понятия о достоинстве? Я не думаю. Иногда пишут, но в суд почему-то не обращаются. Если мы будем говорить об этой категории дел, об этой категории субъектов, которые обращаются за защитой своих прав, — ведь это люди, которые у нас находятся на виду у всего общества; когда человек идет в политику, он, безусловно, надеется на то, что он будет замечен, что к нему будут привлечены СМИ, к его позиции, к его выступлениям, и поэтому, когда, допустим, появляется на радио или на телевидении, в печати какая-то критическая статья в отношении того или иного политика, а он сразу бежит в суд, я думаю, что это его, конечно, личное право, но обязательно ли нужно суду удовлетворять такой иск — я в этом очень глубоко сомневаюсь. По Москве прошел ряд таких дел, когда предъявлялись иски и они удовлетворялись, но я думаю, что вряд ли можно было бы всегда согласиться с правильностью этих судебных решений. Конечно, если на сегодняшний день они вступили в законную силу, они не отменены, они являются для нас обязательными. Но сами подходы к удовлетворению таких исков у меня вызывают сомнения. И поэтому в отношении такой категории заявителей, я думаю, судам нужно подходить более разумно, а СМИ, когда они отстаивают свою позицию в отношении этих категорий граждан, я думаю, нужно преподнести суду такой материал, который бы раскрывал существо данного политического или госу-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

дарственного деятеля, его взгляды, не просто сказать, что он фашист, и все. Вы проанализируйте его выступления, предположим, на протяжении какого-то периода времени, покажите это в суде, докажите, что эти выступления носили такой характер, и тогда, может быть, будет принято совсем другое решение по конкретному делу.

Теперь несколько слов по поводу компенсации и размера морального вреда. Здесь говорилось, что нужно выработать какую-то шкалу и говорить, что за доброе имя тебе такую-то сумму, за поруганную честь тебе столько-то денег. Здесь очень трудно выработать какие-то позиции, я думаю, что никакие высшие судебные инстанции такую рекомендацию никогда не дадут. Есть, правда, в настоящее время изыскания в среде юристов, которые часто практикуют в области уголовного права, там есть рекомендации по градациям, сколько нужно взыскивать за изнасилование, убийство и т.д. Я не специалист в области уголовного права, я не могу давать оценку этому.

Что же касается гражданских отношений по защите чести, достоинства, я допускаю, что уже сам иск о защите чести и достоинства в случае его удовлетворения свидетельствует о том, что это нарушенное право защищено и восстановлено. Поэтому говорить о каких-то огромных суммах, тут прозвучали суммы в 10 млрд., у меня вызывает просто ужас, я по Москве еще таких случаев не слышал, чтобы со СМИ взыскать 10 млрд., мы должны будем разорить СМИ и закрыть его руками судебной власти. У меня это вызывает ужас. Если мы пойдем по такому пути, мы через полгода можем все СМИ закрыть и сказать: хватит свободы, хватит гласности, давайте будем все писать о хорошем и дружить все вместе. Ничего тогда у нас не получится. Наверное, все-таки я допускаю, что в отдельных случаях размер компенсации морального вреда может быть определен судом по его усмотрению, но это должно быть каждое конкретное дело в зависимости, будем так говорить, от обстоятельств причинения этого вреда.

Я, когда сегодня шел, посмотрел старую брошюру по моральному вреду, которая была издана в России еще до революции, в 1913 году. Ведь мы 70 лет вообще не признавали возмещение морального вреда, нас учили, что моральный вред, денежная компенсация — это все чуждое, буржуазное, нам это ничего не нужно взыскивать, и мое поколение юристов выросло на том, что моральный вред — это необоснованное обогащение и нечего его взыскивать и удовлетворять. Однако практика не только показала, что вред нужно компенсировать, его нужно удовлетворять не только в наших судах, но и в судах других государств, но к этому надо подходить очень разумно и очень осторожно. Я хочу повторить то, что говорил юрист еще в начале нашего века, ведя речь о моральном вреде. Говорил, что право на возмещение

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

морального вреда есть право униженных и оскорбленных, я хочу подчеркнуть, действительно униженных и оскорбленных, не тех, кто идет в суд для того, чтобы получить рекламу, получить голоса, а изувеченных, обездоленных и соблазненных, право эксплуатируемых писателей, артистов и служащих. Такие были подходы у русских юристов к разрешению вопросов возмещения морального вреда.

Безусловно, сейчас у нас ситуация другая, за эти годы мы вперед очень продвинулись, наверное, ориентироваться на начало XX века не надо, но, думаю, хорошо бы иметь в виду, что моральный вред должен взыскиваться в значительных суммах применительно к униженным и оскорбленным, обездоленным, эти критерии должны применяться в судебной практике в отношении этих граждан, а не так огульно, если он губернатор, значит, ему 5 млн., если он районный начальник, ему 2 млн., такие подходы будут совершенно неправильны при решении этого вопроса. Это все, что я хотел сказать. Спасибо.

Ефремова: Мне думается, что чрезвычайно интересный аспект затронул в своем выступлении Николай Семенович — это мотивация обращения истцов за судебной защитой. Мы проанализировали значительное количество нарушений в этой сфере, при этом пытаюсь найти рядового гражданина, который бы обратился за защитой своей чести и достоинства. За весь год нашли только один такой «казус». Вы понимаете, конечно, в нашей стране очень много и обиженных, и униженных, но тем не менее люди при нарушении их законных прав, при оскорблениях и всяческих унижениях не обращаются в суд за защитой. Научно-исследовательский институт Генеральной Прокуратуры РФ проводил многочисленные широкомасштабные опросы общественного мнения многие годы.

Результаты опросов показали, что люди не обращаются за защитой в правоохранительные органы, не только в судебные, но и в другие, потому что не верят в справедливость, не верят в то, что или прокурор, или суд будет защищать и отстаивать их права, а многие просто не хотят терять время и силы на то, что вообще потом не принесет никакого результата. Это очень тревожные результаты, они подтверждаются многочисленными исследованиями, да и опыт повседневной жизни говорит об этом же. Между тем обращение рядовых граждан за судебной защитой чести и достоинства является одной из важнейших характеристик состояния общества, показателем его демократического развития.

Если посмотреть зарубежную практику, то она свидетельствует, что суды во многих странах проявляют более высокую степень терпимости в отношении жестких выражений, если они высказаны в

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

адрес политиков правительства или органов государственной власти. Там должностные лица, высокие чины редко могут рассчитывать на удовлетворение исковых требований. Во многих случаях эти иски просто не принимаются. Каждый публичный деятель должен быть готов к повышенному, пристальному, а нередко и пристрастному вниманию со стороны средств массовой информации и общественного мнения. Поэтому, когда должностные лица обращаются с иском в суд, то зачастую такие требования просто не принимаются. Это маленькое отступление. Я хотела бы предоставить слово желающим высказаться.

Болотовский (Московская коллегия адвокатов): Как сказал Генри Маркович, я не неофит, но по крайней мере занимаюсь этой категорией дел не постоянно, поэтому многое здесь мне очень интересно и любопытно. Могу сказать, что один алгоритм я вывел: чем меньше в стране чести и достоинства, тем больше исков об их защите. Это как базис.

Но меня крайне тревожит, именно как профессионала, следующая ситуация. Среди моих клиентов очень много достаточно крупных коммерческих структур. И сейчас мы столкнулись с конкретной парой дел, не буду о них говорить, поскольку они находятся в стадии работы, где меня поразило спокойное отношение СМИ к такой очень любопытной проблеме. СМИ делает предположение о том или ином событии и заявляет, что этот товарищ — взяточник, эта фирма — мошенническая, то-то, то-то и то-то. Не знаю, по старой практике, по уголовным делам я всегда считал, не вдаваясь, простите меня ради Бога, в лингвистику, что обвинение в уголовно наказуемом деянии, мне так кажется, по-разному трактуется — и как клевета, и как ложный донос, и т.д., и т.п. Но ведь самое интересное, что мы сталкиваемся с двумя видами предположений, и если первое из них, когда журналист излагает определенную фактологию и заявляет с полной ответственностью, понимая возможную ответственность, что, по его мнению, это взятка, по его мнению, это уголовно наказуемое деяние, — это одно.

Но ведь очень часто СМИ допускают предположения, абсолютно не давая фактической стороны вопроса. И как мне представляется, права на такое предположение у него нет, потому что если делается вывод, что нападение на бывшего сотрудника фирмы с небольшим оборотом (10 трлн. рублей в год) было организовано его бывшими работодателями, и единственной основой для такого предположения является заявление пострадавшего, что у него больше на свете врагов вроде бы и нет, то мне кажется это несколько смелым. Поэтому я прекрасно понимаю, что здесь существует какая-то постоянная граница,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

постоянный вопрос: есть ли право общественности знать, что происходит в стране, коридорах власти, и в коммерческих структурах, в частности, и где же все-таки начинается ответственность? Мне как просто юристу представляется, что надо отвечать за такие вещи. Здесь Николай Семенович очень хорошо сказал о желании определенных, чаще всего политических фигур использовать суд как дополнительную трибуну для популярности. А когда представители СМИ говорят, ради Бога, вы быстрее подавайте иск, у нас подписная кампания, у нас рейтинг передачи падает, это что? Это не желание пользоваться жареным материалом для повышения тиража и соответственно увеличения рекламных расценок? Что такое телевизионный рейтинг, это вещь туманная, но тем не менее может быть и для этого. И здесь возникает вопрос об ответственности за подобные вещи.

Кстати, должен поделиться своими наблюдениями. Я сейчас своим клиентам рекомендую не обращаться с исками в общие суды о защите чести, достоинства и деловой репутации. И если у меня получится то, чем сейчас я занимаюсь, то, возможно, в ближайшее время в арбитражный суд будет предъявлен иск о возмещении убытков. Нет, не просто с публикацией, а с конкретными письмами контрагентов, как российских, так и западных, что после появления подобных публикаций они считают невозможным продолжать сотрудничество с такими-то фирмами, что они разрывают переговоры, отзывают свои подписи под протоколами намерений и даже требуют расторжения контрактов. И мне будет очень интересно посмотреть на ситуацию, в которой окажется пресса. Если мои коллеги будут поддерживать подобную практику и не защищать трудно определяемое в ГК понятие чести и достоинства, не будут дискутировать по вопросам, что же является сведениями порочащими, а при полной недоказанности серьезных обвинений станут ставить вопросы в арбитражных судах о возмещении убытков, реально доказанных, реально просчитанных, мне представляется, что подобная вещь поставит прессу в тяжелейшее положение, и не дай Бог, чтобы это случилось. Ведь, как я понимаю, одна из целей сегодняшней конференции — это именно то, что СМИ должны как-то аккуратнее обращаться с фактами, в то же время прояснить для СМИ и юристов какие-то определенные понятия и составы, это очень полезная вещь. Но, дорогие мои, вы же все-таки должны понять. Тут прозвучало опять у Николая Семеновича, я на него ссылаюсь как на выступавшего последним, что в России привыкли верить печатному слову и ничто, даже сумасшедшие скандалы с МММ, ничего не изменили. Все едино — печатная статья воспринимается совсем по-другому, чем, допустим, выступление в эфире. Это ведь тоже надо учитывать. И появились

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

структуры в российской экономике, структуры, которые уже сейчас реально могут пострадать и уже страдают от ущерба, причиняемого их деловой репутации. Но не в плане, повторяю, такого абстрактного разговора. Когда работаешь с очень серьезными западными контрагентами, которые проверяют своего контрагента по полной программе, идиотские публикации о связях с мафией, коррупции, о коррумпированных всяких сделках являются конкретными и реальными факторами для отказа от огромных контрактов с конкретными фирмами и конкретными банками. Ни в коем случае, поймите меня правильно, я не говорю, что большой бизнес или что-то еще должны быть вне зоны критики, избави Бог, более того, там часто такое творится, необходимо, чтобы СМИ отражали эти процессы.

Но, друзья мои, вы посмотрите, что происходит. Ведь понятие «русская мафия» введено нашими СМИ, нет ни одной страны мира, включая Италию, страну классической мафии, где бы так кричали о русской мафии. Да нет таких слов «русская мафия», кроме двух-трех идиотских боевиков. Это термин русской советской прессы. Так вот и возникает вопрос: когда затрагиваются интересы личности, необходимо быть предельно осторожным, потому что неосторожно опубликованное слово может смертельно ранить человека, нанести ему огромную травму. Когда дело касается серьезных коммерческих структур, я подчеркиваю, серьезных, ведь это вы публиковали рекламу всевозможных компаний, вы, уже имея уголовное дело в отношении Мавроди, простите, это не относится ни к кому конкретно, это вы продолжали рекламу на телевидении МММ, даже когда Мавроди находился в камере. Либо одно, либо другое. Есть и серьезные экономические статьи, есть и серьезный анализ, есть вскрытие серьезных недостатков, кто против? Если появляются огульные обвинения, если открытые выступления журналистов на стороне той или иной финансовой группировки, то, товарищи, давайте действительно готовиться к серьезным арбитражным делам, не к тому, к чему мы привыкли в судах общей юрисдикции, а с четкими доказательствами ущерба, с арестами счетов, потому что иски будут миллионные, и не в рублях.

Опять же встает вопрос об ответственности журналистов, ответственности СМИ. И мне бы очень хотелось, чтобы у меня и моих коллег было как можно меньше дел, связанных со спорами с вами. Не на этом, что называется, делать себе заработок, работу и все остальное. Нам нужно жить дружно и вместе. Те, кто представляет СМИ, я обращаюсь уже здесь к юристам, и те, кто представляет иски к СМИ, — кстати, часто это бывают одни и те же люди, — и поэтому я призываю вас к элементарному анализу, к чему может привести

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

та или иная публикация. Ради Бога, никаких вопросов нет, все, что надо, должно быть опубликовано, но вы посмотрите сами: когда дело касается серьезных экономических вопросов, у нас практически осталось считанное количество журналистов, читая которых, трудно определить, кого они поддерживают в экономической сфере. Издания четко поделались, программы телевидения четко поделались, и ущерб, приносимый подобными публикациями, на мой взгляд, выходит далеко за рамки.

В том, что сегодня в отдельных случаях нашей промышленности трудно выйти на определенные западные рынки, виноваты мы все, поскольку стоит постоянный крик о русской мафии, о коррумпированности. Да, мы коррумпированы, но, кстати, намного меньше Италии, намного менее, чем в Польше коррумпированы, я уже не говорю про Азию. Кстати, уровень коррупции в Штатах колоссальный, другое дело, там коррупция культурная. Мы же не привыкли к этому. Мы кричим: коррупция, коррупция, а доказать не можем. Докажите. Понимаете, у нас уровень следствия сейчас очень слабый, и они не могут доказать ничего, ведь коррупция — понятие очень тонкое. Так давайте уважать всех, и себя в этой ситуации, и экономику, и журналистов.

И действительно, товарищи журналисты, давайте быть поаккуратнее. Лучше предъявить иск от СМИ к какому-то финансовому гиганту, который его задавливает, чем представлять интересы этого финансового гиганта, споря с какой-то газетой, которая опубликовала идиотскую статью.

Петросян (Институт США и Канады): Я занимаюсь сравнительным правоведением, то есть изучаю, как одни и те же проблемы решаются в разных странах и разных правовых системах.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что те же «проклятые вопросы», которые мы сегодня обсуждаем, встают — или вставали — перед судами и в других странах. Это касается и разграничения фактических сведений и оценочных суждений, и определения подлежащего возмещению морального вреда, и нахождения баланса между интересом индивида, состоящим в неприкосновенности его доброго имени и репутации, и общественным интересом в свободе информации. Но у нас свободная от цензуры (во всяком случае, формально) пресса существует менее десяти лет, а это очень малый срок, между тем как в стабильных демократических обществах в течение десятилетий складывались определенная правовая традиция, единообразный подход к решению подобных дел. Поэтому накопленный в таких обществах опыт рассмотрения конфликтов между индивидом и СМИ очень важен для нас — если не как руководство к действию, то по крайней мере как информация к размышлению.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Например, в распоряжении американских судов имеется широкий набор критериев и ориентиров, применяемых при рассмотрении дел о диффамации, выработанных судебной практикой, правда, американская система гражданского права облегчает «кристаллизацию» таких критериев. Там суды руководствуются прецедентами, т.е. решениями, ранее вынесенными по аналогичным делам; если те конкретные обстоятельства дела «не укладываются» в прецедент, судья обосновывает и формулирует иное решение, создавая таким образом новый прецедент. С течением времени, по мере накопления решений, в судебной практике складывается единообразный, но, так сказать, детализированный подход, который идет «от жизни». Меняется жизнь, т.е. социальный контекст, в котором действует право, — меняется и судебная практика.

В нашей правовой системе судья при решении дела применяет законодательную норму, а это слишком абстрактная, слишком обобщенная форма регулирования отношений, особенно таких «нетипичных» (в отличие, например, от имущественных) отношений, каковыми являются отношения рассматриваемой нами категории. Здесь необходим более тонкий инструментарий, который у нас пока отсутствует. Следовательно, судам придется самим создать такой инструментарий, самим выработать необходимые критерии. Но это сложная задача, требующая от судьи определенной вдумчивости и творческого подхода к применению закона, а также смелости, поскольку названные качества в нашей судебной системе раньше не поощрялись, и я не уверена, что поощряются сейчас.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на некоторую противоречивость самого законодательного текста (я имею в виду статью 152 ГК). Статья озаглавлена «Защита чести, достоинства и деловой репутации». Между тем содержание статьи значительно уже, поскольку речь в ней идет только о распространении фактических сведений, не соответствующих действительности, т.е. диффамации. Таким образом, заголовок статьи создает у потенциальных истцов, а иногда и у судей ложное представление о том, что и оценочные суждения подпадают под ее действие, поскольку они также (а может быть, и в большей степени) задевают честь и достоинство лица или организации. Но в подобных случаях нет возможности предъявления гражданского иска. Единственное средство, к которому может прибегнуть лицо, — это возбуждение уголовного дела по ст. 129 и 130 УК РФ, а это весьма проблематично, поскольку возбуждение дела зависит от прокуратуры, и, таким образом, ситуация уходит из-под непосредственного контроля лица, считающего себя оскорбленным. В результате в некоторых случаях честь и достоинство лица ос-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

таются незащищенными. Разумеется, это несправедливо; тем не менее, как мне представляется, решение этой проблемы не может быть найдено за счет расширительного толкования ст. 152 ГК.

Что касается «оценочных суждений», то мне хотелось бы напомнить представителям СМИ, для их же пользы, что существуют такие неправовые понятия, как профессионализм и вкус. Тут было рассказано о том, как Невзоров предъявил иск к газете, которая процитировала кого-то, кто назвал его сволочью. Я думаю, что нет необходимости оценивать личность Невзорова. И тем не менее уверяю вас, что благородная задача обличения Невзорова могла бы быть выполнена — и с большим эффектом — без применения столь сильных (и примитивных) методов, если бы журналист обладал достаточным профессионализмом и хорошим вкусом. А повода для иска не было бы.

Еще одно замечание — по поводу компенсации морального вреда и жалоб на ее размеры. Хочу напомнить, что суды никоим образом не связаны суммами, указанными в исковых заявлениях, и определяют размер компенсации в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий (а не от того, как он оценивает свою честь или репутацию), с учетом требований разумности и справедливости. Поэтому полагаю, что несоблюдение этих требований является основанием для кассационного пересмотра решения.

И последнее. Тут вскользь была брошена реплика относительно того, имеет ли осужденное лицо право на защиту чести и достоинства в той же мере, что и все прочие граждане. Имеет — вне всяких сомнений. И это не просто мое личное мнение, это твердая позиция Палаты по информационным спорам, заявленная ею по громкому делу, в котором фигурировал тот же Невзоров. Кажется, это дело не имело судебного продолжения — а жаль. Спасибо за внимание.

II-е заседание

Симонов: Следующую часть нашей конференции ведет у нас Андрей Георгиевич Рихтер, ему слово.

Рихтер (Центр права и СМИ): Я бы хотел еще раз напомнить, что у нас четыре темы и поэтому мы просили бы выступающих говорить только по темам, чтобы завтра не пережевывать то, что сказано сегодня, это будет не так интересно. Тема наша «Факт и мнение. Событие и оценка. Фактуальная и оценочная информация в СМИ и лингвистический и правовой аспекты». Сегодня уже говорилось на эту тему на утреннем заседании, к сожалению, опять-таки, и многие мысли были высказаны, которые нужно либо апробировать, либо опровергнуть. В том числе было сказано, что мнение является фак-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

том. Мне кажется, что, если мы согласимся с тем, что мнение — это тоже факт, дальше говорить будет не о чем, потому что тогда никакой защиты у мнения не будет. Хотя ясно, конечно, что не существует чистого факта, любая фактическая информация все равно несет элемент какой-то оценки. Я не знаю журналиста, который мог бы изложить факт так, чтобы сознательно или несознательно не высказать свое отношение к нему. И в то же время в большинстве случаев мнение, конечно же, должно быть основано на фактах и не может быть голым мнением, не основанным ни на чем.

Мы договаривались с организаторами, что я скажу несколько слов о том, как решать проблемы, которые изложены во втором пункте нашей повестки. На Западе, и, видимо, лучший пример — США, где права журналистов в какой-то степени возведены в абсолют или по крайней мере ставятся выше, чем другие права граждан — тем не менее и в США существуют серьезные ограничения возможности журналистов манипулировать фактами либо злоупотреблять своим собственным мнением. Главный элемент при изложении фактов и при исках к этим журналистам и СМИ в связи с фактами заключается в том, что защитой СМИ является правдивость этих фактов, причем правдивость не должна быть абсолютной, главное, чтобы по существу факт был изложен верно.

И яркий пример, который характеризует ситуацию в американском законодательстве в связи с этим, — это случай, когда одна из американских газет изложила выступление на парламентских слушаниях в Конгрессе США. В этом выступлении прозвучала фраза, которую можно услышать и на российских парламентских слушаниях, она примерно такова: один из выступающих обвинил политических заговорщиков — сионистов — в наличии плана захватить власть во всем мире и передать ее в руки мирового правительства. Газета просто написала, что г-н такой-то выступил с нападками на евреев. Г-н подал иск против газеты, и суд отклонил этот иск в связи с тем, что по существу газета изложила факт правдиво. Тем не менее правдивое сообщение ложных обвинений не может служить защитой по американскому законодательству, за исключением случаев достаточно ограниченного ряда, на федеральном уровне или по крайней мере на уровне всех 50 штатов, — это использование стенограмм судебных заседаний и использование документов либо стенограмм правительственных органов как исполнительной, так и законодательной власти.

В некоторых штатах считается, что использование документов полицейских управлений, полицейских участков, книг записи, в которых написано, кто и в чем обвинен, предположим, при аресте, является также защитой. Но в принципе любой журналист не может

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ограничиться просто правдивым цитированием ложного обвинения или ложных высказываний, так же, как и в российском законодательстве, он должен доказать или по крайней мере получить какие-то доказательства правдивости того или иного утверждения. Причем так же, как и у нас, сделать это достаточно сложно, опираясь только на свидетелей, потому что свидетели, как правило, либо испаряются, либо начинают менять свои показания, поэтому документальное подтверждение тех или иных утверждений журналист должен получить, если он собирается использовать возможное ложное обвинение либо ложную интерпретацию в своем репортаже. Личной убежденности репортера в правдивости недостаточно.

Что касается мнений и различий между мнением и фактом, то здесь на основе прецедентного решения Верховного суда США тоже создана достаточно четкая градация, которая позволяет с большей или меньшей, пусть не стопроцентной ясностью отделить факт от мнения — эта градация была изложена судьей Паулом в деле Герца, достаточно знаменитом. Судья тогда сказал, и это выражение используется во всех последующих судах, как правило, там, где речь идет о факте и мнении, судья сказал, что не существует понятия ложной идеи. Сколь бы вздорным ни казалось мнение, не дело суда поправлять это мнение, оно может быть оспорено лишь в конкуренции с другими мнениями. То есть здесь подчеркивается, что необходим рынок идей, и на этом рынке идей, мнений должна проходить конкуренция, и ее нельзя ограничивать. И в этом ценность американской и западной демократии.

В этом деле, деле Герца и деле Эванса и Новака против Кольмана, где журналисты-комментаторы Эванс и Новак обвинили профессора Кольмана, который получил назначение в Массачусетском университете на должность руководителя кафедры политологии, в том, что он является марксистом и собирается использовать университет для того, чтобы организовать революцию, в том, что он является неквалифицированным и неграмотным специалистом. После этого Кольман подал иск против журналистов.

В суде были определены четыре основных отличия факта от мнения. Первое — по критерию языка: используется ли в журналистском материале точный язык либо туманные выражения и напыщенный слог. В случае, если речь идет о точных выражениях, которые говорят о точных вещах, то статью можно охарактеризовать как статью, наполненную фактами. Если же речь идет о напыщенном языке или туманных выражениях, то это, скорее всего, будет мнение.

Второй критерий — проверяемость. Если факт можно проверить, соответствует он истине или нет, ложен или верен, то мнение

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

можно охарактеризовать по принципу «справедливое или несправедливое мнение», то есть насколько это мнение можно считать справедливым. И опять-таки если речь идет о справедливости или несправедливости мнений, то не суд должен решать, насколько то или иное мнение может быть справедливо.

Третий критерий — это критерий контекста, то есть, как правило, того, где помещена статья. Если она помещена на странице новостей, то, скорее всего, в ней должны быть изложены факты, а если на странице с комментариями, скажем, на странице, где публикуют книжное обозрение, ресторанное обозрение и т.д., то читатель, скорее всего, будет воспринимать это как мнение: восприятие читателя во многом зависит от страницы, на которой опубликована та или иная статья.

Четвертый критерий также имеет отношение к языку, и здесь суд должен поставить вопрос; ясно ли читателю, что в материале использованы такие стилистические приемы, как метафоры, гиперболы и другие формы, присущие именно выражению мнения, а не факта. Если в статье сказано, что г-н такой-то изнасиловал свою дочь, то это, видимо, факт, — если написано, что он изнасиловал землю-мать, то, естественно, это гипербола, и ни о каком факте здесь речи быть не может, а этот материал будет характеризоваться как выражение мнений. Или как случай, который более или менее верно изложен в фильме «Народ против Ларри Флинта», когда иск был подан в связи с тем, что журнал «Хастлер» утверждал, что Пауэл, руководитель морального большинства, переспал со своей матерью в состоянии алкогольного опьянения в туалете во дворе своего собственного дома. Здесь по целому ряду параметров было ясно, что это гипербола, не имеющая никакого отношения к факту.

Позднее был добавлен пятый критерий, связанный с тем, что если в журналистском материале наличествуют политические обвинения, то в любом случае это будет выражение мнений, и этот материал находится под той же защитой, как выражение мнений в других случаях. Политические обвинения, как правило, примерно такие же, как в нашей стране: это «неонацисты, Аль Капоне, мафиози» или более мягкие, такие, как «бездарный политик» и т.д.

Сегодня мы также будем говорить о слухах. Я помню, как лет пять назад в США было опубликовано блестящее исследование «Слухи как средство массовой информации», которое, правда, не совсем имело отношение к праву, но слухи, безусловно, присутствуют в американских СМИ. Кстати, материал послужил основой для очень хорошей диссертации, которая у нас была написана Виктором Хрулем, некоторые здесь его знают, «Анекдот как средство массовой инфор-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

мации», так что я рекомендую тем, кто интересуется анекдотами и слухами, посмотреть эти два материала. Достоверность является достаточно важным элементом и в западной журналистике, и нейтральность репортажа является хорошей защитой в тех случаях, когда пытаются опровергнуть достоверность того или иного материала.

Характерный пример связан с делом, которое было около 15 лет назад в США, когда публично были обвинены ученые, работавшие в ряде химических компаний и утверждавшие, что химикаты являются безвредными для людей. Они были обвинены людьми, которые боролись за охрану окружающей среды, в том, что они высказывают такое свое мнение только потому, что получают деньги от этих химических компаний. Газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала большой материал об этом, где изложила мнение противников ДТТ, журналисты взяли интервью у специалистов, которые были обвинены, и, наконец, был опубликован краткий комментарий научного обозревателя «Нью-Йорк Таймс». Несмотря на кажущийся баланс, ученые, обвиненные в том, что высказывают свое мнение только потому, что получили деньги от химических компаний, подали иск против «Нью-Йорк Таймс», и здесь впервые возник критерий нейтрального репортажа. Судья отклонил иск на основании того, что журналисты не высказывали свою точку зрения при написании этой статьи, что они сами не проводили исследование, что они не брали чью-либо из сторон, и так как обвинения против ученых имели отношение к общественным интересам, имели отношение к новостям, то журналисты здесь ни при чем.

Проверка фактов важна для американских журналистов, но и у них, как и у нас, не имеется следственного аппарата и они не могут удостовериться на 100% в том, что то или иное заявление или обвинение соответствует действительности. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в нашей ст. 49 Закона «О СМИ» говорится об обязанности журналиста проверять, а не поверить достоверности сообщаемой им информации, что тоже может говорить о том, что нет завершенности этого процесса. Видимо, необходимо просто доказать, что журналист принял какие-то меры для того, чтобы удостовериться в истинности либо ложности тех или иных фактов. Это введение, которое я хотел бы сделать, начиная наше вечернее заседание, и вновь предоставить слово профессору Алексею Леонтьеву.

Леонтьев: Строго говоря, большая часть того, что я мог бы сказать, описана в нашей книге, поэтому я просто хочу некоторые вещи подчеркнуть.

Все время вопрос ставится так: факт — мнение, факт — оценка, фактологическая и оценочная информация, то есть весь процесс,

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

который мы с вами исследуем, оказывается где-то между реальным фактом (или реальным событием, если хотите) и текстом журналиста. На самом деле, если попытаться разобраться, — а это мы и попытались сделать в нашей книге, — здесь несколько звеньев, целая цепочка, и в каждом из звеньев этой цепочки возможен сбой, сознательный или бессознательный.

Возьмем то, что мы называем образом события в сознании журналиста: он может выделить в сознании несущественное, он может увидеть не главное, он может увидеть такое, что, будучи подано в тексте, по существу противоречит сути того, о чем он пишет. И неадекватность того, что воспринимает зритель, читатель, слушатель, может корениться в разных звеньях этой цепочки — в том, как формируется у журналиста образ события, в том, как он воплощается в текст, в особенностях восприятия текста зрителем или читателем. Если вы видите своими глазами событие на телевизионном экране, то у вас возникает подсознательное убеждение, что, раз вы это видите своими глазами, так оно и есть. Но мы-то с вами знаем хорошо, что это совсем не так, что можно сделать так, что вы увидите совсем не то, что есть, хотя вы увидите действительные кадры, реально снятые на месте событий. Между образом события и текстом может быть сбой. Может быть сбой на следующем этапе, потому что текст существует и функционирует только тогда, когда читатели или зрители этот текст увидят, телевизионный, визуальный прежде всего. Может быть разный читатель, и может быть разный зритель, и может быть ситуация, при которой я, журналист, пишу в расчете на одного читателя, а читает этот текст совсем другой, с другими установками, другим сознанием. И здесь сбой будет, неадекватность. У каждого читателя или зрителя есть свой специфический жизненный опыт, свои убеждения, свои социальные установки. Возможна даже специальная ориентация на определенного читателя, и мы это видим постоянно вокруг нас в сильно ангажированных органах печати, скажем так.

Может быть сбой не намеренный, а просто по недостаточной профессиональной компетентности журналиста, а может быть сознательный, то есть, скажем, в силу определенной (опять будем говорить мягкими выражениями) ангажированности журналиста. Мы это называем в нашей книге механизмом введения в заблуждение. Этот механизм введения в заблуждение — это проблема не работы с текстом и не отношения текста только к реальному событию, — это, если хотите, проблема психологии общения и массовой коммуникации и деятельности прессы и телевидения как вида такого общения. Поэтому я бы начал раскручивать всю эту нашу проблему, не начи-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ная с соотношения факта и мнения, события и оценки. Я бы начал, как мы здесь и сделали, с попытки раскрытия всего этого механизма во всей его сложности. Мне кажется, что иначе мы все время будем крутиться в рамках, заранее нам самим себе заданных. А действительность, как чаще бывает, гораздо богаче.

Рихтер: Спасибо, Алексей Алексеевич. Следующий выступающий — Генри Маркович Резник, компания «Резник, Гагарин и партнеры».

Резник: Я старался быть дисциплинированным, когда выступал в роли модератора, и не выходить за рамки очерченной программы темы. Но многие выступавшие конвенцию не соблюдали и переходили на обсуждение вопроса о факте и оценках. Буквально минуту уделю внимание первой проблеме. Много из того, что здесь говорилось, изумляет и удручает. Мы собрались для того, чтобы освоить правовую алгебру, а вынуждены были обсуждать нарушения элементарных правил арифметики. Так давайте называть вещи своими именами. Если судья способен вынести решение, обязывающее опровергнуть слово «сволочь», «мразь», «идиотизм», его нужно гнать с работы к чертовой матери. Когда удовлетворяется иск и предлагается опровергнуть то, что регион — «край непуганых идиотов», несоответствие судьи занимаемой должности не вызывает сомнений. Тогда, когда взыскиваются десятки миллиардов за причинение морального вреда, ясно, что никакого отношения к праву это не имеет, просто-напросто творится откровенный произвол. Так давайте отделим эти вопиющие, дикие случаи от серьезного обсуждения проблемы.

Не могу не вспомнить бессмертное решение суда по делу Саши Минкина. Он назвал героиню своего очерка «яшкиной внучкой» (Яшка — слуга из «Вишневого сада») и «дочкой Шарикова». Суд признал это сведениями, не соответствующими действительности, обязал опровергнуть. Я в кассационной жалобе написал, что с точки зрения констатации факта решение неколебимо, то есть живой человек не может быть близким родственником литературных персонажей. Смешно, но больше грустно. Эти вопиющие, дикие решения — не предмет рассмотрения на конференциях, хотя рассказанные истории безусловно оживляют общение, это материал для работы квалификационных коллегий судей.

Теперь собственно к проблеме. Факт и мнение. Я признателен авторам исследования за точную постановку проблемы. Вообще наука, она чем хороша? Она делает более сложной и непонятной такую, казалось бы, знакомую проблему. Строго говоря, говорить надо не о факте и мнении, а о разного рода понятиях и суждениях. В философии и логике выделяются три типа высказываний: дескриптивное

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

(описательное), оценочное и нормативное. Очень соблазнительно утверждать, что опровергаться могут только описательные понятия и суждения. Рад бы согласиться с теми, кто так считает, но, увы, не могу. В языковой практике картина сложнее. Воспользуясь образом линии, как и Владимир Борисович Исаков. Окажется, что по краям континуума располагаются чисто описательные и чисто оценочные словесные конструкции.

Да, чистые оценки «хороший-плохой», «худший-лучший», «добрый-злой» не могут быть предметом опровержения, поскольку не поддаются проверке на истинность. Оценочное суждение говорит не об объекте, а об отношении субъекта к объекту. Конечно, можно спросить человека, почему он считает кого-то хорошим (отцом, политиком, бизнесменом и т.д.), и привести обоснования «хорошести» или «плохости». Но наполняться эти оценки могут любым содержанием. Например, мы можем узнать, что хороший отец — тот, кто бьет сына, поскольку жизнь сурова и надо воспитывать бойца, готовить его к жесткому противостоянию неблагоприятной среде. Или злым считают человека, подающего милостыню нищим, ибо тем самым он плодит дармоедов. Мы в сфере вкусовых субъективных предпочтений и не имеем возможности мерить их объективными обстоятельствами. Но между чисто описательными и чисто оценочными высказываниями находится широкий языковой слой оценочных выражений с фактической ссылкой. Нечестный, ненадежный, лживый, циничный, безграмотный, антиобщественный — перечень можно длить долго. Такие слова, будучи оценочными, все же дают описание, в целом, конечно, подчиненное оценке. Введение в норму о распространении порочащих сведений понятия деловой репутации, на мой взгляд, дает ответ на вопрос об опровержимости оценок. Опорочение деловой репутации чаще всего происходит в форме оценок.

Например, о предпринимателе распространены сведения, что он ненадежный партнер. Ничего себе оценочка — миллиарды можно потерять. А согласно позиции радикально настроенных коллег идти в суд за опровержением такой оценки и думать не могли. Нет, такие «привязанные» к действительности оценки могут служить предметом исследования и опровержения. Но вот все ли негативные оценки являются порочащими? Целесообразно разграничить оценки на пять видов: правовые, нравственные, деловые, идеологические и политические. Для меня очевидно, что последние две разновидности оценок не являются порочащими с точки зрения ст. 152 ГК, они не означают утверждений о нарушении закона или моральных принципов. Давайте все-таки опираться хотя бы на те критерии, какие есть. Конституция гарантирует политическое и идеологическое многооб-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

разие. И это принципиально неверно, когда какого-либо деятеля оценивают как политика-фашиста, т.е. понятие «фашист» употребляется не в бытовом значении, как синоним палача, человеконенавистника и изувера, а в сугубо политическом смысле, — тут же следует окрик суда: не смейте порочить. Полный абсурд. Характеристика политика в качестве фашиста, значит, порочит, а в качестве коммуниста, равно как либерал-демократа, кого там еще, монархиста, державника — нет?! Все это не порочащие оценки, в отличие от приведенных выше нравственных и деловых?

Теперь о слухах. В Законе о СМИ сказано: не допускается распространение слухов под видом достоверных сообщений. А распространять слухи как таковые допустимо? Например, пишется: по слухам, такой-то чиновник коррумпирован. Разнесены слухи как ... слухи. Закон о СМИ на сей счет молчит. Значит, можно? Ведь диффамация становится все изощреннее. Прикормленные и щедро оплаченные отравленные перья прямо не выводят: «Такой-то — коррупционер». Ссылаются на слухи, оперативные источники, мнения безымянных экспертов, информацию, полученную от кругов, близких к ... . Моя позиция такова: сослался на слухи и источники — докажи, что такие действительно имели место. Представить доказательства слухов практически невозможно. Вряд ли придет в суд свидетель и скажет, что слышал что-то на базаре. Так что распускание слухов — во всех случаях наверняка проигранный иск, если не указан источник информации.

Рагинов (НИИ Генеральной Прокуратуры): Тогда мы будем считать, что информация, представленная таким образом, является недостоверной, если не будет представлен другой источник.

Резник: В уголовном процессе недопустимы показания свидетеля, если он не может назвать источник осведомленности. В гражданском процессе такое ограничение прямо не прописано. К сожалению.

Кратко о возможности использования экспертных заключений. Совершенно определенно заявляю: те, какие сейчас фигурируют в суде, требованиям, предъявляемым к экспертизам, не удовлетворяют. Так называемые специалисты-психологи, реже — лингвисты отвечают на вопросы: являются ли распространенные сведения порочащими, разжигают ли они межнациональную рознь, унижают ли честь и достоинство, т.е. вторгаются в область права, подменяя собой следователя и судью. Я в принципе против проведения каких-либо социально-психологических и психолингвистических экспертиз по авторским текстам, в частности по делам о разжигании национальной розни. Предлагаю задуматься над простым обстоятельством: человек обвиняется в том, что стремится разжечь ненависть у широкой

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

массы читателей-непрофессионалов какого-либо издания. А следователь или судья заявляет: нужно заключение специалиста, пусть он разъяснит содержание статьи. Как же можно обвинять автора в стремлении умышленно посеять вражду, оскорбить, унижить национальное достоинство? Полагаю, само привлечение эксперта устраняет возможность уголовного обвинения.

Рихтер: Есть ли вопросы к Генри Марковичу?

Петросян: Считаете ли вы, что суды могут руководствоваться какими-либо объективными критериями, что-то типа американского критерия среднего человека, оправдан ли этот критерий, когда решается вопрос о том, насколько неприлично или оскорбительно, или должен приниматься во внимание? Я понимаю, что это скорее теоретический вопрос.

Резник: Ваш вопрос об оскорблении. Что касается оскорбления, то его надо переводить в гражданско-правовую либо административную плоскость или вообще удалить из законодательства. В Америке речи ненависти ненаказуемы. Там, когда кого-то называют задницей, то в суд с этим не пойдешь. Да и их политики не столь трепетны, как наши, видимо, еще не получившие должной закалки.

Рихтер: Генри Маркович, если позволите вернуться на одну минуту к слухам. Вы упомянули статью 51 о том, что журналист не вправе распространять слухи под видом достоверной информации. Стало быть, он может, видимо, распространять слухи под видом слухов, и, видимо, у него есть такое право. И ограничение на это право не имеет отношения к этой статье и имеет отношение к случаям унижения чести и достоинства. Скажем, слух о том, что президент распустит Думу или что Дума будет распущена. В данном случае написано, что это слух и опубликовано под видом слуха.

Резник: Слух, что президент распустит Думу, главу государства не порочит. Имеет право распустить.

Рихтер: Стало быть, можно распространять слухи под видом слухов?

Резник: Прямого запрета в Законе о СМИ нет. Важно, чтобы этот слух не был выдуман самим журналистом. Такая форма, пожалуй, уводит журналиста от судебной ответственности, как, кстати, и не ограниченный во времени прогноз. Я не вижу в нашем законодательстве возможности с ним разобраться. Только в Судебной Палате по информационным спорам.

Симонов: То есть перевести журналистов из расследователей-аналитиков в футурологи, и это единственное спасение для всей журналистики?

Резник: Прогноз ведь всегда неопределен. Футурологическое суждение о будущем проблематично, вероятно. Но если журна-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

лист напишет о свежее испеченном чиновнике так: «Не пройдет и года, как будет брать взятки», тогда тому надо подождать год и идти в суд. Если взятки не взял, то выигрывает дело.

Рихтер: Спасибо. Кто хотел бы следующим выступить? Несколько раз вспоминали Судебную палату. Виктор Николаевич, вы помните дело, связанное с фактом и мнением, или необходимо напомнить?

Монахов (Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ): Мне представляется, что многое из наработанного нашими американскими коллегами, об опыте которых столь интересно говорил А.Г. Рихтер, применимо и на нашей грешной земле. Напомню, что, говоря о российских судьях, М.Е. Петросян сказала, что многим из них не хватает смелости, нетрадиционных подходов к решению проблем реформирующегося «на ходу» из тоталитарного в демократическое качество российского права. Я думаю, что у моих коллег — членов Судебной палаты (а это четыре юриста и три журналиста) — эти качества присутствуют. И достаточная смелость решений. И готовность к применению новых подходов при решении столь вызывающе нетрадиционных для классической судебной системы споров и иных дел, попадающих к нам в производство. Так что по крайней мере в практике Судебной палаты мы попробуем в подходящих случаях эти американские наработки испытать на предмет их применимости к нашим российским условиям. Это первое, о чем я хотел сказать.

Второй мой тезис связан с проблемой правоприменения некоторых норм ст. 152 ГК России. Я согласен с уже высказанным здесь утверждением, что мы собрались сюда не арифметикой юридической заниматься, а скорее алгеброй или юридическим сопроматом. А коли так, то придется признать, что многие проблемы, что мы здесь обсуждаем, так и останутся (может быть, даже на длительное время) проблемами. Но тем не менее, а вернее, тем более обсуждать мы их должны. И, возможно, предметнее и глубже.

Что имеется в виду в данном случае? Прежде всего речь идет о несовершенстве формы и содержания ст. 152 Гражданского кодекса России. В этом несовершенстве есть несколько аспектов. Один из них упомянула М.Е. Петросян, отметив, что название этой статьи, а она называется «Защита чести, достоинства и деловой репутации», шире, чем ее фактическое содержание. Кроме того, достаточно много вопросов возникает по поводу оценки содержания и характера тех сведений, о которых говорится в этой статье. Важнее всего то обстоятельство, что на сегодняшний день отсутствуют достаточно объективные критерии оценки такого рода сведений как «порочащих».

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Считать в качестве таковых те, что приводятся в известном постановлении № 11 Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан и организаций»: «Порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или организацией действующего законодательства или моральных принципов, о совершении нечестного поступка, неправильном (?!!— В.М.) поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, репутацию и т.п., которые умаляют их честь и достоинство», — при всем уважении к судьям, составляющим Пленум Верховного Суда России, уже не представляется возможным.

На прошлогодних, 1997 года, слушаниях «СМИ: критика власти и власть критики», проведенных Судебной палатой по информационным спорам, Главным контрольным управлением Президента РФ и Союзом журналистов России, в качестве центральной обсуждалась проблема создания новых отношений между органами государственной власти и прессой при публикации критических материалов в адрес власть предержащих.

Так вот, одним из главных элементов уже существующих отношений между этими социальными субъектами (элементом, кстати, тоже относительно новым) многими участниками слушаний называлась распространенная практика искового, с использованием именно 152-й статьи ГК, реагирования на критику власти со стороны прежде всего печатной прессы и их читателей. При этом отмечалось, что зачастую роль «не соответствующих действительности» отводится отдельным неточностям, содержащимся в этих критических материалах.

Вот несколько утрированных, но сохраняющих смысловую нагрузку примеров такого рода: «*Удои в нашем районе снизились не на 150%, как утверждает газета «Х», а всего на 120%*». Или: «*Директор У. в рабочее время употреблял не коньяк, как писала газета, а водку*». Придав с помощью такого нехитрого приема статус «не соответствующих действительности» всему комплексу печатных критических замечаний в свой адрес, среднестатистический российский начальник, освоивший подобную исковую технологию защиты от критики, уже вполне уверенно трактует в качестве порочащих и другие сведения о своей производственно-хозяйственной и общественной деятельности, изложенные в той или иной критической публикации.

В качестве конкретного примера такого рода отношений «власть — пресса» можно привести позицию липецкого губернатора М. На-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ролина, многократно судившегося с «Известиями» по ст. 152 ГК, так как он считает, как пишет газета, что «любое критическое замечание о его епархии, будь то комитет по охране природы или сельхозуправление, порочит его личную честь и личное же достоинство, ибо он за все в ответе» («Известия» № 126 от 11. 07. 96 г.). В этот же ряд примеров хорошо «ложится» и ставшая почти знаменитой комичная история, о которой я уже рассказывал в ходе нашей первой встречи по проблемам защиты чести и достоинства (см. «Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы. М.: изд-во «Шаг», 1997, с. 26–27).

Напомню вкратце ее суть. Судебная палата осенью 1996 года встала на защиту права журналистов из газеты «Красное Знамя» (Республика Коми) критиковать действия чиновников администрации главы Республики Коми в подзабытом теперь жанре фельетона. (См. решение СПИС от 26.09.96 № 17 (100) «Об обращении Клуба главных редакторов региональных газет России в связи с ситуацией вокруг газеты «Красное Знамя» (Республика Коми)»).

К сожалению, наше решение, признавшее действия руководителя администрации главы Республики Коми А.Ф. Гришина, выразившиеся в направлении служебного письма главам местной администрации с «подсказкой» именно исковой реакции на фельетонную критику в свой адрес, неправомерными, представляющими собой форму давления на редакцию газеты, не остановило «горячих чиновных парней» из Республики Коми в их судебных притязаниях.

Сыктывкарскому городскому суду 30 мая 1997 года все же пришлось слушать дело «О нанесении ущерба деловой репутации» 18-ти главам администраций городов и районов Республики Коми со стороны опального в республике СМИ. К чести суда, он, так же, как и мы, не нашел в фельетоне «Красного Знамени» состава правонарушения по нанесению ущерба деловой репутации представителей исполнительной власти Республики Коми. Я говорю: к чести, ибо ни для кого не секрет, что при достаточном желании начальства все-таки можно было увидеть черную кошку «ущерба деловой репутации» в темной комнате, даже в условиях ее полного отсутствия там. Сыктывкарский горсуд, а вслед за ним и Верховный суд Республики Коми (чиновники обратились туда с кассационной жалобой) этого не сделали, и это многое говорит об уровне реальной независимости судебной власти в этой отдельно взятой республике.

В итоге можно констатировать, что с точки зрения правовых норм ст. 152 Гражданского кодекса, что называется, *de jure* в гражданско-правовом смысле, деловая репутация 18-ти чиновников из

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Республики Коми от публикации того апрельского 1996 года фельетона в газете «Красное Знамя» не пострадала. Но так ли это очевидно с точки зрения политического или морального *de facto*?!

Этот же вопрос встает и по поводу другого казуса, также бывшего предметом рассмотрения как в рамках судебной системы России (суд в г. Кандалакша, кассация в Мурманском облсуде, обращение в Верховный Суд РФ), так и у нас в Судебной палате (см. Экспертное заключение СПИС от 28.02.97 «Об обращении Фонда защиты гласности по вопросам, возникшим в связи с информационным спором между редакцией газеты «Нива» (гор. Кандалакша Мурманской области) и Бутусовым В.А.» в сб. «Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ 1996–1997», центр «Право и СМИ». М.: изд-во «Прогресс», 1997, с. 109–111).

Фактология казуса предельно проста. Районная газета в Мурманской области опубликовала в 1994 году небольшой материал с выразительным названием «Защитники с протянутой рукой». Речь там шла о «трудной судьбе» горотдела милиции в г. Кандалакша, которому-де хронически не хватает скудных бюджетных ассигнований на обеспечение надлежащего уровня защиты горожан от преступных посягательств. Заместитель начальника горотдела В.А. Бутусов, делясь с журналистом своими бедами, рассказал ему и о приятном. Вот, мол, нашлись добрые дяди из фракции ЛДПР в Госдуме, которые выделили нам 3 млн. рублей на техническое оснащение отдела. В конце материала приводилось обращение В.А. Бутусова к «состоятельным людям города» с просьбой поддержать этот «партийный почин» и указывался номер расчетного счета ГОВД, на который следовало перечислять действительно потребные милиции деньги.

Месяц спустя газета «Нива» под рубрикой «Резонанс» публикует одно из читательских писем, полученных в ответ на этот милицкий зов о денежных вспомоществованиях от «состоятельных» людей. С точки зрения О.П. Лопинцева, автора этого письма — рядового читателя «районки», такого рода обращения высоких милицеских чинов «есть не что иное, как попытка легализации коррупции, противоречащая служебной этике, кодексу чести милиционера». Ответ же «высокого» милицкого чиновника районного уровня на эту читательскую оценку своей инициативы был направлен не в газету, а в Кандалакшский горнарсуд, а его содержанием было обвинение и газеты, и ее читателя в гражданском правонарушении, предусмотренном ст. 152 ГК, — распространение сведений, не соответствующих... и порочащих...

Далее уже известная цепочка действий. Согласие суда с доводами истца и наказание «провинившихся» в виде возмещения морального

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

вреда г-ну В.А. Бутусову. С редакции в размере — 1 млн. руб., а с ее читателя — в размере 0,5 млн. руб. Кассационное обжалование. В отличие от КОМИЧной судебной истории, у их соседей-мурманчан суды единодушно взяли сторону чиновника. Не помогло и обращение Судебной палаты в Генеральную Прокуратуру РФ с просьбой рассмотреть возможность возбуждения протеста на решения судов по данному делу. Начальник управления по надзору за законностью постановлений судов по гражданским делам Генпрокуратуры России В.В. Тараненко ответил, что наши доводы о том, что решение Кандалакшского горнарсуда нарушает свободу слова, гарантированную ст. 29 Конституции РФ, представляются ему неубедительными. В случае с публикацией письма читателя О.П. Лопинцева газета «Нива» допустила злоупотребление свободой слова, констатировал он. И сделал вывод: «При таких обстоятельствах оснований для опротестования судебных постановлений не усматривается».

Таким образом, оценочные в своей основе суждения читателя газеты «Нива» по бесспорному факту получения финансовой поддержки Кандалакшским ГОВД от партийной структуры, факту, имеющему явно общественное значение, вполне могущему быть расцененным в качестве нарушения требований действующего российского законодательства о внепартийности государственной службы (см. ст. 20 Закона РФ «О милиции», ст. 5 п. 11 и ст. 11 п. 12 Федерального Закона «Об основах государственной службы Российской Федерации»), так и остались на сегодняшний день признанными судами общей юрисдикции РФ в качестве сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство милицейского чиновника из гор. Кандалакши.

И опять встает тот же вопрос о явном несоответствии оценки происшедшего с точки зрения гражданско-правового de jure и политического de facto. Участники упомянутых мною слушаний 1997 года по проблеме «СМИ: критика власти и власть критики», как это отражено в соответствующих Рекомендациях по их итогам (см. в вышеуказанном сб. с. 103–108), «были едины во мнении, что надо незамедлительно принять ряд организационных и правовых мер, чтобы наладить принципиально новые отношения руководителей органов власти и прессы, выступающей с критическими материалами».

Мне представляется, что в ряду этих мер должны быть и наши предложения по совершенствованию как формы, так и содержания ст. 152 ГК России, с тем, чтобы имеющийся, судя по приведенным и, несть им числа, другим примерам, солидный зазор между гражданско-правовой и политико-правовой, конституционно-правовой оценкой правомерных критических высказываний российской

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

прессы («четвертой» власти?!) в адрес любой из властей был бы уменьшен до минимально возможного.

Вариантов тут, как мне представляется, два. Либо осуществить «ремонт» ст. 152 ГК России силами наших парламентариев, либо пойти по пути ее надлежащей трактовки — разъяснения в форме новой редакции постановления № 11 Пленума Верховного Суда России. Последнее, на мой взгляд, предпочтительнее. Прежде всего по критерию большей оперативности и, смею надеяться, большей профессиональности «ремонтников». Собственно, той же позиции, видимо, придерживался и Конституционный Суд РФ, когда в своем известном определении 1995 года «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева А.В.» записал, что именно «суды общей юрисдикции вправе и обязаны обеспечивать должное равновесие при использовании конституционных прав на защиту чести и достоинства, с одной стороны, и свободу слова — с другой».

В качестве определенных ориентиров при обеспечении такого рода равновесия нашим судьям будет полезен учет соответствующего опыта их ближних и дальних зарубежных коллег.

Вначале о ближнем. В Республике Беларусь — союзном нам государстве — в постановлении № 14 Пленума их Верховного суда от 18.12.92 «О практике применения судами ст. 7 ГК Республики Беларусь о защите чести и достоинства граждан и организаций» в соответствующем пункте № 7, определяющем, какие именно сведения в Республике Беларусь считаются порочащими, содержится очень неплохая мысль, отсутствующая в нашем российском аналогичном определении такого рода сведений. А именно: «... не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, поведении в общественном месте, коллективе, быту». Форма выражения этой мысли, видимо, потребует редактирования, но содержащийся в ней «намек» вполне годится для того, чтобы послужить нашим судейским «добрым молодцам» в качестве хорошего «урока».

Что же касается опыта дальнего зарубежья, то тут интересны своим несходством европейский и американский подходы к правовому регулированию отношений по поводу критики власти в СМИ. В США с середины их «перестроечных» 60-х годов XX века действует знаменитое Правило, или Принцип Салливана. Салливан — это реальное выборное должностное лицо тамошнего самоуправления, отвечавшее в те годы за департамент полиции в столице штата Алабама г. Монтгомери. Прочитал он в газете «Нью-Йорк Таймс» за 29.03.60 правозащитную по содержанию публикацию «Прислушай-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

тес к их усиливающимся голосам», в которой шла речь о трудностях борьбы за гражданские права негритянских студентов в южных штатах Америки. В нескольких строчках этой статьи критиковались действия полиции по отношению к темнокожим студентам и Мартину Лютеру Кингу. И хотя его фамилия там не упоминалась, Салливан принял эту критику на себя. Вчинил иск газете на сумму \$ 0,5 млн. «за клевету». В этом «праведном» исковом предприятии его поддержал губернатор Алабамы и «другие официальные лица» чиновничьего истеблишмента этого штата. В этом смысле описанная выше комичная история может считаться неким римейком истории алабамской. Иски чиновничьей поддержки довели сумму штрафных выплат со стороны газеты до \$ 3 млн. Газета, конечно же, сложа руки не сидела, а обращалась в вышестоящие судебные органы. Долгих 4 года длилась эта «алабамская газетная история», а завершилась вердиктом Верховного суда США, взявшего сторону газеты. Вот с тех пор в Америке критика СМИ в адрес властей с точки зрения возможной обратной реакции в виде исковых заявлений «о клевете» почти безопасна. Чиновник, если он захочет судиться со СМИ по этому поводу, должен доказать (именно он, а не ответчик — СМИ), что критические утверждения в его адрес были сделаны с заведомым знанием их ложности или с очевидным игнорированием их правдивости или ложности. Доказать же это, сами понимаете, практически невозможно. Лишь один пример. В 1983 году в американском журнале «Тайм» появилась публикация, в которой говорилось, что тогдашний министр обороны Израиля А. Шарон занимался подстрекательством, призывая ливанцев-христиан уничтожать палестинцев. Израильский министр предъявил «Тайму» иск, обвинив его в преднамеренной клевете, и потребовал в качестве компенсации \$ 50 млн. Ошибочность обвинений в подстрекательстве в суде была доказана, но ожидаемых миллионов Шарон так и не получил, ибо не сумел доказать преднамеренности ложных обвинений в свой адрес.

Европейский же подход к такого рода делам не столь однозначен, как в Новом Свете. Одну из столиц Старого Света — Лондон — даже называют в этой связи мировой столицей клеветы. Столицей в том смысле, что именно лондонские суды являются рекордсменами как по числу удовлетворенных не в пользу СМИ исков, так и по размерам присуждаемых при этом сумм компенсации. Недавняя 1995 года история с бывшим полковником КГБ О. Гордиевским — зримое тому подтверждение. Как известно, он опубликовал на страницах лондонской консервативной «Санди таймс» две свои статьи: «КГБ: Майкл Фут был нашим агентом» и «С улыбкой и деньгами: как КГБ зарабатывал лейбористских лидеров». М. Фут, лидер лей-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

бористов с 1979 по 1983 год, конечно же, возмутился и вчинил газете иск на 30 тыс. фунтов стерлингов. В ходе судебного разбирательства газете предстояло доказать истинность предъявленных М. Футу обвинений в связях с КГБ. Этого ей не удалось, а посему пришлось расстаться с вышеназванной суммой (тамошние суды редко уменьшают запрашиваемые истцами суммы). Именно в лондонском королевском суде не так давно выиграл свой иск против нью-йоркской газеты «Уолл-стрит джорнэл» наш медиамагнат господин Гусинский. И именно в лондонский суд обратился с иском к нью-йоркскому журналу «Форбс» господин Березовский.

На другом берегу Ла-Манша, в континентальной Европе, по общему правилу не действует прецедентное право, но зато действует достаточно большое количество законодательных норм, оберегающих честь и достоинство официальных лиц от излишне горячей критики в СМИ. Так, патриарх законодательных источников европейского права СМИ — закон Франции «О свободе печати», принятый 29 июля 1881 года, в ряде своих статей (26, 36, 37 и др.) содержит правовой режим особой защиты «от оскорблений в СМИ» целого ряда официальных лиц, определяемых по критерию важности выполняемых ими функций. Перечень особо защищенных начинается с президента республики, а заканчивается «полномочными посланниками и другими аккредитованными дипломатами». Причем у президента степень защиты повышенная. Так, по отношению к нему не принимается во внимание даже наличие доказательств правоты обвинений. А прокуратуре предоставлено право возбуждать по такого рода делам судебное преследование, «не дожидаясь иска со стороны главы государства».

Помните господина Ильющенко с его иском к НТВ по «Куклам»? Кстати, и критерии оскорбительности утверждений в адрес президента Франции, наработанные тамошней судебной практикой, не очень отличаются от наших критериев «порочащих» сведений, о которых я уже говорил. Судите сами. Оскорбление президента в смысле ст. 26 французского Закона «О свободе печати» заключается в «оскорбительном или презрительном выражении, а также в клеветническом утверждении, которые относятся либо к выполнению обязанностей первого лица государства, либо к частной жизни Президента Республики и способны нанести ущерб его чести и достоинству» (См. Cass. Crim. 31.V. 1965 г.).

В Австрии ст. 111 УК предусматривает штраф «за нанесение ущерба чести и достоинству политика». В ФРГ в соответствии со ст. 187а в случае оскорбления или распространения ложных утверждений о «персоне политической жизни ФРГ» предусматривается более серьезное наказание (до пяти лет), чем о персоне жизни иной.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Практика же Европейского Суда по правам человека применительно к такого рода казусам пока что неоднозначна. С одной стороны, существует прецедент дела «Лингенс против Австрии» (1986 г.). В рамках этого дела Суд заключил, что «свобода печати... предоставляет публике одно из лучших средств узнавать и оценивать идеи и действия политических руководителей. Исходя из этого, пределы приемлемой критики шире в отношении политического деятеля, чем в отношении частного лица. В отличие от частного лица политический деятель неизбежно и сознательно отдает себя на суд в отношении каждого своего слова и действия как журналистов, так и широкой публики... Пункт 2 статьи 10 Европейской конвенции о правах человека гарантирует, что репутация всех лиц... будет защищена. Эта защита распространяется и на политических деятелей... но в этих случаях требования такой защиты должны быть соотнесены с интересами открытого обсуждения политических вопросов». «При этом соотнесении, — продолжил Суд, — необходимо проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями. Если наличие фактов можно доказать, то мнения не могут быть подтверждены доказательствами». Суд также указал на то, что применение властями Австрии юридических санкций к журналисту, который подверг критике канцлера Австрии, «...равнозначно своего рода цензуре, которая, скорее всего, лишит его желаний выступать с критикой в будущем. В контексте политических обсуждений подобный приговор рискует отвлечь журналистов от участия в публичных дебатах общественно значимых вопросов. Тем самым подобные наказания по существу являются препятствием для прессы в осуществлении ее задачи по распространению информации и осуществлению общественного контроля». Казалось бы, все ясно. Позиция достаточно четкая и демократически ориентированная.

Однако в деле «Барфод против Дании» (1988 г.) суд фактически применил противоположный подход к оценке критики власти в СМИ. В рамках этого дела датский журналист Барфод был наказан датским правосудием за критические выражения в адрес двух, применяя нашу терминологию, народных заседателей, принявших вместе с профессиональным судьей неправосудное, с точки зрения журналиста, решение по конкретному делу, о котором он делал журналистское сообщение. Барфод обратился с жалобой на эти решения датских судов в Европейский Суд по правам человека, но высшая европейская судебная инстанция не усмотрела во всем этом нарушения ст. 10 Европейской Конвенции о правах человека. Это решение показало, что Европейский Суд может снижать уровень защиты прессы в ее критике властей в том случае, если такая критика затра-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

гивает защиту репутации других лиц и, косвенным образом, поддержание авторитета «третьей» власти — судебных органов.

С учетом сказанного дальнейший поиск лично и социально эффективно работающих судебно-правовых критериев оценки критики власти в СМИ с точки зрения обеспечения правомерного уровня защиты чести, достоинства и деловой репутации различных субъектов власти должен вестись, с моей точки зрения, на основе следующих подходов.

Во-первых, значима оценка цели появления в СМИ того или иного критического материала. Ради чего он появился? В общественных ли интересах или какая-то личная корысть замешана? Второй подход связан с оценкой точности фактуры критического материала. Причем в двух аспектах: оценка точности используемых фактов (если они есть), а также оценка фактологической базы, приводимых в материале мнений, комментариев. Последнее очень важно, ибо и мнение, и комментарий вырастают из определенной подборки фактов. И это тоже надо оценить. Наконец, в рамках третьего подхода предметом судебно-правовой оценки могут выступить специфические особенности лексики материала — то, что на Западе называется политкорректностью, а у нас — умением стесняться или не стесняться в выражениях. Мера этого стеснения также очень важна.

Рихтер: Спасибо, Виктор Николаевич. Я хотел бы обратить внимание на то, что я принес бюллетень «Законодательство и практика средств массовой информации», там, по-моему, довольно любопытный комментарий к положениям Гражданского кодекса Республики Казахстан и нескольких постановлений Верховного суда Республики Казахстан о применении статей, связанных с защитой чести и достоинства и возмещении морального вреда, поэтому, если желающие найдутся, вы можете взять эти бюллетени. Следующим выступает Борис Николаевич Пантелеев из Казани, региональный представитель Фонда защиты гласности.

Пантелеев (Фонд поддержки правовых реформ, г. Казань): На конференции было высказано такое мнение, что конфликта между журналистикой и юриспруденцией не существует. Поскольку этот конфликт прошел, как говорят, лично через мое сердце, я шесть лет работал судьей и занимался именно этими делами, то я не могу согласиться с этим. В чем же суть конфликта? В двух моментах, на которых я чуть-чуть остановлюсь.

Во-первых, в том, что «четвертая» власть реально осознала и почувствовала себя властью и активно заявляет об этом как в центре, так и на местах, а «третья» власть стыдливо или беспомощно стоит в стороне от проблем и пытается их не видеть, не замечать. Уже звучал

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

здесь термин «журналистское расследование». У нас в газетах публикуются объявления с приглашениями на работу отставных работников КГБ и МВД в редакции газет для того, чтобы они занимались специальными журналистскими расследованиями. То есть это уже становится модным, если каждая порядочная газета или причисляющая себя к таковой считает необходимым для себя иметь на постоянной основе сотрудника, занимающегося журналистским расследованием. Сейчас мы стали свидетелями того, что у нас уже проходят журналистские суды, отдельные журналисты уже исполняют приговоры этих судов публично, то есть фактически «четвертая» власть вершит правосудие. Я к такому выводу все больше и больше прихожу. Выполняя функции, не свойственные ей, но по нужде выполняя, понимаете, в чем проблема. В то же время на многочисленные жалобы, которые готовим мы и заинтересованные стороны по поводу практики применения этого законодательства, судебные инстанции, например у нас Верховный суд Республики Татарстан, хранят гордое молчание, то есть вообще никак не реагируют и не комментируют то, чему, казалось бы, следовало бы дать оценку. Мы внимательно изучили обсуждаемую сегодня книгу и считаем, что в этом плане очень важно начать дискуссию. Эта книга помогает начать такую дискуссию и аргументированно ее вести.

Еще такой момент. Возможно, у вас здесь в центре действительно ввиду масштабы могут не замечать отдельных высказываний, отдельных предложений, но на местах порой охотно вступают в дискуссию органы власти, министерство юстиции, прокуратура Республики Татарстан, Верховный суд РТ в принципе готовы вести обсуждение этих вопросов, но, поскольку там нет ни кадров, ни времени, они отмалчиваются, скажем так. В этом плане книга должна сыграть свою роль. Уже имеется поднятая нами тема, я сейчас объясню, каким образом она может быть использована. Цепочка, предлагаемая вами, по поводу факта и суждения звучит следующим образом, что факты существуют в объективности, но они становятся доступными нам обязательно в форме суждения. Суждения или высказывания подразделяются в вашем варианте (и я считаю это совершенно правильным) на утвердительные и гипотетические. Утверждения — это то, что является предметом сведений, которые могут порочить честь и достоинство человека. Именно так, во всяком случае, утверждается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, о котором мы сейчас говорим. Дословно формулировка такая: «Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или мо-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ральных принципов». То есть из текста разъяснения самого закона следует, что факты, высказанные в форме суждения и содержащие утверждение, не предположения, не догадки, а утверждения. В нашем конкретном случае суждение высказано в форме гипотезы. Гипотеза, предположение, а на языке следствия это называется версия.

Было дело, когда совершено покушение на предпринимателя, он являлся президентом федерации бокса, то есть уже известно, какая репутация у такого рода деятелей, и дело до настоящего времени не раскрыто, приостановлено следствие по нему; журналист получил официальный доступ к материалам дела, исследовал эти материалы и нашел, что там фигурируют некие лица, которым должен был деньги этот руководитель, потерпевший по делу, которому поджигали дверь в квартире. Журналист выдвинул свою версию, которую опубликовал. Почему органы следствия не интересуются гражданином таким-то, который состоял в неприязненных отношениях, которому должны деньги, от имени которого поджигали дверь и т.д.? И эта статья была предметом судебного разбирательства. Она была опубликована под заголовком «Журналистское расследование». В исковом заявлении лицо, которое было названо заинтересованным в убийстве, вернее, там было не так, там прямого такого не было указания, почему он оказался вне поля зрения правоохранительных органов, указывается только, что «я не согласен с этой версией, она порочит мои честь и достоинство». Слово «версия» присутствует у самого истца. Судья не приостановил разбирательства дела, рассмотрел по существу и в решении указал, что версия, которая была изложена в данной публикации, не соответствует действительности, порочит честь и достоинство, вынесено решение о взыскании денежной компенсации в размере 5 млн. рублей с редакции и журналиста и обязательство с редакции опубликовать извинения и опровержение. Это решение было обжаловано в Верховный Суд уже с нашей формулировкой, то есть мы изначально ставили вопрос, поскольку к тому времени книгу уже прочитали, она совпадает с нашими представлениями о том, что не могут быть опровергнуты предположения, основанные на конкретных фактах, нужно дождаться, либо проверить их, либо пусть он опубликует свой ответ, что он действительно непричастен, в качестве ответа на данную статью. Верховный Суд пошел по пути наименьшего сопротивления, оставив полностью резолютивную часть без изменения, он снизил размер компенсации до 1 млн., считая, что таким образом дальнейшее обжалование будет прекращено. Вывод был такой: поскольку вы виновны по сути, то и приносите извинения. Мы ставим вопрос о том, что с таким же успехом Верховный Суд или любой другой суд мог бы обязать носить бе-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

лье определенного цвета или совершать другие действия, которые находятся не в правовом поле, но этот довод пока не возымел действия. Ко времени публикации была подана надзорная жалоба, сейчас мы получили ответ на надзорную жалобу от Президиума Верховного суда Татарстана, где вообще все доводы по существу не рассматриваются, а дается ответ примерно такого содержания: «С ранее вынесенным решением по существу дела следует согласиться».

Что делать? Мы полагаем, что следует избрать тактику малых шагов. Если мы сегодня, например, придем к консенсусу по поводу незаконности вынесения решения судом о возложении обязанности извиниться на СМИ и журналиста, давайте дождем эту тему до логического завершения, поставим ее в Верховном Суде РФ и получим какой-то прецедент. Потому что все, о чем сейчас говорили, — это негативный опыт, он возмутительный, он шокирует, но на местах, и это было совершенно правильно подмечено, для судьи бюллетень текущего законодательства, вестник юстиции, бюллетень Верховного Суда РФ — это очень существенный документ.

Если бы мы смогли популяризовать положительный пример разрешения какого-либо конфликта, то действительно, возможно бы, дело сдвинулось с мертвой точки. Я предлагаю сосредоточиться на конкретном деле и это дело, что называется, додавить. Это первое. Второе — это диалоговый режим, то, с чего мы начали, что все плохо, все безнадежно, нет возможности для изменений. Реально если мы войдем с такими предложениями, то, в частности, у нас я вижу такие возможности для совершенствования работы. То есть важно, чтобы эта поддержка была со стороны наших безоговорочных авторитетов. Спасибо.

Рихтер: Спасибо, Борис Николаевич. Не знаю, обратили ли вы внимание, но Центр публиковал разъяснения по поводу извинений, это действительно важная проблема, и тогда, когда мы это публиковали два месяца назад, публикация прошла незамеченной, никто не откликнулся на нее, хотя на другие наши позиции откликались. Действительно, это важная проблема, может быть, ее стоит обсудить сегодня или завтра. Кто еще хотел бы выступить по второй теме? Может быть, кто-нибудь знает или вел дела, в которых пытались провести грань между фактом и мнением, где пытались опровергнуть слухи или что-нибудь подобное?

Ефремова Ольга (газета «Красный Север», Ямало-Ненецкий автономный округ): Так получилось, что год назад мы опубликовали статью под названием «Кормушка анти-СПИД», по которой получили целых четыре исковых заявления и весь год судились. Тут действительно разница между фактом и мнением. Дело было так, что в ре-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

дакцию обратился коллектив лаборатории центра анти-СПИД, рассказал о крайне неблагоприятных делах, которые там происходят, и подтвердил это свое заявление справкой компетентной комиссии из областного комитета профсоюзов, где действительно специалисты все это подтверждали. В статье были изложены конкретные факты, подтвержденные многочисленными свидетелями и этой самой комиссией, но вместе с тем название «Кормушка анти-СПИД» вызвала бурю со стороны отрицательных героев статьи. По первому исковому заявлению решением суда нас заставили опровергнуть такие сведения: «Да, денежки, отпускаемые на выполнение государственной программы, не издадут запаха неизлечимой болезни, страдания и горя, а пахнет эта кормушка аппетитно и настолько сильно, что при ближайшей перспективе переезда центра в другой город не исключено, что последует за ней Зверев, уже не являющийся начальником окружного управления здравоохранения...». Зверев — это наш начальник управления здравоохранения, бывший, правда, но мы действительно так и опровергали, что, поскольку суд нас просит опровергнуть, то мы так и опровергаем: не кормушка, не пахнет, исключено, Зверев не последует. Как здесь еще можно это опровергать!

Еще такой вопрос. Можно ли несколько раз в одном и том же издании опровергать одни и те же так называемые сведения, потому что это звучало в каждом исковом заявлении, каждый раз мы опровергали и извинялись до тех пор, пока недавно не прочитали, что можно и не извиняться, последний раз не извинились. Могут ли судить журналиста за то, что он что-то подразумевает, потому что название «кормушка» предполагает место, где можно чем-то незаконно поживиться, в принципе это только одно из толкований. Судья каждый раз спрашивала, есть ли у нас сведения, что он незаконно чем-то поживился, мы отвечали, что таких сведений у нас нет, но мы об этом и не писали. Мы подразумевали. И в решение суда тоже было вынесено, что редакция подразумевала и из-за этого так осуждена. Заплатили мы им в общей сложности 60 млн. по всем искам. Можно ли принимать иски, если не было попытки досудебного разбирательства?

Вы говорите об алгебре. Может быть, вам смешно слышать эту арифметику, но у нас там, честно говоря, наш округ — это тундра, у нас совершенно не готовы к таким делам, у нас нет адвокатов, которые специализируются на таких делах, суд в этом тоже абсолютно некомпетентен, против нас предубежден. Кончилось все это тем, может быть, кого-то это заинтересует, мы написали фельетон, который действительно отражает конфликт между прессой и судом, под названием «Суд во время чумы», где СПИД сравнили с чумой, а суд,

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

соответственно, с инквизицией, они сделали вид, что это все не про них, деньги мы заплатили, на этом все и кончилось.

Еще такой вопрос: мы использовали эту справку комиссии из Тюмени, в результате всю комиссию в полном составе привлекли вместе с нами к ответу. Редакции тогда вчинили иск в 200 млн., а каждому из членов комиссии по 20 млн. В конце концов комиссия все абсолютно подтвердила, действительно образованные люди, у них все указы, законы по здравоохранению отлетали от зубов, они блестяще все доказали, каждое положение своей справки, которая цитировалась в газете. Единственное, там судья не согласилась с выводом, что главный врач практически не занимался работой центра, он принес какие-то счета покупки стеклотары, какие-то квитанции об отправке методичек и доказал, что он все-таки что-то делал, хотя к деятельности главного врача это не имело отношения. В результате члены комиссии платили по 200 тысяч, а редакция — 30 млн. В принципе все, что было в статье по этой справке, подтвердилось. Должна ли редакция нести за это ответственность, если ни один из свидетелей не отказался от своих слов, если комиссия все доказала? Просто такое ощущение, что суд глухой на одно ухо, причем на то ухо, которое обращено к прессе. Как поступать в таких случаях?

Рихтер: Спасибо. Виктор Николаевич, у вас есть ответ?

Монахов: Нет, у меня нет ответа, есть некая информация, которая будет небезынтересна не только для представителя газеты «Красный Север», но и для всех остальных тоже с тем, чтобы не забылось. Я говорил, оценка была насчет глухоты на одно ухо со стороны судов, надо попытаться всем вместе это ухо прочистить. Как это сделать? Вы, кстати, обращались к нам в свое время, рассказав о своей беде, с просьбой помочь, получив этот иск. Такого рода обращений к нам поступает все больше и больше, счет их идет уже на десятки. Газеты и иные СМИ, получая такого рода иски, очень часто как утопающие хватаются за соломинку, иногда даже без самого искового заявления, вернее, его копии, сообщают, что происходит такой факт, просят у нас защиты.

Чтобы все было совершенно ясно, тут очень сложная ситуация, связанная с нашим не очень ясным правовым положением, поэтому если уже возбуждено дело, исковое производство, возьмем гражданско-правовой деликт, то нас можно включить, но грамотно построив схему нашего включения. Почему я решил это сказать? Нужно будет в рамках гражданского процесса заявить ходатайство судье о том, чтобы, самим сформулировав вопросы, которые могли бы, с вашей точки зрения, быть решены в жанре экспертного заключения, обратиться в СПИС.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Такого рода обращения надо стараться заявлять во всех инстанциях, и в первой, и в последующих, мотивировать их и ожидать соответствующей реакции. Соответствующая реакция в данном случае, наверное, была бы отрицательной, то есть они бы не обратились к нам, хотя, когда я выступал, уже говорил о том, что вектор стал меняться, суды уже довольно часто к нам стали обращаться, но по крайней мере это даст вам, даже если они не обратятся, в последующей инстанции, при апелляции, кассации и прочее, лишнюю ссылку на то, что они вам немотивированно отказали в таком ходатайстве. Это уже некая соломинка, которая может помочь делу на последующих стадиях. А в большом количестве случаев такого рода ходатайства удовлетворяются, и, естественно, мы с той степенью компетентности, которая нам присуща, даем соответствующие экспертные заключения, и очень часто они помогают. Спасибо.

Рихтер: Спасибо. Кто еще хотел бы выступить?

Глушков (Федеральный районный суд, Воркута): Я представитель тех, кто смотрит в рот главам администраций и чиновникам администраций. Поэтому хотелось бы, может быть, не совсем по теме, но немножечко изъясниться с виртуозами, сидящими здесь. Вы себя так сами назвали, я думаю, вы не обидитесь. К сожалению, говоря о судах на местах, я подчеркну, федеральных, журналисты часто не говорят о том, что государство не обеспечивает деятельность судов в целом. Поэтому я вполне допускаю ситуацию, когда некоторые судьи, а в большинстве это лица, занимающие должность председателя или заместителя председателя, вынуждены смотреть в рот, как вы говорите, главе администрации или чиновнику администрации, поскольку нужно решать свои проблемы: содержание суда, освещение, связь, почта, поскольку казна не выделяет средства для того, чтобы суд вершил правосудие и был всем обеспечен. Это одна сторона, и она очень важна.

В свое время было обращение Совета судей РФ о невозможности защищать права граждан в нашем государстве. Конкретно, наш суд стоял, мы не принимали заявления граждан в связи с тем, что мы не могли, почта отказалась нас обслуживать из-за задолженности, и мы не могли посылать корреспонденцию, назначать судебные заседания. Это факт. Но люди у нас очень умные, они через почту нам все присылали, мы заводили производство, и в принципе суд не стоял. Находили возможность назначать судебные заседания. Это одна из проблем, которую в принципе журналисты мало освещают. Почему-то смотрят на конкретные дела и не смотрят на ситуацию в целом. А в какой каше мы варимся и тем более внизу, непосредственно! Поэтому, когда уважаемый журналист, известный журналист не согла-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

шается с определенным решением, которое, отметьте, вступило в законную силу, он выражает свое субъективное мнение.

Это право гражданина — не согласиться с любым решением, но решение вступило в законную силу. А мы говорим о том, что мы идем к правовому государству, где должно быть верховенство закона. Дальше, когда выступает журналист и говорит, зачем судьи принимают эти заявления. Непонятно. Мы говорим: «Не принимайте», а они принимают. Но здесь коллега из Московского городского суда отвечал, что есть статья Конституции, по которой гражданин имеет право на судебную защиту. Но мы же тоже понимаем, мы читаем конкретное заявление, мы обязаны его принять, но мы же на этой стадии не можем его вернуть, поскольку у нас есть нормы гражданско-процессуального законодательства, которые требуют оснований, есть перечень, когда можно вернуть данное заявление — и все. Мы должны рассмотреть его по существу. Другое дело, какое вынести решение. Здесь оценка доказательств.

Я приведу конкретный случай, связанный с нашей темой. Было у меня в производстве дело о защите чести и достоинства. Суть такова. У нас есть женские общественные организации города, между ними была война. Как-то так получилось, что городская газета вступила на одну из сторон и оказалась крайней. В своей редакционной статье в защиту одного из лидеров гражданской организации были такие слова, что другие общественные организации допустили гонения и травлю, и в скобочках указали конкретные фамилии. Естественно, те лица обращаются в суд за защитой чести и достоинства. Сами прекрасно понимаете, что это такое, открыли словарь Ожегова, нашли, почитали. Но это еще не все. Мы попросили доказательств. Там были ссылки на конкретные обстоятельства, вроде как бы в их защиту и в то же время о том, что данные лица устроили травлю и гонения другого лица. А нам представитель газеты говорит (я у него спросил как судья: «А вы достали доказательства, что такие были высказывания?»): «А это, — говорит, — тайна журналистского расследования». Я это к тому, как бы нас ни ругали, какой бы ни была ситуация, в принципе каждый из нас имеет свою честь, имеет достоинство и выносит решение исходя из закона и своего правосознания.

Мы здесь послушали сегодня выступления известных адвокатов, известных журналистов, конечно, мы кое-что взяли для себя, кое-что записали, для нас это станет безусловно таким определенным толчком, но если мы хотим вместе, я не говорю о прямом союзе, просто вместе хотим создать правовое государство у нас в России, необходимо освещать не только конкретные жареные факты (извините, но в большинстве случаев так и бывает), но если освещать те-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

му, то освещать ее полностью и объективно. Мы заполняли анкету в Академии, сверились по этим анкетам, в принципе на 90% у нас одинаковые взгляды на поставленные вопросы, я имею в виду районные суды, поскольку у нас здесь присутствуют как районные суды, так и суды областей, и Верховные суды республик субъектов Федерации. Единственное пожелание (мы заполняли анкеты, и там говорилось, что по возможности нам будут направляться ваши информационные материалы). Мы на местах испытываем информационный голод, у нас не хватает информации, не все публикации успеваешь прочитать и не все успеваешь просмотреть, некогда, я не хочу сказать, что мы целыми днями работаем, но на самом деле загрузка очень большая на местах. И с этой стороны на нас тоже не хочет никто посмотреть. Поэтому, если будет конкретная возможность давать информационные листки районным судам, все районные суды известны, я думаю, что каждый мой здравомыслящий коллега, судья, ответит и пришлет вам ответ, и вы будете знать точку зрения судейского корпуса, в том числе и с мест.

Рихтер: Это верно, хотя адреса районных судов выяснить очень сложно и вряд ли кто-то будет заниматься рассылкой во все районные суды, поэтому районным судам желательно подписываться на конкретные издания, хотя бы на те, которые рассылаются бесплатно.

Завтра утреннее заседание будет вести Валерий Руднев, редактор журнала «Российская юстиция».

9 ДЕКАБРЯ

Руднев: Вчера я выступил, похоже, больше эмоционально, нежели аргументированно.

Мне показался весьма спорным тезис коллеги Симонова о том, что на дорогах общественного развития надо включить лишь два сигнала: красный — запрещающий и зеленый — разрешающий. Формула красивая, но, кажется мне, слишком искусственная, чтобы вместить все оттенки реальной жизни.

Общественно опасна ли, скажем, нецензурная брань? И какой цвет — красный или зеленый — включить для этого распространенного в жизни явления? Понятно, что двухцветный режим не решит этот вопрос. В жизни все гораздо сложнее, и общественную опасность нецензурной брани характеризуют скорее не сами слова, а обстоятельства, при которых они произнесены. Поэтому законодатель вынужден был прибегнуть к многоцветному решению: нецензурная брань лишь в общественных местах влекла ответственность, да и то

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

сначала административную, а повторное употребление ненормативной лексики в течение года — уже уголовную ответственность.

Мне кажется, математической формулы типа $2 \times 2 = 4$, которая регулировала бы общественные отношения, тем более в такой сложной сфере, как правопорядок, просто не существует. Что и следует, на мой взгляд, учесть в нашей дискуссии.

О позиции заместителя председателя Московского областного суда Ефимова. Я бы не стал абсолютизировать суждения членов высшестоящих судов по отношению к решениям нижестоящих, в частности, районных. Верное судебное решение рождается не сразу и не всегда только в головах членов Верховного Суда. Оно вызревает сначала на уровне конкретных решений районных судов, потом проверяется на прочность в кассационной или надзорной инстанции, находит свою совершенную форму, может быть, на Пленуме Верховного Суда. Поэтому не надо, мне кажется, давить на районных судей авторитетом высшестоящих инстанций. Чем свободнее будет районный судья в своих суждениях, тем совершеннее будет его решение.

А теперь перейдем к сегодняшней теме нашей дискуссии — «Клевета и оскорбление. Ненормативная и инвективная лексика». Юристу здесь более привычно говорить о нецензурной брани. У филологов свой понятийный аппарат — ненормативная и инвективная лексика. Поэтому давайте договариваться о терминах. Слово предоставляется доктору филологии профессору Юлию Абрамовичу Бельчикову.

Бельчиков (МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра словесности): Я хотел бы начать с несколько лирического отступления, поскольку этот дом, где мы сейчас заседаем, посещал совсем юный Пастернак, когда был гимназистом старшего курса и приходил сюда в семью одного коммерсанта, Филиппа, где давал частные репетиторские уроки его детям. Поэтому совершенно закономерно, что сейчас мы будем говорить именно о языке. Может быть, это несколько неудачное вступление, но я как раз хотел бы начать с уточнения терминов и понятий. Дело в том, что, как я пытался изложить в четвертой главе этой книги, ненормативная лексика мне представляется некорректным термином. Если чисто в лингвистическом плане, то ненормативная лексика — это та лексика, которая находится за рамками литературного языка, литературной нормы. Я не юрист, может быть, вам ясно, какие нормы здесь нарушаются, но я бы все-таки предложил ввести понятие инвективной лексики.

Этот термин был предложен профессором Жельвисом в его докторской диссертации, и этот термин чем хорош: инвектива — это речь, построенная с целью оскорбить человека, или оскорбительная

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

речь, бранная речь, но инвектива и бранная речь не сводятся к использованию матерной лексики, или ее еще называют обсценной, лексики. Скажем, «ты предатель» или «вы предатель». Предатель — это слово совершенно литературное, относится к книжной речи и даже считается словом повышенной экспрессии. Предатель, изменник. Но если человека так называют где-нибудь в приличном месте и в официальной ситуации, он вправе подать в суд за оскорбление и клевету. Мне кажется, что я бы отказался от этого термина *«ненормативная» лексика*. Он ничего не дает ни юристу, ни с лингвистической точки зрения. Это вообще неправильно.

Во-первых, невозможно доказать, что это слово бранное. Почему? Потому что речь, всякое высказывание всегда совершаются в какой-то ситуации, и сколько есть таких ситуаций, когда где-нибудь в сельском клубе или на какой-нибудь деревенской гулянке гармонист прекрасно играет, виртуозно исполняет на гармошке какие-то мелодии, песни, аккомпанирует и т.д. и в восторге кто-то из его односельчан говорит: «Вот стервец, как дает», «Вот сукин сын», «Вот сволочь, как играет». Или еще крепче, так как здесь присутствуют дамы, я не хочу, чтобы меня привлекли за мелкое хулиганство. Так что при решении вопроса о том, оскорбление это или мелкое хулиганство, мне кажется, что крайне необходимо (и это вам как юристам яснее ясного) учитывать ситуацию. Сколько таких моментов бывает. Идет какая-то компания, один говорит через каждое слово «блин» или еще что-то покруче. Вдруг появляется женщина и говорит: «Что ты ругаешься?». «Я не ругаюсь, я рассказываю». Потом нужно сказать, что, и вы тоже это прекрасно знаете, социальное расслоение, особенно социально-речевое расслоение современного общества, если брать русское общество, оно чрезвычайно дискретно, очень много разных социальных манер говорения.

Очень часто человек использует матерную лексику не с целью как-то фразировать общество, вызвать какое-то возмущение, это просто способ изложения им мысли, к этому тоже нужно относиться дифференцированно. Я не хочу сказать, что нет критериев, критерии есть. Критерии определены в связи с работой над этим разделом так называемой ненормативной лексики, я ознакомился с некоторыми юридическими нормами, и, конечно, есть определенные нормы. Но в то же время нет закона, запрещающего пользоваться матерной лексикой в общественных местах, поэтому я знаю, есть некоторые мои коллеги, которые считают, что раз это не запрещено, значит, это можно. Значит, можно говорить только лишь о нарушении общественной морали, а не юридической нормы. Поэтому прежде всего, мне кажется, надо договориться о том, что понимать под ненормативной лек-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

сикой или, вернее, тем кругом слов и выражений, которые адресат речи или отсутствующий человек, о котором говорят, мог бы воспринять как оскорбление чести и достоинства или как клевету.

Все это очень ситуативно и должно рассматриваться в зависимости от конкретных обстоятельств, причем необходимо учитывать и социокультурный уровень, или социокультурный облик произносящего эти слова. Еще раз хочу сказать, что есть целый ряд социальных групп или социально-речевых манер высказывания, выражения своих мыслей и эмоций, в составе которых есть инвективная лексика, матерная лексика, но пользователи этой лексики не предполагают оскорбить присутствующих. Может быть, я бы этим и ограничился. Еще раз хочу подчеркнуть, что главное — нужно договориться и лучше не пользоваться ненормативной лексикой, второе — учитывать ситуации, а также учитывать тот социокультурный слой, к которому принадлежит произносящий эти выражения человек, обвиняемый или к которому предъявляются претензии.

Теперь что касается самого термина *инвективная лексика*: мне кажется, этот термин удачен не только потому, что я им воспользовался, а потому что, если мы скажем так, бранная лексика предполагает сниженную экспрессию, это слова, в которых не столько констатация факта, сколько оценка присутствующих: «стерва», «сволочь». Но вместо слова «сволочь» можно сказать, что у человека сложный характер. Можно так сказать? Или, скажем, «дурак». А ведь можно сказать «недалекий человек»? Или вообще можно сказать так, что человек, который совершенно не ориентируется в ситуации, не догадается, что его обозвали дураком. В английском парламенте нельзя сказать: «Госпожа Тэтчер, вы врете». Так нельзя сказать. Говорят: «Госпожа Тэтчер уклоняется от истины», но ведь это значит — врет. Юристы ведь вникают не только во внешние стороны выражений, но и во внутренние. Почему я и говорю, что все зависит от ситуации.

Поэтому инвективная лексика объединяет все: и бранные слова, и слова, в которых заключена оценка, именно негативная оценка, причем с тенденцией оскорбить человека. Потом нужно сказать, что все-таки эти оценки меняются. Если в 20-е годы XX века слово «барыня» или «мадам» было оскорбительным, или «господин», разве можно было бы в советское время назвать кого-то господином, ведь тоже можно было бы подать в суд на то, что кого-то оскорбили. А сейчас «господа» и даже, как мне кажется, неправильно, говорят «уважаемые господа», потому что в самом слове «господин» предполагается уважение, потому что «господин» в буквальном смысле означает «хозяин коров», «богатый скотовладелец». С древ-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

них времен предполагалось, что это уважаемый человек. Так что слова меняют свои оценки.

В заключение я хочу сказать, что необходимо пересмотреть терминологию и отказаться в юридической практике от некорректного смысла термина «ненормативная лексика», может быть, принять термин «инвективная лексика», поскольку он объединяет и бранные слова, и нецензурные слова, и слова вполне литературные, книжного характера. Главное — при рассмотрении конкретного вопроса учитывать ситуацию, в которой было допущено это высказывание, и, конечно, учитывать социокультурный облик произносившего. Это три момента, на которые мне хотелось бы обратить ваше внимание. Спасибо.

Руднев: Какие будут вопросы?

Симонов: У меня есть, если позволите, вопрос. Вы все время употребляете термин «лексика», но говорите о словоупотреблении, а не о терминологии. Я не могу понять, о чем все-таки речь идет: о круге слов или о контексте их употребления. Термином «инвективная лексика» заменить термин «ненормативная лексика» — это, как говорится, заменить название «горшок» на название «Венера», но иметь в виду при этом каменный топор, потому что речь все-таки идет о словоупотреблении, а не о некоем круге слов. Это чрезвычайно важно, потому что, если речь идет о некоем круге слов, тогда я вообще не понимаю, о чем мы говорим, потому что мы только что убедились, что эти слова в одном контексте могут звучать оскорбительно, а в другом контексте могут звучать нормально. Значит, речь идет не о круге слов, а о способе словоупотребления. А при чем тут лексика? Лексика — это некий набор слов, а не способ их употребления, насколько я понимаю русский язык. Тогда, может быть, вообще вести речь не об инвективной лексике, а об оскорбительной речи? Тогда надо быть радикальным и делать выводы из собственных посылов более радикальные.

Леонтьев: Дело в том, что, насколько я знаю, вам виднее, конечно, но если возникают судебные дела, то они возникают не по поводу употребления, а по поводу лексики и фразеологии.

Симонов: С вашей точки зрения, для того, чтобы нынешнюю ситуацию, скажем, несовершенства законодательства привести в более подобающий вид, надо ли вести речь о круге слов или о способах словоупотребления?

Бельчиков: Как мне представляется, можно вести речь и о способе словоупотребления, и о круге слов, потому что в данном случае мы ведем речь о словах, в значении которых уже заключена оценка. Как ни крути, сволочь остается сволочью. Стерва есть стерва. Или

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

какие-то матерные слова. Это все слова, в значение, семантику которых уже включены определенная негативная оценка и оскорбляющая оценка, поэтому когда человека называют сволочью, то тогда прежде всего встает вопрос о том, оскорбительно слово или нет. Потом уже юристы начинают разбираться, в какой ситуации это было сказано, в каком смысле это было сказано. Ведь есть такой анекдот. Один другого обзвал сволочью публично, тот потребовал извинения. Собрались люди и обидчик говорит: «Иван Иванович. Ты не сволочь? Извиняюсь». Как это понять? Поэтому речь идет и о словах, и о словоупотреблении.

Симонов: Если я скажу: «Ну профессор, ну гад, ну завернул», так вы меня привлечете или нет?

Бельчиков: Вас нет.

Симонов: Почему?

Бельчиков: Потому что я вас очень давно знаю. Вы меня не знаете, хотя я вас знаю еще со студенческих лет. Когда я работал над этой темой, я извел свою жену, она даже жаловалась моим товарищам. Я ей говорил, что будет, если я ее вот так назову. Она говорила: «Если ты назовешь — я не обижусь, а если кто другой — в морду дам».

Авдеев (Фонд защиты гласности): В том, что вы сейчас сказали, вы не видите противоречий с тем, что вы говорили раньше про гармониста: «Ну, сволочь, ну, наяривает». Я думаю, что гармонист при этих словах должен заулыбаться, потому что в той ситуации это похвала. Почему же вы сейчас говорите о слове «сволочь» как о безусловно оскорбительной оценке?

Бельчиков: Сволочь — это, безусловно, оскорбительная оценка, но слова живут в речи. Слово может применяться в самых различных ситуациях, и лингвисты даже различают употребление слова в соответствии с его значением, оценкой и применением слова. Это оскорбительное слово «сволочь» может быть применено человеком в качестве положительной оценки, в качестве похвалы. Поэтому я и призываю юристов не только смотреть на то, какое это слово по словарной оценке, но и в какой ситуации это сказано и с какой целью это было сказано. Противоречий здесь нет.

Гудкова (Фонд защиты гласности): Вы сказали, что некоторые категории населения имеют в своем лексиконе инвективную лексику как часть речи, для связки слов в предложении. Следовательно, они вроде как бы не виноваты, когда в присутствии посторонних изъясняются такими словами. Если я в свой адрес услышу от грузчика, не имеющего никакого образования, кроме двух классов, что я, скажем, нехорошее слово из матерной речи, должна ли я на это обидеться или же подумать, что это часть его лексикона?

Бельчиков: Если он зол и вы что-то помешали ему грузить, если он действительно хотел вас оскорбить, то, конечно, вы можете подать на него в суд. Но если вы просто проходите мимо... Поэтому все зависит от ситуации. Когда я говорил о том, что есть определенные категории людей, которые только этими словами и пользуются, я имел в виду конкретный случай, которому я был свидетелем. Один старый рабочий, ему было 72 года, он кузнецом проработал на заводе Сталина, из бывалых людей. У него в лексиконе было меньше слов, чем у Эллочки-людоедочки. И мимика была богатой. 10, максимум 12 слов, причем коренных слов было 5 или 6, все остальные были производные. Он прекрасно рассказывал, жестикулировал. Я даже экспериментировал, я прикрывал глаза и почти все понимал, а когда я видел, то я все понимал. А он из круга обценной, матерной лексики не выходил, только предлоги были. И он все прекрасно рассказывал, правда, только в мужской аудитории. Что же теперь делать, его привлекать за мелкое хулиганство? Нет, просто это его манера говорить, поэтому, мне кажется, необходимо учитывать ситуацию и намерения.

А что касается матерных слов, то они имеют самое безобидное происхождение. Я мог бы рассказать этимологию этих слов. Или, скажем, выражение: «Посылают на хутор бабочек ловить». Самое нейтральное выражение, это результат развития русского языка. Если вдаваться в этимологию этих слов, то вообще никогда никого привлечь к ответственности нельзя. А именно нужно учитывать ситуацию, в которой все это произносится.

Шишков (Юридическая академия): Скажите, пожалуйста, вы говорили о том, что основным критерием нецензурности является стремление оскорбить окружающих, если я правильно понял. Но в Кодексе об административных правонарушениях с опорой на букву закона прямо говорится, что нецензурная брань является мелким хулиганством. Таким образом, если у человека не было стремления оскорбить кого-то из окружающих, то он не может быть привлечен к ответственности? И второй вопрос: стоит ли учитывать интеллектуальный уровень человека в случаях употребления нецензурной лексики? Спасибо.

Бельчиков: То, о чем сейчас юный коллега или оппонент меня спросил, мне кажется, это есть подмена тезиса. Дело в том, что нецензурная брань, нецензурные слова сами по себе являются нарушением общественной морали. Почему? Потому что это так называемая табуированная лексика, а табу на сферу, как говорили в древности, телесного низа, оно сложилось еще в языческие времена, и православная церковь поддержала и поддерживает это табу, поэтому ис-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

пользование нецензурной лексики в публичном месте представляется неприемлемым в любом случае, в любом случае это есть нарушение общественной морали. И это касается русского языка. Потому что если мы возьмем испанский язык, там совершенно другая ситуация, и там лексика так называемого телесного низа занимает совсем другое место в речи и языке.

Мы сейчас говорим про русский язык. Поэтому в любом случае использование нецензурных слов является нарушением общественной морали, и это должно быть наказуемо. Я же говорю о другом. О том, оскорбление это или не оскорбление. Как это расценивается. Оскорбление это, когда в высшей степени восторга от игры гармониста кто-то из его слушателей говорит: «Мать его так, как здорово играет». Нецензурная лексика остается за рамками общественной морали, это в любом случае неприемлемо. А когда мы решаем вопрос, оскорбление это или нет, то нарушение общественного порядка — это одна линия, а другое дело — это оскорбление или не оскорбление. Когда мы решаем вопрос, оскорбление это или не оскорбление, клевета или не клевета, то тут мы должны учитывать все эти обстоятельства. Но все равно нецензурная лексика остается неприемлемой для общественного мнения.

Руднев: Коллеги, одну секунду. По мнению профессора Ратинова, не очень корректно был задан вопрос. Молодой человек, профессор Ратинов хотел обратиться персонально к вам, что вы не очень корректно задали вопрос. Но я думаю, что нашего молодого коллегу извиняет то, что он еще учится, поэтому мы продолжим еще обучение здесь. Хочу предоставить слово профессору Ратинову, который тоже хочет высказаться по этому поводу.

Ратинов: Дело в том, когда мы пытаемся соотнести ненормативную лексику с юридическими нормами, мне думается, мы должны иметь в виду достаточную строгость юридических норм. В данном случае постановка вопроса некорректна: применение нецензурной брани в публичном месте вовсе не означает мелкое хулиганство, как было сказано в вопросе. Несмотря на то что хулиганство — достаточно определенное понятие, зачастую хулиганством называют любое нарушение, и хулиганский мотив, как правило — это мусорная корзина, куда сваливают все, что непонятно. Но закон определяет хулиганство как проявление неуважения к обществу. Поэтому не всякая нецензурная брань является проявлением неуважения к обществу, даже если эта брань имела место в публичном месте.

Здесь мне хотелось бы еще раз напомнить вполне резонное разъяснение, которое нам дали относительно намерения, интенции лица, употребляющего эту нецензурную брань. Когда это используется

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

не для того, чтобы оскорбить присутствующих, не для того, чтобы выразить неуважение к обществу, то употребление нецензурной брани либо в виде эмоциональной разрядки, выражения восторга и т.п. само по себе, хотя я согласен, что это лежит за пределами всех принятых в обществе правил поведения, все-таки юридически не может рассматриваться в качестве правонарушения. Это все, что я хотел сказать по поводу так называемого хулиганства. Спасибо.

Казаков (Комиссия по свободе доступа к информации): Я сожалею, что на дискуссии, которая начинается, нет замечательной газеты «Мать». Это был бы повод для экспертной оценки, чтобы можно было выйти за рамки чисто филологической дискуссии, она, в общем, необходима, и перейти в сферу массовой информации. Мы говорим об этой сфере. Здесь я очень рад, что прозвучало несколько ключевых понятий: общественная мораль, табу, общественное место. Что такое сфера массовой информации? Для меня это такое гиперобщественное место, и мы должны немедленно поддержать версию, которая здесь прозвучала. В любом случае это должно быть наказуемо. Но давайте, говоря об уважении к обществу, все-таки помнить, что у журналиста достаточно специфическая роль в общественных отношениях, и уважение к обществу, как мне кажется, иногда может быть категорически не связано с уважением к конкретным чиновникам, к конкретной ситуации. В связи с этим мне представляется, что некое нарушение табу может выступать — я категорически это не приветствую — но может выступать в роли единственно возможного способа преодоления абсолютно тупой общественной ситуации, способа взрыва ситуации, который задевает общественную нравственность, задевает ухо гражданина, берущего в руки газету.

Когда мы с вами говорим о некоем бытовом употреблении слов, всегда есть интонация. Пресса в этом смысле лишена интонации звуковой, но всегда есть интонация контекста. Говоря о той же самой газете «Мать», простите меня, это достаточно старая ситуация, но она ведь должна быть у нас на слуху, как ситуация, когда мы, не согласившись внутренне, что это хорошо, но ведь, в общем-то, по большей своей части оправдали такой способ выражения мнения журналиста по отношению к конкретной ситуации. Есть (я не знаю, это абсолютно некорректно с точки зрения правовой), но есть ситуации, о которых можно говорить как о некоей виктимности, если это угодно власти или той функции, которую выполняет чиновник, наступает ситуация — виктимность, и наступает некая реакция на это журналиста. Я бы хотел обсудить эту часть. Где наша с вами гражданская в этом смысле возможность допустить или не допустить ту же самую ненормативную лексику? Можем ли мы

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

рекомендовать журналисту что-то не говорить: если можешь, не употребляй тех или иных слов? Можем ли мы рассмотреть какие-то конкретные критические ситуации, когда это может быть в том числе оправдано и судом? Как нам научиться работать с судьей в этой ситуации? Это в качестве таких, может быть, безответных вопросов, но с внутренним пожеланием что-то услышать, имея в виду специфическую сферу средств массовой информации и специфическую функцию журналиста сегодня, а не позавчера и не послезавтра. Спасибо.

Руднев: Спасибо.

Пермяков: Юрий Венедиктович Казаков обозначил тему, на которую мне тоже хотелось бы высказаться. Мы говорим о средствах массовой информации, и ту ситуацию, о которой говорил наш уважаемый докладчик, представим и перенесем сюда. Есть средства массовой информации у нас в провинции, которые общаются посредством ненормативной лексики. Они не вкладывают в это какой-то бранный смысл, но нередки случаи, когда к нам в Центр защиты прав прессы обращались не СМИ, а как раз те люди, которые считают себя пострадавшими от таких СМИ, они не желают понимать, что использование такого рода лексики журналистами в этих СМИ — это для них норма, и они ничего оскорбительного туда не вкладывают. У них другой подход, другое понимание языка, поэтому они обижаются и подают иски в суд.

Имеет основание в данном случае обида, есть основания для такого отношения или нет, поскольку две стороны конфликта совершенно по-разному относятся к тем терминам, которые используются, и, самое главное, как себя вести в такой ситуации бедным судьям? Из каких критериев они должны исходить в данном случае? При разрешении нами таких ситуаций я стараюсь придерживаться общеупотребительных правил, общих норм морали, общих принципов, из которых следует исходить. Но в таком случае начинают обижаться журналисты, говоря, что это нарушение принципа свободы массовой информации. В данном случае я хотел бы обозначить саму проблему.

Руднев: Спасибо. Приглашаю к нашей дискуссии федеральных судей, которые здесь присутствуют. А сейчас предоставляю слово Алексею Кирилловичу Симонову.

Симонов: Меня очень заинтересовал вопрос Александра Андреевича Пермякова. Дело заключается в том, как мне кажется, что подобного рода иски связаны с инерцией чистой совковости, которая свойственна нашему народонаселению повсеместно. В чем суть? Периодически на стендах мы с вами видим серию книжек с яркими по-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

луголыми барышнями на обложках, на которых написано «Крутая эротика». Спрашивается: человек, купивший эту книжку, имеет ли право подать в суд на издателей или авторов этой книги по поводу оскорбления собственной нравственности? А внутри нее, смею вас заверить, никакая не инвектива, все зачастую названо своими словами, как говорится, вплоть аж до самых последних. Точно та же проблема, с моей точки зрения, возникает. Ты эту газету больше не покупай. Нет, я ее хочу покупать, потому что в ней много интересного, но некоторые вещи в ней меня оскорбляют. Тогда, извини, пожалуйста, ты с этим примиришься, то есть не решай это нормативно за газету. С моей точки зрения, тут желание получить, но получить в том виде, в котором «я» считаю правильным это получать.

Такая норма мышления, которая у нас существует, я бы сказал, навязывание этой нормативности СМИ является главной базой для такого рода конфликтов. Во всяком случае, точно по такой схеме патриархия, не глядя, возводила невероятные обвинения, создавала истерию по поводу фильма Скорсезе, которого она не видела, и большинство выступавших от ее имени в этом признавались. Это такое же навязывание некоей собственной истины вместо нормального разделения по интересам. Если все идут на субботник, то все пьют пиво. Почему? Некоторые хотят пить газированную воду, а некоторые — водку, это при том, что все могут идти на субботник. Почему все обязаны делать все одинаково? Это остатки отечественного совкового мышления, или, если хотите, оно, может быть, еще и досовковое, потому что общинное российское мышление тоже в известной степени здесь сказывается.

Но я не хочу уже так глубоко в историю погружаться. Мне кажется, что здесь у нас на самом деле в юридическом материале, как ни странно, нет ясного предела этому, потому что и наши юридические документы, и законы несут в себе следы той же самой психологии, которую несет законопослушный или закононепослушный, но совсем недавно советский гражданин. Спасибо.

Ратинов: Не смешиваете ли в своем заявлении два разных положения: это оскорбление или нарушение прав личности человека и нарушение общественной морали?

Симонов: Безусловно, смешиваю. Потому что, во-первых, на самом деле я считаю, что богохульство и общественная мораль — вещи, находящиеся в одной плоскости, это действительно так и есть, и богохульство как некую отдельную инвективу я бы не выделял, потому что она, с моей точки зрения, введена во все остальные инвективы. А антисемитизм — это не того же порядка явление, что и богохульство, если он публично выражен? А постановления по поводу

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

черненьких? С моей точки зрения, тут различия нет. А что касается индивидуальной вины, это уже действительно индивидуально зависит от момента словоупотребления или от конкретной фактической ситуации, в которой это было произнесено.

Ратинов: Я говорю об адресате оскорбления.

Симонов: Адресат оскорбления — это тот, кто почувствовал себя оскорбленным. Здесь я как раз и хотел бы, чтобы была проведена граница разумности права считать себя адресатом оскорбления.

Калинина (Отдел лингвистической экспертизы законопроектов Правового управления аппарата Государственной Думы РФ): Уважаемые коллеги! Теперь я совершенно уверена, что правильно употребляю это выражение, благодарю за предоставленную мне возможность поговорить с вами, выступить перед вами. Мне очень понравилось, как на недавнем совещании один юрист сказал: «Так пишут, что чем больше читаешь, тем больше запутываешься». Мы, очевидно, нужны юристам и для того, чтобы помочь распутаться в запутанной правовой ситуации, в запутанной формулировке, а иногда помочь распутаться и автору, который формулирует данную норму, прекрасно понимая, что он хочет сказать, и именно из-за этого зачастую не прочитывая внимательно то, что получилось.

Я хочу привести, может быть, не очень приличный пример. Документ был практически подписан, поступил ко мне, я очень внимательно стараюсь прочитывать все, что принимает Государственная Дума. Как вы думаете, какой вопрос надо задать разработчику, документ очень важный: «Под действия настоящего постановления подпадают члены незаконных вооруженных формирований, групп граждан и отдельных граждан». Мнусь. По телефону звоню, прочитываю, меня не слышат, опять прочитываю фрагмент, не слышат меня, и тогда спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, у нас что, теперь граждане по частям амнистируются?» Как вы думаете? Это по поводу того, как контекст влияет на инвективность, неинвективность, смысл тех слов, которые употребляются в том или ином контексте. Или еще. Однажды мне пришлось писать заключение. Однажды оговорила и сказала «злокючение», но это, пожалуй, правда иногда. Предложение всего-навсего на 15 строчек, формулируется очень ответственная норма. Имеются в виду самые высокие должностные лица, начиная с самых-самых, которые установлены Конституцией. И что же там говорится? Если я уберу лишние строчки, то смысловая фабула заключается в том, что указанным лицам запрещается заниматься деятельностью, если она не наносит ущерб государству, то есть с точностью до наоборот. Всего-навсего сами себя не прочитывают.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

У нас в управлении была очень интересная встреча с известнейшим специалистом из Германии, автором книги «Как готовить законы», и знаете, что она мне сказала прямо в зале и потом еще пару раз напомнила об этом: самое главное — сбивайте спесь с юристов. Им очень повезло, что рядом с ними есть вы, редакторы, потому что если юристов оставить наедине с самими собой, они начнут изъясняться друг с другом посредством химических формул. И что мне было очень приятно? Она познакомилась с нашим отделом, мы ей рассказали о тех сложностях, с которыми мы встречаемся в нашей работе, я не буду злоупотреблять вашим вниманием, могу говорить об этом бесконечно, я думаю, вы прекрасно понимаете, что редактор в издательстве может, вправе и обязан отклонить рукопись, которую он считает просто некачественной, а мы обязаны работать с текстом, постольку поскольку он есть выражение воли субъекта права законодательной инициативы, хотя обязаны изначально дать профессиональную качественную характеристику этому тексту. Мы повязаны особенностью законодательного процесса. Когда я ей рассказала об этом, мне она сказала, что теперь она будет несколько иного мнения о тех работниках аппарата, которые занимаются таким непростым трудом, трудом, который возможен только на пути к компромиссу, на том пути, когда ты пытаешься достучаться до человека, порой изначально не обремененного излишней грамотностью.

Как вы знаете, здесь присутствуют профессионалы, и некоторых из вас я знаю, со всеми остальными рада познакомиться, не было у нас в России особого социального заказа на грамотного человека, и этим во многом вызвано далеко не самое высокое качество принимаемых законопроектов. До сих пор нет системной подготовки кадров-юристов, кадров-редакторов, лингвистов, которые могли бы работать над законопроектами. Нет таких программ пока еще. Хотя об этой проблеме я, например, говорю с 1990 года, потому что, когда я пришла работать как редактор в Верховный Совет, тогда еще СССР, я столкнулась с этой проблемой.

Еще в чем проблема? Перспективы особо радужной я тоже не вижу, потому что из чего мы строим правовое государство? Знаете, с каким огромным интересом я буквально набросилась на федеральную целевую программу «Русский язык», которую правительство утвердило летом прошлого года? Правда, сейчас эту программу из Института русского языка отозвали по понятным причинам — денег нет, на русский язык у нас денег нет. Прочитала и уяснила для себя: там предусматривались некие статьи расходов, ассигнования на повышение общей правовой грамотности, общей лингвистической грамотности работников аппаратов федеральных органов государствен-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ной власти, хотя мне представляется, для того, чтобы пойти на работу в соответствующие органы, для того, чтобы быть принятым на работу, уже этим самым уровнем нужно обладать. При всем при том, что на это предусматривались деньги, на исследование языка в области законодательства деньги не предусматривались.

И во многом это объясняет ситуацию, что у нас до сих пор не то что не исследован язык права, есть отдельные работы, интересные работы, вы знаете, но нет исследования специфического стиля функционального стиля речи совершенно определенного, официально-делового. Не было официального заказа на то, чтобы исследовать его. Вы знаете, что это связано с определенной критической, реальной конъюнктурой, потому что были определенные субъекты, которые занимались тем, что писали законы, это были опытные юристы, а чисто языковая часть оказалась неизученной, даже те полторы структуры, или, может быть, две, это в зависимости от того, как считать, которые готовят профессиональных редакторов, не занимались этим. Редактирование требует все-таки профессионализма, это галерная работа; юрист, когда читает текст, он вникает прежде всего в материю. Поэтому такие мелочи, как «Казнить нельзя помиловать», очень часто выпадают из поля его зрения.

Мы из-за того, что не изучен стиль законодательства, не имеем возможности получить квалифицированного редактора, квалифицированного лингвиста, готового прийти в федеральный орган государственной власти и работать с документом. Когда я создавала отдел лингвистической экспертизы, он начинался не с нуля, а, пожалуй, с минусовой величины, я очень рада, что мне удалось привлечь, заинтересовать в этой работе редакторов, квалифицированных редакторов, в частности из бывшего Политиздата, но должна сказать, на практике приходят эти люди с большим опытом работы, в частности с большим опытом работы с документами, и что? Не могут. Год, полтора требуется для адаптации. Сейчас у нас отдел сформировался.

Можно я как женщина позволю себе некоторую непоследовательность? Недавно я с огромным удовольствием посмотрела еще раз пьесу Чехова «Свадьба». И я поняла, что пьеса эта и о российском законодательстве, и о нашей действительности, и о сегодняшнем человеке. Я себе сделала некоторые выписки. «Мы люди темные и ничего не понимаем.» — «Конечно, не понимаете, потому что термины.» Это ответ капитана второго ранга некоего Ревунова-Караулова, которого приняли за генерала, а потом с позором выпроводили. И еще. Одна вроде бы совсем бытовая фраза: «Где дверь? Куда идти? Человек, выведи меня отсюда». Когда законы пишутся, очень ча-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

сто забывают те, кто их пишет, для чего они пишутся. Для того, чтобы человеку дверь указать из запутанного жизненного лабиринта, для того, чтобы человеку понять, чтобы человек понял волю законодателя, что законы пишутся юристами не для юристов, но мы очень стараемся как редакторы в силу нашей чисто профессиональной закалки, закваски, выучки быть проводником между замыслом автора, между волей законодателя и между тем человеком, на которого это рассчитано. Что не всегда просто. Благодарю вас за внимание.

Руднев: Вопросы есть к Наталье Алексеевне?

Островский: У меня практической плоскости вопрос. Вы для судебных органов проводите экспертизы, а если нет, то можете ли проводить, и как это практически сделать, потому что это всегда проблема?

Калинина: У нас в отделе 22 человека, а функций столько, что нам бы плодиться и размножаться. Отдел наш называется отдел лингвистической экспертизы законопроектов, то есть мы занимаемся всем тем, что принимает Государственная Дума, и еще многим другим. По этим вопросам вы можете обращаться к Сафоновой Юлии Александровне, в Институт русского языка РАН. К ней такие вопросы поступают, это человек, который совершенно бескорыстно занимается проблемой законодательства. Я очень рада, что в ее лице, в лице таких бескорыстных тружеников, прекрасных специалистов мы увидели поддержку, причем не так уж давно, со стороны науки. У нас большие совместные планы.

Симонов: Технологически когда, на каком этапе поступает к вам законопроект?

Калинина: В соответствии с регламентом предусматривается процедура прохождения законопроектов через три чтения. Перед первым чтением, скажу откровенно, поступает болванка, которую оценивают юристы с точки зрения правового качества, на этой стадии нам пытались направлять материалы, причем в регламенте эта норма пока еще не изменена, хотя в изменениях регламента это учтено, мы готовы. Но в чем заключается задача редакторов? Оценить единство плана выражения и плана содержания. Плана содержания нет, потому что в первом чтении, как правило, принимаются основная концепция и основные положения законопроектов, и взмолились сами разработчики, не нужно. Поэтому практика такова, что к нам приходит текст перед вторым чтением, когда высказали свое мнение в форме поправок другие субъекты правозаконодательной инициативы, когда комитет сформировал из них очень мозаичный, очень противоречивый текст, и выносятся этот текст одновременно с таблицей поправок, которые комитет рекомендует принять или отклю-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

нить на обсуждении Государственной Думы. Над этим контекстом мы работаем. Нам приходится больше заниматься антиредактированием, очень часто хочется переписать текст, мы не вправе, и это очень сложно для специалиста. Потом к нам приходит текст перед третьим чтением с учетом принятых поправок, и опять мы смотрим, не нарушены ли какие-то связи в контексте, а затем занимаемся тем, что совершенно не предусмотрено регламентом, мы еще раз смотрим после принятия, та ли версия поступила, какие-то технические погрешности не исправились.

После перерыва

Руднев: Давайте мы на уровне практики попробуем разобрать те или иные ситуации. Для затравки я хотел бы предоставить слово адвокату Островскому. Пожалуйста. Если у вас есть какие-то практические истории, которые требуют компетентного мнения федеральных судей или компетентного мнения Генри Марковича Резника, большого специалиста по кругу тех проблем, которые мы здесь обсуждаем, — давайте мы сейчас набросаем эти истории, а потом начнем их обсуждать. Спасибо.

Островский: Большое спасибо, что вы вторично предоставили мне слово. Я на суд слушателей хочу вынести две проблемы, с которыми я не совсем теоретически сам справился, они возникают из очень реальных практических ситуаций. Надеюсь, что это кого-то заинтересует и, может быть, будут какие-то идеи, интересные для всех.

Первая проблема: ее передо мной поставил пресненский прокурор по делу, о котором я вчера рассказывал. Просто сегодня я возвращаюсь к этой теме, поскольку у нас сегодня криминальный аспект: клевета как уголовное преступление. По делу, где объектом клеветы явился покойный, убитый хозяин этого стриптиз-клуба, о котором писал «Московский комсомолец», о нем, о покойном, была распространена информация, что он практиковал съемки скрытой камерой сексуальных забав высокопоставленных посетителей клуба и потом продавал им эти кассеты, то есть занимался шантажом, рэкетом, вымогательством. Объект клеветы — покойник. Когда я, представляя интересы брата и владельца этого заведения после смерти старшего брата с доверенностью от младшего, нынешнего владельца в тот период, пришел к прокурору с заявлением о возбуждении уголовного дела, первое, какую проблему г-н Юнин поставил передо мной, а заодно и перед собой: а кто потерпевший от этой клеветы? Я не нашел, что сразу ответить. Мы стали вместе с ним обсуж-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

дать этот вопрос. Я говорю, убивают бомжа. Кто потерпевший? Он сам и потерпевший, родственников у бомжа нет. Здесь есть родственники, есть наследники. Давайте родственников признаем потерпевшими от клеветы на покойного. Но так твердо мы этот вопрос и не решили. Может быть, у кого-то будут какие-то мнения на этот счет, но проблема в практике такая возникла.

И второй, гораздо более важный вопрос: мотивы клеветы. По очень громкому скандальному делу, которое получило развитие в гражданском порядке, у нас с Генри Марковичем 22 декабря процесс в Пресненском суде, где я защищаю свою честь и достоинство от НТВ, Киселева и Ленского. Когда обо мне программа «Итоги» 8 минут распространяла порочащие сведения, заведомо вымышленные и заведомо не соответствующие действительности, предварительно я обращался в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела по клевете в средствах массовой информации. Поручили пресненскому отделу дознание, шло с пробуксовкой, в итоге под моим нажимом стала проводиться активная проверка, два раза брались объяснения у Киселева, Ленского опрашивали в ходе проверки. В итоге читаю постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, оно приобщено к гражданскому делу, если кого-то заинтересует, я приглашу на процесс, причем там два интересных дела, одно за другим. Одно — мое с НТВ, а сразу через два часа я защищаю Володю Мукусева против Лесневской. В постановлении дознавателя признаются доказанными факты распространения клеветнических сведений, заведомо вымышленных в отношении меня: не нашло своего подтверждения, что я выбил шантажом и угрозами 15 тысяч долларов у известной американской фирмы, что я защищал газету «Завтра» и т.д., что я был исключен из МГУ с юрфака. Следователь признает это заведомо вымышленным, но отказывает в возбуждении уголовного дела по причине того, что он не установил мотивов клеветы. Я ему говорю: «А что же вы меня-то не опросили по этому вопросу? Если у вас возникли сомнения, в чем мотив клеветы?» Журналист Ленский пишет в объяснении, что информацию обо мне излагал он, Киселев там сказал только одну заключительную фразу. Киселев пишет: «Я никогда не был знаком с Островским, никаких личных неприязненных мотивов к нему не испытываю». Это правда.

Как правило, журналисты бывают незнакомы с героями в кавычках или без кавычек, но, как правило, в кавычках, публикаций, с теми, о ком они критически пишут. В чем же мотив? Я, например, написал заявление, к сожалению, оно не сыграло своей роли, что я совершенно четко усматриваю мотив в следующем: я просил истребовать контракт журналиста Ленского с НТВ, где он обязался, ино-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

родный мальчик, окончивший журфак, которого оставили в Москве, купили ему по контракту квартиру, за которую он и обязался отработать десять лет. Условия таких контрактов не разглашаются, я по своим оперативным каналам, хотя их формально не имею, ознакомился с подобным контрактом. То есть я это расцениваю так, что ему купили квартиру, взяли на престижную работу — и он обязан выполнять любой заказ на неугодных лиц. Он меня не знает, он не испытывает ко мне негативного, неприязненного отношения.

Я в заявлении указал, что мотив тот же самый, как и у наемного киллера. Как правило, киллеры не знают своих жертв. Они получают деньги, какое-то вознаграждение, какую-то выгоду. Он получил квартиру, за которую десять лет должен верой и правдой служить, чтобы эту квартиру у него не отобрали. Вариант лимитчика-дворника, который за квартиру работает. В прошлую субботу показали по «Скандалам недели» милиционера-участкового, который 19 лет отслужил в милиции, и его выписали из Москвы и при наличии контракта на квартиру квартиру ему не предоставили. Я защищаю его интересы. Здесь ситуация наоборот. Квартиру дали, но, заглотив этот крючок, журналист вынужден писать все то, что ему прикажут. Это очень важный, мне кажется, момент. Мотив клеветы, когда люди формально незнакомы и никакой неприязни не могут испытывать друг к другу. Спасибо. Выношу эту ситуацию на ваш суд.

Резник: Я приношу извинения аудитории за то, что уже третий раз появляюсь на этой трибуне. Объясняется такая назойливость тем, что буквально все обсуждаемые проблемы составляют предмет моих интересов — не только практических, адвокатских, но и научных. Профессор Бельчиков зафиксировал очень важное обстоятельство, что ненормативность является не правовой, а скорее лингвистической, культурной проблемой. Я хочу с еще большей уверенностью поставить под сомнение нахождение в Уголовном кодексе в нынешнем виде не только нормы об оскорблении, но и нормы о клевете.

Норма об оскорблении настолько проблемна, что не поддается коррекции. Как не может быть коммунизма с человеческим лицом, так и нельзя дать определения, пригодного для непротиворечивого правоприменения. Рудольф Иеринг, выдающийся нормативист прошлого века, как-то заметил: если не удалось найти для какого-то понятия четкого определения, ему не хватает того, чего куску металла для обращения в качестве монеты, — чеканки. Таково оскорбление. В довольно чахлам постановлении Пленума Верховного Суда, кстати, единственном за послевоенные годы, разъясняется: оскорбление — это обобщенная оценка лица, сделанная в неприличной форме.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Во всех комментариях отмечается: наказуема сама неприличная форма, вне зависимости от того, правдива информация, стоящая за непристойным обхождением, или нет. Но что такое неприличная форма? Это только ненормативная лексика, мат, брань или также выражения вполне литературные, но очевидно позорящие, ставящие на человеке клеймо. Например, слова *мерзавец, подлец, негодяй*. Думаю, все согласятся, что оскорбление налицо. Но представим себе, что в газете написано: мерзавец такой-то растлил ребенка. Не понимается рука как у юриста привлечь журналиста к ответственности, хотя дана безусловно обобщенная оценка личности. Конечно, нужно стремиться к окультуриванию языка, но, может быть, все же не крайними мерами уголовной репрессии?

Нужна ли статья об оскорблении в уголовном законе? Уголовно наказуемыми должны признаваться общественно опасные деяния. Понятие общественной опасности ведь тоже оценочное. На какую позицию встать? Нужно крепко задуматься: не должно ли оскорбление покинуть Уголовный кодекс, как, например, в законодательстве США. Абсолютно непристойная, воспользуюсь этим выражением, ситуация, когда в нашем законе оскорбление в СМИ — не частное, а публичное обвинение. Вспомните: никто из персонажей «Кукол» не подал заявления о привлечении к ответственности, а бывший Генеральный прокурор, несчастный Илюшенко, возбуждает дело об оскорблении, то есть он сам решает за человека, оскорблен тот или нет, причем поступает так на основе Уголовно-процессуального кодекса.

По всей видимости, надо перенести оскорбление в Административный или Гражданский кодекс. Норма об оскорблении стала сейчас источником злоупотреблений. Это и привлечение к ответственности поэта из Беларуси за оскорбление его величества Президента Лукашенко, это осуждение Вадима Поэгли — целый год ушел на то, чтобы отменить неправомерный приговор. Я бы дальше пошел.

Мне представляется, что норма о клевете, во всяком случае первые две части ст. 129, должна уйти в гражданское законодательство, и в зависимости от степени вины, от степени нарушения обязанности журналиста, если спор идет о СМИ, определяться гражданско-правовая ответственность. В Уголовном кодексе оставить только третью часть, когда клевета соединена с обвинением в тяжком преступлении. Всегда перед нами стоит выбор. Есть нормы настолько несовершенные, насколько каучуковые, что издержки от их применения перевешивают пользу, получаемую от изобличения действительно виновных. Думается, наша конференция должна сформули-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ровать предложения, направленные на совершенствование действующего законодательства. Спасибо.

Руднев: Я думаю, законодательное предложение Генри Резника мы можем принять в первом чтении и дальше обсуждать проблему. Валентин Васильевич Кузнецов, судья Верховного Суда Российской Федерации.

Кузнецов (Верховный суд РФ): Я не хотел бы останавливаться на вопросах, связанных с судебной деятельностью, которые здесь уже освещались, вчера я присутствовал на обсуждении судебной практики по существу, когда высказывались мнения. Есть соображения о том, что такое клевета, что такое оскорбление, но я не стал бы сейчас давать какие-то комментарии. Я думаю, суд разберется, является ли группа Маши Распутиной идиотской группой, о чем вчера было сказано, или нет, является ли слово «осел» оскорблением или нет. Наверное, все-таки это вопросы, связанные непосредственно с судебной деятельностью.

Хотя есть один пример, он сам по себе достаточно интересный, когда встал вопрос о том, что в судебном заседании одна из сторон обвинила судью в предвзятом ведении процесса и назвала его сволочью. Вы знаете, что есть уголовная ответственность за оскорбление судьи. Дело было возбуждено, дошло до Президиума Верховного Суда, был подготовлен проект постановления Президиума, где уважаемый судья Верховного Суда написал проект, чтобы отменить это решение, то есть приговор, и дело прекратить, со ссылкой на то, что осел — это трудолюбивое животное, и дальше в таком же ракурсе. Президиум не стал обсуждать умственные способности докладчика Президиума и принял решение, что приговор является законным и обоснованным.

Я бы хотел поговорить здесь немножко о другом, о взаимоотношениях между прессой и судебной системой, потому что один из вопросов, поставленных здесь, — конфликт между журналистикой и юриспруденцией. Я бы хотел немножко коснуться вопросов, связанных с защитой чести и достоинства судей, и с тем, как пресса помогает решать эти вопросы. Вы знаете, что по положениям квалификационной коллегии, по закону о статусе судей квалификационная коллегия вправе приостановить полномочия судьи, если он совершает поступки, порочащие честь и достоинство судьи. За прошлый год коллегия прекратила полномочия 96 судей по этим негативным основаниям, по сведениям за первое полугодие этого года — 45 судей. Мы боремся за чистоту судебных кадров и будем дальше продолжать в том же направлении, потому что от этого зависит, какую наши граждане могут иметь защиту в судах своих прав и законных интересов.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Но вернемся к вопросу о том, как пресса нам помогает в этой проблеме. Любая информация, которая содержится в публикации, подлежит обсуждению, и при ее подтверждении полномочия судьи могут быть прекращены. Не так давно, 19 ноября этого года, заседала высшая квалификационная коллегия и рассматривала один из вопросов, связанных с постановкой проблемы о приостановлении полномочий судьи Соколовой, судьи Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области. Проблема такова. Главный редактор газеты «Вести Чепецка», некий Серкин, обратился с просьбой прекратить полномочия судьи в связи с тем, что судья в процессе судебного заседания вела себя грубо и допускала оскорбления участников процесса. Если бы такая информация подтвердилась, наверное, полномочия судьи были бы прекращены согласно пп. 9 п. 1 ст. 14 закона о статусе судей в связи с тем, что Соколовой были совершены действия, позорящие честь и достоинства судьи. Факт этот был проверен, и установлено, что главный редактор и он же автор статьи «Храни меня, Боже, от кирово-чепецкого правосудия» на заседании суда не присутствовал, с кем-либо из участников процесса не беседовал, а написал эту весьма нелицеподобную статью о действиях судьи со слов ответчицы, которая, естественно, была недовольна принятым решением судьи Соколовой.

Как дальше быть? Как защитить честь судьи, если учесть, что газета «Вести Чепецка» самоликвидировалась? Каким образом в данном случае может быть восстановлена честь судьи? К кому обращаться, и кто будет обращаться? Вчера предложили, что не нужно превращать конференцию в китайский клуб; дискуссию по этому вопросу, наверное, не следовало поднимать, но мы все, в том числе и судьи, читатели этой газеты, но если судьи — ладно, но газеты у нас читают все более или менее грамотные, и юристы, и неюристы, и какое-то суждение о судьях складывается исходя из этих публикаций, которые существуют. Если коснуться вчерашней проблемы о фактах и мнениях, давайте обратимся к газете «Человек и право», называется почему-то международной газетой, где сказано, что в Санкт-Петербурге проведено социологическое исследование и оно показало, что 30% должностных лиц судебных и правоохранительных органов — взяточники. Потребовать опровержения, поскольку за три года было возбуждено только одно дело в отношении судьи, доведено до суда по получению взятки? Потребовать опровержения? Хорошо, завтра газета напишет, что 30% судей не являются взяточниками, так что выходит, что остается 70% взяточников. По логике корреспондента, выходит так. Весьма часто говорится о презумпции невиновности, о том, что суды мало выносят оправдательных решений, ста-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

раются дело вернуть на доследование и т.д. Был такой период, хотя и в советские времена, когда сажали за взятку, и эта процедура весьма неприятна.

У меня на памяти дело, когда мне пришлось посадить председателя народного суда на 8 лет за получение взятки. Это дело запомнилось на всю жизнь, потому что весьма неприятно судить своих коллег и весьма неприятно прекращать полномочия судей, которые не должны носить судейскую мантию и не должны заниматься вопросами правосудия. Зачем тогда публиковать статью? Буквально на днях было напечатано, что судья якобы получила взятку за конкретное рассмотрение дела. Но потом почему-то умалчивается об оправдательном приговоре в отношении этой судьи. Да, мы дали согласие на возбуждение уголовного дела, мы дали согласие на привлечение ее к уголовной ответственности, я разговаривал потом с судьей, который рассматривал дело в первой инстанции. Он сказал, что мы сделали правильно, что дали суду возможность разобраться в этом деле и восстановить доброе имя судьи. Есть оправдательный приговор, и он не отменен, он вступил в законную силу. Зачем умалчивать об этом? Зачем писать о том, что судьи освобождают тех или иных лиц из-под стражи? Это предусмотрено законом, это порядок, результат обжалования в суд, законности и обоснованности ареста и содержания под стражей. Зачем писать о том, что принцип несменяемости доведен у нас в стране до абсурда и что он развязал судьям-взяточникам руки, со ссылкой на то, что судьи освобождают из-под стражи тех или иных лиц, которые содержались под стражей? Это к чему ведет? Это ведет к тому, что престиж судебной профессии подрубается до такого низкого уровня, что и говорить нечего.

У меня все-таки просьба к вам, давайте посмотрим на проблему судопроизводства немножко с другой стороны. Понимаю, когда суд принял решение и взыскал с редакции газеты или с конкретного журналиста за необоснованную публикацию или за допущенное оскорбление в статье определенную сумму, я это прекрасно понимаю. Но давайте будем объективными в той информации, которую вы доводите до населения, до общества, ведь между судом и обществом вы являетесь посредниками. Не нужно работать в форме испорченного телефона. Я просто призываю, и не только я, все судьи, ведь судьи не обижаются на то, что вы написали где-то правду.

Проводили мы не так давно совещание, семинар с представителями квалификационной коллегии, где и Валерий Руднев, и Алексей Кириллович Симонов участвовали, и никто из судей не высказал обиду, что публикация была необоснованной. Все призывали только к одному: будьте объективны. Вопрос о несменяемости су-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

дей пресса тоже обходит молчанием, но есть попытки вернуться к старому с тем, чтобы вопрос о назначении судей на определенный срок решался и теми органами, которые могли бы потом руководить и управлять судами, — это может привести к тому, что судьи будут карманными.

Вчера высказывалось мнение, что судьи в угоду властям выносят решения. Я не исключаю этого, возможно и такое. Но давайте обратимся к другой ситуации. Я не так давно разговаривал с председателем Верховного Суда Калмыкии, который рассказал о молодом, грамотном судье, впервые избранном в соответствии с законом на пять лет, и после этого должен стоять вопрос о том, что он должен быть назначен судьей без ограничения срока полномочий. Судья принимал принципиальные решения, негодные местным властителям, по вопросам, связанным с выборами. По Конституции, вы знаете, вопросы о назначении судьи решаются по согласованию с местным законодательным, представительным органом власти, однако ясно, что этот судья уже не получит согласия на продолжение исполнения своих обязанностей судьи. Что будет дальше? Узнав об этом, другой судья подумает, стоит ли ему принимать объективные и правильные решения. Если мы вернемся к тому, что будем избирать судей через пять, шесть, десять лет? Можно ли в этом случае говорить о неприкосновенности судей? Уже, наверное, нет, потому что, если в советские времена, насколько я помню, члены дисциплинарной коллегии лишали полномочий пять-шесть человек в год, сейчас мы говорим о совершенно других цифрах. Это 90–100 человек в год. Это о чем говорит? О том, что повысилась требовательность самих судей к своим коллегам, судьи не могут оставаться и не остаются без контроля над своей профессиональной деятельностью и в отношении своей личной жизни со стороны самого судейского сообщества. Да, плохо, когда прекращаются полномочия судей в таком большом количестве, но с чем это связано? С одной стороны, да, есть требования, с другой стороны, кто идет в суды? Является ли работа судьи престижной сейчас у нас в РФ? Наверное, никто не скажет, что да. Если бы обратились к уважаемому Генри Резнику и предложили бы прийти ему на работу в суд, он же, наверное, сразу отказался бы пойти работать в суд. Я не буду продолжать обсуждение этой темы. Я от имени всех судей попросил бы журналистов внимательно относиться к тем фактам, которые вы доводите до сведения читателей, к тем мнениям, которые вы излагаете в печатном органе, с тем чтобы все-таки ваши публикации были объективными. Спасибо.

Резник: Прежде всего, пользуясь случаем, я хотел бы выразить свое уважение к Верховному Суду РФ. Сейчас он принимает очень

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

важные решения, содействующие становлению правового государства. Также у меня нет никаких сомнений в том, что судьи должны быть несменяемы. Другое дело, что квалификационные коллегии должны работать более интенсивно и принципиальнее реагировать на прегрешения служителей Фемиды. Вопрос у меня такого плана. Затронув проблему оскорбления, вы поделились курьезом, когда в Верховном Суде возникли расхождения по поводу того, является ли названное кого-либо ослом оскорбительным или нет. Я просил бы вас прокомментировать другой пример, ставший достоянием широкой общественности. В I-ом номере Бюллетеня Верховного Суда за этот год опубликовано определение судебной коллегии по гражданским делам, которая оставила в силе приговор суда, осудившего адвоката за оскорбление судьи. Адвокат назвал судью, отклонившего несколько его ходатайств, преступником. С каких пор слово «преступник» стало неприличным выражением?

Кузнецов: Я об этом деле не знаю. Даже если оно опубликовано, для того, чтобы комментировать, нужно знать по меньшей мере само дело, мне так представляется. Поскольку здесь вопрос, не связанный с дискуссией, что является, а что не является оскорблением в данном конкретном случае, все-таки та оценка, которая дана судом первой инстанции, вы говорите, что она осталась без внимания Верховного Суда, но как же, вы же сами сказали, что приговор вступил в законную силу, видимо, была кассационная жалоба. Поэтому сказать, что Верховный Суд остался здесь в стороне, наверное, не совсем точно, поскольку есть решение судебной коллегии по уголовным делам, по данному конкретному делу.

Вы весьма лестно отозвались о деятельности Верховного Суда, спасибо, но я, допустим, отношусь к ней немного по-другому. И хотя являюсь членом Президиума Верховного Суда, я не всегда согласен и с теми решениями, которые принимает и Президиум Верховного Суда, и, наверное, если бы был Верховный Суд Союза, где раньше эти постановления можно было рассмотреть на Пленумах Верховного Суда Союза, мне кажется, раньше Верховный Суд действовал более осторожно, чем сейчас он поступает, поскольку он является истиной в последней инстанции, но не всегда, на мой взгляд, это правильно. Я не буду дальше развивать эту мысль, опираться на конкретные факты или на конкретные примеры. На мой взгляд, как юрист я, например, этот приговор считаю неправосудным. Почему? Потому что для того, чтобы признать оскорбление уголовно наказуемым деянием, нужно иметь в том числе в виду и ту форму, в которой это было выражено, произнесено. Этого требует закон, это не мнение какого-то юриста. В законе прямо сказано, что должно быть

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

выражено в неприличной форме. Да, является оскорблением, но не уголовно наказуемым. Это мой ответ на ваш вопрос. Есть оскорбление, не наказуемое в уголовном порядке. Разве не так?

Руднев: Спасибо, коллеги. Я только хотел обратить ваше внимание вот на что. Постарайтесь задавать вопросы, осознавая то, что судьи в сложном положении, особенно судьи Верховного Суда. Относительно конкретных дел, конкретных положений, на мой взгляд, они не могут давать оценок.

Островский: У меня два вопроса. В Конституционном Суде существует предельный возраст, после которого уходят на заслуженный отдых, а нагрузка в Конституционном Суде в сто раз меньше, чем у вас. К ним не стоят ночами в очереди, чтобы записаться на прием. Почему не ставится вопрос о предельном возрасте судей, ведь ситуация, когда 80-летняя Зоя Ивановна Корнева продолжает нести тяжелейшую ношу как председатель Мосгорсуда, нельзя сравнить с председательством Туманова, ведущего заседания Конституционного Суда. Планируете ли вы этот вопрос как-то решить?

Кузнецов: Понятно. Насчет того, что мы планируем, я не могу сказать. Но мое личное мнение, оно было тогда и остается сейчас, что возраст судьи должен быть ограничен законом, как это существует во всех цивилизованных странах, 65, максимум 70 годами, пожалуйста, но не далее и не более. При всем уважении и к Зое Ивановне Корневой, поскольку я все-таки и Москву курирую уже около 12 лет и знаю, что это за работа и какую она несет на себе нагрузку. Я думаю, что, если законодатель поступит таким образом, он поступит абсолютно правильно.

Симонов: Скажите, пожалуйста, нет ли у вас ощущения, что мы безосновательно рассчитываем на то, что изменилось время, изменилась несколько юриспруденция? Вы говорите: где мне взять готовых судей, которые соответствовали бы тем стандартам, которые требуются от них сегодня? Не кажется ли вам, что в обратную сторону ваши претензии к журналистике связаны практически с тем же самым? Я вам могу сказать: а где я вам возьму журналистов, которые в достаточной степени понимали бы юридические вопросы, когда, как вы сами говорите, не всегда даже вы, юристы, стопроцентно соответствуете уровню проблемы?

Кузнецов: Где взять судей — это вопрос очень большой. Вы прекрасно знаете, дефицит судебных кадров, который существует, при том, что уже есть разработки и уже сказано, что количество судей должно быть увеличено по меньшей мере в два раза. Сейчас есть указ президента об увеличении количества судей в Москве и Московской области на 600 человек, хороший указ, но, вы меня извините, когда

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

в городском суде уже на протяжении ряда лет количество судей, которых не хватает, колеблется от 25 до 40. Где их взять? Мы сейчас думаем. Вы говорите: как взять и где учить? Есть решение президента о том, что должен быть создан институт правосудия Верховного Суда РФ, уже в принципе и здание определено.

Сейчас решается вопрос о том, каким образом использовать правовую академию российскую с тем, чтобы привлечь кадры и пока на переходный период решить эту проблему. Есть возможность учить юристов, получать государственное образование, они потом будут работать на контрактной основе пять или сколько будет определено лет в судебной системе; переподготовка и обучение судей, которые уже работают; ведется научная работа. Мы можем решить эту проблему, и я надеюсь, что мы найдем на это деньги.

Симонов: А еще одного факультета вы там не предусмотрели, чтобы там могли проходить стажировку журналисты, которые бы могли действительно освещать работу судов, проходить хотя бы переподготовку, хотя бы дополнительно? Вы об этом не подумали?

Кузнецов: Я думаю, что, если будут такие курсы, не институт, а курсы или по меньшей мере семинары или конференции, аналогичные проводимой нами сегодня, было бы, конечно, неплохо. Идея мне нравится.

Хавкина (Центр защиты прав прессы, Н.Новгород): Вчера мы много говорили о проблеме защиты чести и достоинства и возмещении морального вреда. В частности, меня как человека, который занимается защитой прав журналистов, волнует вопрос о том, планирует ли Верховный Суд внести изменения или принять новое постановление Пленума по вопросам о возмещении морального вреда, потому что то постановление, которое действует сейчас, вводит многих, и журналистов в том числе, в заблуждение там, где речь идет о том, что на юридические лица в возмещении морального вреда распространяются те же правила, что и на физических лиц? К сожалению, наша судебная практика, и вы это вчера услышали, не имеет единообразия. Мне повезло, что наши судьи понимают эту ситуацию. Но коллега из Екатеринбурга говорит об обратной ситуации.

Кузнецов: В принципе я согласен, что вопрос должен быть обсужден на Пленуме Верховного Суда, но в настоящее время, насколько мне известно, эта тема не планируется. Сейчас решается другая проблема — это обсуждение законопроекта, который вносится от имени судов высших, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, об органах судейского сообщества. Это первый вопрос. А те идеи, которые вчера прозвучали, я доведу до сведения председателя Вер-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ховного Суда, и в его возможностях включить в план обсуждения эти вопросы, это решение за Лебедевым.

Руднев: Уважаемые коллеги! Если вы обратили внимание, мы уже плавно переходим к четвертому вопросу. Он звучит так: как преодолеть конфликт журналистики и юриспруденции? Если позволите, я расскажу о некотором опыте взаимоотношения журналистов с судебной властью. В мае 1997 года была создана Гильдия судебных репортеров, куда вошли 15 московских журналистов. Наши принципы были опубликованы в журнале «Российская юстиция», они очень просты: мы отвечаем друг за друга своим именем, мы не связаны никакими обязательствами перед судом, мы можем критиковать и судебную систему в целом, и конкретных судей. Но мы берем на себя обязательство, что наша критика должна быть доказательной, а доказательства абсолютно проверенными. Мы взяли на себя обязательство не участвовать в войне компроматов. Мы обязались представлять слово обеим сторонам в споре.

В числе попечителей нашей Гильдии находится и Совет судей РФ. Первые деловые контакты у нас завязались как раз с Высшей квалификационной коллегией судей РФ, которую здесь представляет федеральный судья Кузнецов.

Двери Гильдии открыты, в феврале мы собираемся провести семинар с журналистами из регионов, пишущими на правовые темы. Сейчас как раз ведем переговоры с редакторами газет, судьями, прокурорами. Мне кажется, что такая организация будет способствовать установлению делового контакта между юристами и журналистами.

Пантелеев: Валерий Николаевич, как раз в продолжение вашего выступления. Эта тема уже известна и действительно уже с мая месяца обсуждается. У нас в Казанском университете на кафедре журналистики была конференция, в ходе которой мы предложили эту идею к осуществлению у нас и получили поддержку. Хотелось бы конкретно, чтобы пояснили, намерены ли вы создавать представительства своей организации в регионах, и если да, то как это реально осуществлять. Согласовывать ли это с нашим судебским корпусом или непосредственно выходить на вас?

Руднев: Скорее это будет не форма представительств, а личное членство: журналистов, которые работают в регионах, мы будем принимать в члены Гильдии судебных репортеров. Учуть мы никого не собираемся. Ни сил, ни средств у нас просто нет. Поэтому если человек разделяет наши принципы, если его творчество соответствует критериям, которые мы выработали, то он вполне может стать членом Гильдии судебных репортеров. Правила тут предельно просты: нужно получить три рекомендации действительных членов

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Гильдии, а среди них такие мэтры, как Юрий Васильевич Феофанов, Александр Борисович Борин, Леонид Никитинский, Константин Катанян, и Совет Гильдии решит вопрос о приеме.

Еремин (Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ): Устроители конференции попросили меня выступить в качестве модератора по теме, к которой мы сейчас плавно перешли. Я по этому поводу постараюсь в течение небольшого времени высказать свои суждения по тем вопросам, которые обозначены в теме, о том, как преодолеть конфликт журналистики и юриспруденции. Я хочу поделиться с вами фразой, которая мне очень понравилась, я недавно ее услышал от человека, который долгое время занимался практической журналистикой, а теперь является достаточно крупным правительственным чиновником, он сказал: «Мы все когда-то были журналистами, но не до такой же степени».

К вопросу о качестве современной отечественной журналистики: те суждения и комментарии, которые сейчас сделал Валерий Николаевич, они меня во многом избавляют от необходимости давать какие-то оценки информационному продукту, который подчас производят наши уважаемые и не вполне уважаемые коллеги, но мне кажется, что все присутствующие согласятся со мной в том, что сегодня проблема качества современной российской журналистики настолько остра, что впору бить в колокола и действительно искать какие-то пути выхода из положения. Мы в нашей практике тоже достаточно часто встречаемся с такими ситуациями, когда распространенной практикой стало опубликование в прессе записи телефонных переговоров совершенно непонятного, а порой откровенно криминального происхождения.

Поневоле задаешься вопросом: следствием чего является такого рода откровенное пренебрежение нормами права и этики? Или это проистекает от искреннего заблуждения, от незнания, непонимания норм закона, или это является сознательной линией поведения, таким пониманием особенностей профессии журналиста? И то и другое достаточно тревожно. Поэтому конфликт, который обозначен в теме конференции, он действительно присутствует, может быть, это конфликт не между журналистикой и юриспруденцией, а конфликт между отдельными представителями уважаемой журналистской корпорации и теми правовыми нормами, которые действуют в нашем обществе. Если пробежаться по тем вопросам, которые заявлены для обсуждения, то мне кажется, что первый вопрос не может стать предметом какой-либо серьезной дискуссии, потому что он изначально недискуссионен. Никто не будет оспаривать необходимость правовой грамотности журналистов, другое дело — каким образом этой грамотности достигать.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Я недавно имел возможность прочитать курс лекций по правам СМИ в одном из провинциальных университетов на факультете журналистики. И я понял две вещи: с одной стороны, молодые ребята, с которыми я общался, испытывают вполне ощутимую потребность знать и понимать эту непростую правовую материю; с другой стороны, того уровня, на каком им преподаются правовые аспекты деятельности СМИ, совершенно недостаточно. 36 часов на третьем курсе, галопом по Европам, к моменту получения диплома все это напрочь забывается и вылетает из головы, мне кажется, это совершенно немисливо сегодня, когда журналист, с одной стороны, имеет колоссальные права и колоссальные возможности доносить свои суждения до миллионной аудитории, а с другой стороны, он очень слабо представляет себе, в каких формах он вправе это делать.

Можно достаточно много говорить о том, какие есть способы, методы воспитания правовой культуры наших журналистов, но я думаю, что это достаточно понятно и очевидно, и такого рода семинарами, и тем, чем занимается Центр права и СМИ под руководством уважаемого Андрея Рихтера, такими конкретными делами, конкретными шагами, конкретными публикациями, сборниками, конференциями, я думаю, что мы должны последовательно осуществлять эту очень важную миссию.

Более дискуссионен второй вопрос, заявленный для обсуждения. Это вопрос о соотношении нравственной и правовой ответственности журналистов. Эта проблема, как мне представляется, не имеет какого-то однозначного отношения среди тех, кто работает как практический журналист, для тех, кто занимается вопросами теории права СМИ, и для других людей, так или иначе причастных к этой проблеме. Я полагаю, что речь может и должна идти о некоей корпоративной морали, корпоративной ответственности журналиста. Если исходить из тезиса о том, что журналистика — это особенная профессия, это особый род публичной службы и сам закон о СМИ представляет собой своеобразный общественный договор, санкционированный государством, по которому журналисту передаются достаточно серьезные полномочия, то, с другой стороны, общество вправе требовать от журналиста выполнять некие правовые предписания для защиты информационной, общественной безопасности, общественной морали и т.д. Но специфика журналистской профессии такова, что далеко не все можно описать нормами права, поэтому, как мне кажется, должны быть вещи, которые имеют смысл именно с точки зрения профессиональной этики, корпоративной ответственности.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Существует кодекс профессиональной этики журналиста, который был одобрен конгрессом российских журналистов в 1994 году, но это мертворожденный ребенок, к большому сожалению, и я думаю, что очень немногих практикующих журналистов вообще знают о его существовании и уж еще меньше, я думаю, используют его в качестве какого-то пособия, в качестве настольной книги. Мне кажется, здесь тому как минимум две причины. Причина первая и, на мой взгляд, самая главная состоит в том, что журналистское сообщество в целом, за некоторым исключением, которое представляет, например, уважаемая Гильдия судебных репортеров, всерьез не задумывается об этих проблемах. Я совершенно не вижу какого-либо серьезного, осмысленного желания, какой-то политической воли, прежде всего со стороны руководства Союза журналистов, говорить об этих вещах. С другой стороны, сам текст этого кодекса профессиональной этики российского журналиста достаточно беспомощен. С одной стороны, он содержит переписку норм Закона о СМИ, с другой стороны, содержит некие декларации, какие-то благие пожелания и в силу такого своего качества он, как мне кажется, не может стать той основой, вокруг которой должна складываться корпоративная ответственность, корпоративная этика, корпоративная мораль. А в том, что таковая должна быть, для меня нет никакого сомнения, хотя бы по аналогии с судебским корпусом, где все возведено в рамки закона.

Существуют законодательные положения, которые определяют профессиональные и нравственные качества судьи, существует квалификационная коллегия судей. Нечто подобное, как мне представляется, должно присутствовать и в журналистской корпорации. Я думаю, что есть нужда и есть самое главное — возможность и основа для того, чтобы подготовить новый документ, который можно было бы назвать сводом практических правил российского журналиста. Этот документ должен состоять именно из набора практических норм поведения, не повторяющих нормы права и не являющихся благими пожеланиями.

О чем, на мой взгляд, может идти речь? Это документ, который стал бы своего рода учебным пособием для журналиста, помог бы ему сориентироваться в достаточно непростых ситуациях, с которыми ему приходится сталкиваться. При отсутствии достаточно разработанного законодательства о неприкосновенности частной жизни этот кодекс мог бы содержать некие дефиниции из этой сферы, определить, что такое частная жизнь, каков ее объектный состав, каковы территориальные пределы, пределы журналистского вмешательства в эту частную жизнь.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Я думаю, что в этом кодексе практических правил, своде практических правил можно было бы оговорить порядок правил отделения факта от комментария, порядок работы с анонимными источниками, источниками, которые имеют неизвестное, а порой явное противоправное происхождение, можно было бы оговорить проблемы добросовестной конкуренции или то, что в аналогичном английском документе называется финансовой журналистикой, то есть параметры журналистского освещения деятельности тех или иных коммерческих структур, в успехе которых данный журналист или данное СМИ имеет какой-то непосредственный интерес.

Что касается последнего подвопроса о необходимости совершенствования законодательства, я все-таки полагаю, что, если продолжать разговор о частной жизни, нам необходим такой закон, без него сейчас уже очень сложно обходиться. Я думаю, что такой закон должен содержать как минимум три блока: во-первых, установить, что является объектом частной жизни, каковы ее территориальные и иные границы, это как бы общее правило, но из каждого правила должны быть разумные исключения, поэтому в этом законе можно было бы сформулировать, дать определение таким понятиям, как общественный интерес, в целях защиты которого можно поступиться общими правилами и продвинуться несколько дальше в сферу частной жизни ради защиты общественного интереса. Можно было бы попытаться сформулировать понятия «общественный деятель», «публичный политик» и т.д., то есть круг тех субъектов, чья профессиональная деятельность и даже какие-то аспекты частной жизни должны быть более открыты для общества, а стало быть, и для журналистов, или, наоборот, в силу их социального статуса.

Что касается Закона о СМИ, который вчера обсуждался, и обсуждался достаточно критически, я все-таки думаю, что этот закон не выработал своего ресурса, и те поправки, которые сейчас обсуждаются в Государственной Думе, как мне кажется, они не только не будут способствовать совершенствованию этого закона, а, напротив, окончательно все запутают, потому что их смысл состоит в том, чтобы определить понятия собственника СМИ и возложить на него всю ответственность за содержание публикаций и иные аспекты деятельности СМИ. Мне кажется, неверен сам посыл, нельзя все свести только к отношениям собственности, нельзя все свести только к гражданскому обороту, потому что СМИ — это очень сложный правовой институт, и, как в свое время очень справедливо заметил Михаил Александрович Федотов, если бы это было так и если бы все можно было бы описать в других законодательных актах, если бы не было никакой специфики в деятельности такого института, как

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

СМИ, тогда не надо было бы и огород городить и не нужен был бы такой законодательный акт.

В то же время, на мой взгляд, есть вещи, которые уже назрели и даже перезрели. Я имею в виду поправки к действующему закону о СМИ, которые вполне очевидны и которые могли бы, с одной стороны, защитить права и законные интересы журналистов, а с другой стороны, поставить дополнительный барьер журналистике некачественной, недобросовестной, на пути злоупотребления свободой массовой информации; та самая пресловутая статья 57, которая в ряде случаев освобождает редакцию и журналистов от ответственности за распространение недостоверных и порочащих сведений.

К большому сожалению, это совершенно неверно. Из перечня оснований для освобождения от подобной ответственности выпал такой распространенный журналистский жанр, как интервью. Сегодня, если следовать букве закона, то редакция или журналист, получая интервью, несет такую же ответственность за содержащиеся в этом интервью недостоверные и оскорбительные, порочащие высказывания. Это совершенно неразумно. В этом перечне, например, отсутствуют такие вещи, как выступление в зале суда, то есть если журналист добросовестно цитирует выступающих в ходе какого-то судебного процесса, он также несет ответственность за содержание этих выступлений.

Тут есть над чем подумать. Можно и нужно усовершенствовать статьи, которые связаны с защитой жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества журналистов, которые работают в экстремальных ситуациях, в зонах аварий, катастроф и иных специально охраняемых зонах, в зонах чрезвычайных происшествий и т.д. Вполне назрели и очевидны некоторые поправки к статьям, посвященным аккредитации журналистов и т.д. С одной стороны, Закон о СМИ, безусловно, не священная корова, которую нельзя трогать, там есть где поработать, но с другой стороны, то, что сегодня под лозунгом осовременивания этого закона пытается делать Государственная Дума, — это мне кажется совершенно невозможным. Я так, тезисно, поделился своими соображениями и готов ответить на вопросы.

Симонов: Сначала непосредственно по теме: как преодолеть конфликт журналистики и юриспруденции? Я, к сожалению, Валентину Васильевичу Кузнецову невнятно задал вопрос. Суть моего вопроса сводилась к тому, не хотели бы сегодня судьи принять участие в ликвидации правовой безграмотности журналистов, которые о них пишут? Вот в чем на самом деле заключалась суть моего вопроса. Сегодня журналисту, который пишет о суде, учиться этому практически нигде. То есть правовое образование на факультетах журналистики

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

нулевое. Правовое образование в области информационного права имеется на 20 факультетах из 75, и там это в лучшем случае спецкурс, и даже не везде это включено в основную обязательную сетку. На заре XX века, когда начали учить журналистов, я недавно это с удивлением и радостью обнаружил, когда не было профессиональных журналистов, зато было много профессиональных юристов, журналистов учили из юристов. Это чрезвычайно симптоматично.

На сегодняшний день, поскольку две дисциплины разошлись, один из возможных путей преодоления противостояния между журналистикой и юриспруденцией заключается в том, чтобы правовое образование журналистов проводить на куда более серьезной основе. С другой стороны, если всем журналистам предположительно необходимы знания в области права СМИ и информационной сфере, то трудно поставить вопрос, что всем журналистам необходимо знание Уголовного кодекса, гражданского законодательства, истории юриспруденции и т.д. и т.п., хотя, наверное, это бы им и не помешало. Мы предпринимаем такие попытки, и достаточно успешный выпуск несколькихмесячного курса молодых юристов и молодых журналистов, обучавшихся вместе в Центре «Право и СМИ», об этом прямо свидетельствует.

Но проблема освещения деятельности судов имеет еще и совершенно отчетливую специфику. Прочитываем по своему мониторингу: наиболее часто факты неполучения журналистами информации из органов, в той или иной степени занимающихся правом, связаны с неполучением информации из судов. Суды оказались самой закрытой организацией для журналистики и, следовательно, для общественного мнения. Меня чрезвычайно радует идея несменяемости судьи, но это совершенно не значит, что его несменяемость должна сопровождаться созданием некоего мифологического ореола вокруг его профессии. Он должен объяснять свои действия, он должен объяснять свои мотивы, может быть, не буквально, но тем не менее только тогда его замечательное, правильно принятое судебное решение может оказать влияние и на общественное мнение, и на систему развития правового государства. Находящееся в вакууме, оно не заразительно как пример, а если журналист не имеет возможности об этом написать, то каким образом об этом может узнать и другой судья, и общественность того города, где это судебное решение было принято, и т.д.?

Мы сейчас пытаемся продемонстрировать судьям, чем чревата такая закрытость. В связи с этим Фонд защиты гласности проводит большое исследование, которое так и называется «Судебная власть и СМИ», состоящее из 4 разных исследований, которые мы в конеч-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ном счете собираемся суммировать. Первое — это контент-анализ прессы за полгода на территории 11 субъектов РФ в основных газетах. Мы хотим посмотреть, как выглядят суд и судьи в зеркале прессы. Какие оценки, какая степень компетентности и т.д. и т.п. Дальше. Второй этап — 200–250 судей проанкетированы, и это анкетирование продолжается, мнение суда и судей о прессе и журналистах. Третий — мнение журналистов о суде и судьях. И, наконец, четвертый аспект этого исследования — Фонд «Общественное мнение» должен провести по нашему заказу небольшое исследование, а чем же это чревато с точки зрения общественного мнения, то есть каков результат, как эта ситуация влияет на читателей, слушателей, зрителей? Результаты этого исследования мы намереваемся положить в основу своих дальнейших программ для возможных контактов с судьями, мы хотим положить это на стол в каждый областной суд, это как минимум для того, чтобы, взглянув на это, суд убедился в необходимости контакта с общественностью, а она невозможна для судьи в сегодняшних условиях иначе, чем через СМИ. Такую длинную дорогу мы проложили, казалось бы, к простому выводу, мы хотим быть убедительными, мы хотим быть доказательными, мы хотим, чтобы судьи увидели это не из наших деклараций, а из материалов проведенного исследования.

Вторая проблема. Ответственность журналистов, вопросы профессиональной этики в условиях конкуренции. Проблема, становящаяся чрезвычайно сложной, проблема, становящаяся почти нерешаемой. С этой точки зрения мы находимся в предкризисном или в уже кризисном состоянии, потому что ситуация как в области законодательства о СМИ, так и в области внутреннего состояния СМИ близка к катастрофе. Есть две тенденции, которые очень усилились за последнее время и привели к потере СМИ той относительной, но независимости, которую они имели до 1996 года. Первая — всеобщая покупка прессы концернами, создание сильных прессов против прессы различными финансовыми и другими экономическими структурами, — это одна тенденция. И вторая тенденция, как бы противостоящая ей, — это грядущее и уже происходящее огосударствление прессы, то есть попытка вернуть прессу к большей управляемости со стороны государства в лице городской или даже муниципальной власти. Это две тенденции, которые складываются в одну. И СМИ, по сути дела, большей частью с этим смирились. Они устали от свободы. Они думали, что это будет свобода свершения, исполнения собственного долга и красивого блеска на фоне общества. Оказалось, что это свобода выживать, а не просто жить. Тенденции мирового рынка прессы, где пресса должна свободно рождаться

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

и свободно умирать, были восприняты только в первой ее половине, то есть пресса с удовольствием свободно рождалась, но дальше процесс свободного умирания вызвал у нее дикий перепуг, и, соответственно, от этого испуга пресса стала более уступчива как в отношении финансовых корпораций, так и в отношении государственной власти. И то и другое чрезвычайно опасно, потому что, не имея корпоративной этики, пресса обретает этику ведомственную, связанную с этикой владельца, что совершенно невозможно, потому что по определению пресса должна противостоять любой власти, ибо она есть цепной пес, хватающий власть за икры, будь это финансовая власть, будь это власть бюрократическая, государственная, административная и т.д.

С моей точки зрения, ситуация чрезвычайно тревожная и, увы, малоуправляемая. Я не знаю, как сейчас с этим бороться, потому что вывести сегодня журналистов на разговор о корпоративной этике, я это говорю с полной ответственностью, очень трудно. Три года назад, проводя исследование, которое называлось «Дух свободной корпорации. Правила честной игры в журналистике», мы легко находили отклик у самых разных категорий журналистов. Сегодня в той форме, в которой мы провели это исследование три года назад, мы провести его просто физически не можем. Мы в этом отдаем себе отчет, с нами на эту тему разговаривать не хотят те самые люди, которые три года назад разговаривали с огромным интересом и удовольствием.

Следующая проблема: не можем пробиться в одиночку, давайте пробиваться вместе к профессиональному образованию юристов в области информационного права. Нет такого спецкурса, он в качестве факультатива читается сегодня в двух, мне лично неизвестных, юридических вузах, оба частных. Ни в одном государственном вузе этой специализации нет вообще. Практически это означает, что у нас в сфере, которая все расширяется, количество законов все увеличивается, у нас нет специалистов, которые всерьез могли бы помочь СМИ реально в этой сфере существовать. Стыдно сказать, что единственным специализированным долгоиграющим проектом так и осталась школа права массмедиа, образованная ФЗГ с директором Симоновым и главным преподавателем Батуриным, которая просуществовала два года. Количество выпущенных юристов — 8 человек. Все. Катастрофа. Мы очень хотим, чтобы результаты этой конференции дошли до как можно более широкого круга читателей. Мы хотим сделать это следующим образом: в окончательный сборник включить саму работу группы Леонтьева, материалы этой конференции, на что просим у вас разрешения. В-третьих, материалы тех, кто

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

неудовлетворен своим выступлением или считает, что отдельные аспекты так и остались пустыми, и имеет что сказать по этому поводу, мы готовы в ближайшие 1,5 месяца принять в письменном виде и включить туда же. Наконец, мы хотим включить в эту книгу в качестве приложения несколько судебных решений по интересующим нас вопросам как по образцовым делам, так и по наиболее одиозным делам. Мы их комментировать не будем, а может быть, и откомментируем, не знаю. Во всяком случае, мы их туда включим для того, чтобы было видно, что же в конечном счете проистекает из той неразберихи в законодательстве, о которой мы здесь достаточно много и подробно говорили. Приглашаю вас к участию в издании книги.

Кравченко (Центр права и СМИ): Поскольку не один раз был затронут вопрос по поводу школы права СМИ, судя по всему, он интересует аудиторию, я кратко выскажу свое мнение по этому поводу. Действительно, Центр права и СМИ совместно с ФЗГ под руководством Юрия Михайловича Батурина организовал в 1996 году школу, которую закончили чуть больше 10 человек, она называлась «Школа права СМИ», и те, кто закончил эту школу, в принципе должны интересоваться этой новой отраслью права, если она есть. Предыдущая школа была несколько лет назад и также под руководством г-на Батурина; некоторые из ее выпускников достаточно успешно трудятся и стали хорошими специалистами в этой области. Я разделяю ту точку зрения, что за 18 часов в академии или в каком-то другом учебном заведении невозможно воспитать юриста или журналиста, грамотного в правовом отношении, и поэтому я не знаю, правильно ли это, я хотел бы высказать сомнение по поводу того, какие задачи стоят перед этой школой. Видимо, все-таки не образовывать журналиста или юриста, а создать каких-то пассионариев, пусть их будет очень немного, которым это было бы интересно и которые могли бы продолжать эту цепную реакцию.

Пять лет назад были несколько человек, которые смогли проявить инициативу и попытаться изменить ситуацию со свободой слова. Тогда это были единицы, и их задачей было как-то взломать этот лед. Если количество этих специалистов будет оставаться на том же уровне, то есть единицы или десятки, видимо, ситуацию в глобальных масштабах изменить не удастся. Видимо, вторым эшелоном после этой школы права СМИ должны идти специализированные курсы.

Что касается темы конференции, Валерий Николаевич предоставил мне здесь очень широкую свободу, за что я ему благодарен. Если можно, пройду по некоторым пунктам. Мой любимый тезис состоит в том, что то, что не может отрегулировать право, или то, что

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ему не очень хорошо удается отрегулировать, может быть подконтрольно каким-то этическим, моральным принципам. Видимо, во многом это относится и к теме сегодняшней конференции: ненормативная лексика, ее употребление в журналистике и вообще в обиходе. Можно ли за это наказывать? Я думаю, что по этому поводу можно найти очень много интересных положений в международно-правовых актах. Человек может использовать те средства, которые ему необходимы для выражения своих чувств, своих эмоций, достаточно свободно.

Недавняя постановка «Игра в жмурики» в уважаемом театре «Сатирикон» состояла в основном из матерных слов. Не далее как в субботу я был в театре Моссовета на «Объекте константы», где перевод титрами также шел с использованием мата, и люди шли туда достаточно осознанно, достаточно уважаемая публика. Видимо, ненормативная лексика не может служить четким критерием того, что, раз человек говорит, это оскорбление и подлежит какому-то запрещению. Другое дело, что использование этих слов и каких-то инвектив журналистами должно регулироваться больше этическими нормами. Спасибо.

Руднев: После выступления молодого, начинающего журналиста пришло время предоставить слово мэтру, поэтому я хочу предоставить слово профессору Засурскому.

Засурский (МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики): Уважаемые дамы и господа! Я рад присутствовать на этой конференции, сожалею, что не мог присутствовать на всех дискуссиях, но мне кажется, что само издание этой книги — очень полезное дело и, конечно, ее нужно обсудить вместе с лингвистами, есть проблемы юридические и проблемы лингвистические. И они не всегда совпадают. Здесь выдвигается ряд важных положений, которые полезно знать и журналистам, и юристам. И в этом смысле книга должна бы стать настольной для редакторов газет. Конечно, мы стремимся дать нашим студентам определенную правовую подготовку. Андрей Георгиевич Рихтер читает курс права и российского, и международного, и многие вопросы в нем рассматриваются. Мы не претендуем на то, чтобы готовить юристов, они должны иметь специальную подготовку. Мне кажется, что в этой брошюре справедливо выдвигается тезис о том, что должны материалы газетные просматривать юристы. В Англии именно так и делается. Там каждая газета имеет юриста, который как бы проверяет газетный материал с точки зрения возможности возбуждения исков. В наших газетах этого не делают, видимо, штрафы и судебные издержки ниже, чем затраты на штатного юриста. Когда эти штрафы и наказания будут достаточно ощутимы для га-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

зет, они, видимо, возьмут на вооружение юристов, и тогда будет меньше всякого рода процессов.

История журналистики 20–30-х годов XX века, когда на Западе было очень много процессов о защите чести и достоинства, показывает, что чем больше этих процессов, тем сильнее защита, в частности юридическая защита. Я думаю, что с этой точки зрения, конечно, нам следует готовить наших журналистов более тщательно. Алексей Кириллович внес предложение, не здесь, значительно раньше, о разработке своего рода техники безопасности для журналиста, которая включает защиту его в конфликтных ситуациях. Видимо, здесь есть лингвистический аспект техники безопасности, и он должен быть усвоен нашими студентами, хотя они получают достаточно значительный курс русского языка, где разные слои русской речи получают характеристику, достаточную для того, чтобы студенты не пользовались теми словами, которые могут привести к судебным последствиям, если они будут употребляться на страницах газет, в телевидении и радиовещании.

Мне кажется, что эта конференция поставила очень важные, серьезные проблемы, связанные с защитой чести и достоинства и читателей, и слушателей, и зрителей и чести и достоинства самих журналистов. Но главная проблема, которая здесь возникает, и, я думаю, здесь я с Алексеем Кирилловичем соглашусь, — это проблема корпоративности, которая отсутствует в нашей журналистике. Это не дает возможности выработать общие этические нормы действий журналистов, которые позволили бы их воплотить и в определенные принципы поведения, и, в частности, в употребление лексики и определенных выражений, которые не были бы оскорбительными и для уха слушателя, и для глаза читателей, и не служили бы для возбуждения всякого рода судебных процессов. Я думаю, что некоторые газеты намеренно пользуются такого рода лексикой, мало смущаясь этим, потому что не каждый гражданин не по каждому поводу будет подавать в суд. У нас нет ни омбудсмена, ни какой-нибудь другой организации, кроме Судебной палаты, но у нее и так слишком много дел, и я думаю, что сегодняшнее заседание будет способствовать выработке той корпоративной этики, того чувства корпоративизма, которого нашим журналистам не хватает. Мы на факультете готовы в этом смысле содействовать этому развитию и содействовать лучшему обучению студентов и праву, и правилам русской речи. Спасибо.

Казаков: Спасибо, коллеги. Я начну тогда с корпорации и ее духа. Не «Дух свободной корпорации», а «Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов», я не убежден,

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

что все эту книгу знают, действительно, три года назад такое исследование было. Тут я должен с печалью констатировать, что три дня назад, когда мы собирались с профессором Бакштановским обсуждать, будем ли мы возвращаться к этому исследованию или просто пойдем с чистого листа, я очень печально пошутил, что наше исследование сейчас можно было бы именовать «Становление духа корпорации». Печально, но здесь есть следы, которые мы тогда не заметили, к сожалению. Три года назад какие-то явления, какие-то тенденции прошли мимо нас, когда мы собирали сорок наших экспертных опросов.

Возвращаюсь к одной из главных тем. Все-таки что нас больше беспокоит: становление правового государства или становление правового общества? Я все-таки склонен думать, что общества. И в этом плане журналиста мы неизбежно обязаны рассматривать как члена этого правового общества, а не как подданного государства и не как подданного некоего королевства. Такая тенденция в последние годы была очень серьезной. Почему я так это рассматриваю? Потому что на самом деле проблема доверия общества к журналисту — это не профессиональная и не корпоративная проблема. Это очень серьезная проблема. И здесь (я буду говорить об этом немножко дальше, как о конкретном пункте) есть такой институт, как расследование. Видимо, оно должно быть в центре нашего внимания, потому что в принципе это некая бочка с ядом, которая сейчас на поверхности. Уже ясно, что это такое: хлебнув из нее, наша журналистика может выйти обновленной из такого нового своего состояния, может стать общественно доверенной журналистикой или может всю жизнь делить первенство с совсем другой профессией, древнейшей, и вечно спорить на эту тему.

Болевая точка — это саморегулирование, о котором мы столько говорим и на которое мы так много раз пытаемся с разных концов выйти, и попытка понять, что же это такое. Когда заниматься саморегулированием и где им заниматься? Что, некая определенная профессиональная среда ученых должна об этом думать? Или сама корпорация, или протокорпорации, или кусочки корпорации, которые должны об этом начинать думать просто потому, что время пришло, иначе завтра журналистики не останется? Нам представляется, что есть некая базовая ответственность, о которой сейчас корпорация все-таки говорит, причем говорит после каждого скандала, но как бы по отношению к другому, а не применительно к себе. Фиксируя некое нарушение нормы и говоря, что норма нарушена, но не возвращаясь к осмыслению нормы, к тому, что это такое сегодня.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Здесь мне кажется, что снова актуальной или навсегда актуальной остается проблема выхода журналистики на правила честной игры. Как к этому приближаться? По практическим полочкам я бы разложил ее на несколько возможных компонентов. Первый — это все-таки то, что сегодня было обозначено в лице гильдии. Это проблема образования небольших пассионарных сообществ, они есть. Мы четыре или три года назад обращались к Московской хартии журналистов. Сейчас есть Гильдия как новая хартия, новое образование, и с ней надо очень тщательно работать. Мне кажется, что это очень продуктивно и очень интересно: те требования, которые они предъявляют сами к себе, заодно внося совершенно новые законы в профессиональное сообщество или требуя уважения к определенным законам.

Второе — это расширение образования, самообразование, об этом достаточно говорилось, и здесь межпрофессиональные семинары, которые ведет ФЗГ, в частности семинары с прокурорами, мне кажется, что это очень продуктивная форма. Сосредоточение внимания на расследовании — это я сейчас называю болевую точку и считаю, что корпорация или протокорпорации могут сейчас, зафиксировавшись на этой точке, очень многое понять про самих себя, про общество. Там действительно сейчас очень много фокусируется лучей, это линза. Надо начинать смотреть, а что же в итоге, то есть как бы естественным путем собирающаяся структура для исследования и постоянного понимания того, что компромат — это что такое? Это способ доступа к информации и доступа информации к журналисту? Это некая система, которая требует дополнительных страховок от всего общества и от того, кто этим занимается? Что это за зона и за сфера риска?

И наконец, еще одна, как-то выговаривать это не очень хочется, и тем не менее я очень рад, что здесь присутствуют коллеги из Судебной палаты, поэтому выговорю. Нам надо постоянно заниматься анализом регулирования конфликтов институтов досудебного или квазисудебного характера. Я не стал бы сейчас об этом говорить, я когда-то давал себе слово больше не говорить в этом смысле о Судебной палате, но то, что вчера Минкин заявил в «Новой газете» о том, что он «не пойдет» на заседание Судебной палаты, куда приглашен в том числе и Алексей Кириллович Симонов, мне представляется, что Минкин прав, как это ни печально. Это тот самый случай, когда Судебная палата при Президенте действительно по первому свистку чиновника (я понимаю, что по какому-то внутреннему долгу и по профессиональному зову), призвала к себе журналиста разбираться до суда. Извините меня, пожалуйста, но,

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

на мой взгляд, это тот самый случай, когда Судебная палата должна была отказаться заниматься этим делом, найти способ уклониться от этого дела. Нельзя заменять собой суд, если есть второе исковое обращение. Мне кажется, что здесь определенная глухота, определенная рыхлость сработали, не только институциональная у Судебной палаты, это существует, но еще и такая определенная нравственная рыхлость.

Ну и, наконец, еще один пункт: пора профессионально и коллективно заниматься самим чиновником, который использует институт обращения в суд не только как способ обогащения за счет СМИ, хотя часто кончается и этим тоже, потому что речь идет о миллионах, но и использовать эту возможность как способ подавить конкретную недружественную «огневую точку», сровнять с лицом земли некое СМИ просто по предъявлению иска, после которого в кассе ничего не остается! Мне представляется, что сейчас наступил момент, когда мы должны зафиксировать (это очень важно) в своем отношении к этике межпрофессиональной корпорации и профессиональной корпорации несколько болевых точек. Я назвал основные.

Я категорически настаиваю на том, что это самая актуальная, это самая обязательная и самая, кстати, на мой взгляд, простая вещь, которая существует до всяких обращений к сложным институтам, — это элементарный институт личной, человеческой, нравственной этики: не подавать руки человеку, который не рукопожатен в сообществе. Мы все время об этом забываем. Мы готовы обращаться в суд, мы готовы прибегать к некоей экспертизе коллег, но есть всегда личное. Я не подаю ему руки, я не подаю руки папарацци, если он говорит, что он принадлежит к какой-то определенной корпорации, независимо от того, журналист ли он или он тот человек, который отдал деньги на такую, а не другую журналистику. Мне кажется, что все это очень просто. Сама фиксация момента, видимо, время прошло. Об этом постоянно мы говорим.

Последнее самое, в качестве рекомендации моей, хотя она некрасивая рекомендация, меня Алексей Кириллович не спрашивал, но я бы, честно говоря, на месте Алексея Кирилловича на заседание, если оно все-таки будет в Судебной палате, не пошел. И, более того, спровоцировал бы 10 других уважаемых экспертов проигнорировать заседание Судебной палаты по данному минкинскому случаю с написанием специальных писем в Судебную палату, с мотивацией своей позиции, почему я не могу принять участие, я найду другую форму обсуждения этой ситуации. Но в данном случае в Судебную палату не пойду. На этом я бы и закончил. Хотя с точки зрения продол-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

жения исследования, я думаю, нет у меня такого отношения, как у Алексея Кирилловича, я думаю, что с теми людьми, которые являются носителями духа корпорации, надо все равно разговаривать, и мы к ним придем, и они, я вас уверяю, будут с нами разговаривать. Потому что тема профессиональной этики, проблема ощущения себя внутри корпорации — болевая.

Гудкова: Мне очень хотелось бы задать вопрос, возможно он будет не впопад. Вы говорили о журналистской этике и т.д. Как вы относитесь к разработанному Московским союзом журналистов проекту кодекса профессионального журналиста, в частности к первой его статье, в которой сказано, что в части своей профессиональной деятельности журналист руководствуется только мнением своих коллег и только к этому мнению прислушивается? При этом прямо указывается, что законность он соблюдает, но до своих профессиональных обязанностей?

Казаков: Я на самом деле не считаю этот разработанный закон московским, это существует и обязательно для всех членов Союза журналистов, к сожалению, профессиональный кодекс этики российского журналиста уже 2,5 года как введен в действие, я плохо отношусь к этой статье, она вторая в этом кодексе, я к ней отношусь действительно плохо, потому что это кодекс, который говорит, что журналист уважает законы своей страны до определенного времени. Но не должно быть такого в кодексе. Я понимаю, что они хотели сказать, но так формулировать нельзя. Это не единственная дыра в кодексе. Это действительно мертвый кодекс. Я единственное, о чем забыл упомянуть и в чем я категорически хотел поддержать Игоря Юрьевича: нам нужно сейчас приходить к нормам, к элементарным профессиональным нормам. До кодекса, до корпораций нужно дорасти. А нормы существуют, и для нас сейчас это действительно самое реальное разрешение ситуации. Промежуточное? Да. Но реальное разрешение. Спасибо.

Пермяков: Я думаю, что выступления Алексея Кирилловича, Ясена Николаевича и Юрия Венедиктовича стали прекрасным окончанием нашего семинара. Я не хочу подниматься на трибуну, а с места скажу по вопросу, который, как мне кажется, тоже важно в конце озвучить. Четвертый раздел начинается с проблемы необходимости правовой грамотности журналиста. Мы попытались на Урале сформировать систему создания правовой грамотности для журналистов, она включает в себя несколько элементов, это и чтение в двух вузах специальных курсов для журналистов. Я читаю курс на факультете журналистики Уральского госуниверситета, другой преподаватель, который, кстати, обучался у Рихтера в шко-

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

ле, он читает курс на факультете телерадиожурналистики гуманитарного частного университета. Мы, разумеется, проводим семинары и благодарны ФЗГ за разработанную методику семинаров, мы провели 4 таких семинара с участием работников прокуратуры, пресс-служб, УВД разных уровней, и сначала мы хотели охватить все области региона, в каждой области провести такой семинар. Но в итоге получается, что, скажем, в Пермскую область нам придется выезжать 4 раза, то есть такова потребность в этих семинарах, чтобы провести такой семинар не только в Перми. Там есть система журналистских клубов, и нас просят, чтобы мы в каждый клуб приехали и провели 2–3-дневный семинар.

Наконец, публикации. Об этом я хотел бы сказать особо. Мы часто выступаем перед теми журналистами, которые уже вышли из стен вузов, работают. У меня была публикация в журнале «Студия» под названием «Если подан иск в суд: кто виноват и что делать?» и во многих других изданиях. Декан факультета журналистики и руководитель нашей областной журналистской организации Борис Лозовский написал десять правил техники безопасности журналистов. Когда мы этот материал печатали, я этот материал просматривал, дал некоторые замечания, мы преследовали две цели, мы не хотели, чтобы этим ограничивался разговор, это только самое начало, потому что пришло довольно большое количество писем, замечаний, суждений. Лозовский писал о том, что делать, чтобы иск не был подан, как максимально снизить этот риск. Я написал уже о том, что делать, если иск все-таки подан, каким образом защищаться без адвоката, поскольку многие редакции не могут себе позволить нанять адвоката.

Руднев: Судья Верховного Суда РФ, судебная коллегия по гражданским делам Колычева Галина Алексеевна.

Колычева (читает): Уважаемые участники конференции. В связи с рядом выступлений, в которых весьма негативно была освещена деятельность судов. Это имело место и вчера. И как представитель Верховного Суда я не могла оставить без внимания этот вопрос. Я хотела бы сделать сначала небольшое отступление от темы проводимой конференции. Стоит напомнить, что через несколько дней будет 4 года, как была принята Конституция РФ. Особенностью действующей Конституции является то, что в ней очень много места отведено правам человека, причем таким важным, как право на жизнь, труд, жилище, образование, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, избирать и быть избранным, иметь собственность, имущество и землю, право на социальное обеспечение и многое другое. И в этом большом ряду конституцион-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ных прав находится и право на защиту своей чести и доброго имени. Все названные права не только провозглашаются, но и обеспечиваются судебной защитой.

В силу ст. 46 Конституции каждый, кто считает свое право нарушенным, может обратиться в суд за его защитой, — не имеет значения, кто это. Священник, который посчитал себя как человек униженным или обиженным. Или заключенный, о котором в газете написали, что он осужден на пять лет, когда он фактически осужден на меньший срок. Каждый гражданин вправе обратиться в суд, и суд обязан рассмотреть его требования. Таким образом, под судебную защиту поставлены все конституционные права граждан. Характер дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции, самый разнообразный. И разнообразие это велико, как велико и количество дел, разрешаемых судами. Достаточно сказать, что только в 1996 году количество дел, оконченных производством, составило 3 миллиона. И дела о защите чести и достоинства — это лишь маленькая-маленькая толика той работы, которую проводят суды.

Осуществляя правосудие от имени государства, суды, в частности, рассматривают дела и трудовые, и жилищные, и по спорам о праве собственности, и по жалобам на неправомерные действия и решения, нарушающие права и свободы граждан, и по жалобам на неправомерность административных взысканий, и многое другое, в том числе и дела о защите чести и достоинства. И то огромное количество дел, которое поступает в суды, свидетельствует о доступности правосудия в нашем государстве и доверии граждан нашего государства к судебной власти. Я еще раз подчеркиваю это обстоятельство, что это свидетельствует о доверии граждан к нашему государству, и было очень обидно слышать, когда представитель весьма уважаемой газеты дал очень отрицательную характеристику. Это доверие вполне оправданно, поскольку в судах граждане находят реальную защиту своих нарушенных прав.

О том, в какой мере суды защищают права человека, можно судить хотя бы по результатам рассмотрения гражданских дел. В среднем судами удовлетворяется 90% заявленных гражданских исков в год, в связи с чем имеются все основания утверждать о достаточно высоком уровне защиты прав граждан в судах РФ. Вместе с тем это является убедительным доказательством того, что нарушение прав граждан в нашей стране не стало исключительным явлением, а пока носит распространенный характер. И для искоренения такого положения важным обстоятельством являются дальнейшее совершенствование работы судов и успешное взаимодействие судебных органов с другими органами и, конечно же, со СМИ.

Конференция «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции»

Демократическое Российское государство в настоящее время находится в стадии становления, и важной задачей на данном этапе становления государства является проведение правовой реформы, которая должна охватить 4 основных направления: развитие и совершенствование российского законодательства, реформа судебной системы и судопроизводства, совершенствование системы исполнительной власти на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации и развитие правового сознания людей. Можно издать много новых законов, добиваться изменения функционирования судебной системы, но нельзя думать, что правовая культура общества, правосознание поддаются быстрому реформированию. И для того, чтобы мы смогли построить правовое государство, необходимо вести большую работу по воспитанию людей в духе уважения к закону и необходимости его безусловного исполнения.

Данная проблема должна быть в центре внимания не только судов, но и СМИ. У судов и прессы должны быть одни общие цели в деле просвещения и воспитания людей. И при этом не имеет значения, что способы решения этой проблемы у них разные. Если суды могут решать важную задачу воспитания граждан путем вынесения законных и обоснованных решений, которые можно рассматривать как акты реализации судебной власти, то СМИ могут это делать посредством публикации статей, репортажей, проведением телевизионных передач.

И хотелось бы, чтобы журналисты более тесно взаимодействовали с судебными органами, в распоряжении которых имеются материалы дел, по которым выявлены грубые нарушения законов, изучали такие материалы и освещали их на страницах прессы с целью правового воспитания тех, кто нарушает законы.

Я остановлюсь и на тех проблемах, которые затрагивались вчера. Я хочу сказать о том, что авторы обсуждаемой книги совершенно справедливо отметили возрастание количества дел о защите чести и достоинства, по которым ответчиками выступали СМИ. В главе первой, блок № 40, делается важный вывод, который, кстати, поддержан и многими выступающими. О чем этот вывод? Сказано так, что при сегодняшнем положении вероятность того, что конкретное решение по делу об унижении чести и достоинства будет субъективным, спорным, юридически уязвимым, чрезвычайно высока. Это связывают авторы с тем, что основные понятия права не имеют объективного определения и, по мнению авторов, это не позволяет выносить правосудные решения. Полностью поддерживая вывод авторов о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и регулирования его правоприменения, не могу, однако, согласиться с тем, что сегодня не могут быть вынесены законные су-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

дебные решения. Я думаю, что и на сегодняшний день имеется достаточная правовая законная база для принятия законных решений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, что и делается судами в подавляющем большинстве случаев.

Прежде всего обращаю внимание на то, что у нас есть Конституция, обращаю внимание на специальную правовую норму, ст. 152 Гражданского кодекса, есть и постановление Пленума Верховного Суда и, наконец, процессуальный закон, который позволит в том случае, если вынесено незаконное, неправосудное решение, добиться его отмены в установленном законом порядке. Я не совсем могу согласиться с текстом обращения, которое сейчас нам раздали, где сказано о том, что наша конференция, обсудив порядок и практику разрешения конфликтов и обсудив практику решения дел, считает, что не в полной мере соответствует конституционным принципам эта судебная практика. С этим я согласиться не могу. Я не буду задерживать внимание, если так мы все заторопились. Я хочу поблагодарить организаторов конференции за приглашение для участия в ней Верховного Суда, со своей стороны обещаю обязательно довести до сведения руководства Верховного Суда те пожелания, которые были высказаны в адрес Верховного Суда, как положительные, так и негативные.

Руднев: Спасибо. Последнее слово предоставляется Алексею Кирилловичу Симонову.

Симонов: Уважаемые дамы и господа. Спасибо большое за то, что мы с вами провели здесь в общей сложности полтора, на мой взгляд, весьма содержательных дня. Последнее выступление передо мной наглядно засвидетельствовало вам, что мы не пришли к реальному соглашению относительно оценки той ситуации, в которой мы находимся. Однако мы на ПУТИ к такому соглашению. Это тоже существенный, на мой взгляд, диагноз сегодняшней ситуации, и давайте двигаться дальше. Я всячески предлагаю, мы постараемся разослать всем участникам конференции в первую очередь тексты этой конференции. Кстати говоря, буду очень просить, во всяком случае тех, до кого сможем дозвониться: или поручить нам редактуру собственного текста, или, если кто-то желает по своему тексту пройти, чтобы у вас не заняло это большого количества времени, потому что дорого яичко к Христову дню. Спасибо большое всем, особенно председательствующим, Александру Рувимовичу Ратинову, который, надо ему отдать должное, практически не произнес вслух ни одного слова, но на самом деле был главной движущей силой этой конференции, который довел ее — скажу — «до ума», потому что не посягаю сказать, что «до успеха». Спасибо всем.

Коротко об организаторах конференции

КОРОТКО ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ КОНФЕРЕНЦИИ

В организации и проведении конференции принимали участие: Фонд защиты гласности, Центр права и СМИ и правозащитная организация «Дом свободы» (Киев). Мы хотим выразить благодарность нашим партнерам, помощникам, единомышленникам и спонсорам и хотим рассказать о себе и о них более подробно.

Фонд защиты гласности (1991 года рождения) — организация, считающая своей основной задачей помощь СМИ и журналистам и создание правового пространства для деятельности средств массовой информации. Выполнению этих задач подчинена деятельность всех основных служб Фонда — мониторинга, юридической, издательской и образовательной. В активе Фонда — участие в многочисленных мероприятиях в защиту свободы слова, постоянное отслеживание нарушений прав журналистов на территории России и СНГ, конкретная юридическая и материальная помощь журналистам, консультирование и просвещение, издание книг по правовому обучению журналистов, экспертиза законов и проектов в области регулирования СМИ.

На конференции Фонд был представлен рядом сотрудников. Президент Фонда — Алексей Симонов.

Мы открыты для контактов и готовы к сотрудничеству.

Наши координаты:

119021, Москва, Zubovskiy bulvar, 4, komn. 432.

Тел. — 201-4974 (юридическая служба),

201-3242 (группа мониторинга).

Факс — 201-4947.

Электронная почта: simonov@gdf.ru

Центр права и СМИ существует с 1995 года и располагается на факультете журналистики Московского государственного университета. Деятельность Центра призвана способствовать развитию свободы и независимости российских массмедиа. Центр способствует созданию на факультетах и отделениях журналистики и права российских вузов благоприятных условий для преподавания будущим журналистам и юристам учебного курса «Право и СМИ», издает ежемесячный бюллетень «Законодательство и практика средств массовой информации», в котором публикуются проекты законов, регулирующих деятельность массмедиа, мониторинг конфликтов с участием СМИ, подготовленный сотрудниками Фонда защиты гласности, анализ законодательства в области СМИ республик СНГ.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

На конференции Центр представлял его директор Андрей Рихтер. Центр располагается по адресу:
Москва, Моховая, 9, факультет журналистики МГУ, комн. 338.
Тел./факс 203-6571.
Электронная почта: arichter@glasnet.nt

Правозащитную организацию «Дом свободы» (Киев) представлял на конференции Марк Беренсон, рассказавший о деятельности этой американской некоммерческой организации. «Дом свободы» следит за соблюдением прав человека и проведением демократических выборов, оказывает поддержку независимым средствам массовой информации. Цель программы «Закон в действии», которой руководит Марк Беренсон, — защита прав человека и диалог Востока и Запада по правовым вопросам. «Дом свободы» интересуется различными аспектами переходного периода в странах СНГ, в частности взаимоотношения судебной и журналистской корпораций, поэтому появление Марка на конференции случайностью назвать нельзя.

Координаты «Дома свободы» в Киеве:
Тел./факс — (044) 2284334.
Электронная почта — freedom@carrier.kiev.ua

Наша особая благодарность спонсору конференции — Агентству международного развития США — USAID.

Выступления, присланные по почте

ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ ПО ПОЧТЕ

Генеральная Прокуратура
Российской Федерации
103793 ГСП, Москва,
ул. Б. Дмитровка, 15а

Президенту Фонда
защиты гласности
г-ну Симонову А.К.

05.02.98. №40/22-1-98

Уважаемый Алексей Кириллович!

Ваше приглашение откликнуться на новую публикацию Фонда получил в канун Нового года и, хотя, скорее всего, мой ответ Вы получите уже в 1998 году, пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас и Ваших коллег по Фонду с Новым годом. Я с уважением отношусь к инициативам Фонда, направленным на поиск взаимопонимания между журналистами и юристами, представителями массмедиа и официальных юридических институций. Высказать в Ваш адрес и в адрес возглавляемого Вами Фонда эти лестные слова мне предоставила возможность присланная Вами книга «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», подготовленная авторским коллективом под руководством профессора, доктора филологических и психологических наук, академика Российской академии образования, ректора Института языков и культур им. Л.Н. Толстого А.А. Леонтьева.

Вопрос совершенствования законодательства о защите чести, достоинства, деловой репутации — один из серьезнейших. В результате неразработанности этих аспектов в юридической практике сплошь и рядом возникают ситуации, в которых нередко и юристы выглядят не с лучшей стороны, будучи не в состоянии дать правовую оценку возникшего казуса. Участники же судебного процесса нередко не находят общего языка, ибо по-разному трактуют те или иные термины. Убежден, если бы и юристы, и журналисты, втянутые в результате взламывания информационного правового поля в судебные разбирательства, лучше владели понятийно-терминологическим аппаратом законодательства и с большей корректностью относились к употреблению оценочных терминов, не было бы многих «громких» уголовных и гражданских дел о защите чести и достоинства. Меньше было бы скандалов в прессе —

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

выиграли бы, убежден, и репутация журналистов, и «имидж» юристов, зачастую вынужденных искать компромиссы уже в зале суда.

Я далек от мысли винить лишь ту или другую сторону, участвующую в конфликте. Нельзя не признать, что законы допускают нередко многозначное толкование одних и тех же понятий. И авторы рассматриваемого исследования убедительно показывают, что ни в законах, ни в комментариях к ним нередко нет ни ясности, ни единства в оценке правомерности употребления тех или иных способов и форм передачи информации.

На практике мы давно столкнулись с проблемой дефицита языковой культуры, отсутствием навыков цивилизованной дискуссии у участников информационных споров, носителей той или иной оценочной информации. Но в рассматриваемом исследовании это наше априорное, практическое знание, возможно, впервые получило столь серьезное лингвистическое и психологическое объяснение. И этот факт трудно переоценить. Я не сомневаюсь, что при всей специфичности исследования, язык, аргументы, выводы которого в большей степени обращены к коллегам по научному цеху, оно имеет и бесспорное практическое значение. В дальнейшей работе Фонда защиты гласности и авторского коллектива по адаптации результатов исследования для журналистской и юридической практики, убежден, удастся достигнуть гармонии научной глубины и простоты изложения наблюдений и выводов авторов.

В настоящее время в связи с рассмотрением информационных конфликтов и необходимостью дать им правовую оценку и следствие, и суд редко прибегают к судебной экспертизе. Проведенная авторским коллективом работа дает нам, практикам, основание надеяться на скорое появление нового вида экспертизы при рассмотрении правовых аспектов информационных споров (используя термин профессора А. Ратинова) — психолингвистической экспертизы.

Но, полагаю, и в том виде, в каком результаты исследования представлены в рассматриваемом издании, они смогут помочь юристам-практикам, занимающимся рассмотрением одной из деликатнейших категорий — дел о защите чести, достоинства, деловой репутации.

Анализ докладных записок наших прокуроров, участвовавших в работе проводимых Центром защиты гласности семинаров, ряда уголовных процессов, рассматривавших тексты конфликтных публикаций, дает основание полагать, что большинство нарушений, имевших место со стороны журналистов, объяснялись не целевой установкой авторов публикаций на нанесение морального ущерба героям публикаций, а отсутствием и элементарной юридической

Выступления, присланные по почте

грамотности, и достаточной правовой культуры, неумением найти юридически неуязвимую формулировку, не теряя при том образности и метафоричности, присущих данному автору. Небрежное обращение с языковыми построениями приводило и к естественным обидам объектов публикаций, и к неожиданному нередко для журналистов обращению их «героев» в суд за защитой чести и достоинства. Особенно это касается ненормативной лексики. Как журналистам сохранить возможность обращения к разным языковым пластам национальной культуры без нарушения закона, как юристам научиться разбираться в тонкостях инвективной фразеологии, с тем чтобы, с одной стороны, защищать нарушенные права граждан, а с другой — не влезать, гремя статьями закона, в творческую лабораторию журналиста? На эти вопросы читатель также находит ответы в одном из специальных разделов рассматриваемой работы.

При отсутствии цензуры в обществе, претендующем именоваться правовым, очень важно, как мне представляется, дать возможность и юристам, и журналистам увидеть разницу между бестактностью и хамством, не украшающими ни объект публикации, ни ее автора, но не являющимися криминалом, и гражданским или уголовным правонарушением. Без помощи ученых, прежде всего лингвистов и психологов или, точнее, представителей психолингвистики, ни журналистам, ни юристам в будущем не обойтись.

Как Ваш коллега и как юрист, постоянно сталкивающийся с теоретическими и практическими аспектами этой проблемы, я убежден: журналисты имеют право на свой стиль, свой язык, на поиск метафор и сравнений, на яркие заголовки, привлекающие читателя, даже на язвительность, тем более — на иронию и сарказм, на самые острокритические оценки любого лица, вне зависимости от должности и положения. И я абсолютно согласен с Вашей, Алексей Кириллович, мыслью, высказанной в предисловии к рассматриваемому труду: все это должно быть высказано «в форме такой степени корректности, которая исключала бы или по крайней мере делала весьма сомнительной возможность обращения героев публикаций в суд».

Вот когда такой же правовой культурой будут обладать все активно работающие в СМИ журналисты, у следователей и судей работы поубавится и отпадет необходимость в создании исследований, аналогичных проведенному под руководством профессора А. Леонтьева.

Но поскольку это мечта или по крайней мере дело далекого будущего, рассматриваемое исследование, несмотря на его пока еще малую адаптированность к восприятию юристами-практиками, не просто имеет право на жизнь, но является крайне современным и необходимым.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Примите, уважаемый Алексей Кириллович, мои заверения в готовности Генеральной Прокуратуры и в дальнейшем плодотворно сотрудничать с руководимым Вами Фондом защиты гласности.

*Начальник Центра информации
и общественных связей
Генеральной Прокуратуры РФ
А.Г. Звягинцев*

**Комментарий профессора Питера Круга к книге
«Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности
в текстах права и средств массовой информации»**

Сравнительные замечания

Прочтение «Послесловия юриста» профессора Ратинова и работы коллектива авторов в первую очередь дает понять, что юридическая практика существенно выиграет благодаря психолингвистическому анализу текстов российских законов о клевете и оскорблении (законодательных актов; постановлений Верховного Суда Российской Федерации), а также от применения результатов этого анализа судами и правоохранительными органами. В подобной попытке преследуются по крайней мере четыре цели: (1) убедить законодателей изменить неточности или другие несоответствия в языке используемых текстов; (2) убедить суды и исполнительные органы принять во внимание психолингвистические доводы в использовании существующих текстов; (3) способствовать в качестве специалистов (экспертов) поиску доказательств в конкретных судебных процессах, касающихся клеветы; (4) помогать журналистам придавать более совершенную языковую форму своим публикациям и передачам.

I. Закон о клевете: проблема факта/мнения. Один из наиболее сложных вопросов, затронутых профессором Ратиновым и коллективом авторов, которому они справедливо уделяют много внимания — это, как пишет профессор Ратинов (цитирую), «центральная проблема» в законодательстве по вопросам клеветы: сложность в разграничении факта и мнения. Это является сложной проблемой во многих правовых системах.

Попытка отличить факт от мнения основывается на предположении, что закон признает юридическую категорию, которая определяет параметры сферы неприкосновенности для тех суждений (мнений), которые в нее попадают. Сложность при данном подходе связана не с последствиями признания подобной категории, а с попыт-

Выступления, присланные по почте

кой набросать эффективный ряд определений, который может с легкостью применяться в будущих конкретных делах с их собственным неповторимым контекстом.

Как показывает профессор Ратинов, члены авторского коллектива делают свой вклад новым подходом к лингвистическому анализу этой проблемы. Например, они рекомендуют юристам использовать новую терминологию, особо уделяя внимание скорее «событиям» и «оценкам», чем «фактам» и «мнениям».

Однако позвольте мне поднять следующий вопрос: при настоящих российских законах каково будет практическое воздействие создания более эффективных категориальных определений? Признают ли российские законы существование категории «выражение» — назовите ее «мнением», или «оценкой», или как-нибудь иначе, — которая имела бы юридическое значение при освобождении некоторого утверждения от судебного процесса по вопросу о клевете? Профессор Ратинов заявляет, что подобная категория должна существовать: что мнения или оценки не должны быть предметом юридического рассмотрения (стр. 119–120). Но где в используемых текстах или в юридической практике написано или произнесено, что утверждение, если оно является мнением, должно рассматриваться именно таким образом?

Одним из ответов на этот вопрос может быть то, что заявление профессора Ратинова является нормативным: законодательные органы должны изменить существующие тексты гражданских и уголовных законов, уточняя их так, чтобы исключить оценочные суждения. Но пока этого не произойдет, как еще можно использовать категориальное разграничение между фактом и мнением?

Одно из возможных применений может быть основано на буквальном истолковании части 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не должен принуждаться выражать или опровергать свои мнения или убеждения. Однако нет примеров, чтобы часть 3 ст. 29 применялась таким образом в судах в каких-либо конкретных случаях. На самом же деле в одном из случаев ее применение было опровергнуто Верховным Судом Российской Федерации. В качестве же более общего наблюдения можно сказать, что российские суды, кажется, очень неохотно применяют какие-либо положения части 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации.

Возможно также, что это категориальное различие могло бы быть применено в судебной системе существующего законодательства. Например, может ли термин «сведения» в части 1 ст. 152 и части 5 ст. 152 ГК РФ и в части 1 ст. 129 УК РФ истолковываться так, чтобы он включал только утверждения о фактах? Если так, то это оз-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

начало бы, что истец представляет подходящий для юридического рассмотрения случай только тогда, когда речь идет об утверждениях, основанных на фактах: такой подход обременит истца задачей продемонстрировать суду в качестве отправного пункта, что утверждение ответчика, по крайней мере отчасти, содержит в себе информацию, поддающуюся юридическим методам доказательства.

Однако кажется, что подобный подход принят не был. Напротив, многочисленные решения суда в законе о клевете являются отражением противоположного подхода: «сведения» включают в себя все утверждения, независимо от того, являются ли они суждениями о фактах или мнениями. Более того, это также и заключение, сделанное коллективом авторов книги (см. стр. 15, 37 и 46 книги).

При обобщении судебная практика в России обнаруживает немало сторонников правового различения категорий факта и мнения. Однако, возможно, есть и другой подход к этой проблеме: через анализ вопроса о бремени доказывания, который трактует проблему факта и мнения как по своей сути доказательный вопрос. В некоторых системах законодательства, таких, как австрийская (в гражданских судебных процессах), именно закон возлагает на истца бремя доказывания ложности утверждения, по поводу которого ведется обсуждение. В других системах это происходит по решению суда. В Соединенных Штатах, например, суды многие годы боролись за то, чтобы четко сформулировать эффективный категориальный тест для различения факта и мнения. Однако в результате в 1990 году в деле Милкович против *Лорэйн Джорнал Компани* Верховный Суд Соединенных Штатов отверг абстрактные попытки провести яркую черту между утверждениями о фактах и о мнениях и вместо этого положился на то, чтобы эти вопросы разрешило распределение бремени доказательства. Суд сослался на принцип, установленный в его решении от 1986 года в деле *Филадельфия Ньюспэйперс, Инк. против Хэпса*, в котором он постановил, что Первая Поправка к Конституции США требует возложить бремя доказывания на истца; а не доказывания ложности утверждаемого, когда оно касается общественного интереса. Таким образом, в Соединенных Штатах, кроме тех случаев, когда обсуждаемое утверждение включает в себя утверждение о верифицируемых фактах или основано на фактах, истцу очень трудно выполнить условия этого бремени, так как другие типы утверждений (такие, как мнение) не поддаются юридическим методам доказательства.

Несколько другой подход, который, однако, тоже сосредоточен на бремени доказательства, можно найти в решениях Европейского Суда по правам человека, где используется ст. 10 Европейской кон-

Выступления, присланные по почте

венции по правам человека. В нескольких случаях Европейский Суд постановил, что в делах о защите чести и достоинства возложение бремени доказывания истинности оценочного суждения не согласуется со ст. 10, так как его «невозможно выполнить».

Какие темы поднимаются в российском законодательстве при рассмотрении отношений между проблемой факта и мнения и бременем доказательства в делах о защите чести и достоинства российское законодательство возводит высокую преграду, по крайней мере в гражданских делах, перед всяким ответчиком, который заявляет, что он невиновен в распространении сведений, порочащих честь и достоинство, аргументируя это тем, что его утверждение было мнением. Так происходит, потому что, как утверждалось выше, судебная практика толкует «сведения» в части 1 ст. 151 и части 5 ст. 152 ГК РФ как включающие в себя все утверждения без исключений, а также потому, что ней истинность утверждения, которое должно быть доказано ответчиком, является скорее оправданием, которое должно быть доказано ответчиком (часть 1 ст. 152 ГК РФ), а не одним из признаков ущемления чести и достоинства. Другими словами, ст. 152 предполагает, что все клеветнические утверждения ложны, если ответчик не предоставит убедительные основания противного, что является почти непосильным бременем в том случае, когда утверждение касается мнения и, следовательно, не поддается юридическим методам доказательства.

Одним словом, российское гражданское законодательство не возлагает бремя предоставления доказательств на истца. Так как истина должна быть доказана ответчиком, предмет доказывания не включает ложность утверждения, являющегося предметом обсуждения; на самом же деле от истца требуется лишь доказать, что утверждение, являющееся предметом обсуждения, было распространено по крайней мере на еще одного человека. Это отсутствие каких-либо требований от истца предоставить доказательства отражает зависимость от судебно-центристской модели — от «объективного поиска истины». При этой модели именно судья несет первостепенную ответственность не только за окончательную оценку доказательств, но также и за их сбор и предоставление. Однако этот подход не согласуется с недавними изменениями в российских гражданско-процессуальных принципах. Видимо, заимствуя изменения, которые были сделаны в немецкой процедуре за последние два десятка лет, российская система законодательства сместилась ближе к «диспозитивной» модели, в которой сбор и предоставление доказательств по большей части находятся под контролем сторон и под их ответственностью. Следовательно, по поправкам к ныне действующему Гражданскому

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Процессуальному кодексу от 1995 года, стороны несут на себе бремя предоставления доказательств.

В уголовных делах должно быть очевидным, что бремя предоставления доказательства, касающегося истинности или ложности, должно быть возложено на прокурора, а не на обвиняемого, согласно презумпции невиновности, о которой говорится в ст. 49 Российской Конституции. По стандартам, установленным далее в ст. 49, распределение бремени доказывания таково, что от обвиняемого не может быть потребовано предоставление никаких доказательств; вместо этого это бремя полностью ложится на власти, чтобы доказать каждый элемент состава преступления (таких, как преднамеренная ложь, по ст. 129 УК РФ).

Решение от 10 февраля 1997 года, принятое Коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, иллюстрирует исключительную важность распределения бремени доказывания по вопросу об истинности и ложности. В этом деле, гражданском судебном процессе о защите чести и достоинства, истец, заместитель главы администрации Вологодской области, возбудил дело против губернатора, областной государственной телерадиокомпании и местной газеты за утверждения, сделанные губернатором 20 ноября 1995 года на пресс-конференции, которые впоследствии были распространены ответчиками — средствами массовой информации. Утверждения губернатора были ответом на вопрос о причинах, по которым он назначил истца на пост заместителя главы администрации:

Я его глубоко ведь не знал раньше. Ну, он был известен вам такими делами, что все-таки, как говорится, там, сын алкоголика, и на этом он вышел, и народ его, как говорится, превознес...

Истец заявил, что это утверждение опорочило его во время избирательной кампании в Государственную Думу.

Областной суд решил дело по первой инстанции в пользу истца, обязывая ответчиков опубликовать опровержение и налагая на них выплату в размере 500 000 рублей за нанесенный ущерб. Суд постановил, что ответчикам не удалось доказать, что отец истца был алкоголиком. По этому вопросу суд заключил, что доказательства, предоставленные ответчиками, — репортаж в газете и показания двух свидетелей о том, что сам истец и его сторонники на избирательной кампании 1989 года сказали избирателям, что отец истца был алкоголиком, бросившим семью, — были недостаточны, чтобы исчерпать бремя предоставления доказательств, возложенное на ответчика. Истец, в соответствии с опубликованным постановлением суда, не был обязан предоставить доказательства истинности/ложности обвинения.

Выступления, присланные по почте

В кассационной инстанции — коллегии по гражданским делам областного суда Вологды — отменили решение суда и постановили закрыть дело. Кассационная инстанция заключила, что обсуждаемое утверждение было оценочным суждением и, следовательно, было защищено ст. 29 Конституции. Это решение было поддержано президиумом Вологодского областного суда вопреки протесту прокурора Вологодской области.

Решения Вологодской областной кассационной инстанции и президиума были предметом протеста, поданного заместителем председателя Верховного Суда России. Коллегия по гражданским делам Верховного Суда поддержала протест, отменила решения кассационной инстанции и президиума и восстановила решение суда первой инстанции. Решением палаты по гражданским делам было поддержано решение местного суда относительно того, что ответчикам не удалось доказать истинность утверждения, являющегося предметом обсуждения. Этим решением Верховный Суд отверг применение ст. 29 Конституции: эта свобода, заявил суд, не дает никому права распространять клевету и ложную информацию.

В отклонении постановления кассационной инстанции и президиума областного суда Верховный Суд полностью сосредоточил свое внимание на достаточности доказательств, предоставленных ответчиками. Таким образом, он отверг различие факта и мнения, проведенное кассационной инстанцией и президиумом областного суда. Отчасти это связано с тем, что Верховный Суд узко сформулировал вопрос: был ли отец алкоголиком? Возможно, используя более эффективный анализ, подобный тому, что предложили профессор Ратинов и коллектив авторов, Верховный Суд мог бы решить, что утверждение, являющееся предметом обсуждения, содержало в себе мнение. Но также, если бы распределение бремени доказывания было другим, то и исход дела мог бы быть иным. Если бы истца обязали предоставить доказательства ложности утверждения, являющегося предметом обсуждения, то это, помимо всего прочего, вынудило бы истца столкнуться с проблемой, как охарактеризовать напечатанное: было ли в утверждении ложью, на которую ссылается истец, то, (1) что его отец был алкоголиком, (2) что в области «говорили», что его отец был алкоголиком, или (3) что причиной популярности истца было то мнение, что его отец был алкоголиком? Какие доказательства предоставил бы истец по этим вопросам?

Во всякой правовой системе распределение бремени доказывания основано на политических соображениях и решениях, касающихся иерархии конкурирующих юридических интересов, и играет решающую роль. В законе о защите чести и достоинства в тех систе-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

мах, которые категориально не отделяют суждения-мнения, та сторона, которая несет это бремя, стоит перед лицом почти невыполнимой задачи: доказать существование определенных фактуальных элементов (либо истины, либо ложности) в том утверждении, которое по своей природе не содержит в себе верифицируемых фактов. Конечно, было бы несправедливо возлагать все бремя доказательства на истца. Но должен ли истец по крайней мере нести бремя предоставления некоторого заслуживающего доверия доказательства (бремя предоставления), которое вызвало бы необходимость для ответчика либо также предоставить уравнивающие доказательства (бремя убеждения), либо положиться на суд, который оценит (взвесит) показания?

Мы не ждем, что подобные изменения будут с легкостью проведены. Это возможно в результате одного или обоих следующих обстоятельств: (1) принятие судебного решения о том, что ст. 29 Конституции требует перераспределения бремени доказательства в части 2 ст. 151 ГК РФ; и/или (2) когда Россия присоединится к Европейской Конвенции прав человека, применение ст. 10 так, как она применяется Европейским Судом по правам человека в делах типа дела *Лингенса*.

II. Оскорбление. В отличие от клеветы рекомендации (анализ) коллектива авторов и профессора Ратинова могут иметь немедленный эффект без существенного пересмотра правовых стандартов. Это так, потому что статье 130 Уголовного кодекса, в отличие от статей 129 Уголовного кодекса и 151 Гражданского кодекса, недостает предмета доказывания в вопросах объективной оценки, как, например, проблема истинности и ложности. Были ли умалены честь и достоинство истца обсуждаемым утверждением — это субъективное суждение, не поддающееся юридическим методам доказательства. Также элемент «неприличной формы» по своей сути является оценочным суждением. Эти вопросы поддаются психолингвистическому анализу, который лежит вне сферы методов юридического доказательства, определенных статьей 69 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Это может быть особенно важно, потому что, по моему мнению, статья 130 несет в себе угрозу, которая выходит за рамки ее собственного конкретного применения. Оценки, которые она отражает, также применяются, возможно, неосознанно, в делах о клевете с инверсией ответственности. То есть проблема заключается в том, что чем больше утверждение похоже на «мнение», тем легче его подвести под определение, что оно сводится к «оскорблению», а не к ложному клеветническому утверждению. В результате проведенное коллекти-

Выступления, присланные по почте

вом авторов исследование при применении психолингвистической экспертизы может быть полезным в определении сферы «оскорбляющих» выражений в «неприличной форме».

III. Права обвиняемых. Профессор Ратинов обсуждает также, можно ли применять закон о клевете при защите прав подозреваемых и обвиняемых в уголовных судебных разбирательствах. Мне трудно понять, почему необходимы особые правила для этой ситуации. Если опубликовано ложное утверждение, то оно будет действенным в том случае, если оно посягает на репутацию жертвы безотносительно к тому, является ли жертва подозреваемым или обвиняемым в уголовном процессе. Присутствуют ли элементы уголовного процесса при этом или не присутствуют, не влияет на вышесказанное.

В действительности это скорее спор о том, что происходит за пределами закона о защите чести и достоинства, свидетельствующий о желании уменьшить или запретить комментарии к незаконченным уголовным разбирательствам из опасения повлиять на суд. Если это так, то здесь преследуются две цели: сохранить презумпцию невиновности и защитить целостность судебного процесса. Эти вопросы рассматривались в недавнем деле, по которому было принято решение Европейского Суда по правам человека, *Вормз против Австрии* (решение принято 20 августа 1997 г.). Однако Европейский Суд по правам человека не принял во внимание первую цель, так как решил, что защита целостности судебного процесса есть законная основа для наложения санкций на кого-либо, кто комментирует незаконченные судебные разбирательства.

В отличие от России в Австрии существует законодательный акт, который четко регулирует сообщения о незаконченных судебных разбирательствах. Статья 23 Австрийского акта о прессе, озаглавленная «Запрещенное влияние на уголовные судебные разбирательства», гласит, что всякий, кто обсуждает возможный исход незаконченного судебного разбирательства или «ценность доказательств так, что это может повлиять на исход судебного разбирательства», станет объектом уголовного преследования. В деле *Вормз против Австрии* Европейский Суд поддержал наложение санкций на журналиста, который написал критические комментарии по поводу свидетельства ответчика в деле об уклонении от уплаты налогов. Для российских законов значительность этого дела в том, что статья 23 Австрийского акта о прессе, у которой нет аналога в российском праве, не содержит элементов обвинения в клевете или оскорблении.

IV. Заключение. Внимание авторского коллектива книги и профессора Ратинова сосредоточено главным образом на том, чтобы сделать текст более поддающимся рациональному текстуальному

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

толкованию судами и правоохранительными органами. Такие вопросы, как реформа всех гражданских и уголовных законов путем введения новых политических приоритетов, как смещение центра общественного внимания с защиты интересов личности на защиту свободы выражения или общественную потребность получать информацию, не входят в сферу обсуждаемых в книге вопросов. Таким образом, там, где выводы коллектива авторов и комментариев профессора Ратинова адресованы законодательству, они кажутся по большей части принадлежащими скорее к области технических набросков, чем к фундаментальным переменам в подходе к общественным или правовым интересам.

Это наблюдение несколько не умаляет важности поставленных в книге задач. Результаты исследования, проведенного профессором Ратиновым и коллективом авторов, принесут значительную пользу российской правовой системе и всем тем, кто связан с системой правовых норм о защите чести и достоинства и оскорблении: истцам, ответчикам, журналистам, законодателям, судьям, правоохранительным органам, адвокатам и обществу в целом, способствуя постепенному развитию рационального, систематизированного свода законов скорее, чем попытке стремительных перемен (которые не уделяют достаточного внимания лингвистическим вопросам). В общем, степень успешности этой попытки, вероятно, отразит важность лингвистической точности и применения логики в юридических текстах, а также в работе всей системы права.

*19 декабря 1997 года
Питер Круг, профессор
Юридического колледжа
Университета Оклахомы*

Часть III
Год 2004. «А воз и ныне там?»
Сборник статей

ЦЕННЫ НАРЯДУ С ЖИЗНЬЮ

Право на честь, достоинство и деловую репутацию является неотъемлемым правом лица. Его нарушение причиняет существенный вред свободе действий и общественному положению гражданина, а также обществу в целом. Поэтому государство обязано защищать это личное немущественное право. О некоторых особенностях защиты чести, достоинства и деловой репутации личности рассказывает статья.

*Владимир СОЛОВЬЕВ,
судья Верховного Суда России*

Честь

Понятия чести, достоинства известны человечеству с древнейших времен. Честь играла видную роль в этике многих великих мыслителей, политиков, философов разных эпох и народов, порой определяя их общественные взгляды и направления деятельности.

В России честь, достоинство, доброе имя и деловая репутация традиционно защищались правом. Так, еще «Русская Правда» предусматривала защиту от посягательств на честь и достоинство личности. По отношению к подобным деяниям «Русская Правда» применяла термин «обида»¹.

Защита чести, достоинства и других личных немущественных благ обычно предусматривалась в рамках уголовного права.

Наибольший интерес в этой связи представляет Артикул воинский 1715 года, принятый Петром I. Ст. 149, 151, гл. 18 — о поносительных письмах, бранных и ругательных словах Артикула воинского содержали в себе практически все признаки диффамационного деликта: письменное распространение ложных, порочащих доброе имя и честь сведений, — а также предусматривали меру защиты от такого деликта: «пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал...». Фактически речь идет об опровержении ложных, порочащих сведений².

Несмотря на то что в конце XIX века российские цивилисты серьезно занимались решением проблемы гражданско-правовой защиты личных немущественных благ и почти вплотную подошли к ее решению, российское гражданское право в целом этот вопрос не рассматривало и своего механизма защиты таких прав не создало.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 311.

² Потапенко С.В. Судебная защита от диффамации в СМИ//АКД. 2002. С. 30.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Советское право первоначально также пошло по пути уголовно-правовой защиты чести и достоинства граждан. И лишь в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года и затем в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года впервые получили защиту некоторые личные неимущественные права, не связанные с имущественными правами и интересами.

Личные неимущественные права охранялись советским гражданским правом лишь в случаях, особо предусмотренных законом (ст. 1 Основ, ст. 1 ГК РСФСР). К ним относились право на честь и достоинство (ст. 7 Основ, ст. 7 ГК РСФСР) и право на собственное изображение (ст. 514 ГК РСФСР).

Право на честь и достоинство было предоставлено не только гражданам, но и организациям (ст. 7 Основ).

При переходе от социалистической законности к современному правопорядку возникло немало неприятностей, вызванных устареванием нормативной базы.

Обобщение судебной практики по вопросам защиты чести и достоинства в 1991 году позволяет видеть, насколько невысоким был уровень правосознания граждан в этой области, и выделить ряд проблем, подлежащих разрешению в первую очередь:

— граждане обращались в суд с иском об опровержении порочащих сведений, содержащихся в характеристиках делового порядка, аттестационных, — а этот вопрос не подведомствен суду;

— не существовало законодательно установленного положения о системе ссылок на источник информации, в соответствии с которыми можно было бы обнаружить реального ответчика (так, приходилось отдельно разяснять, что не является оскорблением изложение сведений, основанных на материалах уголовных или гражданских дел, и т.п.);

— судьи отказывали в возбуждении иска без законных на то оснований (например, в случае имевшего место предварительного обсуждения данного конкретного дела в общественной организации);

— в суд обращались представители администрации субъектов Федерации с исками о защите деловой репутации, но в силу того, что администрация города не является юридическим лицом и не может иметь деловой репутации, такого рода иски не могли быть удовлетворены;

— возникало множество вопросов, связанных с тем, что закон предусматривал опровержение самих сведений, а не домыслов, складывающихся у граждан по прочтении ложной информации;

— остро стояла теоретическая проблема степени конкретизации объекта критики (использование в статье обозначений, позволяющих

догадаться о реальном их прототипе, не есть основание для отказа в иске лицу, пострадавшему от завуалированной критики);

— ряд осложнений был вызван тем, что компенсация морального вреда нередко не оправдывала судебных издержек, и многие, вместо того чтобы воспользоваться своим правом и подать иск, предпочитали использовать самозащиту;

— проблемой было неисполнение или ненадлежащее исполнение судебных решений³.

Создатели нового ГК РФ 1994 года попытались учесть все названные проблемы и разработать нормативную базу, оптимально соответствующую современным общественным потребностям.

Понятия «честь», «достоинство» и «репутация» по смыслу весьма близки друг другу и часто используются в составе единого словосочетания: защита чести и достоинства, унижение чести и достоинства.

Честь представляет собой общественную оценку личности, определенную меру духовных, социальных качеств личности и является важнейшим нематериальным благом человека наряду с его жизнью, свободой, здоровьем⁴.

По определению А.М. Эрделевского, **«честь — это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании»⁵.**

В своей книге «Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита» А. Л. Анисимов выделяет три аспекта понятия «честь»:

1) характеристика самой личности (качества лица). Данная сторона понятия чести наиболее ярко выступает в словарных определениях, в особенности в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «Внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»;

2) общественная оценка личности (отражение качеств лица в общественном сознании). Понятие чести изначально предполагает, что эта оценка положительная;

3) общественная оценка, принятая самой личностью, «способность человека оценивать свои поступки, действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в... обществе моральными нормами, правилами и требованиями»⁶.

³ Бродская И. Современное состояние законодательства РФ о защите чести и достоинства // Законодательство и практика средств массовой информации. 1999. № 5. С. 57.

⁴ Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита, М., 1994. С. 9.

⁵ Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996. С. 16.

⁶ Анисимов А.Л. Указ. соч. С. 8.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Впоследствии указанные аспекты понятия «честь» А.Л. Анисимов подразделил на две части — объективную и субъективную. Оценка деятельности индивида обществом относится к объективному аспекту анализируемого понятия и представляет собой некое этическое благо, «направленное от общества к личности». Напротив, субъективная сторона понятия «заключается в способности человека оценивать свои поступки, подавлять в себе эгоистические, безнравственные стремления и намерения, действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в этом обществе моральными нормами, правилами и требованиями»⁷.

В качестве примера защиты чести может служить дело, рассмотренное в Пресненском суде г. Москвы.

Истцом выступал известный литератор Евгений Митько, автор сценариев таких эпохальных картин, как «Республика ШКИД» и «Бумбараш», в качестве ответчика — руководство магазина «Деловой оборот-2000».

Суть дела. Е. Митько зашел в магазин посмотреть недавно поступившую коллекцию одежды. Ничего не выбрав, клиент направился к выходу, как вдруг позади него пронзительно зазвенел металлоискатель. Литератора обступили охранники и обвинили в краже куртки. Демисезонную ветровку Е. Митько действительно купил в этом магазине еще зимой, но «зазвенела» она почему-то спустя несколько месяцев. От ареста кинодеятели спасло лишь то, что он сохранил товарный чек на куртку.

Но прежде чем мужчине удалось убедить стражников и прибывших по их вызову милиционеров заехать к нему домой, он испытал невыносимые унижения: его оскорбляли, называли вором, пытались надеть наручники, обращались как с преступником. Даже когда недоразумение выяснилось, сотрудники магазина не удосужились извиниться перед заслуженным человеком.

Суд признал, что охранники вели себя некорректно и причинили истцу нравственные страдания. По решению суда руководство магазина обязано выплатить Е. Митько в качестве компенсации морального вреда 30 тыс. руб., а также сообщить в районное отделение милиции, что их клиент — честный и порядочный человек. Сообщение должно быть оглашено и на общем собрании коллектива магазина.

⁷ Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 10.

Достоинство

В органическом единстве с понятием «честь» находится категория «достоинство». **Достоинство — это «сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании»⁸.**

В отличие от чести достоинство — это не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным или моральным нормам, но прежде всего ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство).

Именно достоинство (но не честь) фигурирует в ст. 1 Конституции РФ как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность.

В связи с чем может возникнуть казус, когда сам человек не обладает чувством собственного достоинства (положительной самооценкой), общество оценивает его негативно, но в то же время государство и общество охраняют его достоинство и заботятся о том, чтобы оно не подверглось умалению, унижению.

В целом, если трактовать честь как общественное мнение о положительных качествах человека, то достоинство есть положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки.

Дискредитация человека в общественном мнении и есть унижение чести. Но вряд ли можно дискредитировать человека в собственных глазах.

Возможно, именно поэтому в Конституции РФ говорится «об умалении» (ст. 210), законодатель, по-видимому, имеет в виду такое воздействие на общественное мнение, которое противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву.

Таким образом, более правильно было бы в правовом контексте говорить об **унижении чести и умалении достоинства.**

Репутация

Понятие репутации как таковой непопулярно в правовых текстах и редко возникает в правоохранительной практике. По содержанию оно очень близко к чести, однако не содержит апелляции к самой

⁸ Эрделевский А.М. Указ. соч. С. 16.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

личности и касается лишь ее оценки в общественном сознании или общественном мнении.

Другое дело — деловая репутация. Это сочетание возникло как правовое понятие уже в постсоветское время и отражает новые социальные и социально-психологические реалии. Именно поэтому в юридической литературе деловая репутация связывается прежде всего (хотя и не исключительно) с предпринимательской деятельностью.

Деловая репутация — это «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств в общественном сознании»⁹.

Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в этой области деятельности¹⁰. Важно, что это лицо может быть и физическим, и юридическим. В принципе у лица может быть и негативная репутация, но чаще этот термин употребляется с положительным значением.

Унижение или умаление деловой репутации может происходить независимо от истинности или неистинности распространяемых о соответствующем лице сведений (п. 3 ст. 152 ГК РФ)¹¹.

В некоторых случаях деловую репутацию отождествляют с авторитетом. Однако данные понятия имеют весьма существенное различие. Так, понятие «деловая репутация» не предполагает той «властной окраски», которая соотносится с понятием «авторитет».

Честь, достоинство, деловая репутация лица неразрывно связаны с правом, «ибо их ущемление или утрата влекут за собой потерю нормальных общественных связей, а значит, и утрату определенного статуса в правоотношениях с другими субъектами. Поэтому честь, достоинство, деловая репутация являются важной социально-правовой ценностью и потребностью для любого государства и общества и нуждаются в соответствующей законодательной защите»¹².

Часть 1 ст. 21 Конституции РФ гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Конституционная норма нашла свое отражение и развитие в отраслевом законодательстве.

В новом Гражданском кодексе РФ честь, достоинство и деловая репутация определены как нематериальные блага, отличные от права на их защиту, вытекающего из ч. 1 ст. 11 ГК РФ.

⁹ Бродская И. Указ. соч. С. 57.

¹⁰ Маленина М.Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 5. С. 18–20.

¹¹ Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 18.

¹² Анисимов А. Л. Указ. соч. С. 18.

Права на достоинство, на честь и доброе имя, на деловую репутацию и на защиту этих нематериальных благ получили наконец полное признание в качестве гражданских прав.

Гражданский кодекс РФ в п. 1 ст. 150 относит право на достоинство личности, честь и доброе имя, деловую репутацию к числу наиболее важных личных неимущественных прав.

Российское государство охраняет честь, достоинство и деловую репутацию граждан и организаций установлением всеобщей обязанности воздерживаться от посягательства на эти личные блага и предоставлением судебной защиты в случаях их нарушения. Право Российской Федерации исходит из того, что для каждого субъекта важно его доброе имя, престиж, уважение окружающих.

Право на честь, достоинство, деловую репутацию — это права, существующие постоянно, независимо от того, будут ли они нарушены. В момент нарушения возникает лишь необходимость защиты, а не само право. Следует отметить, однако, что судебной практике известно немало случаев предъявления необоснованных исков о защите чести и достоинства личности.

В качестве примера можно рассмотреть решение Люблинского межмуниципального (районного) народного суда г. Москвы от 31 мая 2000 года по иску О.Н. к ответчику Л.В.

19 февраля 1999 года О. Н. обратился в суд и просил признать несоответствующими действительности сведения, содержащиеся в объяснении Л.В., данном им 15 мая 1995 года в одном из отделов милиции г. Москвы. О.Н. утверждал, что Л.В. в его адрес выразился нецензурной бранью и угрожал лишить его жизни. Отделом милиции заявление О.Н. было проверено и в действиях Л.В. правонарушение не установлено.

Л.В. обратился в Таганский межмуниципальный суд г. Москвы с иском к О.Н. о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда в связи с оскорбительными действиями со стороны О.Н.

Таганским межмуниципальным судом 26 июля 1996 года было вынесено решение: суд признал заявления О.Н. в милицию не соответствующими действительности, порочащими честь и достоинство Л.В., обязав О.Н. в установленный судом срок принести Л.В. извинения и взыскать с него в пользу Л.В. в порядке компенсации морального вреда 50 тыс. руб. В удовлетворении встречного иска О.Н. о компенсации морального вреда было отказано. Определением судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда от 12 ноября 1996 года указанное решение Таганского межмуниципального суда было оставлено без изменения.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

При новом рассмотрении иска О.Н. Люблинский межмуниципальный (районный) суд в своем решении от 31 мая 2000 года счел иск необоснованным и не подлежащим удовлетворению по основаниям ст. 151, 152 ГК РФ и ст. 50 действовавшего на тот момент ГПК РСФСР. При этом суд сослался на то, что изложенные истцом обстоятельства уже были предметом разбирательства в Таганском межмуниципальном суде и новые факты, имеющие доказательственное значение, истцом не представлены, а судом не добыты¹³.

Право на честь, достоинство и деловую репутацию является абсолютным субъективным правом ввиду того, что субъективному праву управомоченного лица корреспондируется обязанность неопределенного круга лиц. Основная обязанность состоит в том, чтобы не препятствовать управомоченному лицу (обладателю субъективного права) осуществлять свое субъективное право. Право на честь и достоинство обладает отрицательным (негативным) содержанием, и в этом смысле в нем преобладает **охранительная**, а не регулятивная функция¹⁴.

Можно согласиться с мнением Б.Б. Черепихина о том, что «честь и достоинство различных граждан неодинаковы, поскольку неодинаковы их заслуги перед обществом; содержание чести и достоинства любого человека постоянно обогащается, меняется по мере развития его общественной деятельности»¹⁵. Однако уточнение содержания чести и достоинства конкретного лица может иметь значение только для признания порочащего характера сообщенных о нем сведений.

Каждому гражданину независимо от возраста и его личных особенностей предоставлено право на честь и достоинство.

Существует мнение, что это право возникает у человека не с момента рождения, а с момента появления способности к совершению социально значимых поступков и в их результате. То есть пока нет еще чести и достоинства, нет и права на честь и достоинство.

С этим мнением трудно согласиться. Общественная ценность человека, уважение к нему определяются не только его социально значимыми, сознательными поступками.

Человек с момента рождения приобретает моральную ценность и общественную значимость уже в силу того, что является человеком. Именно поэтому субъективное право на честь возникает у гражданина с

¹³ Архив Мосгорсуда, дело № 2-149-00-12. Цит по: Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. М., 2001. С. 112–113.

¹⁴ Малеина М.Н. Указ. соч. С. 14

¹⁵ Черепихин Б.Б. Охрана личных прав граждан, не связанных с имущественными правами/ Гражданско-правовая охрана интересов личности. М., 1969. С. 61.

момента рождения, и, следовательно, юридическим фактом, приводящим к его возникновению, является факт рождения.

С момента рождения не осознаются и многие другие блага. Между тем это обстоятельство не влияет на существование таких прав и обязанностей. «То обстоятельство, что с момента рождения нет самосознания чести, не может поколебать отстаиваемую позицию, поскольку в раннем возрасте не осознаются и другие права, принадлежность которых ребенку не отрицается»¹⁶.

Даже прямохождение представляет собой результат воздействия социального развития на биологические свойства человека. «Постепенное расширение социально-экономических возможностей жизни человека увеличивает объем и разнообразие потребностей, а способ их удовлетворения все более приобретает социальный характер, социально оценивается и контролируется»¹⁷.

Второе возражение заключается в том, что с фактом рождения гражданина связано возникновение у него правоспособности, а не субъективных прав.

Но «ниоткуда не явствует, что с тем же фактом рождения не может быть связано возникновение субъективных гражданских прав, что и имеет место в данном случае, а также при возникновении других личных неимущественных прав, например права на имя»¹⁸.

В связи с вышеизложенными соображениями встает вопрос о наделинии несовершеннолетних правом самостоятельно защищать в суде свои личные права.

Суд обязан

Личные права несовершеннолетних защищаются в суде их родителями, усыновителями и попечителями, однако суд обязан привлекать к участию в этих делах самих несовершеннолетних.

Таким образом, «роль несовершеннолетних в делах о защите личных прав сводится к присутствию в суде и даче объяснений и, в сущности, мало чем отличается от роли, например, свидетеля. Данное положение вряд ли можно считать нормальным. Так, юноши и девушки, уезжающие на работу или учебу в другую местность, в случае посягательства на их честь вынуждены обращаться за содействием в правовой защите к своим родителям»¹⁹.

Бесспорна возможность защиты чести и достоинства душевнобольных, признанных в установленном порядке недееспособными.

¹⁶ Чефранова Е.А. Охрана личных прав несовершеннолетних. Вопросы гражданского права и процесса., М., 1977. С. 65.

¹⁷ Орзих М.Ф. Указ. соч. С. 33.

¹⁸ Черепахин Б.Б. Указ соч. С. 61.

¹⁹ Чефранова Е.А. Указ. соч. С. 65.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Недееспособное лицо защищает свои права через представителя (п. 2 ст. 29 ГК РФ). **Право на защиту чести и достоинства в отличие от одноименных нематериальных благ неотчуждаемым не является и переходит к законному представителю.**

Как субъективное гражданское право право на честь и достоинство прекращается со смертью своего носителя. Но по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти (п. 1 ст. 152 ГК РФ). Хотя, как представляется, в данном случае речь может идти только о защите доброго имени, так как понятие оскорбления вряд ли применимо к умершему лицу.

Право на честь, достоинство и деловую репутацию является неотъемлемым правом лица. Его нарушение причиняет существенный вред свободе действий и общественному положению потерпевшего, обществу в целом. И защищать это личное неимущественное право — обязанность государства.

Газета «Юрист», № 33, август 2003 г.

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

ИНСТАНЦИЯ ИСТИНЫ: О СООТНОШЕНИИ НОРМ ЯЗЫКА И ПРАВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

*В.Д. Мансурова,
профессор, декан факультета журналистики
Алтайского госуниверситета (Барнаул)*

Полотна классиков оживают в суде. По всем канонам реализма разыгрываются сюжеты то «Кающейся Магдалины», то «Боярыни Морозовой». Ответчики — журналисты, авторы скандальных публикаций — с воодушевлением пытаются доказать, что в названии статьи «Траектория падения» нет ни одного обидного для истца намека, а выражение «заплечных дел мастера» и вовсе может быть рассмотрено в ряду синонимов к слову «мастер».

Судьи, и без того замотанные тяжбами уголовного характера, просят уточнить, что такое... «синоним». Гражданский иск о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина по факту распространения в печати сведений, не соответствующих действительности, вступает в лингвистическую фазу своего марафона.

Она, эта фаза перевода «с русского народного на русский литературный», нередко является самой проблематичной в ходе судебного разбирательства. Автор, подаривший миру замысловатый образец словотворчества, претендует на истину в последней инстанции. Истец же, наоборот, апеллирует то к здравому смыслу, то к специалистам: пусть, мол, они разбираются.

Автору этих строк, специально изучавшему судебные дела по искам к средствам массовой информации, рассмотренные судами Алтайского края в 1995–1998 годы (проект по гранту Института «Открытое общество» — Фонд Сороса), приходилось держать в руках заключения экспертов самого различного свойства: от скрупулезного лексико-стилистического анализа, сделанного учеными местных вузов, до безапелляционных реляций адвокатов, толкующих лингвистический казус по школьному словарю. И — удивительно! — суды приняли все эти, мягко говоря, экспертные заключения во внимание при вынесении своих вердиктов. «Слово «охлократия», — говорится в одном из таких решений, — не является ругательным, следовательно...»

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», — не о такой ситуации сказано, но относится к ней в полной мере. Смысловая многозначность слова, становясь причиной конфликта, все чаще и чаще заставляет Фемиду углубляться в тонкости лингвис-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

тических исследований. Демократизация общественной жизни, ее правовая регламентация как никогда остро поставили проблему ценности человеческой личности, защиту от посягательств на ее честь и достоинство. По данным Фонда защиты гласности (Законодательство, с. 277), в 1995 году редакциям СМИ было предъявлено 2827 исков о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан. Не снизилось это количество и в последующие годы. Более того, вступление России в Совет Европы, ратификация Европейской конвенции о правах человека с особенной настойчивостью выдвигают проблему законодательного разрешения любого противоречия, связанного с правами личности.

Увеличение количества исков по делам о диффамации — прямое подтверждение того, что в стране начался процесс складывания правового пространства. Субъектами правоотношений становятся «отдельно взятые личности» в совокупности присущих им достоинств и недостатков. Реализовать свои притязания на место в системе общественных отношений они могут не иначе, как заявляя о себе публично. Стремительное развитие средств массовой информации, обогащение ее достижениями современных информационных технологий сделали ее не только доступной, но и сверхдоступной огромной массе. Потребитель, наконец, получил возможность смотреться не в одно гигантское, правильной формы, «зеркало народной жизни», а выбирать любое — даже темное и кривое... Журналистика как способ творческой деятельности ответила на родовую сущность людей — потребность в рефлексии, самопознании и самовыражении.

Современное общество, лицом к которому повернулась и Россия, создает совершенно новые ценности, основанные на радикальной индивидуализации социума, нивелировании и атомизации общественной жизни. Демократические завоевания в нашей стране также способствовали утверждению самосознающей индивидуальности, культивирующей свою отличность и автономность как ключевые жизненные ценности. Творчество, сотворчество (для аудитории) в сфере информации моментально отразило попытки таких рефлексирующих личностей увидеть мир в индивидуальном измерении.

Утверждение, что индивидуальное есть «живое зеркало универсума» (В. Лейбниц) поляризует ряды не только потребителей, но и самих создателей информации. И если последователи незыблемости евклидовых измерений действительности придерживаются охранительных позиций и не отступают от традиций общезначимости фактов, то радикальные сторонники индивидуалистических

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

прорывов к истине не стесняются в способах саморефлексии, неотличимых порой от саморазведения.

С одной стороны, почвой для буйного расцвета диких побегов индивидуализма послужило современное социальное пространство, отличающееся неопределенностью и нестабильностью. С другой стороны, фигуры демонстративного поведения мастеров эпатажной журналистики с четкой графической определенностью выявляют «разрешающие возможности сознания и мышления». Эпатаж нередко соседствует с грубым хулиганством и попранием прав других личностей. Как быть в таком случае?

Информационная картина мира все основательнее фрагментируется изысками мыслительных концепций, не столько отражающих, сколько выражающих человеческое бытие. Это одно из проявлений свободы информационной деятельности и в конечном итоге — творчества личности. Следовательно, должны складываться новые коммуникативные конвенции человеческой автономности и общности в опытах «публичной рефлексии» — в эфире или на страницах печати.

Сфера публичного, общественного опредмечивается различными семиотическими системами, важнейшей из которых является язык — речь устная и письменная. Следовательно, заявить о себе публично — значит найти словесно-образную форму, адекватную существующей в данный момент социокультурной и правовой норме. Но у этой проблемы есть по крайней мере два обстоятельства, делающих ее «перпетуум мобиле» для вновь и вновь возникающих противоречий. Во-первых, какой должна быть соотносительность норм языка и права, чтобы публичный характер личных притязаний не посягал на права других — в том числе общества и государства? И во-вторых, какие инстанции и на основе каких шкал и методик могли бы «уравновешивать» на весах Фемиды легкость слова с грузом ответственности за него? Толковый словарь русского языка есть далеко не у всех судей...

О том, что правовая и языковая нормы нуждаются в квалифицированном осмыслении специалистов, первыми заговорили практики — юристы и журналисты. В функции Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ входит и оказание экспертной помощи средствам массовой информации, органам правосудия при возникновении проблем «лингво-текстологического характера» (Законодательство, с. 290). Многообещающим в отношениях журналистики и права оказался опыт «специального комплексного научного исследования... допустимости и правомерности использования тех или иных языковых средств в

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

текстах СМИ» (Понятие чести и достоинства, с. 8), предпринятый Фондом защиты гласности при поддержке Центра права и средств массовой информации. Речь идет об издании пособия «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации». Журналисты из «первых уст» специалистов-лингвистов получили рекомендации по «смысловой защите» текстов, разъяснения по характеру лингвистического статуса инвективной, ругательной, обсценной лексики и фразеологии.

Но возможно ли выдать подробные инструкции на все случаи жизни? Возникали и будут возникать разночтения и нестыковки смыслов написанного журналистами и воспринятого читателями. Более того, развитие социальной коммуникации, основанной на современных информационных технологиях, не только не предполагает, но и тысячекратно усиливает «синдром публичности» любого высказывания. Электронные версии печатных изданий, гипертекстовые сайты телевизионных и радиоканалов не только делают достоянием публики конечный продукт творчества, но и позволяют приобщиться к особенностям его создания и оформления. Интерактивные методы создания социокультурного пространства, сотворчество в рамках массмедиа выносят на публику поток «черновых», ранее не предназначавшихся для всеобщего обозрения набросков коммуникативных актов. Все становится достоянием всех и почти мгновенно.

Современные интенсифицированные коммуникативные потоки не только преображают социокультурное пространство СМИ, но и, подобно взрывной волне, сметают опознавательные маяки — когнитивные коды информации, обеспечивающие общественное взаимопонимание. Детерминантами этих процессов становятся и новые коммуникативные стратегии, взятые на вооружение журналистами. Тенденция к преобладанию фактографичности, а вместе с ней и редуцированных форм интериоризации социальной жизни, вестернизация журналистики, опредмечивание новых, ранее неявных реалий (насилие, секс, катастрофы и т.п.) привели к таким потрясениям в социокультурном пространстве массмедиа, которые исследователи определяют как «шизосемиозис» (Суслова, 1996, с. 42). Информационная «агрессия» не могла не вызвать потрясений конвенциональных основ общественного взаимопонимания. Смена полюсов положительного и отрицательного, шоко-терапия натуралистически представленными фактами породили основу сокрушительного для российского самосознания конвенционального кризиса.

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

По результатам кросскультурного исследования, проведенного учеными Института психологии РАН, на современном этапе «преобладание морального сознания является первой характеристикой российского менталитета» (Абульханова, 1997, с. 23). Деструктивная коммуникативная стратегия СМИ подрывает основу менталитета, построенного на доминанте морали, на соотнесенности в народном представлении идей правды и справедливости. Конвенциональный кризис выражается в том, что современный контекст этико-правовой культуры, широко представляемый СМИ в качестве демократических социальных преобразований, резко контрастирует с еще живыми нормами и традициями коллективистской (социалистической — в лучшем своем проявлении) морали. Отсюда склонность масс рассматривать все происходящее в терминах морали.

В конвенциональном кризисе «моральных устоев» кроются истоки многих конфликтных ситуаций постперестроечного общества, ставших поводом для судебных исков. В народных судах Алтая — районном, а потом краевом — два года разрешалось дело о защите чести, достоинства и деловой репутации «первых лиц» края: губернатора, его замов и председателя Законодательного собрания. Ответчиком выступал Совет Алтайской организации партии «Демократический выбор России», который в своей политической листовке назвал бывших «товарищей» «героями капиталистического труда». В рамках предусмотренной судебной процедурой открытой состязательности истцы и ответчики занимались «дискурсивным» анализом оскорбительного для одной стороны и утвердительно для другой — словосочетания. Доводы носили в основном умозрительный характер и сводились к чисто моральным определениям. Суд согласился в конечном итоге с доводами истцов о том, что присвоение им звания «героев капиталистического труда» носит оскорбительный характер. При этом решающую роль сыграли представления о том, что в обществе господствует мнение об отрицательном характере капиталистического труда.

Отечественные психологи выяснили, что «социальные представления, являясь ведущими на современном этапе развития России, выполняют реальную жизненную и социальную функцию», но именно сегодня «...в обществе произошла дифференциация по комплексу социальных представлений, в каждом из которых образовались разные смысловые и функциональные «гештальты» (Абульханова, 1997, с. 34).

Поскольку социальные взаимоотношения носят публичный характер, то и конвенциональный кризис, несовпадение представле-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ний той или иной «конвенциональной морали», постоянно выражается в рассогласовании «гештальтов» в самых неожиданных моментах коммуникации. Причем рассогласование происходит как по социальному, интеллектуальному, так и по чисто психологическому признаку. Слишком настойчивое, порой агрессивное утверждение одного из участвующих в публичной коммуникации может неожиданно вылиться в затяжной кризис.

Краевая газета «Алтайская правда» в течение года в трех публикациях обличала алчных хозяев приватизированной квартиры, которые улучшили свои жилищные условия в ущерб соседям по дому. Судя по заголовкам публикаций: «*Атланты держат хаты на собственных ушах*» («Алтайская правда», 1997, 15 февр.), «*Атланты все еще держатся*» («Алтайская правда», 1997, 6 марта), «*Куда он клюнул вас, петух эркера?*» («Алтайская правда», 1998, 2 февр.), — авторы публикаций были абсолютно уверены в истинности своих представлений о сути происходящего. Но стоило одному из «героев» газетных статей пригрозить судебным иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, как редколлегия в официальном опровержении добровольно, без судебного решения, принесла свои извинения. За что же расшаркивалась перед «умаленным» ею гражданином одна из крупнейших региональных газет страны? Вот как сообщает об этом сама редколлегия в тексте опровержения:

«Как объяснил Заславский, оскорбительными, на его взгляд, являются выражения «новые русские», «творец нового быта» и следующая цитата: «...в один прекрасный момент ванна могла пожаловать на обед к Хановичам (или на завтрак, ужин). Как шутили друзья Валентина Евсеевича, хорошо, если с хозяйкой, все же зрелище...». Приносим свои извинения, особо — нотариусу Евгению Иконниковой, в отношении которой автор высказал столь нелепое предположение» (Вокруг эркера).

Явная ирония, которой сопровождается акт публичного покаяния газеты, в данном случае лишь прикрывает досаду по поводу того, что приходится «посыпать голову пеплом». Не потому, что суд, обратись туда истец с иском на газету, возьмет да истолкует выражение «новые русские» как оскорбительное для приличного человека. (Хотя и это возможно при нынешнем состоянии лингвистической экспертизы). Вариант досудебного разрешения конфликта был выбран скорее потому, что в предыдущих публикациях были упущены некоторые факты, в совокупности своей, по мнению истца, носящие оскорбительный характер. Признаваясь в упущениях, газета вновь иронизирует:

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

«Как утверждает Заславский, стены эркера, не предусмотренные первоначальным проектом, сложены в полкирпича, а не в кирпич, как написано в репортаже. Кроме того, в заявлении содержатся утверждения, что ванна и унитаз новых хозяев имеют не европейское происхождение, а пол покрыт не ламинатом. Нет слов — ошиблись. Приносим извинения за неточность».

Между тем у слова «неточность» есть синонимы: «неправильность», «ошибка» (Александрова, 1969, с. 281). Именно в этом значении «неточность» выступает в качестве юридического термина «распространение фактов, не соответствующих действительности». На уровне здравого смысла неточность сообщенной информации как раз и воспринимается человеком как умаление его чести и достоинства, поскольку это неправда, ложь, полуправда, ложь умолчанием.

Судебные тяжбы по поводу защиты чести, достоинства и деловой репутации растягиваются на месяцы, а то и годы в большинстве случаев именно по причине сложности лингвоюридического толкования преднамеренности или случайности появления в публичной коммуникации таких семантических фигур, как умолчание и полуправда.

Когда в судебном заседании разбирается ситуация, вызванная «фигурой умолчания» в публичном тексте, стороны напоминают героев платоновского «Чевенгура»: каждый понимает свое, родное, не понимая... того, что все это значит. Нет единства и у квалифицированных исследователей. Всесторонне рассматривая такие явления, как «ложь умолчанием» и «полуправда», В. Свинцов, например, отмечает определенные затруднения в их определении (Свинцов, 1994, с. 36). Одни ученые «ложь умолчанием» приравнивают к обычной лжи, другие квалифицируют ее как диссимуляционную дезинформацию (в отличие от элементарных ложных сообщений — симуляционной дезинформации). Парадоксально уже само по себе сочетание терминов «ложь» и «замалчивание» в одной речевой конструкции. Ведь ложь (дезинформация) содержится в высказываниях, не соответствующих действительности. То есть, как и истина, ложь предполагает продуцирование высказываний. Но можно ли считать дезинформацией, ложью ситуацию, в которой высказывание как таковое отсутствует и вместо него имеется некий «атом молчания»? Каким образом некая «информационная пустота» принимает на себя дезинформационную функцию?

Исследователь В. Свинцов предлагает в качестве одного из вариантов разрешения этого парадокса ввести понятие о нормах коммуникации. В общем виде эти нормы можно выразить в следу-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ющем: из множества всех фактов, потенциально доступных передаче, выделяется подмножество, образующее поле облигативной информации — информации, обязательной для передачи. Если какой-либо факт, входящий в поле облигативной информации, имеет место, то коммуникатор обязан сообщить об этом реципиенту. Совокупность подобных информационных установок и образует систему коммуникационных норм.

В нарушении коммуникационных норм и заключается сущность феномена «ложь умолчанием». В чистом виде она встречается редко: в тех случаях, когда отсутствует не только информация о данном факте, но и вообще какое бы то ни было сообщение, которое коммуникатор направил реципиенту. Гораздо чаще встречаются сообщения, которые содержат набор (и подчас большой) достоверных сведений, однако данные о каком-то факте, входящем в поле облигативной информации, отсутствуют. Таким образом, «ложь умолчанием» образует как бы глубинную основу полуправды, которая включает в себя сообщения или группы сообщений. В них отсутствуют элементы облигативной информации, вследствие чего у реципиента возникает ошибочное, ложное представление о каком-либо объекте.

Но что значит «коммуникатор должен информировать реципиента о некоем факте», если последний не входит в поле облигативной информации? Понятие долженствования может охватывать разные по своей природе и силе действия нормы коммуникации. В зависимости от этого можно говорить о разнообразных коммуникативных конвенциях (метаинформационных). Главное различие между ними состоит в степени строгости, определенности (фиксированности) двух нормативных элементов — информационного статуса коммуникантов и поля облигативной информации. С этой точки зрения, по мнению В. Свинцова, могут быть выделены 3 типа коммуникационных конвенций:

1. В некоторых социально-информационных конвенциях оба вышеуказанных элемента зафиксированы с оптимальной степенью строгости. Это конвенции, в которых официально (юридически или административно) определены позиции коммуникантов и столь же четко обозначено поле облигативной информации. Здесь обычно действуют так называемые сильные нормы, нарушение которых влечет за собой применение соответствующих санкций. Речь идет о ситуациях, обязанность сообщать всю полноту информации о которых возлагается соответствующими законами на лиц, отвечающих за ту или иную сферу общественной жизни. Это работники АЭС, санэпидемслужб, МЧС и других инстанций, напрямую свя-

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

занных с жизнью, здоровьем и безопасностью общества. Журналисты освобождены законами от ответственности за достоверность сообщенной ими информации, но свободны в форме ее обнародования, способах верстки на газетных полосах и монтажа в выпусках теле- и радиопередач. Вот здесь-то и возникают разногласия, связанные с поводом для возбуждения иска о защите деловой репутации организации, фирмы, учреждения. Подобные дела в гражданских судах относятся к категории самых «долгоиграющих»: попробуй определи «по закону» степень вины редакции газеты, ненароком поместившей публикацию «не в том» содержательном контексте! Так, в народном суде Центрального района г. Барнаула два года рассматривается иск о защите деловой репутации газеты «Купи-продай» к управлению по антимонопольной политике, обвинившему редакцию в корыстном использовании данных об одной коммерческой фирме. В традиционных методах анализа конфликта просматриваются некие намеки, намерения, аллюзии — те интенциональные эффекты, которые как раз и задевают за живое. Но как представить их в прокрустовом ложе объективных доказательств?

2. Существуют явные (официально зафиксированные) коммуникативные конвенции, в которых точно определенные позиции коммуникантов сочетаются с размытыми представлениями об облигативной информации. Такие конвенции широко распространены в различных информационных каналах, где циркулируют «восходящие» и «нисходящие» отчеты, сводки и прочая официальная документация. Так как в данном случае поле облигативной информации не определено с должной степенью точности, создаются возможности манипулировать благоприятной и неблагоприятной для коммуникатора информацией. В рамках этой явной коммуникативной конвенции в основном и вершится авторский произвол, называемый (в судебных заседаниях особенно пафосно) свободой интерпретации и правом на использование информации. Судьи, далекие от проблем интерпретации смысла и структурирования текста, ищут хоть малейшую зацепку из мира привычных критериев. И — неудивительно! — находят их. Так, иск следователя прокуратуры Железнодорожного района г. Барнаула к газете «Вечерний Барнаул» после долгих разбирательств был направлен в русло традиционного умаления чести и достоинства путем распространения недостоверной информации. На самом же деле автор публикации нарушил норму, определенную процессуальным кодексом, — норму работы с информацией по делу, находящемуся на расследовании, — и самовольно вынес на страницы газеты «рабочую», не имеющую окончательной силы версию.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

3. Существуют некие неявные коммуникативные конвенции, в которых не только статус коммуникантов не может быть точно зафиксирован, но и граница между обязательной и факультативной информацией, по сути дела, всегда размыта. Конвенции этого типа реализуются в большинстве публицистических и даже информационных материалов массмедиа, открывая широкие границы как для творчества, так и для нарушения законов о защите чести и достоинства, защите информации и т.п. Разбирая подобные конфликтные ситуации, судьи не сразу могут определить, можно ли считать оценку журналиста «сведениями, не соответствующими действительности». Как правило, за попытку «свое суждение иметь» редакциям приходится расплачиваться морально и материально. Но по-настоящему проведенная экспертиза может дать совершенно нетипичные для нынешней судебной практики результаты. Так, Арбитражный суд Свердловской области, рассмотрев в судебном заседании дело по иску Свердловской государственной телерадиовещательной компании к ИЧП И.В. Шеремета «Телевизионное агентство Урала», пришел к выводу, что передачи, которые стали поводом для искового заявления, действительно содержат резкие и недостаточно корректные высказывания в адрес СГТРК, но эти высказывания носят оценочный характер, выражают позицию и отношение ответчика к работе СГТРК, конкретных фактов или сведений, порочащих деловую репутацию истца, в своих текстах не имеют. То есть содержание этих передач не подпадает под признаки распространения сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию СГТРК («Руки развязаны», 1997, с. 1). Случай нечастый, так как право журналиста «излагать свои личные суждения и мнения», нормированное статьей 47 Закона РФ о СМИ, признается «де-юре» только при самом квалифицированном анализе характера оценочности в тексте.

Таким образом, знание норм коммуникации, умение грамотно провести текстологическую экспертизу может обеспечить анализ самой каверзной ситуации в соответствии с буквой и духом закона. Пока же журналист в ходе судебного заседания упорно доказывает свое право отбирать и интерпретировать факты, истец же апеллирует к статьям 49 и 51 «Законодательства РФ о СМИ», обязывающим давать исчерпывающую и достоверную информацию. Адвокаты и судьи тщательно следят за состязательностью сторон в судебном заседании, не вмешиваясь активно в «урок правописания». Разбирательство, грозящее зайти в тупик, на какое-то время проясняет заключение эксперта. Иногда лингвиста, но чаще всего работника сферы, приближенной к объекту конфликтной ситуа-

Инстанция истины: О соотношении норм языка и права

ции. Так, в судебном иске к районной газете «Тальменская жизнь» экспертом выступил безымянный отдел информации комитета по печати и информации администрации края. По иску к Рубцовской телекомпании «ТВ-3» экспертное заключение выдано заместителем редактора городской газеты «Местное время». Об уровне экспертизы можно судить хотя бы по последнему из них: *«В своем собственном кратком комментарии в репортаже из зала суда журналист Л. Жовнир использовала только нормативную лексику русского литературного языка, нет в нем слов и выражений грубой эмоциональной окраски».*

Мольеровский господин Журден не знал, что говорит прозой... Ни о каком анализе нарушения норм языка, стиля, коммуникативных конвенций речи, конечно, не ведется. Суды принимают решения на основе формализованных признаков соответствия общеупотребительным нормам права, языка и морали. Но, как выясняется, все эти области претерпевают сокрушительные изменения, будучи включенными в процессы современной публичной коммуникации. Следовательно, приближением к истине должны заниматься специалисты подобающей квалификации.

Создание института экспертов юрислингвистической и лингвоюридической специализаций актуально для практики судебного разрешения споров, связанных с функционированием массмедиа. Процесс складывания правового пространства уже не может обойтись без специального — постоянно действующего при судах или временно создаваемого — экспертного совета по проблемам корректности вербальных видов коммуникации. Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ, Фонд защиты гласности и Центр права и СМИ, зарекомендовавшие себя в качестве профессиональных арбитров и посредников, могли бы разработать и предложить в качестве обязательных рекомендации по составу и уровню компетенции экспертов, которым позволительно доверять лингво-текстологическую экспертизу в судах различной инстанции.

...Чем черт не шутит, пока бог спит! Как сообщили интернет-источники, казаки Войска Донского, явно не доверяя суду, приняли решение высечь плетью корреспондента газеты «Комсомольская правда» за умаление чести и достоинства своего атамана. С момента написания письма турецкому султану казаки, как известно, слынут крупными знатоками слова. Значит, они поняли бы заключение профессионального эксперта, не прибегая к публичной порке.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Литература

Абульханова К.А. Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы// Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., Институт психологии РАН, 1997.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969.

Вокруг эркера// Алтайская правда. 1998, 23 июня.

Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. М., Гардарика, 1996.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и нормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Руки развязаны?// Факс. Журнал уральских журналистов. 1997. № 4.

Свинцов В. Правда, которая не является правдой// Свободная мысль. 1994. № 2/3. С. 30–38.

Суслова О.Ю. Шизосемиозис коммуникативного пространства в постсовременности// Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1996.

*Текст предоставлен
Ассоциацией «Лексис»*

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

СПОРНАЯ ЧАСТЬ ТЕКСТА: АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ

*С.А. Кузнецов
доктор филологических наук,
ученый секретарь Института
лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург)*

В моей практике лингвистических экспертиз (из трех десятков дел) был только один бесспорный случай, когда истца оскорбили словом «мудак» в газетной публикации¹. Другие судебные споры, связанные с защитой чести, достоинства и деловой репутации, не были столь очевидными. Природа большинства спорных мест в текстах, вызывающих судебное рассмотрение, на мой взгляд, заключается в разных трактовках языковых фактов, порождаемых речевой деятельностью.

Мне неоднократно приходилось бывать в ситуации, когда на вопросы по поводу одного и того же текста лингвисты давали противоречащие друг другу ответы. В одном случае я даже делал экспертизу текста уже после того, как два доцента одной и той же кафедры представили в суд два прямо противоположных заключения.

Я полагаю, что лингвисты склонны подходить к анализу любого текста с позиций общей теории и типологии значимых элементов системы языка. Ведь принципы и методы такого анализа хорошо разработаны и подробно описаны в научной литературе. Между тем экспертные исследования, которые лингвистам приходится делать в суде, должны не только понятно объяснять конкретную речевую ситуацию, но и учитывать смысловую перспективу высказывания, именно там семасиология языка преобразуется в семасиологию речи, а значения слов приобретают уникальные смыслы, обогащенные знанием соответствующей внеязыковой ситуации и определенным суждением о ней. Это даст возможность объективно оценить не только фиксированные «словарные» языковые значения, но и те значения, которые возникают в потоке речи.

¹ Например, за английское слово того же ряда (топон), тихо произнесенное в адрес выступавшего президента Дж. Буша-младшего, пресс-секретарь канадского премьер-министра Франсуаза Дюкро была немедленно уволена. Этот случай ясно показывает, что негативная оценка личности ни при каких обстоятельствах не может быть принята.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

В центре внимания этого доклада находятся такие имплицитные компоненты содержания, которые являются составной частью авторской интенции, входят в авторский замысел текста. Имплицитный смысл, вложенный в текст осознанно, называется подтекстом. Подтекст может быть простым и сложным, дополняющим или даже вытесняющим эксплицитное значение текста.

В качестве иллюстрации случая вытеснения эксплицитных языковых значений скрытым смыслом приведу пример. В газете «Петербургский калейдоскоп» в 1997 году была опубликована статья «*Валерий Мандрыкин был «смотрящим» от «тамбовцев»?*». В преамбуле говорилось, что в статье собраны различные слухи и мнения по поводу убийства вице-президента ЗАО «Несте Санкт-Петербург» Мандрыкина, доказать которые невозможно. Первый же абзац статьи содержал слова: «...считается, например, что «тамбовскому» сообществу принадлежат такие предприятия, как «Балтийская финансово-промышленная группа» ... «Балт-трейд» и некоторые другие предприятия».

Полагая, что статья содержит сведения, порочащие деловую репутацию, руководства АОЗТ «Балтийская ФПГ» и АОЗТ «Балт-трейд» обратились в арбитражный суд с иском к газете.

Для экспертной оценки текста ключевыми были несколько обстоятельств:

1. Автор статьи использовал выражения «*существует устойчивое мнение*», «*существует мнение*», «*считается*», «*также ходят слухи*» для распространения голословных утверждений, связанных с обстоятельствами гибели В. Мандрыкина.

2. Статья, строго говоря, не содержала ссылок на какие-либо сведения, полученные из компетентных источников, и не была подкреплена какими-либо проверяемыми доказательствами. Хотя в качестве единственной причины смерти Мандрыкина указывалась борьба за передел рынка нефтепродуктов между двумя враждующими на этой почве криминальными группировками.

3. Поскольку статья была написана в жанре журналистского расследования, а текст не содержал фактических сведений или ссылок на чьи-либо мнения, то читатель неизбежно делал вывод, что оговорки типа «*существует мнение*» или «*ходят слухи*» на самом деле должны прочитываться как авторское «*считаю доказанным*», «*мне достоверно известно*». Поэтому пересказ слухов, содержащийся в статье, должен был восприниматься как авторская оценка личных моральных качеств руководителей указанных предприятий («*члены тамбовского преступного сообщества*»).

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

Суд первой инстанции признал статью порочащей деловую репутацию истцов и обязал газету опубликовать опровержение. Однако апелляционная инстанция, указав на то, что не было самого факта распространения порочащих сведений, это решение отменила и в иске отказала². Вероятно, с правовой точки зрения решение апелляционной инстанции было правильным, поскольку «слухи», не обладая свойством достоверности и доказуемости независимо от способа их распространения, действительно не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Само их существование не поддается объективной проверке.

С точки зрения лингвиста, содержание статьи порочило деловую репутацию истцов, так как указание на наличие слухов и мнений в тексте подавалось читателю как скрытое утверждение о наличии сведений (фактов), которых эти слухи касаются.

Как известно, вместе с кодифицированной знаковой информацией употребление слова в речи несет и разнообразные дополнительные сведения, обусловленные не языковыми значениями, а знанием мира, т.е. естественных связей — причинно-следственных, временных, пространственных, ассоциативных, коннотативных и т.п., знание которых является естественным для слушателя. В тексте эти связи обычно никак не проявляются, хотя часто такое знание становится основой тех умозаключений (дедуктивных и индуктивных), которые делаются слушателем под воздействием воспринимаемого им текста. Такая связь между двумя фактами, возникающая в соответствии с логической операцией «если..., то...», «Если А, то В» называется импликацией. В этом случае один факт, имеющий формальное языковое выражение, актуализирует в сознании мысль, не имеющую формального выражения, о другом факте. Такие скрытые значения текста могут быть неосознанными, произвольными и осознанными, намеренными.

Статья о Валерии Мандрыкине была написана таким образом, что сведения о порочащих слухах воспринимались читателем как сведения о порочащих фактах. Заявленная цель статьи — рассказать читателям о слухах и мнениях — была фактически подменена изложением авторского мнения. В качестве импликации читатель делал заключение, что упомянутые в статье фирмы являются бандитскими. Такая импликация, подтверждаемая формально выраженными языковыми значениями, вне зависимости от истинного положения дел нанесла явный ущерб деловой репутации. Если за-

² Защита деловой репутации. Судебная практика. Постановление от 17 марта 1998 г. // Арбитражные споры № 3–4, 1998. С. 111–112.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

кон о защите чести, достоинства и деловой репутации призван защищать личность от оскорбительных оценок, то именно этот случай можно, на мой взгляд, рассматривать как один из ясных.

Менее ясной представляется ситуация, когда негативно оценивается не сама личность, не личностные свойства человека, а действия, которые совершил человек, или сведения, связанные с действиями человека. Свобода авторской оценки фактов (сведений) гарантируется принципом свободы слова, который ограничен только запретом на искажение фактов. Казалось бы, свобода высказывания своего мнения по поводу фактов ограничена уголовной статьей о клевете и объективно не может подпадать под действие закона о защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако на практике негативная оценка чьих-либо действий часто воспринимается как оскорбительная оценка личности. В этих случаях, несмотря на то, что суды принимают к рассмотрению дело о защите чести, подспудно все равно возникает вопрос: являются ли сведения, изложенные в тексте, ложными, т.е. являются ли утверждения, содержащиеся в тексте, клеветой или нет. Такое исследование, на мой взгляд, находится вне компетенции лингвистов.

Объектом лингвистической экспертизы должно быть слово, а не факт, поэтому необходимо строго разграничивать мнение автора о самом человеке, о его личности и мнение автора о фактах, которые связаны с личностью. Я считаю, что любое мнение о человеке всегда является оценкой личности: хорошее мнение — хорошая оценка, плохое мнение — плохая оценка. Но если текст содержит авторское мнение о фактах, то вопрос о том, содержится ли в тексте мнение автора о личности, необходимо исследовать специально. В качестве примера приведу представленную на экспертизу заметку «*Бизнес на пеньках*», опубликованную в газете «Аргументы и факты — Петербург»³.

Автор заметки иронически описывал деятельность одного из руководителей местного отделения партии зеленых Владимира Гущина, который впоследствии обратился в суд с иском о защите деловой репутации.

Как показал анализ текста, общий смысл заметки сводится к утверждению, что Гушин создает первичные организации для того, чтобы с их помощью получать деньги из западных благотворительных фондов. Это утверждение составляет исходную базу силлогизма, которую можно сформулировать таким образом: если Гушин руководит несколькими экологическими организациями, то это

³ Бизнес на пеньках // АиФ-Петербург, № 36 (159) 1996. С. 4.

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

должно приносить кому-то пользу. Импликация, которую читатели могли сделать при чтении статьи, проясняла, кому именно выгодна подобная деятельность. В отличие от предыдущего текста о слухах и устойчивом мнении про «тамбовцев» в этой статье приводились фактические сведения (после их перечисления в скобках приводится часть текста, относящаяся к выделенным сведениям):

1. В рабочем кабинете Гущина зарегистрированы 11 экологических организаций.

2. Эти организации имеют один и тот же контактный телефон — телефон кабинета Гущина.

3. Гущин является сопредседателем «Партии зеленых Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

Эти факты содержатся в начале заметки (*В тесном кабинете на Большой Конюшенной, дом 8-а (Дом природы) зарегистрировано... 11 экологических организаций. Все они откликаются на один и тот же телефон сопредседателя «Партии зеленых Санкт-Петербурга и Ленинградской области» Владимира Гущина*).

4. Гущин руководит организациями, у которых его кабинет указан в качестве юридического адреса.

(Неутомимый Владимир Александрович денно и ночью руководит такими мощными формированиями, как «Общественный комитет по борьбе с организованной экологической преступностью», «Зеленый союз Санкт-Петербурга и Ленинградской области», «Молодежная инспекция по охране природы», «Группа спецконтроля за памятниками природы» и некоторыми другими).

5. Результаты работы этих организаций трудно проверить.

6. Некоторые из этих организаций получают финансовую помощь от западных коллег.

(Трудно увидеть воочию результаты работы и актив всех этих групп и союзов, но Гущина это волнует мало. Главная его страсть — гранты. Да, да, элементарная финансовая помощь с Запада, которая нет-нет да и капнет то в одну, то в другую дутую организацию. Вот и весь секрет титанической работоспособности Владимира).

7. Для получения финансовой помощи используется методическая брошюра «Как обеспечить грант».

8. Существует организация по использованию экстрасенсорики в целях охраны папоротников.

9. После проведения вновь зарегистрированной организацией какого-либо общественно значимого действия на ее дальнейшую деятельность у западных коллег (экологические фонды Швеции, Франции, Финляндии и др.) запрашиваются деньги.

10. Эти деньги иногда поступают на счета таких организаций.

(Никакой тайны здесь нет. Среди наших доморощенных экологов уже давно в ходу методическая брошюра-распечатка под заголовком: «Как обеспечить грант». С помпой создается, скажем, организация по использованию экстрасенсорики в целях охраны... папоротников (и такая зарегистрирована в рабочем кабинете Гущина). О ней объявляется через информационное агентство, выдумывается пара акций, затем следуют заявки на матпомощь в экологические фонды Швеции, Франции, Финляндии и т.п. Иногда это срабатывает, доверчивые иностранцы присылают кругленькую сумму в долларах, и сумма эта позволяет «крутить динамо» дальше).

11. Петербургские члены партии «зеленых» перестают признавать Гущина в качестве сопредседателя своей партии.

12. Одной из организаций, созданных при участии Гущина, является «Лига защиты городской крапивы».

(Слов нет, Владимир — талантливый человек. Настолько талантливый, что питерская партия «зеленых» уже начинает открещиваться от своего слишком предприимчивого сопредседателя. Мол, с живыми браконьерами надо бороться, а не «первичные организации» плодить. Но ведь кому что ближе. Так что если добрый Запад скоро выделит грант для «Лиги защиты городской крапивы», не удивляйтесь — это еще одно детище предприимчивого эколога).

Изложенные факты подвергаются автором оценочной характеристике, тем самым он добивается прагматической цели — убедить читателей в том, что приведенные факты соответствуют истине, а их трактовка является объективной.

Важным смысловым элементом заметки является аллюзия во вступительном абзаце, который задает иронический тон всему остальному тексту. Литературная аллюзия на одного из героев «Золотого теленка» негативно окрашивает все перечисляемые дальше факты, становясь бóльшей посылкой полисиллогизма, являющегося каркасом всего текста.

(Когда Александр Иванович Корейко основал в жилой комнате химическую артель «Реваниш» и с большим портфелем отправился собирать кредиты, он не знал, что у него найдутся последователи куда более изобретательные).

Логико-смысловое содержание любого текста предполагает «решение уравнений», то есть построение модели того коммуникативного процесса, в ходе которого сообщение возникло. Анализ естественного языка показывает, что, помимо удивительного многообразия форм реализации умозаключений, в обычных текстах presupпозиции (презюмции), как правило, опускаются. С формаль-

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

ной точки зрения, эти своего рода лакуны в тексте должны восприниматься как отклонение от стандартов полной передачи смыслов, совершающихся по определенным логическим образцам, однако этого не происходит в силу привычности таких пропусков. Хотя опущенное суждение — всегда общеизвестная, априорная истина, не требующая доказательств, однако в естественном языке говорящий сам часто устанавливает свои «истины», которые не всегда совпадают с общепринятыми или научно доказанными. Поэтому при общей оценке текста важную роль играет критерий истинности предъявляемых в тексте фактов. Проверка этого критерия не может быть частью лингвистической экспертизы. Поэтому основной вывод этой экспертизы текста о действиях руководителей экологов был такой: если перечисленные в заметке факты соответствуют действительности, то их трактовка отражает существо дела, поскольку логическая линия рассуждений восстанавливается полностью, без пробелов, является с языковой точки зрения закономерной и не наносит ущерба чести и достоинству истца.

Довольно часто случается так, что текст не содержит признаков оскорбительной оценки личности, но является тем не менее для человека обидным. В качестве иллюстрации приведу экспертизу, проведенную по решению Петрозаводского суда. Истец обратился в суд с просьбой о компенсации морального вреда, нанесенного ему публикацией в газете «Столица Карелии» статьи «Петрозаводскмаш в позе лотоса»⁴ и статьи «Распальцовка в виде лотоса»⁵. Истец утверждал, что выражение «...выполняют лишь роль ширмы» означает «его нечестность, недобросовестность по отношению к третьим лицам, его желание прикрыть своими действиями намерения и действия другого лица», а слово «распальцовка» автор статей использует для того, чтобы указать на криминальный характер действий истца.

В экспертном заключении указывалось, что выражение «...выполняют лишь роль ширмы» означает «служат прикрытием для кого-, чего-л.», однако оно не является самодостаточным. Анализируемое выражение должно быть дополнено предложением, определяющим в статье существительное «ширма». Установление точного соответствия между подлежащим основного предложения и подлежащими второстепенных предложений рассматриваемого фрагмента текста позволяет утверждать, что выражение «...выполняют лишь роль ширмы» автор соотносит не с личностями, а с именами

⁴ «Петрозаводскмаш» в позе лотоса // Столица Карелии, № 5 от 1.02.2001.

⁵ Распальцовка в виде лотоса // Столица Карелии, № 17 от 26.04.2001.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

супругов Ситяшенко, так как за *ширмой скрывается имя истинного владельца*. Иными словами, автор газетной статьи на самом деле утверждает, что *«имена четы Ситяшенко являются лишь прикрытием для имени истинного владельца акций»*. Речь в исследуемом отрывке идет только об именах, журналист избегает каких бы то ни было оценок личности Ситяшенко и вместе с тем опосредованно (не нанося ущерба чести и достоинству супругов) высказывает свое мнение о степени самостоятельности владения ими акциями завода⁶. Никаких иных смыслов исследуемый текст не содержит, хотя, возможно, дает почву для его произвольных трактовок. Например, упрек Л.Ситяшенко, высказанный в его письме, опубликованном газетой, — *«ширма» — такую роль в семье определил для меня и моей жены Анатолий Брусилев*⁷, — является необоснованным. Таким образом, выражение *«...выполняют лишь роль ширмы»* не означает и не может означать оценки личных качеств истца.

Кстати сказать, мнение, высказываемое автором статьи, относительно несамостоятельного владения акциями подкреплялось в тексте несколькими аргументами, истинность или ложность которых невозможно проверить лингвистическими методами.

По поводу слова «распальцовка» в экспертизе было дано разъяснение, что оно, находясь на дальней периферии русского литературного языка, используется в молодежном жаргоне для характеристики так называемых «новых русских» (разнородной социальной группы быстро разбогатевших людей). Слово «распальцовка» указывает на те жесты рукой, сопровождающие речь «нового русского», которыми он пытается подчеркнуть собственную значимость, авторитетность, солидность. Слово входит в один смысловой ряд со словом «понт» и означает: *«внушительный вид; важничанье; апломб, гонор; заносчивость, спесь»*. Это слово — результат стяжения фразеологизма «делать пальцы веером» (имеющего тот же смысл, что и «держаться с понтом», понтить).

С одной стороны, заголовок «Распальцовка в виде лотоса» структурно объединяет всю подборку материалов: вводную статью, пересказывающую суть предыдущей публикации, письмо Ситяшенко в редакцию и подробный ответ на него. Думается, что таким образом автор определял смысловую стержень всей подборки. Слово «лотос» здесь использовалось, по всей видимости, лишь для указания на предыдущую публикацию.

⁶ Автор статьи считал, что истинным владельцем акций завода является муж дочери пенсионеров Ситяшенко.

⁷ Распальцовка в виде Лотоса // Столица Карелии № 17 от 26 апреля 2001.

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

С другой стороны, содержание заголовка газетной полосы относится прежде всего к письму Ситяшенко, так как оценивает его общий смысл. Поэтому заголовок означает: «заносчивость, важничанье нового русского», а высказываемое в ответе редакции мнение о содержании письма Ситяшенко совпадает с общей оценкой письма, данной в заголовке.

Несмотря на то что смысл заголовка «Распальцовка в виде лотоса» не поддается однозначному толкованию, можно со всей определенностью утверждать, что заголовок отражает мнение журналиста о содержании письма Ситяшенко, а не о нем самом. Этим заголовком журналист утверждает, что письмо Ситяшенко в газету есть «распальцовка в виде лотоса». В тексте редакционной статьи приводятся факты, подтверждающие это мнение.

В экспертизе делался общий вывод, что текст публикаций содержит ясно выраженное мнение журналиста о фактах, событиях, отношениях, а не о личностях. С точки зрения эксперта, честь, достоинство и деловая репутация истца задеты не были, хотя смысловые импликации, которые неизбежно делал читатель, вполне возможно, показались истцу обидными и потому вызвали его досаду и раздражение.

Это судебное дело подтверждает насущность вопроса: может ли текст, который содержит авторскую оценку действий человека, осмыслиться экспертом как содержащий скрытую оценку самой этой личности. Я думаю, что, рассуждая об ответе на этот вопрос, необходимо учесть тонкую грань, отделяющую действия, прямо характеризующие личность, от всех других действий человека. В качестве актуального примера здесь можно вспомнить недавний пассаж В.В. Путина, касающийся процедуры обрезания. Слова президента не содержали скрытых оценок личности корреспондента, но ироничное приглашение в Москву на обрезание, в результате которого «ничего не вырастет», вызвало резкий эмоциональный протест. Продолжая примеры, можно заметить, что, если бы автор заметки о действиях эколога Гущина вместо использования аллюзии на персонажа из «Золотого теленка» прямо указал, что Гущин является последователем Корейко или действует, как Корейко, — это можно было бы рассматривать как оскорбление. Если бы автор статей о владельце акций завода заявил, что Ситяшенко является ширмой, за которой скрывается другой человек, — это, на мой взгляд, порочило бы репутацию истца, поскольку оценивало бы самого человека.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Оборотная сторона этой проблемы, на мой взгляд, заключается в вопросе: может ли эксперт проводить содержательный анализ текста для определения логических противоречий между выводами и исходными посылками?

При ответе на этот вопрос я исхожу из того, что импликационные процессы, возникающие под воздействием полученной знаковой информации, являются производными от нее. Они лежат в сфере мыслительных процессов, порождаемых текстом, и являются фактом сознания, а не языка. В этом состоит принципиальное различие между языковыми и импликационными значениями. Лингвистическая экспертиза должна опираться прежде всего на языковые значения, порождаемые в речи. Исследование языковых значений ограничивает глубину интерпретации анализируемого текста и очерчивает объективные границы, отделяющие лингвистический анализ текста от порождения собственного смысла, приписываемого тексту.

В качестве примера приведу экспертное заключение, в котором использовался логико-содержательный анализ текста. Исследовалась заметка, опубликованная в журнале «Телеман», *«Никаких Prodigy в Петербурге не ожидается»*. Истцы утверждали, что в ней содержался призыв не ходить на концерт, поэтому выступления группы прошли в полупустом зале.

Экспертизой было установлено, что в тексте делалось три утверждения о предстоящем концерте группы «Джилтед дженерейшн»:

Утверждение 1. В Петербурге висят афиши, рекламирующие концерт ансамбля «Продиджи». (Этим утверждением начинается текст: *«Вы наверняка обратили внимание на афиши, расклеенные по Петербургу и рекламирующие концерт в ДС «Юбилейный» 25 сентября»*).

Утверждение 2. На самом деле в ДС «Юбилейный» будет выступать другой ансамбль. (Это утверждение содержится во втором предложении: *«Если у вас еще остались сомнения, то сообщаем — это не Prodigy»*).

Утверждение 3. Организаторы концерта не дают ясных ответов на вопросы, связанные с предстоящим концертом. (Это утверждение содержит фразы предпоследнего абзаца статьи: *«На все эти вопросы организаторы дают уклончивые ответы, ссылаясь на неточность условий контракта и нерадивость исполнителей. Мол, кто-то кого-то не так понял»*).

Утверждение о том, что *«организаторы концерта дают уклончивые ответы»*, основывается на общем недоверии автора заметки

Спорная часть текста: анализ имплицитных компонентов содержания

Грицай к действиям организаторов концерта («Учитывая обманчивое оформление афиши, и в остальное верится с трудом», т.е. автор с трудом верит в то, что сообщают о концерте его организаторы). Действия организаторов, по мнению Грицай, направлены на обман зрителей. Обман ей видится и в оформлении афиши, и в тех пояснениях, которые дают организаторы концерта. Тем самым все слова и действия организаторов концерта оказываются неправомерными, т.е. не имеющими законных оснований и совершающимися неправильно.

Из текста заметки становится ясно, что фоном для афиши послужила обложка альбома Prodigy 1994 года Music for the Jilted Generation. На самой афише было по-русски указано: «25 сентября в 20.00 в ДС «Юбилейный» 2 часа безумной энергии». Кроме этого на афише была изображена символика ряда фирм. Никаких других указаний афиша не содержит.

Слова организаторов концерта были введены в текст статьи после союза «якобы», так автор выразил свое неверие в правдивость сообщаемых сведений: «По словам организаторов, едет английская группа Jilted Generation, в которой **якобы** играет Лизэм Хаулетт, лидер легендарных Prodigy. Коллектив должен исполнить как свои, так и хиты Prodigy — отсюда и красноречивые афиши. Полтора часовую вечеринку будет вести диджей Цветкофф, а посетить ее обещает в качестве гостя сам Кейт Флинт».

Будущий концерт, по мнению автора, без сомнения должен подтвердить ту негативную оценку, которая дается в статье действиям организаторов концерта. «Вы, **конечно**, можете во всем разобратся сами, купив билет на концерт за 100 или 300 рублей».

Таким образом, в качестве вывода автор предложил читателям задуматься: стоит ли читателю статьи, заплатив от 100 до 300 рублей, на собственном опыте убеждаться в том, что его обманули.

Следуя за авторской оценкой фактов, читатель должен сделать следующую импликацию: раз организаторы меня пытаются обмануть, то ходить на этот концерт не стоит.

Экспертиза показала, исходя из логики изложения фактической стороны дела, авторский вывод должен быть другим, а именно: организаторы пытаются привлечь публику на концерт, где будет исполняться музыка ансамбля «Продиджи», но читатель должен сам решать, нужно ли ему идти туда, где собственно «Продиджи» выступать не будет.

Для того чтобы анализировать подобные тексты, необходим строгий и последовательный контроль процедуры выявления связей формально выраженных языковых значений с совокупными

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

условиями их реализации. Определение таких контекстных связей и есть интерпретация текста. Основу лингвистической интерпретации текста должны составлять материально выраженные единицы языка. Такой подход к анализу текста должен способствовать верификации экспертных выводов. Он делает затруднительным использование таких интерпретаций текста, которые порождают собственные смыслы.

Текст предоставлен ГЛЭДИС

СЛОВО И ДЕЛО: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СКВЕРНОСЛОВИЯ

*В.И. Жельвис,
доктор филологических наук,
профессор (Ярославль)*

Общеизвестно, что в настоящее время в России наблюдается бурный количественный всплеск дел, связанных с покушением на честь и достоинство граждан. Сам по себе этот факт можно только приветствовать, потому что он свидетельствует о возросшем самоуважении людей, что в свою очередь является признаком совершенствования и зрелости общественного самосознания. Может быть, впервые в истории нашего государства личность начинает приобретать те вес и значение, которые она уже приобрела в развитых западных странах.

Однако указанный процесс естественным образом сопровождается необходимостью более точного формулирования основных понятий, связанных с честью и достоинством личности. Опыт ведения соответствующих дел показал, что здесь много неясного и что органы правосудия нередко вынуждены произвольно толковать весь набор необходимых терминов.

Проблема эта характерна не только для России, она существует даже в такой стране, как США, где на данный вопрос уже давно обращено самое серьезное внимание. Однако именно по этой последней причине в США уже наработан значительный материал, что дает основание внимательно изучить американский опыт. В частности, в США существуют особые законы о непристойностях, которые направлены на защиту слушающего от непристойных выражений, оскорбляющих его слух и представление о чести и достоинстве.

В УК РФ есть только одна статья 130 («Оскорбление»). В данной статье содержатся только два термина — «оскорбление» и «неприличная форма», причем если первый термин еще как-то объяснен, второй дан без всяких объяснений, что порождает немало вопросов. Представляется, что и само «оскорбление» определено в слишком общем виде, и вдобавок недостает еще целого ряда необходимых дефиниций.

Автор настоящей статьи не является юристом и видит свою задачу в том, чтобы помочь российским специалистам найти правильное решение их задач с помощью психо- и социолингвистического анализа выражений, с использованием которых обычно и совершается покушение на честь и достоинство. Значительная часть приводимых ниже примеров заимствована из статьи журналиста А. Новикова в ярославской газете «Золотое кольцо», содержащей нападки на местного поли-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

тического деятеля и послужившей основанием для обращения этого последнего в суд для защиты его чести и достоинства.

Прежде всего отметим, что в США в настоящее время разработана целая система наказаний за различные вербальные проступки, т.е. за оскорбление словом. Например, телефонное хулиганство, непристойные оскорбления по телефону рассматриваются как настоящее преступление, наказываемое тюремным заключением. За сексуальное домогательство полагается штраф. Накладываются ограничения на то, что можно и чего нельзя писать, например, на майках (точнее, писать можно что угодно, но нельзя в майках с непристойными надписями разгуливать в общественном месте), на бамперах автомашин, на досках объявлений; непристойности запрещается передавать по электронной почте. Наказания в данном случае могут быть самыми различными: в одних случаях — общественное осуждение, насмешка, осуждающие взгляды и т.д., в других случаях — дело передается в суд. Слова, оскорбляющие национальную или расовую принадлежность типа рус. «жид», объявлены вне закона и могут привести к судебному преследованию как посягающие на святая святых американца — его гражданские права. Равным образом американцы имеют право возбудить судебное преследование за рассказанный непристойный анекдот, грубые комментарии в адрес чьей-то внешности или сексуального поведения, а также выпады в адрес противоположного пола. Соответствующие наказания могут быть очень суровыми.

Однако для того чтобы в процессе оценки поведения исключить возможность произвола, необходимо создать систему точных формулировок того, что нужно соблюдать и чего нельзя нарушать. Эти формулировки призваны определить, что подсудно и что неподсудно в связи с психо-социо-этнолингвистическими обстоятельствами, т.е. учитывать общую психологию человека, его место в обществе, национальные особенности народа, к которому он принадлежит, и, наконец, его языковые особенности и личные возможности.

Прежде всего определим основные термины. Все виды словесной агрессии удобно объединить словом **инвектива**. Словарь русского языка 1957 года определяет инвективу как «*резкое выступление против к-л., ч-л.; оскорбительная речь; брань, выпад*». Целесообразно отличать инвективу в узком смысле от инвективы в широком смысле. Ср. в статье А. Новикова: «*Вас ждет хороший ошейник*» — инвектива в широком смысле. «*Выкидыш олигархии*», «*кукушонок*», «*хищник*», «*выкормыш (номенклатуры)*», «*(комсомольская) псина*» — инвектива в узком смысле.

Инвективу в узком смысле слова можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе ин-

вективой можно назвать вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное неcodифицированными (запрещенными) средствами.

Другие названия инвективы в узком смысле: ненормативная, неcodифицированная, табуированная, непристойная, непечатная, нецензурная лексика. В настоящее время в России цензура отсутствует, но слово «нецензурный» продолжает существовать в прежнем значении: лексика, запрещенная к произношению в общественном месте или к опубликованию в любом виде.

Сила эмоциональной заряженности той или иной ситуации прямо пропорциональна значимости этой ситуации для участников эмоционального общения. Естественно потому, что эффект инвективы возрастает с ростом ее оскорбительности. Эта оскорбительность может быть достигнута разнообразными способами, и один из самых распространенных — придание инвективе непристойного характера.

Понятие **непристойности** поддается определению с большим трудом. Особая трудность заключается здесь в том, что это понятие, во-первых, сильно менялось с течением времени, а во-вторых, носит национально-специфический характер. Филолог А.С. Аранго пишет:

«Что такое «непристойное» (у автора — «обценное», obscene. — В.Ж.)? Вероятно, это искаженное или измененное латинское слово scene, означающее «вне сцены». Следовательно, обценное — это то, что должно находиться вне сцены, иными словами, вне театральных подмостков нашей жизни. «Грязное» или обценное слово — это такое, которое нарушает правила поведения на общественной сцене, такое, которое осмеливается озвучить то, что не следует видеть или слышать. Обценность — это понятие родовое, порнография — один из его видов» (Arango, 1989, с. 9).

К сожалению, это определение мало помогает делу именно потому, что трудно определить, что может и должно находиться на «общественной сцене», а что нет. Непристойное в одну эпоху обозначалось тем же словом, что пристойное — в другую, причем и совершаемое действие, и называемый предмет и т.п. оставались теми же самими.

Не существует ничего непристойного для всего человечества. Непристойным может быть только то, что в данной национальной культуре и в данный момент определено как непристойное.

Такой авторитетный справочник, как Британская энциклопедия, предлагает следующее определение непристойности (Obscenity):

«Это то, что оскорбляет общественное представление о приличиях».

Как видим, перед нами типичная тавтология: непристойное — это то, что непристойно. Понимая уязвимость этого определения, автор словарной статьи добавляет:

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

«Подобно красоте, понятие непристойности зависит от личных пристрастий, что видно из невозможности дать ей удовлетворительное определение».

Далее в словарной статье говорится, что пятьдесят стран мира подписали международное соглашение о контроле за непристойными публикациями, однако действует это соглашение без определения, что это такое. Страны-подписанты договорились, что это понятие носит национально-специфический характер.

Специально изучавший проблему А.У. Рид определяет непристойность как такой способ упоминания о некоторых телесных функциях, который вызывает в адресате шок испуга или стыда, обычно возникающий, когда мы видим, делаем или говорим что-то «грязное». Для сравнения: нормальной реакцией на простое («пристойное») упоминание о грязи, экскрементах или телесных функциях является безразличие или отвращение. Реакция же на инвективу, все это называющую («говно», «срать» и т.п.), выглядит как «шекочущее нервы возбуждение» (titilating thrill) (Read, 1934, с. 264). Как видим, исследователь попытался объяснить непонятное слово «непристойность» через столь же необъяснимое понятие «грязное», но все же показал, что реакция на «непристойную» инвективу в основном эмоциональная, по силе намного превосходящая ту, которая могла бы возникнуть от буквального понимания смысла сказанного.

Оставляя в стороне ученые споры, будем считать, что **«непристойность»** в газетной статье в России конца XX века — это **употребление слов, которые в момент опубликования статьи большинством читателей считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными, хотя, возможно, и могущими быть произнесенными в определенной ситуации. В российской практике непристойность связана прежде всего с сексуальными понятиями — грубыми названиями гениталий, полового акта, половых отклонений и проч.** Иногда вся эта группа слов не вполне точно называется матом, хотя мат во многих случаях там может и не фигурировать.

Непристойность — это, естественно, то, что «не пристойно», т.е. не пристало произносить в компании уважающих себя людей. В русском языке основных слов этого ряда всего несколько, но зато имеются тысячи производных от них.

В цитируемой статье А. Новикова непристойных выражений практически нет. Правда, есть одно выражение *«полный пиздец»*, представляющее слишком прозрачный намек на очень грубое выражение «полный пиздец», чтобы его можно было счесть эвфемизмом (см. ниже). Думается, что перед нами непристойность.

Понятие **неприличности** родственно понятию непристойности, но все же отличается от него. Детальный рассказ о своих сексуальных про-

блемах или анекдот на сексуальную тему может не содержать ни одного табуированного слова; тогда он может рассматриваться слушателем как неприличный, но вряд ли будет непристойным. Можно, вероятно, сказать, что непристойное — всегда неприличное, но не всегда неприличное — это непристойное.

Разберем теперь понятие **оскорбительности**. Стоит различать два американские понятия, *offensiveness* и *offendedness* — см. многочисленные ссылки (Jay, 1992, 1999). *Offensiveness* можно перевести как «**оскорбительность**» в смысле содержания в слове отрицательного или вызывающего отвращение значения. Чем оскорбительнее слово, тем сильнее оно табуируется, запрещается к употреблению. Таким образом, «оскорбительность» есть **свойство самого слова**, изначально присутствующий ему оскорбительный смысл. Русский мат в компании воспитанных людей оскорбителен сам по себе, кто бы его ни произносил или слушал.

Offendedness же есть **реакция слушающего** на оскорбление в его адрес, ощущение обиды или **оскорбленности**. Как видим, разница тут значительная, потому что **объективная** оскорбительность слова еще не обязательно вызывает субъективную оскорбленность: за тот же самый мат кто-то оскорбится и подаст в суд, а кто-то презрительно или равнодушно отмахнется: «Собака лает, а ветер носит». Ср. презрительную реплику: «**Ты** меня оскорбить не можешь!»

Кроме того, известны многочисленные случаи, когда оскорбительные клички и прозвища охотно принимались их адресатами и становились буквально терминами. Все следующие слова — бывшие обидные обзывания: импрессионисты, фовисты, санкюлоты, гезы. Определенная группа уголовников спокойно называет себя суками. А Блок с гордостью писал: «Да, скифы — мы, да, азиаты — мы/ С раскосыми и жадными глазами!»

Не совсем простой вопрос о, так сказать, бранном весе слов: какие слова следует считать очень оскорбительными и заслуживающими судебного разбирательства, а какие — нет. Как уже было сказано выше, понятие оскорбительности ориентировано на слушающего, поэтому ему и предстоит решить эту проблему. Юная девушка вправе оскорбиться, если в ее присутствии употребят слова типа «говно» или «жопы», а завсегдатая пивной может не задеть и самый грубый мат или наиболее грубое слово современного русского языка — «пизда». Есть социальные подгруппы, где слово «блядь» гораздо грубее, чем мат; первое считается «бранью по-черному», второе — простым мало что значащим восклицанием. В уголовном мире «Блядь!» или даже какое-нибудь другое слово женского рода типа «Швабра!», обращенное к мужчине, — смертельное оскорбление, так как содержит намек на то, что оппонент — презираемый пассивный гомосексуалист.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

В американской практике существует список наиболее грубых слов, подлежащих полному и абсолютному запрещению. Сообщая о выходе соответствующего постановления, газеты отказались процитировать эти слова, настолько резко они воспринимались.

Возможно, что такой список может сыграть и отрицательную роль, потому что заранее как бы извиняет слова, в него не включенные, но которые в определенной ситуации могут звучать исключительно грубо («Козел!»). Ср. также цитату из статьи А. Новикова: «(Имя оппонента) — странный политический сперматозоид с головкой Наполеона, усиками Джугашвили и бегающим взглядом провинциального комсомольского работника».

Чем оскорбление отличается от обиды? В словаре Даля читаем:

ОБИДА. Всякая неправда, тому, кто должен переносить ее; все, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение. Кривосуд; брань, побои; насмешка, дурной отзыв о ком; лишение кого достоинства, имущества, барышей.

В словаре русского языка 1957 года:

ОБИДА. Несправедливость, несправедливый поступок, поведение по отношению к к-л., незаслуженное оскорбление.

В Толковом словаре The American Heritage Dictionary of the English Language (1970):

ОБИДА. 1) Процесс нанесения обиды или вызывание гнева, негодования, неудовольствия и т.п. 2) а. Любое нарушение или несоблюдение морального или общественного правила; проступок, грех; б. нарушение закона; преступление.

Как видим, эти определения весьма широки и, главное, не помогают отличить обиду от оскорбления, которые в русских источниках звучат почти синонимично. Однако в юридическом смысле разница очевидна: оскорбление может быть подсудно, но одной обиды как основания для рассмотрения дела в судебном порядке недостаточно. Обидеться можно на любой намек — например, А. Новиков пишет о своем оппоненте: «Человек (...) в идейном отношении совершенно *неадекватный*». Перед нами выпад, инвектива в общем смысле, вполне допустимая в любом тексте, хотя ее объект может испытать серьезную обиду. Другие же цитаты из той же статьи — типа «*Вас ждет хороший ошейник*» или «*Идите в будку, Сергей Алексеевич!*» — тоже инвективы и тоже в широком смысле, потому что не содержат ни одного грубого слова, но они не просто обидны, но уже и оскорбительны, так как автор фактически называет автора собакой, хотя и в слегка завуалированной форме.

В этом же ряду выпадов А. Новикова — инвектива в узком смысле: «*В. — это комсомольская псина, почувствовавшая в себе волю к власти*». Здесь обзывание собакой предстает в «чистом» виде.

Таким образом, можно определить обиду как поношение в любой форме, тогда как обида в оскорбительной форме с применением нецензурной или просто грубой лексики или с очевидным намеком на нее превращает обиду в оскорбление.

Выше уже упоминался термин «табуированность» — от слова «табу» — древний запрет. **Табуированность** — синоним запрещенности. Табуированное слово — слово, запрещенное к употреблению в общественном месте. Чаще всего под ним понимается грубое, вульгарное слово типа матерного, но в обществе, как правило, табуируются целые темы. Ср. поговорку «В доме повешенного не говорят о веревке», т.е. запрещается говорить о каких-то вещах, которые могут вызвать слишком бурную реакцию окружающих (смерть или тяжелая болезнь близких, интимные отношения, венерические болезни и проч.). Разумеется, иногда такое табу приходится нарушать, но каждый раз это нарушение диктуется чрезвычайными обстоятельствами.

Очень важно, что **понятие табуированности ориентировано на говорящего**: говорящий сам решает, следовать ли запрещению на употребление этого слова, можно или нельзя в этом конкретном случае нарушить табу. Вся ответственность, таким образом, ложится здесь на автора высказывания.

В отличие от табуированности **понятие непристойности ориентировано на слушающего**: здесь уже реципиент решает, пристойно или непристойно то, что он сейчас услышал. Матерная брань может не восприниматься как непристойная в пивном баре и безусловно вызовет возмущение на свадебной церемонии.

На юридическом уровне необходимо различать следующие понятия:

1) **Проклятие**: «Чтоб ты сдох!»

2) Оскорбительное упоминание священных понятий, **богохульство**. Здесь полезно различать настоящее богохульство, когда человек сознательно оскорбляет чувства верующих, и то, что можно назвать **профанизмом**, — это когда говорящий превращает сакральное (священное) понятие в профанное, земное, обыденное, когда он просто снижает возвышенное понятие. Большинство современных матерных выражений исторически восходит к древним священным формулам, но теперь их происхождение прочно забыто, так что исторически перед нами — явное богохульство, но ни один матерщинник об этом не подозревает, так что мат надо считать профанизмом. Здесь нет оскорбления верующего, но есть оскорбление общественного вкуса, явная непристойность. Прямые богохульства, сегодня осознаваемые как таковые, для русской культуры нехарактерны.

В эту же группу можно отнести малоосмысленную брань, на сегодняшний день не имеющую к религии отношения, часто имеющую

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

сексуальное происхождение: «Блядь!», «Иди на хуй!» Такая брань может не быть обращена на конкретного человека и просто присутствовать в речи в качестве эмоционального усилителя («Я туда, на хуй, не пойду»). Она безусловно может рассматриваться как оскорбительная, если звучит в присутствии человека, которому это неприятно. В письменном виде она производит еще более резкое впечатление, ибо даже называется иногда «непечатной», т.е. неприемлемой в печатном виде.

Для судебных органов важно знать, что в основном, когда в западных странах разрабатывались первые законы по борьбе со сквернословием, под этим последним имелись в виду прежде всего богохульства. Именно за хулу на Бога в Средние века протыкали языки раскаленным шомполом, выставляли у позорного столба и др. Так что сегодня, по существу, законы, принятые против богохульства, действуют против употребления слов из совсем других сфер: это скатологизмы («Говно!»), зоологизмы («Козел!»), сексуальная брань (мат) и т.п. Как к этому относиться? С одной стороны, налицо явный анахронизм. Однако, с другой стороны, перед нами простая замена одной сферы жизни общества на другую при, по существу, полном сохранении «взрывчатой силы» выражения. Если сегодня отношение к небогохульной ругани такое же, как когда-то к богохульной, то ограничения, накладываемые на нее в виде морального осуждения или статей УК, могут сохраняться в том же объеме.

3) **Эвфемизм:** это когда, желая назвать какой-то предмет или действие, человек стремится избежать непристойного названия и подбирает что-то не такое грубое. Противоположное намерение осуществляется с помощью так называемого дисфемизма. «Ягодицы» — это нейтральный или медицинский термин, «попа» — слово детского языка, «пятая точка» — эвфемизм, «жопа» — дисфемизм. «Умер» — нейтрально, «ушел от нас» — эвфемизм, «откинул копыта» — дисфемизм.

Юристам совершенно необходимо различать понятия непристойности и вульгаризма. Те же слова «говно» или «жопа» могут употребляться в любом из этих смыслов. «Чтоб я из-за такого говна, как ты, расстраивался!» или «Жопа ты после этого!» — оскорбительные непристойности, но те же слова в выражении «Я наступил на коровье говно!» или «Тут на лавке вода пролита, не замочи жопу-то!» — вульгаризмы. Вульгаризм — грубое название предмета или действия, не преследующее никакой агрессивной цели. Говорящий в принципе может даже не знать никакого другого слова для названия некоего предмета, а может просто не придавать выбору слова большого значения. «Брюхо» — нормальное слово для обозначения части тела лошади. Если же оно обращено к человеку, то может расцениваться как вульгаризм, если сказано относительно доброжелательным тоном («Голодное брюхо к ученью глухо»), или как оскорбление («Ишь, брюхо какое наел!»).

Оскорбительность в последнем случае достигается тем, что человеческая часть тела воспринимается как часть тела животного, и, таким образом, сам обладатель этой части тела приравнивается к животному.

Безусловная непристойность — уподобление человека какому-нибудь животному, обычно отрицательно воспринимаемому. «Орел!», «Голубка моя!», «Кисонька!» — ласковые и доброжелательные обращения (конечно, если они не произносятся ироническим тоном). «Пес!», «Сука!», «Корова!», «Жеребец!» — оскорбления.

4) Существует еще жаргон, который может быть очень эмоциональным и выразительным, но вряд ли делом подсудным. Прежде всего, речь здесь идет о профессиональном жаргоне («лабух»), в том числе воровском.

5) Наконец, стоит назвать оскорбительные ксенофобские прозвища и клички, т.е. брань, оскорбляющую чужую нацию. В русскоязычной практике это прежде всего «жид», «чурка», «черный», «армяшка» и другие. В наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь.

В юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле, как выражение восхищения или дружеского расположения: «Как он, собака, хорошо танцует!», «Что-то тебя, ебаный-в-рот, давно не было видно!» Отличить такое употребление от брани довольно легко: для него характерна особая дружественная интонация и практически обязательная улыбка; без двух этих последних слушающий вправе рассматривать эти слова как обидные.

Равным образом имеет смысл при определении степени вины говорящего учитывать, кто и в адрес кого эти слова произносит. Непристойности из уст пожилой женщины воспринимаются обществом гораздо острее, чем исходящие от нетрезвого парня; верно и обратное: оскорбления одним парнем другого совсем не то, что оскорбление парнем беспомощного инвалида.

В настоящее время очень многие грубые русские слова, еще недавно считавшиеся «непечатными», «вышли в печать», но часть не печатается ни под каким видом, даже при передаче речи уголовников. На сегодняшний день самое непристойное слово русского языка — «пизда». Производные типа «спиздить», «пиздец», «надавать пиздюлей» и т.п. ощущаются как гораздо более мягкие. Слова «говно» и «жопа» уже практически получили «права гражданства» и не вызывают такого возмущения, как еще совсем недавно. Ср. появившийся ряд лет тому назад в «Литературной газете» юмористический рассказ, где человек, которого его сослуживец обозвал «хитрожопым коммунистом», пожаловался в товарищеский суд; суд решил, что «коммунист» — это оскорб-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ление, так как жалобщик никогда не состоял в Коммунистической партии, а «хитрожопый» — простая констатация реального факта.

В то же время ряд не столько грубых, сколько «неприличных» слов приобрел полные права гражданства в связи с резкими изменениями в жизни российского общества, нашествием СПИДа, широчайшим распространением венерических заболеваний, половым воспитанием в школе и т.п. Это, например, «презерватив», «импотенция», «соитие» и другие. Совсем недавно соответствующие темы разговора безоговорочно табуировались за пределами кабинета врача. Сегодня все эти слова допускаются практически в любой компании и неприличными считаться уже не могут.

В США, в отличие от России, свободно произносится и печатается гораздо больше слов, многими американцами считающихся непристойными и оскорбительными для слуха. Однако учителю, который с самыми достохвальными целями попытается объяснить ученикам слова типа fuck или motherfucker, грозит увольнение. Правда, если дело дойдет до суда, его, судя по прецедентам, оправдают. Простое же употребление американским школьным учителем грубого слова в процессе преподавания, в разговоре с учениками и прочее вызвало бы единодушное осуждение общественности. По мнению американского общества, речь учителя должна служить примером для учеников.

Данная статья, естественно, не может претендовать на полноту освещения вопроса. Автор надеется, однако, что она послужит основанием для дальнейшего анализа и уточнения терминологии.

Литература

- Arango A.C. Dirty Words: Psychoanalytic Insights. Northvale, N.J., London. 1989.
- Jay T. Why We Curse. A Neuro-Psycho-Social Theory of Speech. John Benjamins Publishing Company: Philadelphia / Amsterdam. 1999.
- Jay T. Cursing in America. A psycholinguistic study of dirty language in the courts, in the movies, in the schoolyards and on the streets. John Benjamins Publishing Company: Philadelphia / Amsterdam. 1992.
- Read A.W. An Obscenity Simbol // American Speech. 1934. Vol. IX # 4.
- Уголовный кодекс России (с постановочными материалами).

*Текст предоставлен
Ассоциацией «Лексис»*

Будь осторожен, выбирая слово!

БУДЬ ОСТОРОЖЕН, ВЫБИРАЯ СЛОВО!

*М.В. Горбаневский,
доктор филологических наук, профессор,
председатель правления ГЛЭДИС*

У одного из советских поэтов есть строки:

*Словом можно убить. Словом можно спасти.
Слово может полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить.
Слово можно в разящий свинец перелить.*

Строки эти, написанные в прошлом веке, в начале нынешнего стали еще злободневней. Согласитесь: нынешние печатные и эфирные СМИ переполнены жаргонной, блатной лексикой, хамскими выражениями и оборотами. Редакции не гнушаются использовать и откровенные ругательства. Иногда создается впечатление, что к началу XXI века мы разучились нормально говорить и писать по-русски. С языком обращаются варварски, начиная от средней школы и кончая Охотным Рядом (имею в виду господ депутатов Государственной Думы). А вспомните о том «языке», на котором общались между собой персонажи печально запомнившегося телевизионного шоу «За стеклом», какую «русскую речь» навязывал телеканал ТВС. В косноязычной болтовне «застекольных» киборгов то и дело мелькало словечко «фиолетово» (то есть все равно, на все наплевать). Вот и бывшим руководителям бывшего ТВС было «фиолетово». Ради денег от рекламы и удовлетворения претензий на ведущую якобы свою роль в отечественном ТВ они явили нам образчик нравственного беспредела и оскудения речевой культуры...

Надо признать: и в советские времена над нашим языком производилось насилие. Он пропитался духом коммунистической пропаганды («вместе со всем народом», «по зову партии», «к великим свершениям», «неуклонно повышая удоиность»...). Он обозначал реалии экономики тотального дефицита («просим больше не занимать», «больше двух в одни руки не давать»...). Вспоминается давний монолог М. Жванецкого: «Наши беды непереводимы... Что такое «вы здесь не стояли, а я здесь стоял»; что такое «товарищи, вы сами себя задерживаете»; что такое «быть хозяином на земле»... Наш язык перестал быть языком, который можно выучить».

Насилие над «великим и могучим» продолжается и сегодня, в эпоху первоначального накопления капитала. Эта эпоха в любой стране мира не была украшением ее истории. Известно, что первые личные

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

состояния многих богатейших семей планеты зачастую создавались преступным путем. То же видим и в России. Допустимо предположить, что лишь по прошествии некоторого времени, когда наше государство преодолеет глубочайший кризис и сумеет укрепить свою экономику, когда в нашей стране сложится гражданское общество, когда в России возникнет наконец-то социально-ориентированный бизнес, социально-ориентированный рынок, — пресса претерпит качественные изменения, избавится от многих напастей.

А пока, помимо тех из них, которые обозначены выше, тревожит еще одна: к сожалению, наш язык сегодня используется как инструмент сознательных (а потому особенно позорных) и неосознанных нарушений этических норм и традиций, закрепленных статьями соответствующих кодексов РФ. Ныне в судах количество гражданских исков к СМИ и журналистам о защите чести, достоинства и деловой репутации увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивается — пусть и не так стремительно — количество уголовных дел против СМИ, возбужденных по статьям «Клевета» и «Оскорбление»¹. Именно это обстоятельство и побудило меня и моих единомышленников (опытных ученых-русистов и юристов-практиков) создать Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭ-ДИС). Это общественное объединение было зарегистрировано в 2001 году Министерством юстиции РФ и вскоре стало оказывать действенную помощь судьям, адвокатам, следователям, юрисконсультам, студентам и преподавателям вузов. Начиная это нужное, но весьма хлопотное дело, мы рассчитывали, естественно, и на особое внимание тех журналистов, кто готов подняться над уровнем корпоративного, финансового и бытового эгоизма, тех, кто готов бороться со злом, бороться — и победить. Но победить честно и достойно, не преступая Закон, не превращая тексты СМИ в гремучую смесь анекдота, примитивного жаргона и непристойных выражений, в помойное ведро компромата. «Будь осторожен, выбирая слово!» — напоминаем мы каждый раз пишущим и готовящим передачи для теле- и радиоэфира.

С юридической точки зрения, Гильдия — абсолютно независимое профессиональное сообщество, поскольку ее учредителями выступили не какие-либо организации, а физические лица. В научную элиту Гиль-

¹ Между прочим, наказание за нарушения «лингвистической безопасности» человека и общества — дело далеко не новое, как не новы и судебные реформы в России. В 1864 году на всей территории без каких-либо колебаний и оговорок Александром II был введен суд присяжных. Приведу лишь один близкий к нашей теме судебный приговор, вынесенный в 1865 году за словесное оскорбление и опубликованный тогда в газетах: «Московский окружной суд признал доктора медицины Ельцинского виновным в оскорблении частного пристава Врубеля неприличным словом «безобразия». На основании ст. 104, 110 Уложения о наказаниях Ельцинский подвергнут денежному взысканию трех рублей серебром... — *Авт.*

Будь осторожен, выбирая слово!

дии входят ученые, имеющие в своем деле огромный опыт: создатель интернет-портала «Русский язык» (www.gramota.ru) кандидат филологических наук, доцент Юлия Сафонова, выступавшая экспертом по таким громким делам, которые условно можно назвать «Лужков против журналиста Доренко», «ФСБ против генерала Макашова», «Прокуратура против журналиста Гордона» (экспертизы по ним опубликованы в книге Гильдии «Цена слова»); ведущий российский специалист по фоноскопическим экспертизам из МВД России, доктор юридических наук и одновременно доктор филологических наук, полковник милиции Елена Галяшина; один из наиболее компетентных российских специалистов по языку рекламы, доцент факультета журналистики МГУ Елена Кара-Мурза; признанный авторитет в области лингвокультурологии, профессор Института русского языка им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук Александр Мамонтов; патриарх российской лингвостилистики, обучивший добрую половину выпускников факультета журналистики МГУ, доктор филологических наук, профессор Юлий Бельчиков; заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, доктор филологических наук, профессор Виктор Шаклеин и другие известные исследователи-русисты.

Наша практика показывает, что специальные лингвистические познания необходимы уже для установления самого факта преступного деяния по многим видам преступлений (оскорбление, клевета, нарушение авторских и смежных прав, вымогательство, преступления против собственности, против основ конституционного строя и безопасности государства, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды и т.д.). Заключение, сделанное лингвистами-экспертами, не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему правилу должны оцениваться в совокупности с ними, но во многих делах играют значительную роль.

Да, мы в Гильдии постоянно говорим об ответственности журналистов за сказанное и написанное слово, об их неосознанных или умышленных ошибках. Но согласитесь, часто бывает и так, когда с журналистом, пишущим правду, просто сводят счеты за его критические выступления. Поэтому нередки случаи, когда по результатам нашей экспертизы суды выявляют необоснованность претензий и исков к работникам СМИ.

Общеполитический контекст попыток расправиться с журналистом за конструктивную и справедливую критику, обвинения его через суд или прокуратуру в некорректном использовании тех или иных слов или словосочетаний нам с вами вполне понятен. Наш российский строй образца 2003 года один современный российский публицист

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

метко назвал «подмороженной демократией», подчеркнув, что мы имеем демократию с ленинским мавзолеем, сталинским гимном, с аморфной массой завхозов в парламенте и военными в гражданской администрации. База этой демократии — увы, не малый бизнес и свободный предприниматель, но чиновник, столоначальник, не регулирующий рыночные отношения, а косвенно или напрямую участвующий в них. Так что честным и равнодушным журналистам (коих пока меньшинство в этой профессии — таково мое личное мнение!) в нашей стране живется весьма несладко.

Приведу пример. В. Красуля, редактор газеты «Новый Гражданский мир» (Ставропольский край), издающейся Союзом правых сил, обратился в нашу Гильдию с таким запросом (этот запрос был повторен также поддерживающими В. Красулю депутатами Государственной Думы и руководством Союза журналистов России): «Является ли наказуемым в газетном материале слово «недееспособный»? В одной из своих критических публикаций я это слово использовал. После этого у меня начались серьезные неприятности, закончившиеся уголовным делом по статье «Клевета». Вот что я писал: «Печально признавать, но пока черноморовская команда имеет все основания ликовать. Чудом избежав поражения на губернаторских выборах только потому, что краевые элиты не смогли договориться и выставить проходного кандидата, избежав по этой же причине создания мощной оппозиции внутри краевой Думы, наш шумный и амбициозный, но абсолютно недееспособный губернатор вот-вот приберет к рукам и краевой центр».

Проведенный экспертами ГЛЭДИС анализ показал следующее. Слово *недееспособный* в современном русском языке имеет следующие значения: 1. Неспособный к действию, к деятельности; 2. Не обладающий дееспособностью, не имеющий права на совершение действий юридического характера и не несущий ответственности за свои поступки (юрид.). Ср. также: *недееспособность* — отсутствие у какого-либо лица права на совершение юридических действий в силу неспособности нести ответственность за свои поступки.

Первое значение слова *недееспособный* — общеупотребительное, имеет книжный оттенок. Второе ограничено сферой употребления — текстами юридического содержания, это значение терминологическое.

В анализируемом фрагменте заметки слово *недееспособный* употреблено в первом значении, так как анализируемое высказывание — фрагмент газетной статьи, и, судя даже по фрагменту, статья критическая, стиль статьи (и фрагмента) — публицистический. Кроме того (и это обстоятельство следует признать самым главным), в анализируемом фрагменте слово *недееспособный* распространено обстоятельством меры и степени, выраженным наречием *абсолютно* (*абсолютно недееспособный*).

Будь осторожен, выбирая слово!

способный). Терминологическая лексика, как правило, не может иметь таких распространителей: дееспособность в юридическом понимании или существует, или отсутствует (или есть, или ее нет), так же, как и недееспособность. Иными словами, понятие недееспособности не предполагает меру и степень. Сравните: терминологическое — ограниченно недееспособный, но невозможное — ограниченно недееспособный. Нельзя в терминологическом употреблении сказать: *гражданин Н. отчасти недееспособен* (ср. невозможное в русском языке *отчасти слепой, абсолютно хромой*). Если бы это было иначе, то применять критерий недееспособности было бы нельзя. Кроме того, известно, что существует понятийный ряд: *дееспособный — ограниченно дееспособный — недееспособный*.

Из контекста очевидно, что речь идет о недостаточной, с точки зрения автора статьи, активности политического деятеля. Кроме того, для второго значения слова *недееспособный* типичны употребления: *признан недееспособным, не может совершать таких-то действий как недееспособный, признание кого-либо недееспособным, недееспособный вследствие болезни, психического расстройства*. Сравните примеры из публицистических текстов: *демократия недееспособна, вы как физик недееспособны*.

Таким образом, наш эксперт убедительно доказал уместность использования слова *недееспособный* в статье В. Красули и тем самым помог суду отклонить чиновный иск в его адрес о клевете.

Вполне очевидны и некоторые общие уроки, которые дает наш экспертный опыт:

1) всякий журналистский материал, публичное выступление — цельное речевое воспроизведение.

Следовательно, 2) составляющие его языковые средства, приемы, способы их использования, организации внутри данного речевого произведения, то есть текста, взаимосвязаны и соотнесены друг с другом, а речевая структура в целом, отдельные ее компоненты тесно увязаны с композицией текста.

Поэтому 3) каждая языковая деталь текста воспринимается (и оценивается) в контексте целого текста, а также в рамках микротекста (непосредственного фразового, абзачного окружения слова, конкретного предложения, словосочетания, грамматической формы).

Все это важно учитывать при создании (и анализе!) текста, потому что языковые единицы (особенно слова, выражения) в контексте с другими языковыми средствами данного текста приобретают, могут приобретать дополнительные осмысления и стилистические оттенки (коннотации) под влиянием микро- и макроконтекста данного речевого произведения в развитие тех смысловых и стилистических значений, которые они имеют в языке. Такие значения отражены в словарях

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

(в первую очередь — в толковых), в академической грамматике, в разного рода филологических справочниках.

Вот почему и в работе над текстом, и в ходе его стилистического анализа 4) при особом, необычном употреблении грамматической формы, фонетического варианта слова, словоформы (слова в падежной форме с предлогом или без предлога), при оригинальном построении фразы и т.п. архиважно всегда иметь в виду общий контекст (или речевую ситуацию) всего журналистского материала (текста) и уж непременно — микроконтекст употребления языковой единицы или особого стилистического приема.

Наш опыт по проведению судебных лингвистических экспертиз убеждает, что журналисту жизненно необходимо — и примите это как одно из фундаментальных условий профессионализма! — задумываться над словом, над взаимным соединением слов во фразе, в тексте, вникать в их словарные значения и те дополнительные осмысления («созначения», как говорят лингвисты), которые они могут приобретать в том или ином контексте, когда они соотносятся с другими словами, употребленными в данном тексте и не употребленными, но потенциально подразумеваемыми в силу смыслового содержания и экспрессии слова — сказанного или написанного.

И еще об одном аспекте журналистской деятельности заставляют задуматься наши лингвистические экспертизы. Многие конфликты, ставшие предметом судебных споров, убеждают в том, какое громадное, принципиальное значение для доброкачественности журналистского материала (а также и устного публичного выступления) имеет этическая установка создателя текста.

«Как слово наше отзовется» — это исходный принцип всякой речи, любого пишущего, говорящего (даже в бытовой ситуации), а тем более профессионального литератора. А он предполагает не только заботу о моральном, нравственном комфорте адресата речи, текста (за исключением, конечно, филиппики, создаваемой с действительно благородными целями), но и в не меньшей степени — элементарную порядочность, гражданскую честность журналиста. Лозунг «Газету надо делать чистыми руками», родившийся на факультете журналистики МГУ в конце 50-х годов XX века, остается в силе при всех обстоятельствах!

Журнал «Журналист», № 9, 2003 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. НОРМАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Извлечения из Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья 129. Клевета

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, — наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

3. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Статья 130. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, — наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — наказывается штрафом в размере до двух-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

сот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Извлечения из Гражданского кодекса Российской Федерации

Статья 150. Нематериальные блага

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренными, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом.

3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.

4. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в размере и в порядке, предусмотренных процессуальным законодательством, в доход Российской Федерации. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

6. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 18 августа 1992 года № 11
**«О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел
о защите чести и достоинства граждан,
а также деловой репутации граждан и юридических лиц»**
(в редакции от 21 декабря 1993 г. № 11)
(с изменениями от 25 апреля 1995 г.)

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 года № 6 в названии и в преамбулярной части настоящего постановления слова «честь и достоинства граждан и организаций» заменены словами «честь и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Обсудив материалы проведенного совместно с Генеральной Прокуратурой Российской Федерации изучения судебной практики по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего данные правоотношения, постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что право граждан на защиту чести, достоинства, деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности. Это обязывает суды при рассмотрении споров о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц глубоко анализировать все обстоятельства каждого дела данной категории.

2. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, о котором указывается в статье 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением.

Приложение 1. Нормативные материалы

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

3. В порядке, определенном ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, не могут рассматриваться требования об опровержении сведений, содержащихся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других официальных документах, для обжалования которых предусмотрен иной установленный законами порядок.

4. Иски по делам данной категории вправе предъявить юридические лица и граждане, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения.

При распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства в соответствии со ст. 48 ГПК РСФСР могут предъявить законные представители. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти (ч. 2 п. 1 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

5. Пунктами 1 и 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а юридическое лицо — сведений, порочащих его деловую репутацию.

При этом законом не предусмотрено обязательного предварительного обращения с таким требованием к ответчику, в том числе и в случае, когда иск предъявлен к средству массовой информации, распространившему указанные выше сведения.

Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, а также юридическое лицо, если опубликованные сведения порочат его деловую репутацию, имеют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (пп. 3, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

6. Ответчиками по искам об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию, являются лица, распространившие эти сведения.

Если иск содержит требование об опровержении сведений, распространенных в средствах массовой информации, в качестве ответчиков привлекаются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. При опубликовании или ином распространении таких сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации. В случае, если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика должен быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

По искам об опровержении порочащих сведений, изложенных в служебных характеристиках, ответчиками являются лица, их подписавшие, и предприятие, учреждение, организация, от имени которых выдана характеристика.

7. В силу ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике независимо от того, предъявлен ли иск о защите чести, достоинства, деловой репутации либо о возложении на средство массовой информации обязанности опубликовать ответ истца на публикацию. Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск.

8. В случае, когда действия лица, распространившего порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 или ст. 131 УК РСФСР, потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

Отказ в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства либо деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

9. Наличие обстоятельств, которые в силу ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» могут служить основанием для освобождения от ответственности редак-

Приложение 1. Нормативные материалы

ции, главного редактора, журналиста за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан, а также деловую репутацию граждан и юридических лиц, не исключает возможности рассмотрения судом иска юридического лица или гражданина об опровержении таких сведений.

При этом к участию в деле должны быть привлечены граждане и организации, от которых поступили такие сведения и которые должны доказать, что они соответствуют действительности. На редакцию средства массовой информации в случае удовлетворения иска может быть возложена обязанность сообщить о решении суда и в случае, если имеются основания, исключающие ее ответственность.

10. На требование о защите чести, достоинства, деловой репутации, заявленное в порядке пп. 1–3, 5–7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, исковая давность в силу ст. 208 первой части этого же Кодекса не распространяется.

11. В силу пп. 5, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, а также юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Компенсация морального вреда виновным должностным лицом или гражданином либо средством массовой информации определяется судом при вынесении решения в денежном выражении.

При определении размера такой компенсации суд принимает во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

Если не соответствующие действительности порочащие сведения были распространены в средствах массовой информации, суд, определяя размер компенсации морального вреда, вправе также учесть характер и содержание публикации, степень распространения недостоверных сведений и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

При этом следует иметь в виду, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом вредом неимущественным и, следовательно, государственная пошлина должна взиматься на основании п. 1 ст. 3 Закона

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Российской Федерации «О государственной пошлине», а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве возмещения понесенного истцом морального вреда. Требование о возмещении морального вреда может быть заявлено самостоятельно, если, например, редакция средства массовой информации добровольно опубликовала опровержение, удовлетворяющее истца.

12. В случае, когда вместе с просьбой о защите чести, достоинства гражданина либо деловой репутации гражданина или юридического лица заявлено требование о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, суд разрешает это требование в соответствии с пп. 5, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

13. При удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения порочащих сведений, признанных не соответствующими действительности, и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены, а также определить срок (применительно к установленному ст. 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»), в течение которого оно должно последовать.

14. При неисполнении решения по делу о защите чести и достоинства, а также деловой репутации в установленный судом срок он в соответствии со ст. 406 ГПК РСФСР вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в доход государства. При повторном и последующих нарушениях сроков, устанавливаемых судом для исполнения решения, штраф может быть применен неоднократно, причем уплата штрафа не освобождает должника от обязанности выполнить решение суда об опровержении порочащих истца сведений.

15. В связи с принятием данного постановления постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 года «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» с последующими изменениями и дополнениями на территории Российской Федерации не действует.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 20 декабря 1994 года № 10
**«Некоторые вопросы применения законодательства
о компенсации морального вреда»**
(с изменениями от 25 октября 1996 г.)

Обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о компенсации за нанесенный моральный вред, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что многообразие законодательных актов, регулирующих отношения, связанные с причинением морального вреда, различные сроки введения их в действие, а также принятие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая вводится в действие с 1 января 1995 года, порождают вопросы, требующие разрешения.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, наиболее полной и быстрой защиты интересов потерпевших при рассмотрении судами дел этой категории Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. Учитывая, что вопросы компенсации морального вреда в сфере гражданских правоотношений регулируются рядом законодательных актов, введенных в действие в разные сроки, суду в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения возникшего спора необходимо по каждому делу выяснять характер взаимоотношений сторон и какими правовыми нормами они регулируются, допускает ли законодательство возможность компенсации морального вреда по данному виду правоотношений и, если такая ответственность установлена, когда вступил в силу законодательный акт, предусматривающий условия и порядок компенсации вреда в этих случаях, а также когда были совершены действия, повлекшие причинение морального вреда.

Суду необходимо также выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

2. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

При этом следует учитывать, что статьей 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик установлена ответственность за моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, и в том случае, когда в законе отсутствует специальное указание о возможности его компенсации.

Статьей 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая введена в действие с 1 января 1995 года, указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе.

3. В соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключение составляют случаи, прямо предусмотренные законом. Например, когда:

- вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

Приложение 1. Нормативные материалы

- вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;
- вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 1100 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 г.).

4. Рассматривая требования потерпевшего о компенсации перенесенных им нравственных или физических страданий, следует иметь в виду, что вопросы возмещения морального вреда, в частности, регулируются: частью 7 статьи 7 Гражданского кодекса РСФСР (в редакции Закона от 21 марта 1991 г.); статьей 62 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации», введенного в действие с 8 февраля 1992 года (с 1 августа 1990 г. действовала статья 39 Закона СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации»); статьей 89 Закона Российской Федерации от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды», введенного в действие с 3 марта 1992 года; статьей 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года «О защите прав потребителей», введенного в действие с 7 апреля 1992 года (ст. 15 того же Закона, действующей с 16 января 1996 г.); статьями 7, 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых 31 мая 1991 года, действие которых распространено на территории Российской Федерации с 3 августа 1992 года; статьями 25, 30 «Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей», принятых 24 декабря 1992 года и введенных в действие с 1 декабря 1992 года; частью 5 статьи 18 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 года «О статусе военнослужащих», введенного в действие с 1 января 1993 года; статьями 12, 150–152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенными в действие с 1 января 1995 года; статьями 1099–1101 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 года.

Однако отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не все-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

гда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик к трудовым отношениям, возникшим после 3 августа 1992 года, может быть применена статья 131 названных Основ, регулирующая ответственность за нанесение морального вреда по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, поскольку отношения, связанные с компенсацией морального вреда, не урегулированы трудовым законодательством. В частности, суд вправе обязать работодателя компенсировать причиненные работнику нравственные, физические страдания в связи с незаконным увольнением, переводом на другую работу, необоснованным применением дисциплинарного взыскания, отказом в переводе на другую работу в соответствии с медицинскими рекомендациями и т.п.

Указанное положение применимо и к трудовым отношениям, возникшим после 1 января 1995 года, так как названными выше незаконными действиями работодателя нарушаются личные нематериальные права работника и другие нематериальные блага (статья 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

5. Правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица (пункт 6 статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 7 статьи 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

6. Если моральный вред причинен до введения в действие законодательного акта, предусматривающего право потерпевшего на его компенсацию, требования истца не подлежат удовлетворению, в том числе и в случае, когда истец после вступления этого акта в законную силу испытывает нравственные или физические страдания, поскольку на время причинения вреда такой вид ответственности не был установлен и по общему правилу действия закона во времени закон, усиливающий ответственность по сравнению с действовавшим на время совершения противоправных действий, не может иметь обратной силы (пункт 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации).

Приложение 1. Нормативные материалы

Однако если противоправные действия (бездействие) ответчика, причиняющие истцу нравственные или физические страдания, начались до вступления в силу закона, устанавливающего ответственность за причинение морального вреда, и продолжаются после введения этого закона в действие, то моральный вред в указанном случае подлежит компенсации.

7. На требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ (пункт 2 статьи 43 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 1 статьи 208 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

8. При рассмотрении требований о компенсации причиненного гражданину морального вреда необходимо учитывать, что по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 года, компенсация определяется судом в денежной или иной материальной форме, а по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 года, — только в денежной форме, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Исходя из этого, размер компенсации зависит от характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

9. Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

Применительно к статье 29 УПК РСФСР потерпевший, то есть лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (статья 53 УПК РСФСР), вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу.

10. При рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме. Учитывая это, государственная пошлина по таким делам должна взиматься на основании подпункта «д» пункта 1 статьи 3 Закона РСФСР «О государственной пошлине», предусматривающего оплату исковых заявлений неимущественного характера.

При этом следует также иметь в виду, что в предусмотренных законом случаях истцы освобождаются от уплаты государственной пошлины (например, пункты 4, 8 статьи 80 ГПК РСФСР, часть 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»).

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации В.М. Лебедев*
*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда
Российской Федерации В.В. Демидов*

**Приложение 2.
ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ (ГЛЭДИС)**

*Свидетельство №14127 о регистрации общественного объединения
выдано Главным управлением Министерства юстиции РФ
по г. Москве 15.02.2001 г.
ИНН 7717118908*

Противоречивая общественно-политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России к началу XXI века, вызвала большую потребность в получении российскими СМИ, адвокатами, судами всех уровней, следователями и дознавателями правоохранительных органов специфической юридически-лингвистической помощи. Основная цель ГЛЭДИС — содействие через экспертную и просветительскую деятельность профессиональных российских лингвистов повышению качества публикаций СМИ и ответственности журналистов за сказанное слово. Члены Гильдии посвятили себя служению науке и закону во имя полноценного развития в России гражданского общества.

ГИЛЬДИЯ оказывает помощь в проведении экспертиз лексических единиц и любых текстов — истцам и ответчикам по гражданским и уголовным делам, участникам арбитражных споров, сотрудникам редакций СМИ, работникам правоохранительных органов, адвокатам.

ГИЛЬДИЯ участвует в формировании в регионах России квалифицированного корпуса экспертов-лингвистов, действующих при поддержке ГЛЭДИС на основе единой научной базы и современной методики.

ГИЛЬДИЯ содействует защите культуры речи и улучшению корпоративной репутации российских СМИ.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

ГИЛЬДИЯ содействует комплектованию библиотек административных, учебных и научных учреждений, редакций СМИ своими методическими и справочными изданиями по лингвистическим экспертизам.

ГИЛЬДИЯ разрабатывает основы спецкурсов по лингвистической безопасности для студентов факультетов и отделений филологии, журналистики и юриспруденции.

**ГЛЭДИС — ЭТО ВЫСОКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
И НЕЗАВИСИМОСТЬ!**

*Председатель правления ГЛЭДИС —
доктор филологических наук,
профессор Михаил Викторович ГОРБАНЕВСКИЙ.*

*Финансовый директор ГЛЭДИС —
Наталья Юрьевна МАКСИМОВА.*

*Ученый секретарь —
Екатерина Александровна МАКСИМОВА.*

*Веб-дизайнер и администратор сайта —
Владимир Николаевич ЕФРЕМОВ.*

***Члены и консультанты Гильдии работают в 25 городах России:
Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Великом Новгороде,
Владивостоке, Волгограде, Екатеринбурге, Иванове, Йошкар-Оле,
Казани, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Нальчике,
Нижнем Новгороде, Омске, Орле, Перми, Самаре, Саратове,
Твери, Тольятти, Томске, Уфе.***

Гильдия осуществляет эффективное партнерство с Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, Фондом защиты гласности, Российским союзом «Деловой мир и безопасность», Союзом журналистов России, Интернет-порталом «Русский язык», филологическим факультетом Российского университета дружбы народов, НИИ Генпрокуратуры РФ, ГУ «Экспертно-криминалистический центр МВД Российской Федерации», факультетом журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, десятками российских вузов, общественных, научных организаций, коллегиями адвокатов и юридическими консультациями.

Приложение 2. Гильдия лингвистов-экспертов

Экспертизы выполняются на договорной основе
по официальным запросам судов, следственных органов,
адвокатов, редакций СМИ, любых юридических и физических лиц.

Телефон: (095) 201-32-42.

Факс: (095) 201-49-47, 283-10-90.

E-mail: mivigo@dol.ru

Веб-сайт: www.rusexpert.ru

Почтовый адрес для корреспонденции:
129164 Москва, а/я 110, ГЛЭДИС

***Наши экспертные заключения всегда подробно аргументированы
и полностью беспристрастны!***

Приложение 3.
ЛАБОРАТОРИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ
И РАЗВИТИЯ РЕЧИ АлтГУ
И ЕЕ НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ

Лаборатория юрислингвистики и развития речи в Алтайском государственном университете (г. Барнаул) была создана в 1999 году как реакция на практические потребности в прикладных исследованиях лингвистов в разных сферах, в том числе правовой. С самого начала мы, члены Лаборатории, рассматривали судебную экспертизу как языковедческое исследование конфликтных текстов, требующее профессиональной лингвистической выучки и достаточной компетентности в юридической сфере, которую данная экспертиза обслуживает. Неоценимую помощь работе Лаборатории оказала первая теоретическая работа в этой области — книга «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», написанная известными российскими лингвистами и опубликованная Фондом защиты гласности в 1997 году в Москве. Она до сих пор не потеряла своей значимости для юрислингвистики. Накопленный прецедентный опыт в области юридико-лингвистической экспертизы (и здесь нельзя не отметить публикаций экспертиз в трех выпусках книги «Цена слова», подготовленных ГЛЭДИС) ставит перед юрислингвистами задачу теоретических обобщений на этой эмпирической базе. И здесь снова возникает потребность возвращения к первому опыту разработки фундаментальных для юрислингвистики понятий: оскорбления, обиды, ненормативности, неприличной формы, утверждения и мнения и многих других, — представленному в книге 1997 года.

Лаборатория юрислингвистики и развития речи также ставит своей задачей аккумулировать опыт по разработке теоретических основ юрислингвистики как отрасли научных знаний, предметом которых является зона пересечения языка и права. Первые результаты нашей работы в этом направлении представлены в четырех выпусках сборника «Юрислингвистика», выпускаемого Алтайским государственным университетом. Его авторы — лингвисты, юристы и журналисты, имеющие опыт работы на стыке языка, права и СМИ.

Приложение 3. Лаборатория юрислингвистики и развития речи АлтГУ

В сборнике «Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы» (1999) представлены первые опыты осмысления специфики данного «стыка» и практической работы на нем. К ним можно отнести статьи Н.Д. Голева «Юридический аспект языка в лингвистическом освещении», «Герой капиталистического труда — оскорбительно ли это звание?», А.Н. Сперанской «Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка», В.Д. Мансуровой «Инстанция истины (о соотношении норм языка и права в общественном сознании)», О.С. Иссерс «Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики)» и др.

Основной проблемой сборника «Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии» стала проблема взаимодействия двух сфер функционирования русского языка: общенародной и юридической. Ее наиболее полно и ярко представляют статьи: Н.Д. Голева «Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема», Н.Б. Лебедевой «О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики», В.Б. Исакова «Язык права», В.С. Третьяковой «Конфликт глазами лингвиста», Б.Я. Шарифуллина «Языковая политика в городе», Б.И. Осипова «Речевое мошенничество — вид уголовного преступления?», Е.Ю. Булыгиной, Т.И. Стексовой «Проявление языковой агрессии в СМИ», В.И. Жельвиса «Слово и дело: юридический аспект сквернословия», Т.В. Чернышовой «Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтных текстов», Ю.А. Сорокина «Статус факта (события) и оценки в текстах СМИ» и др.

Сборник «Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы» включил статьи, обобщающие опыт юридико-лингвистической экспертной деятельности. Его авторы — Н.Д. Голев и Н.Б. Лебедева («Три лингвистические экспертизы по одному делу»), Т.В. Чернышова («Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов»), С.В. Доронина («Инвективная функция насмешки»), Т.А. Гридина и В.С. Третьякова («Принципы лингво-когнитивного анализа конфликтного высказывания»), В.М. Баранов и А.С. Александров («Риторика и право»), Т.В. Губаева и Д.И. Шакирова («Принцип определенности правовой нормы и лингвистическая экспертиза законопроектов») и др.

Сборник «Юрислингвистика-4» посвящен проблемам юридико-лингвистического образования в России. В него вошли программы и учебные курсы многочисленных спецкурсов по пробле-

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

мам на стыке языке и права в различных вузах и школах России. Уместно заметить, что при активном участии Лаборатории в Барнаульском педуниверситете открыта дополнительная специализация для студентов-филологов «Учитель права и лингвист-эксперт».

В 2002 году вокруг Лаборатории по образу и подобию ГЛЭДИС и при активном взаимодействии с ней в Барнауле сформировалась региональная общественная организация — Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис». О ее деятельности можно подробно узнать на сайте lexis-asu.narod.ru.

Приложение 4.
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Программа спецкурса
(ф-т журналистики Московского Независимого
эколого-политологического университета
(д. филол.н., проф. М.В. Горбаневский)

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ КУРСА

1. Вводная лекция. Язык СМИ как один из главных факторов формирования культуры речи и правовой культуры граждан России. Русский язык и корпоративная репутация журналистики.
2. Жаровое и стилистическое многообразие текстов СМИ. Ресурсы русской речи — один из основных инструментов журналиста. Профессиональная этика журналиста и русский язык.
3. Критерии литературной нормы. Норма в языке: императивная и диспозитивная, грамматическая, лексическая, орфоэпическая, стилистическая. Консервативность нормы и сохранение литературного языка.
4. Факторы, определяющие изменения литературной нормы. Культура речи и средства массовой информации: основные проблемы. Типология нарушений орфоэпических, грамматических, лексических и иных норм в СМИ.
5. Лингвистическая конфликтология (общие положения). Варианты и пути разрешения языковых конфликтов. СМИ как катализатор конфликтов.
6. Речевая агрессия в СМИ и обществе. Суггестия. Нейролингвистическое программирование (НЛП).
7. «Язык вражды» в СМИ и межэтнические, межнациональные, межконфессиональные конфликты: статистика и тенденции.
8. Языковое манипулирование и рекламная деятельность. Недоброкачественная, опасная реклама: типология и тенденции.
9. Лингвистика и юриспруденция — эффективное сотрудничество наук в анализе текстов СМИ в начале XXI века. Обзор законов, регламентирующих деятельность СМИ и устанавливающих ответственность за нарушения, связанные с созданием и распространением информационных текстов.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации

10. Экспертизы текстов СМИ: использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве. Законы и подзаконные акты. Статус эксперта. Права и обязанности эксперта.

11. Цели, задачи, предмет и объекты судебной лингвистической экспертизы. Порядок назначения судебной лингвистической экспертизы и ее оформление.

12. Гражданские иски к СМИ и журналистам по защите чести, достоинства и деловой репутации: лингвистическая типология. Профилактика правонарушений.

13. Уголовные иски к СМИ и журналистам: дела по оскорблению и клевете — лингвистическая типология. Профилактика правонарушений.

14. Уголовные иски к СМИ: дела по разжиганию межнациональной и межконфессиональной вражды. Тексты СМИ в контексте борьбы государства и общества с экстремизмом. Профилактика правонарушений.

15. Автороведческая экспертиза. Фоноскопическая экспертиза.

16. Русская речь в интернет-изданиях. Специфика и особенности функционирования русского языка в сети Интернет. Специфика проведения и оформления лингвистических экспертиз контента интернет-изданий.

17. Актуальность допечатного (доэфирного) мониторинга текстов: грань между критикой и оскорблением. Квалификация иронии в текстах СМИ.

18. Оценка визуальной информации в текстах СМИ, ее связь с речевой коммуникацией: типология правонарушений и их предупреждение.

19. Оценка сюжетного построения теле- и радиопередач, их музыкального оформления и сопровождения, приемов монтажа, историко-литературных ассоциаций, их связь с речевой коммуникацией: типология правонарушений и их предупреждение.

20. Деятельность Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), веб-сайт Гильдии (www.rusexpert.ru), его использование редакциями, журналистами, юристами СМИ для решения возможных или возникших конкретных проблем лингвистической безопасности печатных и электронных СМИ.

Приложение 4. Лингвистическая безопасность печатных и электронных СМИ

Примечание:

Объем спецкурса — 32 учебных часа, осенний семестр (занятия проводятся 1 раз в неделю по 2 часа).

Студенты обеспечиваются ксерокопиями необходимых для занятий разнообразных изданий по практической стилистике и культуре речи, гражданскому и уголовному законодательству, по лингвистическим экспертизам спорных текстов СМИ.

Форма проверки знаний — зачет по курсу (в конце семестра).

В ходе занятий по спецкурсу «Лингвистическая безопасность печатных и электронных СМИ» студенты выполняют 4 лабораторные работы и пишут по 2 реферата.

ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

Президент — А.К. Симонов

Адрес для контактов: Москва, Зубовский бульв., 4, к. 432.

Адрес для писем: 119021, Москва, а/я 536.

Факс: (095) 201-49-47.

Телефоны: (095) 201-44-20 (приемная президента ФЗГ
и исполнительного директора);

(095) 201-32-42 (службы мониторинга);

(095) 201-49-74 (юридическая служба).

E-mail: fond@gdf.ru Интернет: www.gdf.ru

Банковские реквизиты:

ИНН 7704146560

Рублевый счет: р/с 4070381090000000030 в АКБ «МАССМЕДИА БАНК»

корр.счет 30101810200000000739 БИК 044583739

Валютный счет: р/с 407038409000009000030 в АКБ «МАССМЕДИА БАНК»

корр.счет 30101810200000000739 для USD

Фонд будет признателен вам за любую финансовую помощь

Научно-методическое издание

**ПОНЯТИЯ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА
И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**

*Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки
юристами и лингвистами*

Ответственные редакторы — **А.К. Симонов,**
М.В. Горбаневский

Издательские программы ФЗГ —
migor@gdf.ru

Компьютерная верстка — М.В. Семенова
Макет обложки — И.Н. Панфилов
Корректор — К.Б. Бабаева

Подготовка к печати и печать —
Издательский Дом «Медея»

Подписано в печать 25.02.2004 г. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.
Усл. печ.л. 20,5. Тираж 1500 экз. Заказ